

18+

ДЖОБИ УОРРИК

ЧЕРНЫЕ ФЛАГИ

CoRpus

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

ЛАУРЕАТ ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ 2016 ГОДА

Джоби Уоррик
Черные флаги. Ближний Восток на
рубеже тысячелетий

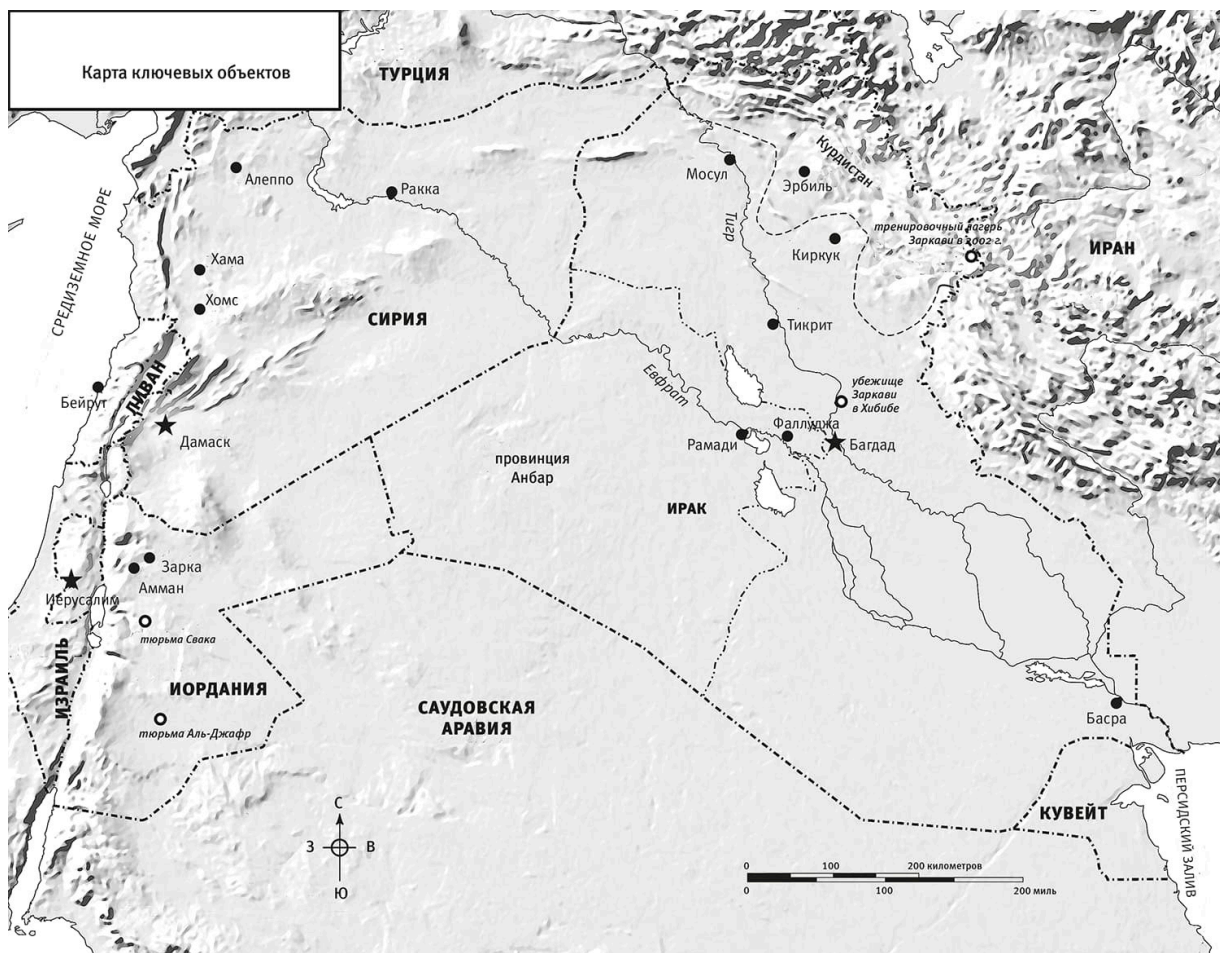
© Joby Warrick, 2015,
© Е. Тепляшина, перевод на русский язык, 2018,
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018,
© ООО “Издательство Аст”, 2018

* * *

*Посвящаю Мэриэнн
с любовью и благодарностью*

*Вы видите перед собой людей, которые
любят смерть больше, чем вы любите
жизнь.*

***Халид ибн а-Валид (воин ислама
VII века, соратник пророка
Мухаммеда)***

От автора

Имена некоторых действующих и бывших служащих иорданской разведки, проинтервьюированных автором, по обоюдному согласию изменены из соображений безопасности. На страницах книги они упоминаются под своими неофициальными арабскими *куньями*, а не под данными в семье именами.

Список главных действующих лиц

Заркави и его поколение

Абу Мухаммад аль-Макдиси (собственное имя – Аасим Мухаммад Тахир аль-Баркави), иорданско-палестинское духовное лицо и писатель, бывший сокамерник и наставник Заркави

Абу Мусаб аз-Заркави (собственное имя – Ахмад Фадиль аль-Халайли), иорданский террорист, основатель “Аль-Каиды в Ираке”^[1]

Абу аль-Гадийя, сириец-стоматолог, старший соратник Заркави, снабженец

Айман аз-Завахири, руководитель ядра “Аль-Каиды”^{*}, бывший представитель Усамы бен Ладена

Усама бен Ладен, основатель “Аль-Каиды”^{*}

Исламское государство Ирак^{*} и его преемники

Абу Умар аль-Багдади (собственное имя – Хамид Давуд Мухаммед Халиль аль-Зави), бывший член баасистской партии Саддама Хусейна и лидер Исламского государства Ирак^{*} с 2006 по 2010 год

Абу Айюб аль-Масри (собственное имя Абу Хамза аль-Мухаджир), египетский специалист по взрывчатым веществам и соратник Заркави, ставший вторым руководителем Исламского государства Ирак^{*} в 2006 году; убит во время авиаудара в 2010 году

Абу Бакр аль-Багдади (собственное имя Ибрагим Авад аль-Бадри), исламское духовное лицо и духовный советник ИГИЛ^{*}, в 2010 году стал одним из руководителей организации; в 2014 году провозгласил себя “халифом” Исламского государства Ирак^{*}

Абу Вахиб (собственное имя Шакер Вахиб ад-Дулайми), жестокий, обожающий видеть себя на телеэкране руководитель ИГИЛ* в провинции Анбар. Прославился убийствами шиитов – водителей грузовиков, а также других гражданских лиц

Хаджи Бакр (собственное имя Самир аль-Хлифави), представитель Абу Бакра аль-Багдади и руководитель военного совета ИГИЛ*; убит в 2014 году

В Иордании

Король Абдалла II, четвертый правитель Иорданского Хашимитского Королевства

Абу Хайсам, ведущий сотрудник отдела по борьбе с терроризмом Службы общей разведки (СОР), Иордания

Абу Мутаз, оперативный сотрудник резидентуры СОР, позже – один из руководителей СОР; специалист по вербовке исламистов в информаторы

Али Бурзак, сотрудник СОР и легендарный дознаватель, известный как Красный Дьявол

Лоуренс Фоули, сотрудник среднего звена в посольстве США в Аммане (Иордания)

Салим бен Сувейд, последователь Заркави, организовавший убийство Фоули

Азми аль-Джаюси, палестино-иорданец, прошел обучение в лагере Заркави в Герате (Афганистан); готовил взрыв “грязной” химической бомбы в Аммане

Саида ар-Ришави, неудавшаяся террористка-смертница, в 2005 году принимала участие в террористической атаке на отели в Аммане (Иордания)

В Ираке

Саддам Хусейн, президент Ирака с 1979 по 2003 год

Чарльз “Сэм” Фэддис, оперативный сотрудник ЦРУ в Ираке вплоть до вторжения 2003 года; требовал превентивного удара по лагерю Заркави

Нада Бакос, сотрудник ЦРУ и главный специалист, ответственный за отслеживание Заркави

Зейдан аль-Джабири, старейшина суннитского племени, Рамади, Ирак

Генерал Стэнли Маккрystal, глава Совместного командования специальных операций, руководитель охоты на Заркави в Ираке

Зейд аль-Карбули, сотрудник иракской таможни, состоявший на жалованье у “Аль-Каиды в Ираке”*

Нури аль-Малики, шиитский премьер-министр Ирака с 2006 по 2014 год

В Сирии

Башар аль-Асад, президент Сирии

Роберт Форд, посол США в Сирии с 2010 по 2014 год

Муаз Мустафа, директор Сирийских сил чрезвычайного назначения, некоммерческой организации, предоставившей возможность вести наблюдения, когда положение в Сирии ухудшалось

Абу Мухаммад аль-Джyлани, лидер “Джабхат ан-Нусра” (“Фронт аль-Нусра”)*, сирийского отделения Исламского государства Ирак*, образованного в конце 2011 года

Кофи Аннан, генеральный секретарь ООН с 1997 по 2006 год; намеревался выступить посредником в сирийском мирном соглашении

В Вашингтоне

Дик Чейни, вице-президент США, добивался от ЦРУ помощи в поиске связей между “Аль-Каидой”* и правительством Ирака

Хиллари Клинтон, госсекретарь США с 2009 по 2013 год

Майкл Хейден, директор Агентства национальной безопасности, директор Государственной разведки в период кампании против Заркави; директор ЦРУ с 2006 по 2009 год

Фредерик Хоф, специальный советник Госдепартамента США по Ближнему Востоку и Сирии с 2009 по 2012 год

Сенатор Джон Маккейн, председатель комитета Сената США по вооруженным силам

Леон Панетта, директор ЦРУ с 2009 по 2011 год; министр обороны с 2011 по 2013 год

Роберт Ричер, бывший глава резидентуры в Иордании, позже шеф ближневосточного отдела ЦРУ и заместитель директора по оперативной работе

Джордж Тенет, директор ЦРУ с 1996 по 2004 год

Пролог

Амман, Иордания, 3 февраля 2015 г.

Судебный приказ о казни Саиды ар-Ришави поступил в главную женскую тюрьму города с наступлением темноты. Приказ исходил непосредственно от короля Абдаллы II и был отдан во время государственного визита в Вашингтоне; его доставили из личного самолета его величества в королевский суд иорданской столицы. Чиновники по цепочке передали приказ в министерство внутренних дел, где он произвел переполох. Государственная казнь – сложное дело, требующее множества последовательных действий, хотя король ясно выразил свою волю: этой женщине надлежит оказаться на виселице до рассвета следующего дня.

Старший надзиратель быстро прошел к камере, где Ришави вот уже почти десять лет жила в некоем подобии одиночного заключения, к которому приговорила себя сама. Ришави, сорокапятилетняя, располневшая, проводила свои дни в основном перед телевизором или читая Коран в мягкой обложке; она ни с кем не виделась, а мысли держала под грязным тюремным хиджабом, который носила не снимая. Она была неглупой женщиной, но казалась исключенной из происходящего. “Когда я поеду домой?” – спрашивала она государственного адвоката, с которым изредка встречалась в месяцы, последовавшие за вынесением смертного приговора. В конце концов прекратились и эти визиты.

Сейчас, когда надзиратель усадил ее, чтобы объяснить, что она умрет этим утром, Саида кивнула в знак согласия, но ничего не сказала. Если она кричала, умоляла или проклинала, то никто в тюрьме ни слова не слышал.

То, что Ришави готова к смерти, ни для кого не стало неожиданностью. В 2006 году суд приговорил Ришави к повешению за участие в одном из самых кровавых в истории Иордании

терактов: один за другим были взорваны три отеля, погибли шестьдесят человек, большинство из которых пришли на свадьбу. Ришави оказалась выжившей террористкой-смертницей – странная густобровая женщина неуклюже поворачивалась перед телекамерами, показывая жилет, который так и не взорвался. Когда-то каждый житель Аммана знал историю о том, как эта тридцатипятилетняя незамужняя уроженка Ирака согласилась выйти замуж за незнакомого ей человека, чтобы образовать с ним супружескую пару террористов-смертников; как она в панике убежала; как, заблудившись, колесила по северным окраинам города на такси; как останавливала прохожих, чтобы спросить направление, и одежда на ней была в пятнах крови.

Но с тех пор прошло почти десять лет. Отели отстроили заново и переименовали, а Ришави растворилась в лабиринтах иорданской тюремной системы. В женской тюрьме Джувейда ее осеняло нечто вроде поблекшей дурной славы – музейная ценность, на которую больше никто не смотрит. Кое-кто из старых служащих государственной безопасности называл ее “женщина Заркави” – издевательская отсылка к знаменитому иорданскому террористу Абу Мусабу аз-Заркави, который отдал приказ о взрыве гостиниц. Те, кто помоложе, с трудом представляли себе, кто она такая.

И вот в течение месяца все изменилось. Оказалось, что последователи Заркави не забыли Ришави. За прошедшие годы террористы произвели ребрендинг, и теперь их организация называлась в Иордании арабским акронимом ДАЕШ, или ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта)*. И в январе 2015 года ИГИЛ* потребовала вернуть Ришави.

Требование о ее освобождении пришло в Иорданию в разгар тяжелейшего внутреннего кризиса. В Сирии потерпел крушение реактивный самолет иорданских ВВС, молодого пилота живым захватили боевики ИГИЛ*. ИГИЛ* распространила фотографии, на которых испуганного, почти голого летчика гонят через строй

ухмыляющихся джихадистов; иные тянутся обнять этот великий подарок, который Аллах бросил им с неба.

И король с советниками во дворце, и служащие контрразведки в своих кабинетах напряженно ждали еще худших новостей. Они опасались, что ИГИЛ* либо устроит публичную расправу над пленным, либо потребует за его освобождение немислимый выкуп.

Верная себе, ИГИЛ* объявила о своем решении самым зловещим образом. Меньше чем через неделю после крушения в семье пленного летчика раздался звонок с его сотового телефона. Незнакомый, говоривший по-арабски с иракским акцентом, изложил единственное требование группировки.

“Нам нужна наша сестра Саида”, – сказал он.

То же требование, плюс несколько новых, повторялось и в изменчивых и по большей части односторонних переговорах. Все запросы направлялись в штаб-квартиру Мухабарата, иорданской разведывательной службы, чтобы в конце концов оказаться на столе у представительного сорокасемилетнего бригадного генерала, руководителя контртеррористического подразделения. Даже в агентстве, печально известном своей суровостью, Абу Хайсам стоял особняком – человек с телосложением дюжего уличного бойца и железным характером. Он много лет преследовал ИГИЛ* во всех ее инкарнациях и прославился тем, что расколол на допросах нескольких боевиков с самой верхушки. Сам Заркави несколько раз побывал у Абу Хайсама в камере временного содержания – так же, как Саида ар-Ришави, женщина, чье освобождение теперь добивалась ИГИЛ*.

За пределами Иордании это требование имело мало смысла. Имя Ришави отсылало к истокам группы, к тем временам, когда не было еще ни ИГИЛ*, ни гражданской войны в Сирии; еще не произошел кризис в Ираке, давший толчок к развитию организации, и мир ничего не знал о террористе по имени Заркави. Сотрудники Мухабарата пытались не дать террористической группировке найти

точку опоры. Им это не удалось – частью из-за собственных ошибок, но чаще из-за чужих просчетов. Джихадистская организация Заркави превратилась в самопровозглашенное государство с территориальными претензиями на две иорданские границы. И Ришави, неудавшаяся шахидка, стала одним из давних счетов, уплаты по которым требовала теперь ИГИЛ*.

Вызывая этот забытый призрак, ИГИЛ* воскрешала в сознании иорданцев одну из самых ужасных ночей в истории страны, момент, оставивший неизгладимый след в памяти поколения Абу Хайсама – бывших разведчиков среднего звена, капитанов, следователей и замов, ныне дослужившихся до руководящих постов в Мухабарате. Однажды Заркави удалось ударить в самое сердце Иордании; ИГИЛ*, в чьих руках находился сейчас летчик-иорданец, готовилась сделать это снова.

Абу Хайсам в ту ночь был на рабочем месте. Он помнил каждую деталь преступления, за которое Ришави приговорили к повешению. Помнил ощущения той ночи, запах крови и дыма, крики раненых.

Крепче всего в память врезались две девочки.

Двоюродные сестры, одной девять, другой четырнадцать, Абу Хайсам знал их имена: Лина и Рихам. Амманские девочки, приехали на свадьбу. Обе одеты в белое, нежные, бледные, умиротворенные лица. “Как ангелы”, – подумал он тогда.

На девочках были почти одинаковые кружевные платья, которые родители купили для праздника, и нарядные бальные туфли. Чудесным образом выше шеи у обеих не было ни царапинки. Когда Абу Хайсам в первый раз увидел их, лежащих бок о бок на больничных каталках, в хаосе первых минут, он подумал, что девочки спят. Раненые, но под успокоительным и снотворным. “Хоть бы оказалось, что они спят”, – молился он.

А потом увидел чудовищные раны, оставленные шрапнелью.

В момент взрыва девочки, видимо, стояли, как все, восторженно восклицая и хлопая в ладоши; жених и невеста готовились войти в бальный зал амманского отеля “Рэдиссон”, освещенного, словно ярмарка в холодной и темной ноябрьской пустыне. Отцы новобрачных – широкие улыбки, взятые напрокат смокинги – заняли свои места на возвышении, и арабский оркестр из визгливых деревянных дудок и отбивающих ритм барабанов поднял такой шум, что администраторам в лобби гостиницы приходилось перекрикивать его. Праздник приближался к своей шумной, потной, буйной кульминации. Никто, кажется, не обратил внимания на две фигуры в темных балахонах, которые, неуклюже потоптавшись у дверей, протолкались через ряды выкрикивающих приветствия гостей в бальный зал.

Ослепительная вспышка; ощущение, что все падает: потолок, стены, пол. Взрывной волной из кроватей выбросило постояльцев, спавших на верхних этажах гостиницы, и выбило толстые зеркальные стекла в дверях лобби. Оглушительный грохот, потом – тишина. Потом – крики.

Сработала всего одна бомба, но ее начинка пронеслась через бальный зал, как рой летающих бритв. Сотни стальных шарикоподшипников, тщательно и плотно уложенных вокруг ядра бомбы, пронизали свадебные украшения, подносы с едой и обивку мебели. Они разнесли в щепки деревянные столы и вдребезги раскололи мраморные плиты. Они прорвали вечерние платья и модные сумочки, пиджаки и хрустящие рубашки, и белые платья в оборочках, какие надевают на торжественные приемы юные девушки.

В ту среду, в начале ноября 2005 года, Абу Хайсам, тогда капитан, как раз заканчивал очередную долгую смену. Вечером, около девяти, поступил первый звонок о взрыве в “Гранд-Хайятт” на другом конце города. Сначала решили, что взорвался газовый баллон, но потом пришло сообщение о втором взрыве, в отеле “Дейз-Инн”. Третий взрыв – по поступившим сведениям, гораздо более мощный –

произошел в “Рэдиссоне”. Абу Хайсам хорошо знал это место. Достопримечательность Аммана, шикарный по иорданским меркам, выстроенный на вершине холма, “Рэдиссон” был отлично виден почти из любой точки города, включая офис Абу Хайсама, расположенный почти в двух милях от отеля.

Примчавшись в отель, Абу Хайсам протолкался внутрь, мимо спасателей и рыдающих выживших, мимо накрытых тел на тележках для багажа, сдвинутых на подъездную дорожку. В бальном зале сквозь пелену дыма, при аварийном освещении он увидел еще больше тел. Некоторые валялись, словно их разбросал какой-то великан. У других не хватало рук и ног. На обвалившемся возвышении лежали два скорчившихся остова в смокингах. Отцы жениха и невесты оказались ближе всех к террористу и погибли мгновенно.

Абу Хайсам собрал команды, работавшие той ночью на местах трех взрывов, и попытался выяснить, удалось ли найти остатки взрывчатых устройств, а также фрагменты тел, являвшие собой останки трех террористов. Лишь позже, в больнице, возле деревянных столов временного морга, его накрыло осознание чудовищности этого вечера. Изуродованные тела. Десятки раненых. Запах крови и дыма. Девочки, Лина и Рихам, неподвижно лежат в изорванных белых платьях. У Абу Хайсама, любящего отца, были девочки того же возраста. “Неужели это сотворило существо с человеческим сердцем?” – произнес он вслух.

Всего через два дня поступили новости о том, что одна террористка осталась жива и бежала. На следующий день Саида ар-Ришави уже сидела на стуле напротив Абу Хайсама.

Ар-Ришави, тесно связанная с такой важной и явно хорошо спланированной миссией, определенно что-то знала. Где террористы нанесут следующий удар? К исполнению каких планов приступили – может быть, прямо в эти минуты?

Женщина только тихо бубнила: “Я не знаю, не знаю”. Она повторяла эти слова медленно, словно под наркотиками.

Абу Хайсам умолял ее. Угрожал. Взывал к ее совести, вере, к Аллаху. Уходили часы, и он боялся, что часы решающие.

“Насколько же вам промыли мозги! – закричал он в какой-то момент. – Почему вы защищаете людей, которые втравили вас во все это?”

Женщина не произнесла ни единого слова, из которого можно было бы выжать хоть что-нибудь, – ни тогда, ни в течение долгих месяцев после смертного приговора. Однако Абу Хайсам уже знал, кто стоит за терактами. Это знали все служащие Мухабарата, еще до того, как преступник распространил аудиозапись с признанием. Все признаки были налицо: четко спланированные взрывы, все в течение десяти минут; “комплектация” живых бомб – каждый террорист был снабжен устройством, состоящим из гексогена и металлических элементов в количестве достаточном, чтобы устроить настоящую бойню. Наиболее красноречивой подсказкой служил выбор мишеней: обычные отели, где по вечерам разряженные представители амманского среднего класса переполняли арендованный танцевальный зал, чтобы отпраздновать свадьбу или отметить какое-нибудь важное событие. Вряд ли кто-то из служащих разведки или армейских генералов явился бы в лобби “Рэдиссона” в девять вечера в будний день. Зато там собиралось множество иорданцев, верных ритуалам мирной жизни в стране, граничащей с зоной военных действий.

Подобный почерк, как и характерный голос на аудиозаписи, мог принадлежать только Заркави – человеку, которого Мухабарат знал исключительно хорошо. Когда произошли взрывы, Заркави возглавлял одну из самых страшных террористических сетей – “Аль-Каида в Ираке”*. Но иорданцы знали его еще по тем дням, когда он был Ахмадом-хулиганом, исключенным из школы выпивохой и скандалистом. Знали, как в конце восьмидесятых он отправился в Афганистан воевать с коммунистами и вернулся закаленным в боях религиозным фанатиком. После первых шагов по стезе терроризма он исчез в одной из самых мрачных иорданских тюрем. Оттуда он

вышел еще более закаленным фанатиком, который к тому же проявил недюжинные способности вести за собой людей.

Абу Хайсам был среди тех, кто пытался изменить путь Заркави после тюрьмы. Он последним из разведчиков видел его в 1999 году, когда Заркави, получив разрешение навсегда покинуть страну, снова собрался в Афганистан, к будущему, которое, как думали в Иордании, не сулит ему ничего, кроме безвестности и пыльной могилы.

Затем произошло невероятное: вмешалась Америка. Мало кто за пределами разведывательной службы слышал о Заркави – и тут Вашингтон сделал из него звезду терроризма, объявив в 2003 году миру, что этот ничем не примечательный иорданец представляет собой связующее звено между иракской диктатурой и теми, кто стоял за терактами 11 сентября 2001 года. Это не соответствовало действительности, однако через несколько недель, когда войска США вторглись в Ирак, недавно ставший знаменитостью и щедро финансируемый террорист обрел поле боя, великую цель, а вскоре и тысячи последователей. Три беспокойных года он целенаправленно подталкивал Ирак к межконфессиональной вражде, организуя одно за другим беспрецедентно жестокие нападения на мирных шиитов в мечетях, на базарах и в школах. Он приводил в ужас миллионы, используя новую, в высшей степени персонализированную террористическую тактику: обезглавливал заложников, снимал казнь на видео и распространял запись по всему миру, пользуясь новыми возможностями интернета, позволяющими доставить информацию в каждый дом. Попутно он набросился и на родную Иорданию: с его помощью молниеносная победа США в Ираке превратилась в самую дорогостоящую американскую военную кампанию со времен Вьетнама.

И все же самое значительное его достижение явилось миру только спустя годы. Хотя некоторые считали его группой ответвлением “Аль-Каиды”*, Заркави не был ничьим подручным. Его бренд джихадизма был исключительно, жестоко оригинальным. Усама бен Ладен намеревался освободить исламские народы от тлетворного

западного влияния, чтобы они когда-нибудь смогли объединиться в единое исламское теократическое государство, или халифат. Заркави же намеревался создать свой халифат немедленно, прямо сейчас. Он пытался установить царство Аллаха на земле посредством актов немыслимой жестокости, веря (и в этом он не ошибся), что демонстрация радикального насилия привлечет под его знамена наиболее убежденных джихадистов, а остальных запугает до полного повиновения. Его стратегия встряхнула Ближний Восток так, как никогда не удавалось “Аль-Каиде”^{*}.

Но крайности Заркави заставили его противников действовать решительнее. После терактов в гостиницах Абу Хайсам и его коллеги из Мухабарата поставили себе простую цель: устранить человека, отдавшего приказ о взрывах. Когда в 2006 году им это удалось (иорданцы предоставили США разведданные, которые помогли выследить Заркави в его убежище), террористу и его организации, казалось, пришел конец. Однако последователи Заркави лишь ненадолго отступили; они тихо копили силы в бандитских провинциях Сирии и в 2013 году вновь явились на свет божий – уже не как террористическая группа, а как армия.

На этот раз измотанная войной Америка отказывалась помогать до тех пор, пока помогать не стало уже поздно. На этот раз не было ни серьезных попыток вооружить умеренных повстанцев, отказывавших ИГИЛ^{*} в надежном пристанище, не было авиаударов, способных измотать руководство ИГИЛ^{*} и его поставщиков. Дважды за десятилетие волны джихада грозили затопить регион. И дважды, казалось иорданцам, реакция США лишь пробивала очередную дыру в спасательной лодке.

Преемники Заркави именовали себя по-разному, пока не остановились на названии ИГИЛ, или просто Исламское государство^{*}. Но они все так же провозглашали Заркави “шейхом моджахедов”, признавая основателем движения того, кто дерзко верил, что сумеет переkreить карту Ближнего Востока. И, подобно

Заркави, они верили, что история их завоеваний на этом не закончится.

Заркави видел предсказание своей судьбы в пророческих пассажах священных исламских текстов, известных как хадисы. Он и его люди были теми воинами в черном, о которых богословы прежних времен писали: “Черные флаги придут с Востока, придут могучие мужи, с длинными волосами и бородами, их имена взяты по названиям родных городов”. Завоеватели претендовали не только на исконные исламские земли. Им также предстояло стать зачинщиками решающего политического сражения, которое приведет к уничтожению западных армий на севере Сирии.

“Искра зажглась здесь, в Ираке, – проповедовал Заркави, – и будет разгораться до тех пор, пока не сожжет армии крестоносцев в Дабике”.

Служащие разведки наслушались от Заркави этих речей, еще когда он сидел в тюрьме Мухабарата. Теперь те же наглые заявления исходили от его последователей. Тридцатитысячная армия встала у границ Иордании, призывая свою сестру Саиду.

Фарсу с обменом пленными пришел конец 3 февраля 2015 года, на следующий день после прибытия короля Иордании в Вашингтон с официальным визитом. Для Абдаллы II этот визит был последним в ряду изматывающих путешествий, во время которых он повторял одну и ту же просьбу о помощи. Его крошечная страна пыталась справиться с двумя навалившимися на нее из-за рубежа ношами: волной беженцев из Сирии – на тот момент около шестисот тысяч человек – и ценой, в которую обходилось участие в объединенной западно-арабской военной кампании против ИГИЛ*. Поездка проходила не особенно удачно. Члены Конгресса выражали сочувствие, но не более того; официальные представители Белого дома, как обычно, обещали поддержать иорданскую оборону и находящуюся в критическом положении экономику, но помощь,

в которой так отчаянно нуждался Абдалла, ему никто оказывать не собирался.

Разочарование короля уже давно затвердело и превратилось в обиду. Во время предыдущих визитов президент Обама отклонил просьбы Иордании о поставке снарядов с лазерным наведением и других современных боеприпасов, способных вывести из строя бронемашины ИГИЛ*. Во время этой поездки не было даже твердой договоренности о встрече двух глав государства.

Абдалла находился в Капитолии, где излагал свою просьбу Джону Маккейну, республиканскому сенатору и председателю Комитета Сената по вооруженным силам, когда его прервал один из адъютантов. Монарх вышел в коридор и на маленьком экране смартфона увидел последнее слово ИГИЛ* в переговорах об обмене пленными. На записи джихадисты в масках загнали молодого иорданского летчика в железную клетку, облитую горючим. Потом подожгли и засняли, как летчик сгорает заживо.

К тому времени, как Абдалла вернулся к сенатору, помощники Маккейна тоже посмотрели видео. Король сохранил самообладание, но Маккейн заметил, что он сильно потрясен. “Могу я что-нибудь сделать для вас?” – спросил он. “Я не вижу поддержки с вашей стороны! – ответил наконец Абдалла. – Мы все еще получаем только бомбы свободного падения, да и тех у нас осталось не так много. А ведь мы совершаем вылетов на двести процентов больше, чем все члены коалиции вместе взятые, за исключением США”.

Король продолжил встречи по графику, но принял решение вернуться домой. Он уже отдавал распоряжения, когда из Белого дома позвонили и предложили пятнадцатиминутную встречу с президентом. Абдалла согласился.

В Овальном кабинете Обама выразил соболезнования родным летчика и поблагодарил короля за вклад Иордании в военную кампанию против ИГИЛ*. Администрация делает все возможное, чтобы оказать поддержку, заверил монарха президент. “Нет, сэр,

не делает”, – твердо ответил Абдалла. И тут же перечислил необходимые ему оружие и боеприпасы. “У меня осталось бомб на три дня, – сказал он, по свидетельству присутствовавшего на переговорах служащего Белого дома. – Когда я вернусь домой, буду сражаться, пока не кончатся снаряды”.

Перед возвращением ему предстояло разобраться еще с одним делом. Из аэропорта Абдалла позвонил своим помощникам в Аммане и распорядился привести в исполнение два смертных приговора. В Иордании казни ожидали двое осужденных за убийства по приказу Заркави. Один был иракский боевик среднего звена. Другая – Саида ар-Ришави. Обоих следовало предать казни без дальнейших отлагательств.

Король предвидел, что западные правительства станут протестовать против казней как актов возмездия, несмотря на то что смертные приговоры были вынесены уже давно, во время обычного судебного процесса. Но он не собирался поддаваться. Встреча с палачом и так откладывалась слишком долго, сказал он помощникам. “Ничего не хочу ни от кого слышать”, – объявил Абдалла.

В два часа ночи по амманскому времени, когда король еще находился в самолете, надзиратели явились, чтобы увести Саиду из камеры. Она отказалась от предложенного по обычаю последнего ужина и ритуальной ванны, во время которой верующие мусульмане очищают плоть, готовясь к загробной жизни. Она надела красную робу, положенную осужденным в день казни, и свой обычный хиджаб, чтобы закрыть голову и лицо.

Ее вывели за ворота тюрьмы, к ожидавшему микроавтобусу с военным эскортом, и повезли в Сваку, самую большую тюрьму Иордании, расположенную на пустынном холме примерно в шестидесяти милях от столицы. Автомобили прибыли на место около четырех утра; полная луна, видимая сквозь легкий туман, висела над горизонтом на юго-западе.

Последним, что увидела Саида на земле, до того как ей завязали глаза, была маленькая камера с белыми стенами и рядом крошечных окошек – какие-то усталые лица глядели в них из галереи свидетелей, расположенной ниже. Имам молился, пока петлю закрепляли тяжелым металлическим зажимом; судья спросил, хочет ли Ришави выразить последнее желание или последнюю волю. Она ничего не ответила.

Она, кажется, не издала ни звука, даже когда открылся люк в помосте и она рухнула в темноту. Когда тюремный врач проверил пульс, было 5.05 утра, почти девятнадцать минут до рассвета.

“Женщина Заркави” была мертва, ее казнь стала финальной сценой самого страшного в истории Иордании теракта. Но дети Заркави преследовали куда более амбициозные, чем у основоположника, цели: покончить с Иорданией и ее королем, разрушить международные связи, уничтожить современные государства Ближнего Востока. А потом, подняв черные флаги над исламскими столицами от Леванта до Персидского залива, вступить в финальную апокалиптическую битву с Западом.

Книга первая

Восхождение Заркави

Глава 1

“Человек, способный приказывать взглядом”

Старая крепость Аль-Джафр снискала печальную славу самой страшной иорданской тюрьмы, места, где предаются забвению смутянов. Она расположена за пределами бедуинского поселения с тем же названием, на дороге, которая отмечает границу человеческого обитания в суровой юго-восточной пустыне. За пределами тюрьмы земля сплющена в чашу спекшейся грязи, которая тянется до горизонта – ни холма, ни камня, ни травинки. Древнее озеро, бывшее здесь когда-то, превратилось в пар эоны назад, оставив после себя пустоту, словно отмершая конечность, и это противоестественное зияние вовлекает немногих путешественников, останавливающихся полюбопытствовать, в водоворот страха. “Какая жуткая тоска”, – писал режиссер Дэвид Лин, снявший в 1962 году несколько коротких эпизодов “Лоуренса Аравийского” в этой литорали и объявивший ее “самой пустынной из всех виденных мною пустынь”. Его оператор, Говард Кент, опишет Аль-Джафр просто: “предостережение, как выглядит ад”.

Именно это место британские военные выбрали под строительство внушительной тюрьмы, со стенами из известняка и высокими сторожевыми башнями, для арестантов, считавшихся слишком опасными, чтобы держать их в обычных тюрьмах. И именно здесь через несколько лет иорданцы начали практиковать карантин палестинских боевиков и других радикалов, рассматриваемых как угрозу для государства. Сотни мужчин, многие без официального приговора, томились в душных, кишасших вшами и клопами камерах, терпели жару и холод, тухлую еду и подвергались целому набору издевательств, позже задокументированных следователями ООН. Новоприбывших неизменно избивали до потери сознания. Прочих стегали кабелями, прижигали сигаретами или подвешивали вниз

головой на палке, протянутой под коленями, – поза, которую надзиратели жизнерадостно называли “цыпленок на гриле”. Со временем монархию начали изматывать затраты на содержание тюрьмы, столь изолированной от населения страны и наносящей столько ущерба ее, монархии, репутации. В 1979 году последних ее обитателей отправили по другим тюрьмам, и Аль-Джафр оказался предоставлен скорпионам и своим собственным призракам.

Прошло несколько лет – и вот внезапная перемена: старую тюрьму воскресили. Руководителей государственной безопасности все больше беспокоило поведение банды враждебных правительству фанатиков в Сваке, главной тюрьме страны, и в 1998 году было решено изолировать группу, чтобы предотвратить распространение заразы. Чиновники снова открыли один из пыльных корпусов Аль-Джафра, отправив армию рабочих подметать коридоры и готовить большую камеру, в которую можно было бы посадить всю группу. Двадцать пять нар собрали и составили тесными рядами, а в дверном проеме – единственном отверстии камеры, не считая вентиляционных щелей в стенах на уровне колен, – повесили новую железную дверь-решетку. Когда основное было готово, департамент назначил начальника тюрьмы и нанял обычный штат надзирателей, прачек и поваров. Обитателей было слишком мало, чтобы специально нанимать тюремного врача; так Базиля ас-Сабху, недавнего выпускника мединститута, назначенного в департамент здравоохранения местного городка, призвали оказывать медицинские услуги пятидесяти самым опасным людям страны.

Двадцатичетырехлетний Сабха – высокий, по-мальчишески симпатичный – не хотел этого назначения и горько жаловался на свою должность. Тюремь в Иордании были отвратительны, а эта еще хуже прочих – во всяком случае, если верить ее репутации. Тревога Сабхи усилилась в первый же день, когда начальник тюрьмы, немолодой полковник по имени Ибрагим, усадил его изучать список мер предосторожности. Когда имеешь дело с заключенными вроде этих, предостерег он Сабху, надо постоянно

находиться по другую сторону решетки, даже во время медосмотра. И не расслабляйтесь, не думайте, что железная дверь – это хорошая защита, предупредил полковник. “Эти люди очень опасны, – пояснил Ибрагим. – Они могут быть не опасны физически, но у них есть другие способы воздействия. Даже мне приходится всегда быть начеку, чтобы им не поддаться”.

Дальше начальник тюрьмы принялся описывать особенности новоприбывших, начиная с их странной одежды – большинство заключенных желали носить афганские рубахи поверх тюремной робы, потому что узкие тюремные штаны считали непристойными, – до их способности вербовать закоренелых преступников и даже тюремных служащих. В Сваке столь многие надзиратели подпали под их влияние, что тюремным чиновникам пришлось сократить смену до девяноста минут в тех секторах, где можно было с ними столкнуться.

Уже в конце обхода полковник повторил свое предупреждение насчет заключенных. По его словам, один из них, явный лидер секты, обладал исключительной способностью подавлять чужую волю. Этот человек по имени Макдиси, весьма талантливый богослов и проповедник, умел заражать и свращать умы, словно мусульманский Распутин. “Он очень умен – ходячая библиотека знаний об исламе, – сказал Ибрагим. – Поймете, когда увидите его. Красивый тип, высокий, стройный, светло-каштановые волосы, синие глаза. Не дайте себя обмануть”.

Через несколько минут охранники уже вели Базиля ас-Сабху по тюрьме, мимо часовых и вооруженной охраны, в крыло, где содержались заключенные. Было темно, мутный свет едва пробивался сквозь решетчатую дверь. Подойдя ближе, молодой врач смог рассмотреть нары, а потом бросил первый, потрясший его взгляд на заключенных.

Сорок восемь обитателей камеры сидели, выпрямившись, на койках или на ковриках для молитвы; все смотрели в сторону двери с жадным вниманием, словно военные призывники

в ожидании инспекции. На всех была одинаковая своеобразная униформа – свободного покроя балахоны поверх стандартных тюремных голубых рубашек и коротких штанов, как и говорил директор. Все они, казалось, не сводили глаз с фигуры у двери, и Сабха осторожно шагнул вперед, чтобы рассмотреть, кто там.

Ближе всего к двери находились двое. Первый – высокий, стройный, в учительских очках, спутанные светло-каштановые волосы выбиваются из-под молитвенной шапочки. Сабха предположил, что это и есть тот, кого полковник назвал Макдиси, – харизматичный лидер группы. Но вниманием сокамерников завладел, похоже, другой человек. Он был темнее и ниже ростом, крепко сбитый, с массивной шеей и мощными плечами борца. Сабха, стоявший теперь всего в пяти футах от него, заметил на правой руке мужчины необычный шрам: зазубренная рана поперек участка кожи, запачканного чернилами, – цвета старого синяка. Вокруг шрама плоть бугрилась стяжками и складками от непрофессионально наложенного шва.

Обладатель шрама какое-то время изучал ряды нар, после чего сосредоточил взгляд на посетителе. Непримечательное мясистое лицо с полными губами обрамляла жидкая бородка. Но глаза были незабываемыми. Глубоко посаженные и почти черные в тусклом тюремном освещении, они отражали холодный ум, тревогу и пытливость, но в них не мелькало и тени эмоций. Ни приветливости, ни вражды – так змея изучает толстого мышонка, брошенного ей в террариум.

Наконец начальник тюрьмы заговорил. Он торопливо представил заключенным нового врача, а потом объявил о начале медицинского осмотра: “Все, кто жалуется на здоровье, могут сделать шаг вперед, и их проверят”.

Сабха отступил к двери, ожидая неизбежного наплыва. Он подготовился к этому моменту и принес запас таблеток и микстур для лечения высыпаний, небольших ран, аллергий и болей в желудке, обычных для живущих в заключении людей. Но, к его

удивлению, никто не шелохнулся. Заключенные ожидали знака мужчины со шрамом, который наконец обратил взгляд на сокамерника, сидевшего ближе всех к двери. Мужчина со шрамом легко кивнул; сидящий встал и, не издав ни звука, подошел к двери. Человек со шрамом кивнул второй раз, и третий, и один за другим заключенные выстроились в ряд перед врачом.

Вызваны были пять, всего пять человек; мужчина со шрамом при этом не произнес ни слова. Он повернулся к доктору – все с тем же пристальным взглядом рептилии, взглядом человека, обладавшего, даже в самой суровой тюрьме Иордании, абсолютной властью.

Сабха ощутил беспокойство, словно дрожь вскипела где-то в глубинах старой крепости. “Что же это за человек, – спрашивал он себя, – способный приказывать взглядом?”

В течение нескольких следующих дней доктор просматривал досье, чтобы понять, кто его новые пациенты и почему тюремные чиновники боятся их. Ядро группы, как он понял, состояло примерно из двух десятков мужчин, в прошлом членов радикальных исламских сект, распространившихся в Иордании в начале 1990-х. За исключением лидера, Абу Мухаммада альМакдиси, подстрекателя, известного многословными статьями, направленными против арабских государственных деятелей, их личные истории ничем не впечатляли. Иные были уличными бандитами, которые ударились в религию и обрели веру и цель в рядах фанатиков. Другие в восьмидесятые сражались в Афганистане в рядах арабских добровольцев против Советского союза. Вернувшись в безопасную, стабильную Иорданию, эти люди оказались втянутыми в группы, обещавшие возродить славу афганской кампании благодаря постоянной священной войне с врагами ислама.

Их джихад в Иордании был каким угодно, только не славным. Предводителей небольшой группы Макдиси арестовали еще до того, как они успели провести свою первую операцию – нападение на израильский пограничный пост. Другие мишени представляли

собой мелкие символы западного разложения, от винных магазинов до видеосалонов и кинотеатров, где демонстрировались порнофильмы. Одна из первых попыток взорвать бомбу кончилась скандальным провалом: боевик, вызвавшийся пронести взрывное устройство в местный кинотеатр для взрослых под названием “Сальва”, прошел в зал, но настолько увлекся фильмом, что забыл про бомбу. Пока он сидел, не в силах оторваться от экрана, устройство взорвалось прямо под ним. Никто из кинозрителей не пострадал, зато террорист лишился обеих ног. Шесть лет спустя этот безногий оказался среди пациентов Сабхи в тюрьме Аль-Джафр. Врач заметил его в свой первый визит, сидящего – прислоненного к стене – на нарах, штанины аккуратно заколоты на коленях.

К этому моменту все провели в заключении по четыре года и больше. Но если власти полагали, что тюрьма сломает джихадистов и ослабит их мотивацию, то эта затея провалилась. Людей, сидевших в общих камерах, связывали друг с другом лишения и ежедневная борьба за то, чтобы оставаться религиозными пуристами среди наркоторговцев, воров и убийц. Они разделяли общий символ веры, аскетический вариант ислама, изобретенный Макдиси и укоренившийся в умах арестантов за бесконечные недели заключения. К тому же у них царила необыкновенная дисциплина. Группа действовала как военное подразделение: четкая иерархия и беспрекословное повиновение доверенному телохранителю Макдиси, человеку со шрамом и мощной грудью, который произвел на Сабху столь сильное впечатление во время первого посещения тюрьмы. Макдиси диктовал людям, что думать, а его номер два контролировал все остальное: как люди говорят и одеваются, какие книги читают и какие передачи смотрят по телевизору, принимают ли тюремные предписания или сопротивляются им, когда и как происходит их борьба. Настоящее имя этого человека было Ахмад Фадиль аль-Халайли, но он предпочитал называться аль-Гариб, или Странник, – псевдонимом, под которым он сражался в гражданской войне в Афганистане. Некоторые, однако, уже сейчас называли его

“уроженец Зарки”, сурового индустриального города в Северной Иордании, где он вырос. По-арабски это звучит как “аз-Заркави”.

Сабха имел возможность наблюдать обоих лидеров вблизи. Макдиси, насколько он видел, был мягким и покладистым, скорее благожелательный профессор, нежели обольститель-мистик. Без малого сорокалетний Макдиси производил впечатление интеллектуала, полагавшего, что заслужил общество получше, чем пара десятков невежд, с которыми он делил камеру. Он не скупился на советы и от случая к случаю издавал фетвы, но предпочитал проводить время в одиноких занятиях, за написанием трактатов и чтением Корана. На печатной странице Макдиси был бесстрашен: в исламском мире он снискал славу как автор эпатажных книг с названиями вроде “Демократия – это религия”, в которых объявлял светские арабские режимы антиисламскими и призывал к их уничтожению. В итоге его работы завоевали среди исламистов такую популярность, что по результатам исследования 2006 года Пентагон объявил его крупнейшим из современных интеллектуалов-джихадистов.

Предыдущие исламские идеологи тоже обвиняли лидеров арабского мира в продажности и измене вере. Те же темы звучали у влиятельного египетского писателя Сейида Кутба, чьи работы вдохновляли основателей “Аль-Каиды”*. Но с точки зрения Макдиси каждый мусульманин, сталкиваясь со свидетельствами ереси на государственном уровне, обязан действовать. Истинно верующему недостаточно только изобличать коррумпированных правителей. Аллах требует безжалостно убивать их.

“Его радикальный вывод состоял в том, что руководители государств отпали от веры и мусульманам следует истреблять их, – говорил Хасан Абу Хание, иорданский писатель, интеллектуал, друживший с Макдиси в годы, когда идеи последнего начинали оформляться. – “Истреблять” было поворотной точкой. Это послание нашло отклик у мусульман, считавших, что правительства по глупости своей позволяют иностранцам оккупировать арабскую землю. Слова

Макдиси не только придавали законную силу воззрениям этих людей, но и убеждали, что они обязаны действовать активно”.

Довольно странно, что человек, который столь открыто призывал противостоять врагам ислама, сам скромно устранился от конфликтов. По наблюдениям Сабхи, когда тюрьму посещали следователи и агенты разведки, Макдиси вежливо приветствовал их, спрашивал, благополучны ли их семьи, чем приводил в смятение своих товарищей, пострадавших от рук посетителей. Он мог терпеливо объяснять надзирателям и тюремным служащим, почему они и их правительство – еретики, подкрепляя свои аргументы цитатами из Корана. Однако, сталкиваясь с вызовом, он часто отступал, признавая допустимость и менее строгих интерпретаций священных текстов.

“Можно быть членом парламента и все же оставаться хорошим мусульманином”, – сказал он однажды Сабхе, предлагая нюанс, который, казалось, противоречил его главному тезису о том, что нетеократическое правительство есть зло. – Если кого-то избрали потому, что он хочет служить людям, то это хороший мусульманин. Но если этот человек верит в демократию, верит в законы, созданные людьми, то он неверный”.

Макдиси, кажется, нравился этот молодой врач, который хоть и относился к светскому миру, был все же единственным в Аль-Джафре человеком с ученой степенью. Поворотной точкой в их отношениях стал день, когда во время посещения затерянной в пустыне тюрьмы заболела младшая жена Макдиси. Женщина страдала от обильных месячных, и Сабха принял ее в своей частной клинике в городке. Жест могли счесть оскорбительным – многие ультраконсервативные мусульмане не позволяли своим женам ходить на осмотр к врачам-мужчинам, – но Макдиси, кажется, был искренне благодарен. С тех пор доктора в тюремной камере встречали широкими улыбками.

Но вежливость и интеллект – неважное оружие, если надо подчинить себе людей в месте, подобном Аль-Джафру. Макдиси

нуждался в телохранителе. В лице Заркави он обрел безупречного помощника – человека, поразительным образом сочетавшего рабскую преданность с абсолютной беспощадностью. “Он очень жесткий, – с восхищением говорил Макдиси о своем номере два, – и он иорданец до мозга костей, человек своего племени”.

Едва ли можно было представить себе двух людей, настолько непохожих друг на друга. Заркави был неспособен ни к теплоте, ни к оттенкам чувства. Человек со шрамом никогда не улыбался. Он не отвечал на приветствия тюремных служащих, не вовлекался в их болтовню. Если он и открывал рот, то изъяснялся на жаргоне отчисленного из средней школы подростка, росшего драчуном и мелким уголовником в одном из самых суровых районов Зарки. Со своей грубостью и отказом подчиняться общепринятым правилам он еще с детства прослыл антиобщественным элементом. Эти же его особенности помогли отполировать легенду, которая уже начинала бронзоветь вокруг Заркави на тридцать третьем году его жизни.

Макдиси предпочитал тонкий мир книг и идей, а Заркави был чисто физическим существом, с крепкими мускулами, которые он все больше накачивал, поднимая тяжести – ведра с камнями вместо гирь. Передаваемые шепотом истории о его криминальном прошлом – поножовщина и избиения, сутенерство и наркоторговля – делали его в глазах других опасным и непредсказуемым, способным на все.

Заркави смело, даже безрассудно, дрался в Афганистане, и репутация импульсивно жестокого человека последовала за ним в тюрьму. Он в открытую не повиновался властям в своих первых тюрьмах, он был жесток и унижал перечивших ему сокамерников, когда кулаками или примитивным оружием, а когда, как настойчиво утверждали слухи, и сексуально. Однажды в припадке гнева он схватил надзирателя за воротник форменной рубашки и подвесил его на крюк для одежды. В другой раз Заркави поднял товарищей на бунт; заключенные были вооружены примитивными дубинками и ножами, изготовленными из каркасов коек. “Мы пришли умирать!” – кричали они, и так бы оно и было, если бы

не своевременное вмешательство директора тюрьмы, который согласился выполнить требования джихадистов.

Под опекой Макдиси Заркави прекратил насаживать на окружающих, но его кипучая энергия просто приняла другую форму. Он начал учить наизусть Коран, проводя часы за чтением или уставившись пустым взглядом в книгу, раскрытую у него на коленях. Его абстрактный гнев обрел фокус: лютая, безоглядная ненависть к предполагаемым врагам Аллаха. Список врагов начинался с короля Иордании Хусейна, которого Заркави считал незаконным правителем искусственно созданной страны, ответственным за чудовищное преступление – заключение мира с Израилем. Список также включал прислужников режима: охранников, солдат, политиков, чиновников и бесконечное число всех, кто имел выгоду от текущего положения дел. Даже сокамерников он объявил *кяфирами*, или неверными. Для мусульман это слово не просто эпитет; будучи использованным в фетве, оно подразумевает, что человек лишился защиты исламского закона и может быть убит безнаказанно. В пределах тюрьмы охранники начали относиться к Заркави и его ближайшим последователям как к *такфиристам* – “отлучателям”.

Одновременно Заркави начал укреплять свои позиции как блюститель суровых порядков среди заключенных исламистов. Он требовал абсолютного повиновения и устраивал разнос тем, кто пропускал молитву или смотрел по телевизору новости, где дикторами были женщины без чадры. Несмотря на жестокое обращение с сокамерниками, Заркави завоевал их восхищение своим демонстративно бесстрашным неповиновением тюремному начальству. Когда в Аль-Джафр приезжали высокопоставленные чиновники, Заркави часто отказывался даже отвечать на их приветствия. И приказывал своим людям делать то же самое.

Однажды, когда Иордания согласилась допустить в свои тюрьмы инспекторов из Комиссии по правам человека, в АльДжафр прибыл высокий чин из министерства внутренних дел – проверить условия

содержания и упросить заключенных не сообщать иностранцам ничего, что могло бы отрицательно повлиять на репутацию властей. Исламисты отказались отвечать на его вопросы и даже смотреть на него.

Выведенный из себя чиновник сначала распекал их, потом попытался задобрить, пообещав возможное сокращение сроков.

– Тех, кто согласится, король Хусейн простит! – объявил он.

Заркави внезапно встал и наставил палец на чиновника, всего в нескольких дюймах от его носа.

– Не король Хусейн господин нам! – оскалился он. – Наш господин – Аллах всемогущий!

Чиновник потерял терпение.

– Клянусь богом, вы не выйдете отсюда! – закричал он. – Останетесь в тюрьме!

– Волей Аллаха, выйдем, – холодно ответил Заркави. – И если будет угодно Всемогущему – при помощи силы.

Была у Заркави и другая сторона. Сабха иногда видел ее во время своих визитов в тюрьму. Она категорически не вязалась с обычным поведением Заркави, словно тот страдал раздвоением личности.

Каждый обитатель Аль-Джафра знал, что Заркави преклонялся перед своей матерью, во время визитов которой словно становился маленьким мальчиком. Заркави по несколько дней готовился к ее приезду, отстирывая одежду в корыте и вычищая свой угол камеры. Некоторые заключенные знали о его полных любви письмах ей и сестрам. О своей жене Интисар и о двух маленьких детях Заркави практически не упоминал. Но матери и сестрам обильно изливал чувства в записках, украшенных стихами и нарисованными от руки на полях цветами.

“О сестра, сколько же ты страдала, когда меня бросили в тюрьму за веру мою”, – писал он Умм-Кадаме в записке, старательно нацарапанной синими и красными чернилами. Записку он завершил стихами:

Тебе, сестра, я написал письмо,
Составленное из желаний моей души.
Первое, о чем пишу, – огонь моего сердца,
А второе – мои любовь и тоска.

Также чрезмерного внимания Заркави удостоивались больные и раненые среди его людей. Когда кто-нибудь из исламистов заболел, Заркави принимался героически ухаживать за ним, отдавая собственные одеяла и еду, чтобы обеспечить больному комфорт. Он заседал на Сабху и второго тюремного врача и угрожал им, если считал, что его людям недодают положенного. “Где обещанные вот этому человеку лекарства?” – вопрошал он, по воспоминаниям Сабхи. Однажды, когда одного из заключенных отвезли из Аль-Джафра в больницу, он места себе не находил, словно тревожный родитель. Весь тот день он изводил Сабху, требуя новостей о состоянии больного.

Особенно поражала Сабху нежность, которую Заркави проявлял к самому уязвимому из заключенных – безногому Иду Джахалину, неудачливому террористу, провалившему подрыв порнографического кинотеатра. Джахалин, не только искалеченный физически, но и страдавший от душевного расстройства, всегда спал на нарах с другими заключенными-исламистами, несмотря на крайнее неудобство. Заркави назначил себя его слугой и помогал ему мыться, менять одежду и есть. Чаще всего он просто брал безногого на руки и нес в туалет. Сабха подозревал, что этот ежедневный ритуал продиктован не только искренним сочувствием к товарищу, но и своеобразным чувством приличия, свойственным Заркави. По строгому моральному кодексу исламистов демонстрировать обнаженное тело есть оскорбление и грех.

Явившись однажды вечером в тюрьму, Сабха стал свидетелем нервного срыва у Джахалина. Такие припадки, требовавшие лечения

нейролептиками, время от времени у него случались. Сабха схватил шприц, приготовился сделать укол – и тут Заркави заступил ему дорогу. Не говоря ни слова, Заркави снял одеяло с соседней койки и обернул его вокруг нижней части тела Джахалина. Придерживая одеяло одной рукой, другой он потянул эластичный пояс на штанах больного, открывая узкий участок кожи. Потом сделал знак врачу и велел: “Убедитесь, что колоть надо сюда”. Сабха сквозь одежду нащупал тазовую кость Джахалина и, удовлетворившись этим, ввел иглу в бледную плоть. Когда Джахалин затих после укола, Сабха поднял глаза – и увидел, что Заркави смотрит на него благосклонно. Что-то изменилось в этом взгляде рептилии, появилось выражение, которого доктор до сих пор не замечал. Похожее на взвесь из частиц улыбки.

Зима 1998 года принесла минусовую температуру и множество новоприбывших: чиновники решили разгрузить другие тюрьмы. Исламисты держались вместе, как раньше, но между ними уже пошли едва заметные трещины. Кое-кто из джихадистов открыто полагал, что лидером должен стать Заркави, заменив Макдиси, чьи профессорские манеры начинали раздражать некоторых членов группы.

Заркави не предпринимал никаких шагов против своего наставника, но настроения многих заключенных были вполне ясными. Исключенные из средней школы мелкие уголовники, составлявшие большинство группы, не воспринимали изощренных богословских тезисов Макдиси. Эти люди предпочитали вожака с крутым нравом, задиру, который выражается просто и ясно и отказывается идти на компромиссы, – кого-нибудь вроде Заркави. Макдиси, по его собственному признанию, не был воином. Живя в арабском тренировочном лагере в Афганистане, он не стал даже учиться обращению с оружием. “Он не был бойцом, ни дня не прожил среди пуль, снарядов и танков!” – объяснял впоследствии один из афганских ветеранов.

Заркави явно нравилось командовать, и с благословения наставника он постепенно входил в роль предводителя, оставляя Макдиси вопросы духовные. В первый раз важные люди за пределами тюрьмы слышали его имя. У Макдиси было много почитателей среди исламистов от Лондона до палестинских городов Западного берега, и иные обладали ресурсами и широкими связями по всему Ближнему Востоку, Северной Африке и в Европе. Теперь они узнавали от Макдиси о его достойном похвал помощнике – афганском ветеране исключительной отваги и со свойствами прирожденного лидера.

Сабха между тем отмечал, что все чаще работает с Заркави и их общение становится все более дружелюбным, если не сказать – теплым.

Однажды вечером, когда Сабха совершал обход, Заркави отвел доктора в сторону, чтобы задать вопрос. В первый раз этот человек спрашивал о чем-то, что касалось его самого.

– Мне кажется, у меня высокий сахар, – начал Заркави. – У моей матери диабет, так что это, может быть, семейное. Можете проверить?

Сабха сказал, что рад оказать услугу, но есть сложности. Делать анализ в тюрьме нельзя – слишком велик риск занести инфекцию, если брать кровь в грязных, кишасших крысами камерах Аль-Джафра, так что Заркави надо будет перевезти в собственную клинику доктора в городке.

В этом состояла вторая сложность: получить официальное подтверждение, разрешающее такому опасному заключенному покинуть Аль-Джафр. Как и ожидалось, директор тюрьмы решительно воспротивился затее. Что, если это просто хитрость, чтобы помочь Заркави бежать? Что, если в городе его поджидают сообщники? Но в конце концов Ибрагим уступил, и в тюрьме стали готовиться к доставке заключенного в городскую клинику и обратно под охраной.

В день, назначенный для анализа, Сабха решил дожидаться пациента в городской клинике. Уже давно стемнело, когда прибыл

конвой из десяти автомобилей, укомплектованный несколькими десятками охранников со штурмовыми винтовками. Сабха никогда еще не видел такого серьезного военного эскорта; сначала он даже решил, что в городок пожаловал кто-то из королевской семьи. Однако из фургона неловко шагнул один-единственный заключенный – и тут же снова исчез в шевелящемся коконе из вооруженных людей.

Заркави в тюремной одежде провели в кабинет врача; наручники с него так и не сняли.

– Пожалуйста, снимите это, – велел Сабха, жестом указывая на металлические браслеты.

– Но этот человек опасен, – запротестовал один из охранников.

– Пятьдесят ваших солдат наблюдают за каждым его движением, – ответил врач. – Я настаиваю на том, чтобы снять наручники.

Освободив руки Заркави, Сабха приступил к взятию проб. Он начал было закатывать рукав тюремной рубахи, чтобы взять образец крови, но его снова прервали, на этот раз сам Заркави.

Заключенный извинился и опустил рукав, как было до того, как его коснулся врач. Потом закатал сам, без посторонней помощи. Коснувшись обнаженной плоти, Сабха допустил оплошность с еще одним не поддающимся расшифровке кодом.

Пока кровь шла в шприц, Сабха набрался смелости поинтересоваться наконец происхождением загадочного шрама на руке Заркави.

– Это татуировка. Якорь, – ответил тот.

– Откуда?

Заркави принялся рассказывать, как сделал эту татуировку в шестнадцать лет, когда, как он выразился, “мыслил не по-исламски”. После того как он присоединился к джихадистскому движению, татуировка стала позорить его. Он пытался свести ее так и эдак, даже отбеливающим средством. Кожа сердито краснела, но татуировка не поддавалась.

Наконец он обратился к одному из своих родственников из Зарки, и тот явился в тюрьму, незаметно пронеся в одежде бритву. Заркави сел, и родич сделал два дугообразных надреза вокруг татуировки. Потом срезал верхние слои кожи. Когда татуировка почти сошла, он зашил рану грубыми стежками.

На лице Сабхи, слушавшего эту историю, отразился ужас, но Заркави только пожал плечами, словно отрезать оскорбительную плоть было столь же естественно, как раздавить таракана. Так требовал ислам – в том виде, в каком исповедовал его Заркави. Это не обсуждалось. Остальное было просто актом воли.

– Татуировки, – бесстрастно объяснил Заркави, – это *харам*. Запрещено.

Сабха закончил обследование, и Заркави, у которого не оказалось никаких признаков заболевания, вернулся со своим конвоем в тюрьму. Доктор остался размышлять в своей маленькой клинике у дороги, на краю мертвого озера, крошечного по сравнению с простершейся за ним бескрайней арабской пустыней.

Семьдесят лет назад по этой дороге шла на север исламская армия, верхом на лошадях и верблюдах, намереваясь во имя Аллаха смести с лица земли страну, известную как Иордания. Этих бедуинских разбойников, называвших себя ихванами, или “братьями”, вооружил и обучил первый монарх Саудовской Аравии, Ибн Сауд, чтобы они помогли ему разгромить политических конкурентов. Но амбиции ихванов простирались за пределы Аравийского полуострова. Кровожадные фанатики, полагавшие все западное делом рук дьявола, они считали, что Аллах избрал их, чтобы очистить арабские земли, безжалостно убивая всех, кто объединялся с иностранцами или отклонялся от их узкого видения ислама. Смерчем пройдя по внутренним районам страны, они в начале 1920-х прогремели по недавно образованным Иордании и Ираку, намереваясь свергнуть правительства и создать единую исламскую теократию, или халифат, объединив весь Ближний Восток. Они огнем и мечом прокладывали себе путь через города, стоявшие

у них на пути, и перерезали глотки всем мужчинам, уничтожая любые следы современной западной цивилизации.

Несмотря на тщетные попытки контроля со стороны саудовской монархии, армия ихванов, около полутора тысяч человек, продвинулась так, что до Аммана, столицы Иордании, оставалось меньше десяти миль, и только там их наконец остановили. С британских военных самолетов приближающиеся колонны косили из пулеметов до тех пор, пока в живых не осталась всего сотня бойцов.

Небольшие банды боевиков продолжали контролировать отдельные внутренние части Саудовской Аравии вплоть до пятидесятых, запугивая, а иногда и убивая чужаков, бродивших возле их поселений. Наконец они исчезли, но яростная ненависть, воодушевлявшая ихванов, так никуда и не делась. Бескомпромиссная нетерпимость, жестокая, не знающая жалости форма ислама, уподобляющая насилие очистительному огню, – все это вплоть до конца двадцатого века, да и после, останется востребованным на обширной территории: от изолированных поселений в глубине полуострова до богатых нефтяных городов на побережье залива, от обветренных холмов Восточного Афганистана до переполненных камер печально знаменитой иорданской тюрьмы.

В Аль-Джафре сразу удерживали мощные тюремные стены – во всяком случае, какое-то время. По приговору амманского суда срок заключения Заркави должен был продлиться еще десять лет, до 2009 года, когда мускулистый, цветущий молодой мужчина превратился бы в человека средних лет. Однако Сабха отлично знал, что реальные тюремные сроки в Иордании редко соответствовали предписанным. Срок заключения мог значительно сократиться из-за перемен в правительстве или из-за необходимости улестить религиозную партию или племя. И тогда Заркави (возможно, вместе с армией последователей) мог внезапно оказаться на свободе.

Глава 2

“Настоящий лидер”

За две недели до смерти – в период покоя, пока не пошли прощания на смертном одре, легионы скорбящих и речи, в которых лидеры мировых держав отдавали дань самому великому и дольше всех прослужившему на своем посту правителю Иордании, – король Хусейн призвал во дворец старшего сына Абдаллу. Он намеревался сообщить сыну решение, которому суждено было полностью изменить и жизнь молодого человека, и судьбу его страны.

Незадолго до этого король вернулся из Соединенных Штатов, где полгода лечился от агрессивной лимфомы. Однако болезнь вернулась в особо тяжелой форме, и врачи предупредили, что дни монарха сочтены. 22 января 1999 года он позвонил Абдалле, в то время тридцатишестилетнему офицеру на пике военной карьеры, и попросил приехать немедленно. “Я хочу видеть тебя”, – сказал он.

Абдалла ибн Хусейн сел в машину и поехал по крутой дороге к дворцу на холме в пригороде Уммар, откуда открываются изумительные виды на столицу. Короля он нашел в столовой; болезненный вид его величества возбуждал тревогу. Шестидесятитрехлетний король стал костлявым, как скелет, кожа приобрела землистый оттенок от разлития желчи. Седые волосы и борода, раньше придававшие ему сходство с актером Шоном Коннери, давно выпали от тяжелой химиотерапии.

Король отпустил помощников и закрыл дверь. Потом повернулся к Абдалле; бледные пальцы стиснули руку сына. “Я хочу сделать тебя наследником престола”, – объявил Хусейн.

Эти слова казались совершенно необъяснимыми. Титул наследного принца уже больше тридцати лет принадлежал Хасану, младшему брату короля. Хасан, искушенный и компетентный, был наследником

трона, еще когда Абдалла только учился ходить. Повзрослев, старший сын короля – атлетически сложенный, с мальчишески открытым лицом – стал водить танки и вертолеты, прыгать с парашютом. Он не проявлял особого интереса к политике и дворцовым интригам, предпочитая более честную армейскую иерархию. А теперь отец вознамерился навязать ему работу, чреватую множеством опасностей, в числе коих и вполне реальная перспектива конфликта с теми членами семьи, кто годами ждал шанса управлять страной.

Годы спустя Абдалла вспоминал свой вопрос: “А как же дядя?”

Но король уже принял решение. Через несколько дней он объявит о нем публично, в форме открытого письма Хасану, туманно намекая на свое недовольство жадными “честолюбцами” из королевской семьи, “назойливыми” и “нелояльными”. После смерти короля, говорилось в письме, корона должна перейти к его сыну – в данном случае к единственному среди братьев, племянников и одиннадцати детей монарха, кто не стремился занять престол.

Абдалла был рожден наследным принцем. По конституции Иордании, а также в соответствии с многовековой традицией династии Хашимитов, титул автоматически принадлежал старшему ребенку мужского пола. Но в бурные шестидесятые, когда над страной сгустились тучи, когда монарх постоянно находился под угрозой убийства или дворцового переворота, Хусейн сделал наследником своего брата, чтобы в случае своей смерти обеспечить стабильность. Удаленный из линии наследования, Абдалла большую часть молодости провел вне Иордании. Он учился в американских и британских частных школах и университетах, которые дали ему западное образование – но не знания о том, как обстоят дела в его собственной стране.

Вернувшись домой, Абдалла погрузился в культуру иорданского низшего и среднего класса, избрав карьеру военного и деля нечистые бараки и покрытые пылью сухие пайки с другими офицерами. Он дослужился до звания генерал-майора, но сохранил свойственную ему в молодости страсть к спортивным машинам

и мотоциклам. Особое удовольствие он получал, когда лично руководил спецназом во время ареста террористов или уголовников, и прославился за год до описываемых событий: его бойцы тогда штурмом взяли укрытие бандитов. Иорданское телевидение передавало уличный бой в прямом эфире.

Но сейчас молодой командир сидел в обеденном зале дворца в Уммаре; он был ошеломлен. Одной фразой отец положил конец его миру и устоявшейся, хотя и привилегированной жизни, которую он построил для себя, своей жены и двоих детей.

Король также признался в том, о чем никогда не говорил вслух: что он скоро умрет.

“У меня засосало под ложечкой, – будет потом вспоминать Абдалла. – Кажется, я тогда впервые почувствовал себя по-настоящему одиноким”.

Он покинул дворец и вернулся домой; его жена Рания сидела на полу гостиной, вокруг нее были разбросаны семейные фотографии. Ее глаза наполнились слезами, когда муж поделился с ней новостью. Рания сознавала, что их ожидают радикальные перемены.

“Вскоре нам предстояло оказаться под светом прожекторов – никто из нас и вообразить такого не мог, – писал он позже в своих воспоминаниях. – Целая стая волков только и ждала, чтобы мы оступились”.

Но все эти тревоги вскоре заслонились более насущными проблемами. Король Хусейн решил попробовать еще один курс лечения от рака, что означало покинуть Иорданию и отправиться в США для очередной пересадки костного мозга. На время его отсутствия Абдалла фактически остался в роли регента и, несмотря на ограниченный опыт, с головой погрузился в проблемы внутренней и внешней политики. Он еще не знал, что в список срочных государственных дел вскоре войдут приготовления к торжественным похоронам и его собственная официальная коронация.

Двадцать девятого января Абдалла отвез отца в аэропорт, откуда тот улетал в клинику Майо в Миннесоте. Король сидел на переднем пассажирском сиденье и спокойно смотрел в окно, пока машина ехала через благополучные западные районы Аммана – высотные отели и деловые центры, – а потом по шоссе, ведущему в аэропорт. Они проезжали окраины и поселки победнее, с их уличными базарами и маленькими, в неоновых огнях, мечетями. Потом, прибавив скорость, проскочили открытое пространство, мимо крутых холмов и каменистых полей, где овцы и бедуинские шатры соперничали со спутниковыми тарелками и грузовыми пикапами “тойота”. Абдалла положил ладонь на руку отца и не убирал, пока они в молчании продолжали путь.

Проводы проходили гладко до тех пор, пока оба не оказались у самолета, где Абдалла, уверенный, что видит отца в последний раз, на минуту потерял железное самообладание, которое поклялся себе сохранять. С трудом сдерживая слезы, он помог отцу подняться в самолет и остановился рядом с ним, чтобы попрощаться. Король пристально смотрел на сына, он тоже явно боролся с чувствами, вспоминал потом Абдалла. Однако Хусейн не обнял его, не дал ему никакого прощального напутствия – просто кивнул и дальше пошел по проходу один.

Через несколько минут наследный принц уже возвращался в Амман, во дворец, к ожидавшим его обязанностям. Ему не суждено было больше увидеть отца в сознании. Король вернулся в страну, которой правил почти полвека. Не было вспышек телекамер, когда его, умирающего, на носилках спустили из самолета и подкатили к ожидавшей “скорой помощи”. Машина увезла его в Королевский медицинский центр в Аммане, возле которого тысячи простых иорданцев стояли под холодным дождем, отказываясь уходить. Незадолго до полудня 7 февраля 1999 года телекомпании по всей стране внезапно прекратили вещание.

Последние часы Абдалла провел у больничной постели, чувствуя себя еще более одиноким из-за невозможности помочь отцу или

попросить хоть слово совета, как управлять страной, которая, казалось, пребывала в постоянном кризисе, осажденная врагами изнутри и снаружи.

Со времен основания страны иорданцы не видели события столь величественного, как похороны короля Хусейна ибн Талала. Такие толпы не собирались еще никогда. Простые иорданцы – примерно восемьсот тысяч человек, почти четверть населения страны – забили все обочины, свешивались из окон и с крыш по пути, по которому следовал покрытый флагом гроб. Они часами стояли, закутавшись, чтобы спастись от сырой стужи; все эти люди хотели воздать почести единственному на веку большинства из них правителю: улыбчивому монарху, завоевавшему сердца простых людей, который провел Иорданию через войны и междоусобицы – и уже в конце своего правления вывел к миру. Мужчины и женщины рыдали; иные вопили и били себя по лицу, выражая свою скорбь по арабской традиции. Другие бежали рядом с похоронным кортежем и даже бросались в припадке горя на дорогу перед ним.

Почти столь же впечатляющим было собрание высоких гостей в амманском дворце Рагадан. Спустя меньше суток после смерти короля под белокаменной аркой дворца прошли высочайшие представители семидесяти пяти стран, прибывшие на церемонию, которую комментаторы уже окрестили “похоронами двадцатого века”. Среди приехавших были четыре президента США, включая нынешнего обитателя Белого дома, Билла Клинтона, который перед посадкой на “Борт номер один” задержался, чтобы отозваться о Хусейне как о “великом человеке”, чье величие заключалось “не в титуле, но в самой личности”. Принц Чарльз и премьер-министр Великобритании Тони Блэр примчались в Амман, так же как генеральный секретарь ООН Кофи Аннан и главы Японии, Франции, Германии и других крупных европейских держав. Президент России Борис Ельцин, бледный и рассеянный, прибыл с целым отрядом

телохранителей, однако через несколько минут уехал, сославшись на плохое самочувствие.

Больше всего взглядов притягивали гости с Ближнего Востока. Неожиданностью стало появление среди них сирийского президента Хафеза аль-Асада, который долгие годы был заклятым врагом Хусейна, воевал с соседом через общую границу и постоянно пытался навредить его правительству. И вот сейчас этот стареющий диктатор смешался с другими сильными мира сего, в разное время воевавшими с Иорданией, с Сирией или с ними обеими. Израильский премьер-министр Беньямин Нетаньяху, в традиционном молельном головном уборе на седеющих кудрях, занял угол увенчанного куполом зала приемов вместе со свитой, включавшей генералов, телохранителей и бородатого раввина. Ясир Арафат из Организации освобождения Палестины, и так-то невысокий, а в слишком просторной для него шинели казавшийся почти карликом, болтал с президентом Египта Хосни Мубараком. Самым, наверное, беспокойным человеком здесь был Халед Машаль, лидер палестинской военной организации “Хамас” и постоянный объект израильских покушений. Два года назад агенты израильского Моссада ткнули его отравленной иглой на улице Аммана в нескольких милях от места, где он находился сейчас. Он выжил только благодаря Хусейну – разгневанный король настоял, чтобы израильтяне предоставили его врачам противоядие.

Приветствовал их всех человек, которому, казалось, было слегка неуютно в черном костюме и куфии в красную клетку, – человек, которого гости теперь именовали королем Абдаллой II. Новый монарх стоял у гроба, в ряду хозяев и гостей из королевской фамилии, среди братьев и дядьев, пожимая руки президентам и министрам, из которых он мало кого знал. Он еще не стал королем официально – формальная коронация должна была начаться в парламенте позже в тот же день. После смерти Хусейна он несколько раз недолго выступал на иорданском телевидении, чтобы обозначить перемены в жизни нации. Когда он появился перед

камерой, читая по бумажке, а его отец с портрета улыбался из-за его плеча, большинство иорданцев в первый раз услышали его голос. “Таково было решение Господа и Его воля”, – сказал Абдалла.

Сейчас он возглавлял колонну скорбящих, идя за гробом отца к королевской усыпальнице; рядом шли его дядья и братья, позади ступал под пустым седлом последний любимец короля – белый жеребец Амр. У могилы, рядом с участками первых двух королей Иордании, тело Хусейна вынули из гроба и опустили в землю, покрытое лишь простым белым саваном.

После этого оставалась только официальная церемония коронации перед обеими палатами парламента. После принесения конституционной присяги председатель сената представил нового владыку страны. “Пусть хранит Аллах его величество короля Абдаллу и дарует ему удачу”, – произнес он.

Это было официально, но еще не вполне по-настоящему. Когда новый король покидал церемонию, слова помощника “Сюда, ваше величество” застали его врасплох. “Еще не привыкший, я оглянулся, ища отца”, – вспоминал потом Абдалла.

Но титул теперь принадлежал ему – так же, как и страна. Абдалле достались клонящаяся к упадку экономика, беспокойная политическая жизнь, напряженные межконфессиональные отношения и региональные конфликты.

Одним разом он унаследовал легионы врагов. Иные находились близко и завидовали его должности. Другие – иностранные державы – видели в независимой Иордании помеху собственным планам на Ближний Восток. Третьи – религиозные экстремисты – противились самой идее о существовании секулярного, прозападного государства под названием Иордания. В первые месяцы 1999 года, пока новый наследник престола Хашимитов осторожно устраивался на троне, все внимательно наблюдали, не упадет ли он.

Быть правителем ближневосточной страны означает не надеяться умереть в преклонном возрасте. Это особенно верно для Иордании, где исключительная опасность основной работы словно бы разжигает королевский аппетит к опасным хобби.

Хусейн за свою жизнь пережил не меньше восемнадцати покушений. Ему было всего пятнадцать лет летним днем в 1951 году, когда его деда, первого короля Иордании Абдаллу I, застрелил палестинский снайпер во время визита двух членов королевской фамилии в иерусалимскую мечеть Аль-Акса. Молодой принц бросился за убийцей, едва избежав смерти сам: убийца обернулся, и пуля отклонилась, ударив в медаль на военной форме принца, – такова была дворцовая версия сюжета. Позже враги короля испробуют засады, авиакатастрофы и даже отравленные капли от насморка – Хусейн тогда случайно нажал на дозатор в ванной и в ужасе увидел, как вспенившаяся жидкость проедает хромированную поверхность крана. Король избегал смерти столько раз, что обрел ауру неуязвимости. Иорданцы часто говорили, что на нем *барака* – милость Аллаха. Предположение, что один из его сыновей будет благословен в той же степени, выглядело маловероятным.

Хусейн не позволял, чтобы покушения как-то ограничивали его. Скорее они лишь разожгли страсть короля к рискованному времяпрепровождению: гоночным машинам, вертолетам, реактивным истребителям. Однажды – это известная история, – развлекая Генри Киссинджера, он пригласил бывшего госсекретаря США и его жену на выматывающую душу вертолетную экскурсию по окрестностям. Вертолет трещал прямо над иорданскими холмами и едва не сбивал своими шасси верхушки пальм. Киссинджер будет потом вспоминать, как его жена пыталась вежливо попросить короля подняться на безопасную высоту. “Я и не знала, что вертолеты могут летать так низко”, – заметила она. “О! Они могут летать еще ниже!” – ответил король. Он опустил машину ниже уровня древесных

верхушек и плавно заскользил над землей. “За тот полет я постарел на несколько лет”, – говорил Киссинджер.

Назначив своим преемником Абдаллу, Хусейн выбрал правителя, похожего на него как минимум в одном. В противовес рассудительному и осторожному принцу Хасану, брату короля, Абдалла разделял отцовскую неформальную манеру держаться и пристрастие к экстремальным увлечениям. Мальчиком Абдалла визжал от удовольствия, когда отец сажал его на колени и они отправлялись в пустыню погонять на родстере; клубилась пыль, машина неслась по пустому шоссе под звуки песенки из мультфильма про морячка Полая. Адреналиновая зависимость обусловила непреходящий интерес Абдаллы к мотоциклам, гоночным машинам, самолетам и затяжным прыжкам с парашютом.

Учась в частной американской школе, Абдалла превосходил всех в реслинге, на беговой дорожке и в мальчишеских шалостях, а будучи кадетом престижной британской академии Сандхерст, отверг звание пехотного офицера, предпочтя скорость и огневую мощь боевых танков. Ему нравилось водить “Фокс”, быструю, похожую на танк бронированную машину с тридцатимиллиметровой пушкой и колесами вместо гусениц. Однажды он вел колонну “Фоксов” по шоссе М-4 к западу от Лондона, выжимая все лошадиные силы из приземистых машин, пока те не понеслись вровень с гражданскими автомобилями. Через несколько минут, пройденных на всех парах, он выглянул из башни – и увидел рядом с собой полицейский перехватчик с включенными мигалками. Полицейский сделал колонне знак остановиться, после чего, качая головой, приблизился к Абдалле, сидевшему в головной машине. “Я даже не знаю, что писать в протоколе”, – сказал он. В конце концов кадетов отпустили, сделав им предупреждение.

Репутация сорвиголовы едва не сорвала принцу ухаживания за будущей королевой, Ранией аль-Ясин, еще до того как они начались. Элегантной красавице Рании было двадцать два года, она работала в отделе маркетинга в *Apple Inc.*; Абдалла встретил ее

на званом ужине. Принц был сражен мгновенно, однако Рания отвергала все его поползновения. Тридцатиднолетний, вечно загорелый дочерна Абдалла, в то время командир танкового батальона, слыл еще и донжуаном, а Рании, дочери палестинцев из среднего класса, не хотелось становиться его очередным трофеем, признавался Абдалла в своих мемуарах несколько лет спустя. “Я о вас кое-что слышала”, – заметила Рания. “Я не ангел, – честно ответил Абдалла. – Но как минимум половина того, что вы слышали, – досужие сплетни”.

Они все же договорились о встрече. Через шесть месяцев, набравшись смелости предложить руку и сердце, Абдалла увез Ранию в один из своих любимых уголков Иордании, на вершину невысокой горы, где они с отцом часто гоняли наперегонки по склонам. “Я надеялся на более романтическое предложение”, – признавался он потом. На этот раз Рания не оттолкнула его. Они поженились 10 июня 1993 года, всего через десять месяцев после того, как их представили друг другу.

Однако уже через несколько недель после того, как Абдалла стал королем Абдаллой II, все следы дерзкого батальонного командира и адреналинового наркомана испарились. Человек, сотни раз прыгавший с парашютом, быстро принялся сокращать риски – во всяком случае, те, что угрожали ему как монарху. Он постарался наладить порванные ранее отношения с членами королевской семьи, предложив титул кронпринца своему младшему брату Хашиму, сыну четвертой жены Хусейна, любимой в народе королевы Нур, американки по происхождению. Однако он уволил или сместил с должности руководителей охранных служб, которых подозревал в тесных связях со своим дядей, мачехой или другими членами семьи. Потом объявил, что королевой станет его собственная жена, определенно не королевского происхождения. После этого королева Нур навсегда покинула Иорданию.

Другие опасности грозили из-за границы, и новый король развернул дипломатическое наступление, нацелившись на самые

существенные. Он отправился в Саудовскую Аравию и другие эмираты Залива, чтобы положить конец почти десятилетней размолвке по поводу иорданской политики нейтралитета во время первой иракской войны. Он пригласил премьер-министра Израиля, печально известного своей неуступчивостью Нетаньяху, в Амман, на деловой обед-знакомство. Абдалла даже пытался улучшить отношения с Сирией, дотянулся сначала до президента Хафеза аль-Асада, а потом, после смерти диктатора, подружился с его сыном, Башаром аль-Асадом, еще одним получившим западное образование тридцатилетним властителем, который унаследовал отцовский титул совершенно неожиданно для всех.

А потом настало время заключить мир с исламистами. Или хотя бы с кем-то из них.

Стремясь сохранить стабильность в стране, король Иордании давно поддерживал непростой союз с религиозными фундаменталистами, позволяя им голосовать в парламенте, и продвигал реформы с осторожностью, чтобы не оскорбить консервативное, по сути своей еще племенное общество. Король Хусейн полагался на исламских имамов в шестидесятые – семидесятые годы, рассчитывая, что они помогут ему победить угрозу со стороны марксистов и панарабских националистов. Многие из этих клерикалов пришли в ярость, когда Хусейн в 1994 году заключил мир с Израилем, и все же королю удалось сохранить хорошие отношения с наиболее заметной исламистской группой Иордании, “Братьями-мусульманами”*, которых он превозносил как “стержень страны”.

Новому королю предстояло испытать тот же подход. Через несколько недель после коронации Абдалла пригласил лидеров “Братьев-мусульман”* в свою горную резиденцию на неофициальную встречу. Представители духовенства явились во дворец – в развевающихся балахонах, трясая бородами – со списком жалоб на притеснения известных исламских активистов. Они ворчали по поводу цензуры в средствах массовой информации и мудреных

законов о выборах, которые, по их словам, призваны были не допустить политических кандидатов от “Братьев”^{*} в парламент. Абдалла вежливо выслушал жалобы и в конце встречи предложил своим гостям неожиданный подарок: правительство немедленно освободит шестнадцать активистов “Братьев-мусульман”^{*}, которых отправили в тюрьму после уличных протестов. Посетители, кажется, были очарованы; потом они рассказывали репортерам, что новый король – друг исламистов. “Ваше величество, мы с вами, как один человек, единое тело, которое доверяет вам”, – сказал Абдалле лидер “Братьев”^{*}.

Если бы все было так просто! Несмотря на риторические жала, время от времени вонзаемые ими в монархию, “Братьямусульмане”^{*} являлись, по сути, частью иорданского истеблишмента. Другие исламисты не соблазнились бы освобождением горстки заключенных или туманными обещаниями расширить электорат. Мусульмане хотели влиять на управление страной, пусть сами и не имели единого мнения о том, как именно влиять.

Абдалла был нацелен на результат, на продуктивность. В нескольких интервью молодой правитель говорил о своем желании видеть, как Иордания превращается в настоящую конституционную монархию, во главе которой номинально стоит король, но управляет которой премьер-министр, избранный заседающими в парламенте представителями народа. Однако советники Абдаллы настаивали, что реформы должны продвигаться потихоньку. В стране, где демократия еще не укоренилась, попытка слишком быстро совершить масштабные перемены может привести к обратному результату, указывали они. У исламистов же огромное число последователей, они отлично организованы, мотивированы, их хорошо финансируют. Они могут легко победить на прямых выборах, и будущее страны окажется в руках движения, среди лидеров которого – люди, чьи планы на будущее Иордании совсем иные, чем у “Братьев-мусульман”^{*}.

С господами в чалмах, сидевшими вокруг стола Абдаллы, можно было договориться. Но были и другие в Иордании и в регионе, для которых переговоры в западном смысле слова ничего не значили. Их можно было победить только силой.

От предыдущей борьбы с исламскими экстремистами, восходящей к самым первым дням существования монархии, у Иордании остались глубокие рубцы. Некоторые считали само существование этого государства проклятием, попыткой оккупационных властей держать мусульман разобщенными и слабыми. Они смотрели на королевскую семью Иордании, Хашимитов, правивших священным городом Меккой девятьсот лет, как на предателей.

Страны под названием Иордания (равно как и группы людей, называемых иорданцами) действительно не существовало до первых десятилетий двадцатого века. Тысячу лет засушливые земли к востоку от реки Иордан были частью исламских империй, или халифатов, которые в то время простирались от Северной Африки до Балкан, включая в себя также весь Аравийский полуостров и Левант. Первые халифы, считавшиеся наследниками пророка Мухаммеда, правили от Дамаска до Багдада. Их место заняли турки-османы, которые расширили исламскую империю и основали Оттоманскую Порту под эгидой могущественных стамбульских султанов. Турецкие завоеватели предоставили ограниченное самоуправление Мекке, позволив Хашимитам контролировать священные места города – эта традиция восходила к десятому веку. Потом, в начале двадцатого века, явился Хашимит, чьи амбиции и дерзость изменили судьбу династии и перекроили карту Ближнего Востока.

Шериф Хусейн ибн Али, семьдесят восьмой эмир Мекки и прадед короля Иордании Хусейна, пришел к власти, когда Османская империя клонилась к закату. После того как турки в начале Первой мировой войны присоединились к Германии, шериф Хусейн затеял тайные переговоры с Британией, желая поднять восстание, которое

принесло бы арабам независимость. В 1916 году он согласился помогать Британии и союзным войскам против турок в обмен на обещание британцев признать будущее арабо-исламское государство. Четверым сыновьям шерифа – Али, Фейсалу, Абдалле и Зейду – предстояло возглавить арабскую армию в освободительном движении, теперь известном как Великое арабское восстание. Они сражались бок о бок с офицером британской армии Томасом Лоуренсом, которого историки и кинематографисты позже обессмертили под именем Лоуренса Аравийского.

Арабам сопутствовала победа, но британские обещания шерифу Хусейну потеряли силу еще до окончания конфликта. Британия и Франция, сыграв на опережение, поделили захваченные османские земли на британский и французский протектораты в соответствии с тайным соглашением Сайкса – Пико 1916 года. После войны на картах появились совершенно новые государства, в том числе королевства Ирак и Сирия и – на узкой полоске земли между рекой Иордан и Средиземным морем – еврейские территории, которые позже назовут Израилем.

На восточном берегу реки, в краю бедуинских племен и бескрайних пустынь, британцы выделили анклав для третьего сына шерифа Хусейна – Абдаллы I. Британия сделала шаг к тому, чтобы сдержать данное правителю Мекки обещание, но получившаяся в итоге страна, первоначально названная эмиратом Трансиордания, а позже – Иорданским Хашимитским Королевством, по нескольким пунктам не дотягивала до полноценного государства. У подобной страны не существовало исторических прецедентов, а племен по ее территории было рассыпано столько, что и речи не шло о национальной идентичности. В новом государстве не было сколько-нибудь существенных залежей нефти, газа или других полезных ископаемых, практически не было источников воды для сельского хозяйства. Даже правитель страны, Абдалла, был импортирован из-за границы. Многие политические обозреватели

того времени полагали, что Трансиордания очень скоро падет как самостоятельное государство и ее поглотит кто-нибудь из более крупных соседей.

Первая серьезная угроза пришла со стороны орд ихванов, которые вторглись в страну в 1920-е и с которыми в конце концов покончило вмешательство Саудовской Аравии. В конце 1960-х суверенитету Иордании угрожали палестинские повстанцы. Разрозненные группы боевиков, набранных среди четырехсот тысяч палестинских иммигрантов и беженцев, осевших в Иордании за тридцать лет войны, совершали нападения на иорданские войска и настойчиво пытались убить короля Хусейна. Монарх начал наступление, ставшее известным как “Черный сентябрь”^{*}; в ходе операции были убиты тысячи палестинских боевиков и еще несколько тысяч бежали в Сирию и Ливан. Жестокие столкновения захлестнули и крупный, населенный в основном палестинцами город Эз-Зарку; человек, который прославится как Абу Мусаб аз-Заркави, был тогда четырехлетним мальчиком.

В 1980-е годы регион сотрясали беспорядки, грозившие перелиться через относительно мирные границы Иордании. Тысячи молодых палестинцев сражались с израильскими войсками во время первой интифады, или восстания, в то время как молодые иорданцы сотнями добровольно отправлялись в Афганистан, сражаться с советскими войсками. Многие, научившись воевать и обогатившись новыми идеями, возвращались в поселки и лагеря беженцев. Иные, подобно Заркави, собирались в группы, намереваясь продолжать борьбу против имеющихся в наличии врагов ислама.

И все же такие радикалы были малочисленны и известны своей неорганизованностью. Подобно другим арабским правителям, иорданские монархи пытались нейтрализовать угрозу путем создания сильной, беспощадной разведывательной сети, способной держать экстремистов под контролем. В то же время правительство сотрудничало с умеренными исламистами, предлагая им привилегированные должности и некоторые политические свободы.

По примеру отца Абдалла поддерживал иорданских “Братьев-мусульман”^{*} как умеренную оппозиционную силу. И ему, как и его предшественникам, предстояло вступать в неофициальные альянсы, время от времени идя на одолжения и уступки, которые были бы политически выгодны лидерам группы и гарантировали бы их лояльность короне.

Именно такая возможность представилась в марте 1999 года, когда в стране закончился официальный сорокадневный траур после смерти короля Хусейна. По традиции, восходящей к первым годам Иордании, от новых королей ждут всеобщей амнистии, дарования королевского прощения заключенным, осужденным за ненасильственные или политические преступления. Абдалле объявление амнистии позволило бы сбросить груз старых ошибок и набрать очки у важных групп населения, от исламистов до могущественных племен Восточного берега. Чтобы амнистия принесла максимальную политическую выгоду, членам парламента было дано задание выбрать заключенных, подлежащих освобождению, и составить подробный юридический проект амнистии. Список из пятисот имен быстро разросся до тысячи, потом до двух тысяч. А законодателям все было мало.

Спор о конкретных именах просочился в публичное пространство. Хотя новый закон исключал тех, кто отбывал срок за насильственное преступление или терроризм, некоторые законники норовили освободить десятки заключенных, обвиненных в уклонении от призыва или в подготовке атак на израильтян. Другие требовали помилования для так называемых арабских афганцев, ветеранов священной войны против советских войск в Афганистане, которые после возвращения домой образовали исламистские ячейки.

“Иордания готова начать новую главу своей истории, и это означает, что правительство должно открыть новую страницу, особенно в том, что касается политических заключенных”, – заявил Салех аль-Армути, президент адвокатской коллегии Иордании, газете *Jordan Times*, пока тянулись переговоры. Но некоторые руководители

правоохранительных органов видели в этом надвигающуюся катастрофу. “Большинство из них станут рецидивистами, мы будем видеть их лица снова и снова, – жаловался полицейский чин той же газете. – Большинство из них, оказавшись на свободе, начнут убивать”.

В конце концов список, содержащий теперь две с половиной тысячи имен, был принят в парламенте и отправлен во дворец для окончательного одобрения. Король, пребывавший в новой должности всего шесть недель и с трудом пробиравшийся по трехмерному минному полю законодательства, клановой и королевской политики, оказался перед выбором – утвердить список или отправить его назад, за чем последовали бы еще недели дебатов.

Он утвердил список.

Через много месяцев Абдалла обнаружит, что список содержал имена некоторых арабских афганцев из тюрьмы АльДжафр, которые служили делу очищения исламской веры с пылом, напоминавшим ихванский, отчего то и дело оказывались за решеткой. Но к тому времени малоизвестный джихадист по имени Ахмад Фадиль аль-Халайли уже станет террористом Абу Мусабом аз-Заркави. И король Иордании уже ничего не сможет поделать, кроме как изливать на своих помощников сильное, но абсолютно тщетное раздражение. “Почему, – будет вопрошать он, – никто не проверил фамилий?”

Вечером 29 марта 1999 года вереница тюремных машин прибыла в Аль-Джафр, чтобы увезти первую партию заключенных-исламистов, которым королевская амнистия даровала свободу. По закону государство обязано доставить заключенных в город, где они были арестованы. Заркави и его наставник, Абу Мухаммад аль-Макдиси, заняли место в фургоне, зарезервированном для Аммана. Они принесли свои скудные пожитки и свежeproштампованные бумаги, возвращавшие им права свободных граждан, возможность работать, путешествовать и состоять в различных организациях

так же, как все остальные граждане Иордании. Дождавшись темноты, водитель амманского фургона через главные ворота, мимо охраны и пулеметных гнезд, мимо поникших, увядших пальм, высаженных вдоль дороги, вывел машину на шероховатый асфальт шоссе, ведущего в столицу. Впервые за пять лет они были свободны.

Но не полностью свободны. У обоих были жены, дети, которых они едва знали, семьи, которые во время их заключения едва сводили концы с концами, выживая на милостыню от родственников. Оба оставались объектами пристального внимания и даже преследования со стороны государственных спецслужб. И оба были связаны с исламским братством, которое они возглавляли в тюрьме, хотя и в разной степени.

Дистанция между Макдиси и другими заключенными увеличилась за месяцы, проведенные в Аль-Джафре. Ожидая дня освобождения, Макдиси говорил о возвращении к семье и о собственных произведениях; он желал расширить свою аудиторию по всему мусульманскому миру и при этом избегать преступлений, которые могли бы снова привести его в тюрьму.

Заркави же разрывался между двумя семьями: той, что осталась в Зарке, и той, что он обрел в тюрьме. Его братья из Аль-Джафры были преданы ему лично и желали следовать за ним повсюду. Из-за амнистии будущее этой семьи оказалось под вопросом.

Сабха, тюремный врач, отсутствовал в тот вечер, когда Заркави и другие отбыли в Амман. Освобождение такого большого количества заключенных по амнистии означало, что объем работы значительно сократится, и тюремный персонал был взбудоражен слухами о том, что тюрьму скоро закроют навсегда. На следующее после освобождения утро Сабха рано приехал на работу и зашел к начальнику тюрьмы выпить кофе и послушать последние новости. Полковник Ибрагим поздоровался с ним, и взгляд у него был странный. «Наш приятель вернулся», – сказал он.

Полковник провел доктора через двор к камере исламистов, где теперь содержалась лишь горстка заключенных, совершивших

насильственные преступления и не подлежавших помилованию. Подойдя ближе, Сабха увидел бородатого мужчину, стоявшего у дверей и разговаривавшего с заключенными сквозь решетку. Это был Заркави. “Он здесь с половины шестого утра”, – сказал Ибрагим.

Заркави добрался до Аммана, несколько часов провел в Зарке у матери, а потом повернул назад и всю ночь ехал на машине друга, чтобы прибыть в Аль-Джафр до рассвета. И вот он снова здесь, в ненавистой тюрьме, ободряет других заключенных, словно полевой командир, проверяющий боевой дух вверенных ему войск.

Сабха несколько минут смотрел на него, не веря своим глазам.

“Настоящий лидер, – говорил он впоследствии. – В тот момент я понял, что еще услышу о нем. Этому человеку суждено было прийти либо к славе, либо к смерти”.

Глава 3

“Рано или поздно эта проблема возникнет снова”

Через шесть месяцев после обретения свободы Абу Мусаб аз-Заркави стоял в зале вылета амманского международного аэропорта имени королевы Алии; он собирался покинуть Иорданию навсегда. В руках у него был свеженький иорданский паспорт № Z 393834 с пакистанской визой, а также надежная легенда: Заркави, ветеран войны и бывший заключенный, собрался открыть свой бизнес – международную компанию по торговле медом.

Заркави не преминул захватить с собой мать, пятидесятилетнюю Даллу аль-Халайли, – полезная маскировка, если хочешь сойти за простого бизнесмена, желающего найти партнеров для своего медового предприятия. Примечательным было отсутствие жены и троих детей. Место, куда на самом деле направлялся Заркави, не годилось для молодой семьи; к тому же он уже решил подыскать себе вторую жену, как только устроится.

Но он и не предполагал, что Мухабарат готовит ему теплый прием.

Когда Заркави шел к выходу на посадку, несколько крупных мужчин в темных костюмах схватили его за плечи и быстро втолкнули в боковое помещение, оставив его растерянно бормотавшую что-то мать в коридоре. Через несколько минут Заркави уже сидел в штаб-квартире разведслужбы, с явным усилием сдерживая гнев. “Я ничего не сделал! – возмущался он. – Почему меня задержали?”

Человек, сидящий напротив Заркави, к этому дню уже столько раз допрашивал джихадиста, что практически мог произносить реплики за него. Абу Хайсам, капитан разведывательной службы, прослуживший в контртеррористическом отделе Мухабарата

пятнадцать лет, неделями отслеживал приготовления Заркави; он-то и устроил этот разговор на дорожку. Абу Хайсам никогда не воспринимал Заркави всерьез, считая его очередным исламистом-сорвиголовой, более шумным и агрессивным, чем большинство, однако не обладающим ни умом, ни организационными талантами в такой степени, чтобы быть по-настоящему опасным. Но сейчас Заркави пытался покинуть Иорданию по явно продуманной схеме. Что же он затеял?

Заркави был прав в одном: он не совершил уголовного преступления – по крайней мере, такого, чтобы оправдать драматическую сцену, разыгравшуюся перед матерью и сотней пассажиров. Но Мухабарат не собирался позволить ему улизнуть так просто. Пребывание в тюрьме лишь укрепило Заркави в его убеждениях и расширило сеть возможных поделчиков. Сейчас у него был билет в пакистанский Пешвар, ворота в Гиндукуш – горы, сразу за которыми его ждал Афганистан. В Афганистане находился Усама бен Ладен. Саудовский террорист взорвал два посольства США в Африке в 1998 году и объявил войну Соединенным Штатам.

Капитан еще не разгадал истинных планов Заркави, но был уверен: они не имеют ничего общего с развитием пчеловодства в горах на северо-западе Пакистана. Если Заркави свяжется с террористами, Иорданию ждут неприятности. “Невозможно просто спихнуть его кому-то еще, – объяснял Абу Хайсам коллегам. – Рано или поздно эта проблема возникнет снова”.

По закону Абу Хайсам имел право задержать Заркави на три дня, пока агенты Мухабарата проверяют имущество задержанного и опрашивают родных и близких. В реальности разведывательная служба могла мариновать его сколько угодно. Заркави, посаженный в камеру для допросов и все еще из всех сил сдерживающий гнев, прекрасно это знал. Но Абу Хайсам все же напомнил: “Как служба безопасности мы обязаны знать, чем ты занимаешься”.

Заркави не всегда был таким уступчивым. Первая встреча Абу Хайсама с человеком, в то время известным как Ахмад Фадиль аль-Халайли, обернулась яростной стычкой и едва не привела к фатальным последствиям.

Двадцать девятого марта 1994 года Абу Хайсам вместе с тринадцатью другими тяжеловооруженными бойцами проводил рейд: брали квартиру, в которой жил тогда Заркави. В то время разведка разрабатывала ячейку афганских ветеранов, предположительно участвовавших в подготовке серьезного теракта. Члены ячейки (все они были связаны с проповедником-радикалом Абу Мухаммадом аль-Макдиси) добыли наземные мины и противотанковые ракеты и готовились атаковать израильских солдат на одной из границ с Иорданией. Явным лидером ячейки был двадцатисемилетний Заркави; участник войны в Афганистане, теперь он работал в видеосалоне, а свободное время посвящал тайным встречам с небольшой группой исламских радикалов. Когда прочие члены группы попали в тюрьму Мухабарата, Заркави перебрался из своего дома в съемную квартиру, чтобы подготовиться к бегству из страны. Он как раз заканчивал сборы, когда Абу Хайсам и другие бойцы, собравшиеся в переулке позади дома, изготовились идти на штурм.

Агенты весь день вели наблюдение за квартирой, чтобы не пропустить появление Заркави, и потом еще несколько часов ожидали, пока погаснет свет. В час ночи, воспользовавшись полученным от домовладельца ключом, агенты тихо отодвинули засов и стали крадучись подниматься по лестнице. Заркави они обнаружили крепко спящим в задней комнате.

Бойцы подобрались уже к изножью кровати, когда Заркави проснулся и резко подскочил. Выругавшись, он сунул руку под подушку, словно желая что-то схватить. “Пистолет!” – крикнул один из агентов.

Несколько мужчин надели на Заркави, пытаясь прижать его к кровати, другие бойцы вырвали у него из рук оружие. Именно тогда

один из бойцов заметил, что занавеска странно подрагивает. Он бросился вперед и схватил второго человека, египтянина, который, к счастью для агентов, не был вооружен. “Мы не знали, что в доме есть кто-то еще, – говорил впоследствии Абу Хайсам. – Этого человека мы обнаружили только потому, что занавеска колыхалась, хотя окна за ней не было”.

Агенты бросили пистолет – автоматический М-15 с тремя полными обоймами – в фургон, туда же отправили взбешенных подозреваемых. Заркави, все еще “готовый убивать”, как описывал его позже один из бойцов, враждебно глядел на агентов с заднего сиденья: спутанные волосы, из-под рукава разорванной ночной рубашки выглядывают наколки. “Он в бешенстве выкрикивал обвинения: “*Кяфиры!* Неверные!” – вспоминал агент.

Потом группа вернулась в похожую на крепость штаб-квартиру Мухабарата для допроса. Среди тех, кто заходил навестить подозреваемых, был Самих Баттихи, седовласый, умудренный опытом замдиректора агентства. Он смотрел, как его люди в маленькой, ярко освещенной камере по очереди пытаются расколоть подозреваемого. Заркави никоим образом не походил на сломленного, вспоминал потом Баттихи. “Пропаганда лилась из него потоком. Его голова была нашпигована идеологией”, – рассказывал он.

Баттихи, которого вскоре назначат директором разведки, с растущей тревогой наблюдал за потоком возвращавшихся из Афганистана иорданцев, которые воевали в рядах моджахедов под исламистскими знаменами. Поначалу, вспоминал он, иорданцы, добровольно ехавшие в Афганистан, “были хорошими парнями, они сражались против коммунистов” – в этом пункте Иордания сходилась с самыми важными своими союзниками, включая Америку, Британию и Саудовскую Аравию. Сейчас они возвращались домой, закаленные в боях и с диаметрально противоположными взглядами, даже манера говорить и одеваться у них изменилась. Заркави выглядел и говорил как другие, но был агрессивен, точно посаженное в клетку

животное. Многие знали, что в юности он был драчуном и мелким уголовником. Сейчас Баттихи спрашивал себя, не слились ли эти две части личности воедино, дав на выходе бандита и религиозного фанатика. “Он не соответствовал профилю, – говорил Баттихи. – Пьяница и головорез. Семья тревожилась, отправляла его в религиозные группы, чтобы наставить на путь истинный. Но он, кажется, встал на *слишком* истинный путь. Так что мы получили худшее из двух миров”.

На самом деле Мухабарат знал о Заркави многое с самого начала, еще до тюрьмы. Если его толстое полицейское досье и оставляло какие-то пробелы, они быстро заполнялись массой сведений, добытых разведслужбой.

Ахмад Фадиль аль-Халайли, как показывали записи, был проблемой с детства: он прошел по тернистой дорожке от вандализма, наркотиков и алкоголя до более серьезных преступлений. Родился он 30 октября 1966 года у небогатых иорданцев: отец служил в городской администрации Зарки, истово верующая мать любила мальчика больше его семи сестер и двоих братьев. Семья жила в скромном двухэтажном доме, который располагался на холме, над большим кладбищем, где местные рабочие хоронили своих мертвецов. Кладбище представляло собой руины, несколько тысяч крошащихся, надписанных от руки надгробий, разбросанных по склону, заросшему сорняками и обжитому одичавшими кошками. К тому же оно было чем-то вроде общественного парка. Мальчик, которого будут звать Абу Мусаб аз-Заркави, проводил долгие часы, играя на кладбище; когда он стал подростком, могилы сделались декорациями его первых преступлений.

Халайли происходили из большого и уважаемого племени с Восточного берега, Бани Хасанов, – биографический факт, который мог бы обеспечить известные преимущества молодому человеку, желающему завести связи и найти работу в патриархальном

обществе вроде иорданского. Но Заркави продувал одну возможность за другой. Он бросил школу, хотя оценки выше средних и результаты тестов указывали на способности к гуманитарным наукам. Он отвертелся от обязательной двухлетней военной службы, но вылетел с муниципальной должности, на которую устроил его отец. Его уголовная карьера началась, когда ему было двенадцать лет – он порезал соседского мальчика во время уличной драки, – и пошла дальше: сутенерство, наркоторговля, разбойные нападения. К двадцати годам он обрел татуировки и репутацию пьяницы и уличного драчуна, который находил удовольствие в том, чтобы держать в повиновении своих жертв и конкурентов кулаком и ножом. Его представления о любовной победе – по свидетельствам служащих разведки и людей, знавших его в то время, – сводились к изнасилованию молодых мужчин; таков был его способ унижить их и утвердить собственное господство.

В двадцать один год он женился на своей двоюродной сестре Интисар, которая вскоре родила ему дочь. Но любовью всей жизни Заркави оставалась его мать. Далла аль-Халайли тревожилась из-за проблемного младшего сына, но не переставала верить в его природную доброту и продолжала считать, что он способен кое-чего достичь. Мать отдавала себе отчет в том, что интеллект ее сына ограничен. Несколько лет спустя, когда журналисты явились к Далле, чтобы выяснить, действительно ли Заркави обладал задатками лидера террористов и изготовителя бомб, их вопросы, казалось, искренне насмешили ее. “Он был не настолько умен”, – сказала Далла одному американскому репортеру. И добавила, что ее мальчик был “предан исламу”. Его решение присоединиться к джихадистам она объяснила тем, что такой оказалась единственная возможность состояться для молодого человека, неспособного найти нормальную работу на родине. “Мой сын – хороший человек, обычный человек, жертва несправедливости”, – говорила Далла.

Именно мать толкнула Заркави к исламистам. Она записала его в религиозную школу при местной мечети Аль-Хусейн Бен Али,

надеясь, что он найдет достойные образцы поведения среди имамов и благочестивых юношей с их богословскими диспутами и фондами, призванными поддержать воинов ислама в Афганистане. Ко всеобщему изумлению, Заркави погрузился в ислам со всей страстью, с какой раньше предавался криминальным делам. Он проклял вино и стал регулярно посещать обсуждения Корана и пятничные молитвы. Он жадно поглощал пропагандистские видеоролики и аудиозаписи с эпизодами межрелигиозных войн в Афганистане, Боснии и Чечне. И когда имам местной мечети призвал добровольцев сражаться против коммунистов, угнетающих афганских мусульман, Заркави тут же поднял руку.

Он прибыл на границу Афганистана и Пакистана весной 1989 года, через несколько недель после вывода последних советских войск, но вовремя, чтобы присоединиться к нападению исламистов на просоветское правительство Афганистана, которое после ухода русских оказалось перед необходимостью защищать себя самостоятельно. Один из афганских боевиков, встречавших Заркави в аэропорту, будет потом вспоминать жилистого молодого человека, на вид энергичного, но странно застенчивого. Заркави говорил мало, объясняя это тем, что стесняется обнаружить скудость своего школьного образования и поверхностное знание Корана. Несмотря на жару, он упорно носил длинные рукава, чтобы скрыть свои татуировки.

“Мы все знали, кто он: тот самый печально известный головорез из Зарки, – говорил Худхайфа Аззам, один из афганских бойцов, сын влиятельного палестинского священнослужителя Абдаллы Аззама, которого многие считали отцом международного джихадистского движения. – Теперь он обрел веру и очень стыдился своих татуировок. Видно было, как застенчиво он прикрывает руки”.

Первым заданием Заркави стало сочинение статей для джихадистского журнала, в которых описывались подвиги моджахедов на поле боя. Такая работа требовала больших усилий от молодого человека с неполным школьным образованием. Среди

его первых друзей был Салех аль-Хами – соратник-журналист, который потерял ногу, подорвавшись на сухопутной мине. Заркави проводил рядом с ним долгие часы, пока тот выздоравливал; он был настолько впечатлен набожностью аль-Хами, что решил выдать за него одну из своих сестер, бежавших в Пакистан. Позже новообретенный шури́н Заркави переберется в Иорданию и станет его восторженным биографом. Аль-Хами вспоминал, что Заркави был очень эмоционален и, читая Коран, сразу начинал плакать. Большинство арабских боевиков избегали столь явного проявления чувств, но только не иорданец Заркави. “Произнося молитву, Заркави всегда плакал, даже когда выступал в роли имама”, – писал аль-Хами.

Когда в лагере не было тренировок, Заркави бродил по пакистанскому Пешвару, иногда заходил в местную мечеть, особо любимую арабскими боевиками. Имам мечети и несколько лет спустя живо помнил серьезного молодого иорданца, который казался поглощенным мыслями о своих прошлых грехах. Однажды, когда имам упомянул, что намерен отправиться в священный для мусульман город Мекку, Заркави обратился к нему с просьбой. “Если собираетесь в паломничество, – сказал молодой человек, – помолитесь по пути Аллаху – да простит он Абу Мусаба”.

В первый раз Заркави понюхал пороху в 1991 году, когда моджахеды начали наступление на удерживаемые правительственными войсками города в восточных провинциях Афганистана – Пактии и Хосте. Заркави сражался с жаром и вскоре, как вспоминали товарищи, приобрел репутацию человека, чья отвага граничит с безрассудством. Однажды, по словам Аззама, он в одиночку удерживал колонну из десятка с лишним афганских правительственных солдат в городе Гардезе на востоке страны, благодаря чему его товарищи по оружию успели отступить.

“Он был таким храбрым... Я всегда говорил, что у него сердце мертвеца”, – рассказывал Аззам. По его воспоминаниям, героизм Заркави выходил за рамки обычной готовности идти на риск. Иногда казалось, что он хочет очиститься.

“Меня поражало, как влияет на него его прошлое. Он шел в бой всегда с чувством вины, – говорил Аззам. – Думаю, отсюда и его отвага. Он словно заявлял: мои прежние деяния непростительны. Аллах простит меня, только когда я стану *шахидом* – мучеником”.

Мучеником Заркави так и не стал, но в горах Восточного Афганистана получил право называться моджахедом – воином Аллаха. К 1993 году, когда он покинул Афганистан, у него за плечами уже было несколько лет сражений. Он погрузился в доктрину воинствующего ислама, приняв ее из рук афганских и арабских религиозных деятелей, которые позже объединятся с “Талибаном”^{*} или Усамой бен Ладеном. Заркави прошел военное обучение в лагере, которым руководил Абдул Расул Сайяф, афганский мятежный командир, наставник Халида Шейха Мохаммеда, вдохновителя атак 11 сентября 2001 года на Нью-Йорк и Вашингтон.

Подобно другим афганским боевикам, он тоже пил дурманящий коктейль из ощущения фронтового братства и почти неправдоподобного успеха самого мятежа. Разношерстная армия афганских и исламских добровольцев посрамила советскую супердержаву. Чем еще можно было объяснить такой успех, как не вмешательством Всевышнего? “Аллах даровал моджахедам в Афганистане победу над неверными”, – объявил, подводя итоги войны, Саиф аль-Адель, представитель Усамы бен Ладена. Боевики придерживались этого мнения, и Заркави был искренне убежден в его справедливости.

В 1993 году Абу Мусаб аз-Заркави и сотни других иорданских участников Афганской войны вернулись домой, в страну, которую они едва узнали. Но изменилась не только Иордания. За четыре года, пока Амман и другие крупные города разрастались и становились более современными, Заркави и его товарищи совершили путешествие во времени – в прошлое, в находящийся под контролем “Талибана”^{*} Афганистан, в места, которые почти по всем параметрам на несколько веков отставали от всего остального мира.

В родной город Заркави вернулся чужаком (сам же взял себе псевдоним Странник и теперь в точности ему соответствовал). Даже поход на местный рынок напоминал, какая пропасть лежит между умеренной, беззаботной Иорданией и строгой исламской дисциплиной, царившей в Афганистане. Заркави жаловался друзьям на нескромно одетых иорданок и неженатые пары в кафе и кинотеатрах. Он досадовал на магазины спиртного и продавцов порнографии, которые еще несколько лет назад пользовались его покровительством. Даже собственная семья разочаровала Заркави: мать и сестры отказывались носить паранджи, обычные для афганских женщин, а братья разрешали своим семьям смотреть по телевизору неисламские фильмы и комедии. Выпуски новостей, которые Заркави смотрел время от времени, расстраивали его еще больше, ибо сообщали о прогрессе Палестины и Иордании в переговорах с Израилем. Сама мысль о заключении мира с еврейским государством была для многих исламистов неприемлемой. Иные из тех, кто раньше поддерживал короля Хусейна, так и не смогли ему простить этих действий.

Заркави пытался приспособиться к нормальной жизни, работая в прокате голливудских фильмов и предлагая пленки с исламской пропагандой. Но его неотвратно влекло то единственное, что дало ему смысл жизни. Заркави читал книги о героях раннего ислама, и его особенно восхищал Нур ад-Дин Занги, принц-воитель, правивший в Дамаске в двенадцатом веке. Нур ад-Дин наголову разбил армию европейских крестоносцев и пытался объединить лоскутное одеяло мусульманских царств в единый султанат, от Южной Турции до реки Нил. После того как его воины убили антиохийского князя французского происхождения, Нур ад-Дин велел поместить голову правителя в серебряный ящик и послал ее в дар багдадскому халифу.

Несколько лет спустя Заркави стал видеть себя современной реинкарнацией Нур ад-Дина и захотел подражать его военной стратегии. Он приготовился начать с малого. Заркави отыскал своего

старого афганского знакомого, проповедника и ученого по имени Абу Мухаммад аль-Макдиси, и явился к нему в Аммане с заявлением, что хочет “трудиться на благо иорданской веры”, как вспоминал потом Макдиси. Так сформировалось их партнерство, продлившееся два года. Началось оно с групп, где участники Афганской войны изучали Коран, а продолжилось организацией небольших ячеек для более амбициозных предприятий. “Мы печатали и распространяли кое-какие мои работы, – напишет Макдиси позже о первом этапе сотрудничества с Заркави. – Молодые люди сплотились вокруг нас и передавали наши книги и послания другим”.

Такие же группы, тоже под руководством недовольных режимом бывших моджахедов, формировались тогда по всей Иордании, и некоторые из них устраивали мелкие нападения на винные магазины и прочие символы порочности Запада. Вскоре Заркави представился шанс совершить что-нибудь более выдающееся, чем ксерокопирование религиозных трактатов. Он предлагал разные способы сорвать предстоящие парламентские выборы в Иордании, говоря о возможных мишенях с таким возбуждением, что остальные члены группы забеспокоились.

“Он хотел, чтобы все было быстро, – вспоминал Абу альМунтасир, иорданский исламист, присутствовавший в 1993 году на нескольких собраниях. – Он хотел осуществить все задуманное за пару месяцев, если не часов”. Склонный торопиться, Заркави принимал решения, по словам аль-Мунтасира, “единолично, в неподходящее время и в неподходящем месте”. “И что еще печальнее, – добавлял он, – большинство братьев обычно соглашались с ним”.

К началу 1994 года у группы появилось название: “Байят аль-Имам”, буквально “Клятва верности имаму”. У группы был небольшой склад оружия из неизвестного источника. Макдиси, живший в 1990 году, во время вторжения Саддама Хусейна, в Кувейте, раздобыл несколько мин, гранат и артиллерийских снарядов, оставшихся после ухода иракских войск в 1991-м. Перебравшись в Иорданию, Макдиси прятал их у себя дома. Толчком, побудившим

группу к действию, стали события 25 февраля 1994 года, когда иудей-экстремист открыл огонь по молящимся в мечети города Хеврона на Западном берегу; двадцать девять мужчин и мальчиков были убиты, многие ранены. Группа, разгневанная этим преступлением, решила, при неохотной поддержке Макдиси, с оружием в руках напасть на израильский пограничный пост. Предполагалось сначала выпустить по пограничникам несколько снарядов, а потом применить малокалиберное оружие.

Этим планам не суждено было сбыться. Мухабарат с его обширной сетью осведомителей неизбежно узнал о замысле и очень быстро свел его на нет. Команда Абу Хайсама начала свои рейды, завершившиеся 29 марта эффектным арестом Заркави прямо в постели. Заркави и двенадцать других членов ячейки в конце концов подписали документ, в котором признавались в нелегальном владении оружием и подготовке теракта.

Макдиси попытался устроить из суда презентацию собственных радикальных взглядов; в какой-то момент он выкрикнул военному прокурору: “Вы виновны!” Пока зачитывали приговор, обвиняемые вопили и сотрясали решетку вокруг скамьи подсудимых, а Макдиси кричал: “Ваши наказания только укрепляют нас в вере!”

Возможно, так оно и было. Но Макдиси и Заркави получили по пятнадцать лет тюрьмы, так что более вероятным представлялось, что эти люди вместе со своим движением затихнут навсегда. А если иорданская тюрьма не сумеет удержать их под контролем – на этот случай Мухабарат располагал множеством альтернативных методов, способных обеспечить тот же результат, как любил напоминать западным гостям Абу Хайсам. “Агентство не отвергает варианта применить давление, – говорил он, – если это единственный путь воспрепятствовать скверному развитию событий”.

Правда в том, что руководители Мухабарата сами толком не знали, что делать с Заркави, когда того весной 1999 года неожиданно освободили из тюрьмы. Разведка все еще решала этот вопрос, когда

шесть месяцев спустя Заркави возник в аэропорту с матерью и двумя билетами эконом-класса в Пакистан.

Пока Заркави мариновали в камере предварительного содержания положенные три дня, агенты Мухабарата подвергли основательной проверке его имущество, ища подсказок, куда и как надолго он собирался. В одной из сумок нашли написанное от руки письмо и внимательно изучили каждую строчку в поисках зашифрованных посланий; наконец эксперты пришли к заключению, что это безобидное письмо от одного из друзей Заркави с просьбой передать привет общему знакомому в Пакистане.

Абу Хайсам откровенно провоцировал Заркави, по-разному формулируя одни и те же вопросы. Заключение спокойно признал, что надеется в конце концов поселиться в Пакистане, как только его медовый бизнес станет приносить достаточный доход, чтобы обеспечивать семью. “Я не могу жить в этой стране, – сказал он капитану. – Хочу начать новую жизнь”.

Дискомфорт Заркави был вполне понятен. Во-первых, ему не хватало тюрьмы. Несмотря на тяжелые условия содержания, Аль-Джафр давал Заркави ощущение идентичности и принадлежности к группе. А жизнь вне тюрьмы давала лишь тревогу и растерянность, говорил он членам семьи.

Но больше всего заставлял его нервничать Мухабарат. Удрученные таким скорым освобождением исламистов, начальники антитеррористического отдела службы безопасности делали все, чтобы держать Заркави и его брата в постоянном напряжении.

Абу Хайсам и его коллеги были мастерами этого искусства. Иорданская разведка в числе прочего умела исключительно хорошо проникать в головы подозреваемых террористов и бунтарей. Служба всегда была сравнительно небольшой и зависела от Соединенных Штатов и других союзников в том, что касалось технологий и денег. Но мало кто в мире мог бы соперничать с ними в разработке информаторов, шпионаже или проникновении во вражеские организации. В более ранние времена методы расследования

включали физические пытки – настолько жестокие, что иные иорданцы именовали тюрьму Мухабарата “Фабрикой ногтей”. Однако в последние годы руководители службы усвоили более тонкие приемы, позволявшие добиться тех же результатов.

Чтобы не давать Заркави расслабляться, Мухабарат с изнуряющей регулярностью навещался к нему; агенты называли эту стратегию “раздражать”. Несколько агентов могли явиться в дом Халайли в неурочное время, иногда ночью, и попросить Заркави прокатиться с ними. Прогулки всегда заканчивались посещением штаб-квартиры и “беседой”, которая могла длиться часами. Ключевым моментом ритуала было подтверждение того, что, по сведениям информаторов, Заркави говорил или делал, – просто чтобы напомнить гостю, насколько пристально за ним приглядывают.

Хотя Заркави явно возмущался этими визитами, у него не было выбора, он мог только подчиняться. Во время одного из рутинных “раздражений”, в конце лета, он пришел в ярость при виде черной машины агентов, как вспоминал потом один из них.

“Смотрите, кто пришел – снова Мухабарат!” – взорвался Заркави; его саркастические замечания было слышно на весь квартал. Его мать, чье пухлое лицо сделалось красным на фоне черного головного шарфа, встретила гостей в дверях с целым ворохом колкостей, понося разведку, правительство и даже своего сына, от которого одни проблемы: “Будь проклят день, когда он родился!”

В штаб-квартире служащие по очереди занимались Заркави, образовав нечто вроде команды из детективов и криминалистов. Абу Хайсама иногда сменял его босс, Али Бурзак, глава антитеррористического отдела и один из самых страшных людей в Мухабарате. Из-за жестких манер и венчика рыжих волос частые посетители разведкагентства дали ему прозвище Красный Дьявол. Заркави его ненавидел. Через несколько лет, когда он уже покинул Иорданию навсегда, он дважды посылал своих людей в Амман с приказом убить Красного Дьявола. Обе попытки провалились.

Третьим сотрудником агентства, проявившим особый интерес к подозреваемому, был молодой специалист по борьбе с терроризмом, почти ровесник Заркави. Абу Мутаз принадлежал к новому поколению служащих Мухабарата: образованных, поездивших по миру, обучавшихся аналитике в Великобритании и Соединенных Штатах. Но он был и выходцем из иорданского пустынного племени, дитя той же культуры, что и многие джихадисты и уголовники, с которыми он работал. Его коротко стриженные волосы, неровные зубы и кожаная куртка придавали ему вид парня с улицы, но теплые карие глаза и искренний смех сразу располагали к нему людей, в том числе иных исламистов.

Когда Заркави привозили, Абу Мутаз хватал блокнот, пачку “Парламента” и отправлялся в скудно обставленный кабинет, где проводились неофициальные допросы. Заркави сидел напротив него за маленьким столом, без наручников, на лице, как всегда, – ледяное равнодушие. Абу Мутаз считал, что Заркави выглядит слегка запущенным в своей просторной афганской одежде и с вечно неухоженной клочковатой бородой. Ногти неизменно оставались нестриженными и грязными, словно их обладатель тяжело трудился в поле.

Абу Мутаз предлагал сладкий травяной чай и сладости, которые обычно бывали приняты, – но не кофе и не сигареты. Заркави не любил кофе и, как истинный исламист, считал курение западным пороком. Абу Мутаз все равно закуривал. “Итак, Ахмад, – начинал Абу Мутаз, называя Заркави его настоящим именем, – Расскажи мне о своих планах”.

Абу Мутаз досконально изучил, на какие эмоциональные кнопки Заркави надо нажимать, чтобы вывести его из себя. Он обнаружил, что может спровоцировать реакцию, затронув темы религии или семьи, в особенности говоря о племенных корнях Заркави. Принадлежность к тому или иному племени – предмет огромной важности в обществах Восточного берега реки Иордан, и линия Бани Хасан, к которой принадлежал Заркави, связывала его с одним

из самых крупных и важных племен региона, восходящих к временам пророка Мухаммеда и даже более ранним. Принадлежность человека к тому или иному племени определяла его положение в обществе и требовала от него патриотизма, гордости за свою семью и выполнения сыновнего долга. Абу Мутаз мог обронить в разговоре, что беседовал со старейшинами племени о Заркави и они весьма тревожатся из-за него. Выражение вызова быстро исчезало с лица Заркави, но он ничего не отвечал. “То, что ты делаешь, – продолжал Абу Мутаз, – может погубить твое племя. Твои действия губительны для всей страны”.

Когда темой беседы становилась религия, Заркави воодушевлялся. Ему, похоже, доставляло удовольствие демонстрировать свое знание Корана и хадисов, собраний апокрифических легенд о пророке Мухаммеде и его сподвижниках; джихадисты усердно разрабатывали эти легенды, чтобы придать достоверности своим религиозным взглядам. Абу Мутаз, привыкший пикироваться с исламистами, дразнил Заркави вопросами о его взглядах на насилие. Разве ислам не запрещает отнимать жизнь у невинных? “Еретики не невинны, – спорил Заркави и категорично добавлял: – Это не только *халяль* – разрешено. Всевышний повелел убивать *кяфиров*”.

В конце концов Заркави уставал от разговора и замолкал. “Я вам не нравился, когда был бандитом, – буркнул он как-то Абу Мутазу. – Теперь я стал верующим – и все равно вам не нравлюсь”.

Как бы тревожно ни звучали речи Заркави, он всего лишь воспроизводил обычную риторику джихадистов. По-настоящему опасным мыслителем и проповедником руководителя Мухабарата считали его единомышленника Макдиси; следовало найти повод продержать его за решеткой еще лет пятнадцать. Заркави явно не был человеком уровня Макдиси, но что же он собой представлял? Специалисты агентства были в замешательстве.

Заркави произносил речи религиозного радикала, однако интенсивная слежка показывала, что его поведение весьма

противоречиво и несет на себе отпечатки его дорелигиозного прошлого. Он мог несколько часов провести в доме одной жительницы Зарки, которая не была его женой, а потом объявиться прямо на каком-нибудь исламистском собрании или на вечерней молитве в местной мечети. Абу Мутаз подметил, что Заркави по привычке лгал по мелочам и продолжал цепляться за выдуманную историю, даже когда ему предъявляли доказательства его лжи. Его поведение было настолько непостижимым, что Мухабарат даже в частном порядке нанимал психиатров, чтобы проанализировать его досье и получить экспертное суждение. Мнение врачей, хотя и уклончивое, предполагало, что Заркави, возможно, страдает какой-то разновидностью диссоциативного расстройства личности, такого, где глубинная неуверенность в себе и сокрушительное чувство вины вступают в столкновение с раздутым эго, убежденным в собственном величии. “У него был комплекс героя и комплекс вины, – говорил Абу Мутаз. – Он хотел быть героем, видел самого себя героем, даже когда был вором. Но экстремистом его сделало чувство вины”.

Некоторые друзья-исламисты тоже заметили, что его поведение становится все более странным. Один из них вспоминал, что Заркави мог часами сидеть в любимой фалафельной в своих афганских одеждах, ни с кем не разговаривая. “Он поражал меня тем, что был как суфий, мистик. Спокойный, благочестивый. Слегка печальный”. А бывали минуты, когда Заркави казался почти маньяком, направо и налево твердя о своем стремлении возродить свою прежнюю исламистскую ячейку, в Иордании или за границей.

“Он приходил ко мне домой и просил меня начать с ним новую главу, работать вместе, может быть, уехать в Афганистан, – вспоминал аль-Мунтасир, амманский исламист, которого арестовали и отправили в тюрьму вместе с Заркави в 1994 году. – Я рад был ему как гостю, но отказался работать с ним снова из-за его нарциссизма, не говоря уже об остальных его качествах”.

Но такие разговоры – не преступление. Абу Хайсам честно сказал об этом Заркави в последний из трех дней, которые Заркави провел на попечении Мухабарата после сцены в аэропорту. Капитан допрашивал Заркави (как оказалось, в последний раз), когда его подопечный начал горько жаловаться, что в штаб-квартире агентства он как в чистилище. “Отправьте меня в суд, если у вас на меня что-то есть!” – призывал Заркави. “Если бы у меня что-то на тебя было, я бы отправил тебя в суд!” – признался Абу Хайсам.

Это был редкий момент обоюдной откровенности. Капитан снова объяснил необходимость держать людей, подобных Заркави, на коротком поводке. “Ничего личного, – сказал он. – Ты сам понимаешь, кто ты в наших глазах. Ты экстремист”. – “Вы сами понимаете, кто вы в моих глазах, – парировал Заркави. – Вы неверные”.

На следующий день Заркави с матерью вернулись в аэропорт, чтобы улететь в Пакистан. На этот раз им никто не мешал, однако Мухабарат не спускал с них глаз.

Глава 4

“Время обучения закончилось”

Тридцатого ноября 1999 года иорданские следователи прослушивали разговор сидевших второй срок исламских боевиков. В одной из расшифровок всплыла зловещая фраза. Подозрительный звонок был сделан с афганистанского номера, и звонивший, кажется, давал нечто вроде шифрованной инструкции. “Время обучения закончилось”, – произнес афганец, говоривший на сирийском арабском.

Хотя неясность фразы выводила из себя, руководители Мухабарата решили действовать быстро, чтобы помешать исламистам, каковы бы ни были планы последних. Очень скоро стало ясно: разведка столкнулась с чем-то масштабным. За несколько дней иорданцы арестовали шестнадцать человек, включая того, кому был сделан звонок, – Хадара Абу Хошара, палестинца, воевавшего в Афганистане. Абу Хошар был связан с несколькими экстремистскими группами. В тайном подземном проходе агенты обнаружили инструкции по изготовлению бомб и сотни фунтов химикатов. Из одного подозреваемого агенты выудили кое-какие ключевые подробности, в том числе предполагаемую дату атаки – новогодние праздники 1999 года – и девиз операции, по словам задержанного гласивший: “Время близится: трупы будут сваливать мешками”.

Через несколько дней замдиректора агентства пригласил шефа амманского отделения ЦРУ Роберта Ричера на ужин. Саад аль-Хейр казался необычайно взволнованным; прежде чем сообщить новость, он выпил несколько порций спиртного. “Роб, я хочу тебе кое-что сказать, но не говори моему боссу, – начал второй человек в Мухабарате. – Мы взяли нескольких человек, которые задумали крупные атаки в Иордании”.

Хейр рассказал, как иорданцы узнали о заговоре и что на сегодняшний день им известно о мишенях, избранных террористами. Список возглавлял отель “Рэдиссон”, достопримечательность Аммана, который в канун Нового года наверняка будет битком набит американцами и другими гражданами западных стран, а также сотнями иорданцев. Хейр сказал, что руководство Мухабарата приняло решение не делиться подробностями с американскими коллегами до тех пор, пока не арестуют всех заговорщиков. Ричер прервал его. “Саад, я должен дать ход этой информации, – сказал он иорданцу. – Мне надо увидеться с твоим боссом и получить разрешение использовать ее”.

Ричер, бывший морской пехотинец, стал главой иорданского отделения ЦРУ уже во второй раз и отлично представлял себе, насколько сложно организована внутренняя политика Мухабарата. Но теперь возникла потенциальная угроза для жизни американцев. На следующее утро Ричер пошел в офис Самиха Баттихи, тогдашнего руководителя разведки, и объявил, что ЦРУ из собственных источников стало известно о планах террористов нанести по Иордании удар в канун нового тысячелетия. Пораженному Баттихи ничего не оставалось, кроме как рассказать американцу все, что ему было известно.

В следующие две недели в Иорданию прибыли американские антитеррористические команды, которые помогли местным разведчикам реконструировать то, что позже назовут “Заговором тысячелетия”. Улики оказались разбросаны не менее чем по шести странам. Иорданская часть плана предусматривала волну взрывов и атак с применением стрелкового оружия; мишенями должны были стать не только амманский “Рэдиссон”, но и израильские пограничные переходы, а также христианские святыни, популярные у западных туристов. Отдельно планировалась атака на международный аэропорт Лос-Анджелеса. Она была предотвращена: американские таможенники арестовали террориста,

когда он пытался пересечь американо-канадскую границу на машине, набитой взрывчаткой.

Изъятые документы и расширенное наружное наблюдение увеличили число предполагаемых террористов до двадцати восьми. Из всех имен, оказавшихся в списке, особое удивление возбудило одно: иорданца из Зарки, значившегося под собственным именем Ахмад Фадиль аль-Халайли.

Заркави вернулся.

Покинув двумя месяцами раньше Иорданию, Абу Мусаб аз-Заркави постарался добраться до Западного Пакистана, но там, похоже, застрял. Информатор, недолго следивший за ним, дал знать, что Заркави совершает дневные молитвы в арабской мечети в Пешваре и что он чист. И вот всего через несколько недель Заркави всплывает в качестве мелкого консультанта при подготовке к одному из крупнейших террористических актов в истории Иордании.

Заркави играл роль незначительного советника, но прослушек, связавших его с заговором, оказалось достаточно, чтобы добавить пунктов в его обвинительный список и заочно вынести вердикт “виновен”. Его имя фигурировало и в отчете, который лег на стол Роберта Ричера в амманском отделении ЦРУ. “Тогда мы впервые услышали имя Заркави”, – вспоминал позже американский разведчик.

Предотвратив заговор, иорданцы спасли множество жизней, а также ликвидировали угрозу экономике и политике. Джихадисты избрали своими мишенями символы туристической индустрии, жизненно важной для Иордании, – да еще в момент, когда государство и его неожиданно оказавшийся на престоле молодой монарх все еще пытались нащупать точку опоры после смерти короля Хусейна. За девять месяцев своего правления Абдалла II сделал все, чтобы провести в Иордании экономические и политические реформы; при этом он столкнулся с сопротивлением со стороны старой гвардии, включая генералитет, руководителей органов безопасности и племенных вождей, которые во время

правления короля Хусейна сохраняли привилегированное положение. Если бы теракт удался, он мог бы изменить лицо Иордании, парализовать ее экономику и выбить из рук молодого короля рычаги контроля.

Мухабарат не слишком ликовал по поводу раскрытия заговора. Исламисты дали понять, что намерены атаковать Иорданию, и были близки к успеху. И хотя некоторые участники заговора попали в тюрьму, ключевые фигуры оставались на свободе. В Афганистане или Пакистане они вполне могли начать все заново.

Среди этой группы был Заркави, чьи намерения теперь стали ясны разведке. В сентябре Заркави сидел в офисе капитана Абу Хайсама, умоляя позволить ему оставить Иорданию и начать новую жизнь. Меньше чем через три месяца Мухабарат горько пожалел, что разрешил Заркави покинуть страну. “Он все-таки не забыл об Иордании”, – жаловался Абу Хайсам.

И действительно, интерес Заркави к родной стране не угасал, даже когда его внимание переключилось на более крупные мишени. “Путь в Палестину лежит через Амман”, – повторял он друзьям.

Вскоре Мухабарат узнал и о других готовящихся против Иордании терактах. Следующий заговор, в котором всплыло имя Заркави, был спланирован и организован им лично.

Пребывание Заркави в Пакистане вышло не таким, как он планировал.

Он прибыл в Пешвар в сентябре, намереваясь дальше двинуться на Северный Кавказ, где чеченские сепаратисты как раз начали очередную войну с Российской Федерацией. Если бы Заркави удалось установить контакт с чеченскими добровольцами из Исламской международной бригады, у него появилась бы наконец возможность сражаться против русских – возможность, которой он был лишен во время гражданской войны в Афганистане. Но этому не суждено было сбыться. Пакистанское правительство, помогавшее финансировать афганских повстанцев в 1980-х, в 1999 году стало

гораздо менее терпимым к странствующим арабским джихадистам, и Заркави с большим трудом заводил связи и получал необходимые для путешествия документы. Пока он ждал, русские начали ковровые бомбардировки с применением вакуумных бомб в горах на чечено-дагестанской границе, и большинство чеченских исламистов были уничтожены.

Через полгода после начала путешествия пакистанские власти уведомили Заркави, что срок действия его визы истек и ему придется покинуть страну. Заркави внезапно оказался перед выбором: или вернуться в Иорданию – при большой вероятности, что его арестуют и отправят в тюрьму за участие в “Заговоре тысячелетия”, – или пробираться через горы в Афганистан, ставший гораздо менее привлекательным, чем когда Заркави был там в последний раз. Страна не только была разорена шестилетней гражданской войной; последней фазе конфликта не хватало моральной чистоты, которая привлекала Заркави и десятки тысяч арабских добровольцев в 1980-х и 1990-х годах. Теперь вместо борьбы между исламистами и коммунистами в Афганистане шли сбивающие наблюдателя с толку бои между полевыми командирами-мусульманами и талибскими генералами, причем те и другие то и дело заключали между собой недолговечные союзы.

И все же Заркави выбрал Афганистан. С парой друзей он пробрался в Кандагар и явился в штаб-квартиру единственного воевавшего в Афганистане араба, у которого мог рассчитывать на благосклонный прием, – Усамы бен Ладена. Но вместо теплого приветствия Заркави грубо осаждали. Основатель “Аль-Каиды”^{*} отказался даже встречаться с Заркави; он выслал одного из своих помощников проверить иорданцев. Впрочем, осторожность бен Ладена по отношению к любым гостям имела под собой серьезные основания: смертоносные атаки на два американских посольства в Африке, совершенные за год до этого, обеспечили бен Ладену место в списке самых опасных преступников, разыскиваемых ФБР. И особенно веские причины заставляли его проявлять

подозрительность в отношении гостей, так или иначе связанных с Мухаммадом аль-Макдиси, бывшим сокамерником и наставником Заркави. Макдиси бесил правителей родины бен Ладена, Саудовской Аравии, своими трактатами, в которых призывал свергнуть еретические арабские режимы. У бен Ладена и так были напряженные отношения с саудовскими правителями, и открытое объединение с Макдиси их бы только ухудшило.

Заркави две недели протомили в гостевом доме, прежде чем бен Ладен отправил на встречу с ним своего старшего заместителя, бывшего офицера египетской армии Саифа аль-Аделя. Аль-Адель, вспоминая об этом годы спустя, признавался, что тоже с опаской отнесся к Заркави, который к тому времени уже снискал репутацию воинственного упряма. “Абу Мусаб придерживался жесткой линии, когда дело касалось его несогласия с другими членами братства, – писал впоследствии аль-Адель. – Поэтому я сомневался”.

После обмена традиционными приветствиями аль-Адель постарался оценить иорданца. Первое впечатление его не воодушевило. “Он был крепко сбит и не слишком речист, – вспоминал аль-Адель. – Выражался спонтанно и коротко. И не подвергал сомнению ни одно из своих убеждений”.

Заркави владела великая идея “восстановить ислам в обществе”, у него были жесткие взгляды на то, как должно выглядеть это общество. Но у него, по словам аль-Аделя, не было рычагов, чтобы приблизиться к достижению этой цели. Более того, задавая Заркави вопросы о его прежнем месте жительства, представитель “Аль-Каиды” обнаружил, что иорданец на удивление плохо осведомлен. “Он достаточно знал об Иордании, но его сведения о Палестине были скудными, – говорил аль-Адель. – Мы слушали, но не спорили, поскольку хотели привлечь его на нашу сторону”.

Несмотря на множество слабых сторон Заркави, аль-Адель постепенно проникся симпатией к гостю, который своей неуклюжестью и неспособностью ясно выразить мысль напомнил аль-Аделю молодую версию его самого. Человек, столь упорно

державшийся за свои убеждения, ни в коем случае не мог стать частью “Аль-Каиды”^{*} – аль-Адель и не думал его принимать. Но представитель “Аль-Каиды”^{*} увидел иной способ извлечь из Заркави пользу для организации. На следующее утро он обсудил свою идею с бен Ладеном.

К концу 1999 года “Аль-Каида”^{*} обзавелась мощной поддержкой в Афганистане, в Северной Африке и в государствах Персидского залива. Но в странах Леванта эта сеть была существенно реже. Великой целью “Аль-Каиды”^{*} было уничтожение Израиля, но ей пока не удалось внедрить своих людей в Иорданию или на палестинские территории, чтобы подготовить почву для удара и необходимого первого шага – свержения прозападного иорданского правительства. Возможно, Заркави с его иорданскими корнями и оставшимися со времен тюрьмы связями с палестинскими исламистами мог бы заштопать этот критический разрыв.

“Разве можно было пренебречь такой возможностью – иметь своих людей в Палестине и Иордании? – спрашивал аль-Адель. – Разве можно было упустить шанс работать с Абу Мусабом и ему подобными в других странах?”

Благонадежность Заркави оставалась под вопросом, так что аль-Адель предложил эксперимент: пусть иорданец руководит собственным тренировочным лагерем для исламских добровольцев из Иордании и других государств Леванта, а также из Ирака и Турции. “Аль-Каида”^{*} собиралась предоставить деньги для организации лагеря, а потом наблюдать с расстояния, на что способен Заркави. “Расстояние” в данном случае составляло около 350 миль: предполагалось, что лагерь для боевиков из Леванта будет “несколько удален от нас”, признавал аль-Адель, то есть размещен возле иранской границы – в Герате, городе на противоположном от базы “Аль-Каиды”^{*} конце Афганистана. Заркави не обяжут присягать на верность бен Ладену или подписываться под каждым пунктом идеологии “АльКаиды”^{*}. Но будет много денег от богатых

патронов из стран Залива, а также “полная координация и сотрудничество в достижении наших общих целей”, по выражению аль-Аделя.

Заркави два дня обдумывал предложение и решил принять его.

Его первая тренировочная база первоначально состояла из горстки иорданских друзей и их родственников. Но Заркави разослал приглашения некоторым своим прежним товарищам-моджахедам, а также бывшим сокамерникам, и вскоре новые люди уже пробирались на запад Афганистана. Когда аль-Адель через несколько недель явился проверить, чего достиг Заркави, он насчитал восемнадцать мужчин, женщин и детей. За следующие два месяца население лагеря увеличилось до сорока двух человек, включая сирийцев и европейцев. Один из сирийцев, Абу аль-Гадийя, квалифицированный зубной врач и товарищ Заркави еще с моджахедских времен, говорил на четырех языках и служил чем-то вроде турагента и снабженца, словно бы готовясь к роли, которую он примет несколько лет спустя, – в группе Заркави он будет руководить каналом поставок через Сирию и в Ирак. Однако в те дни самый надежный путь для добровольцев, направлявшихся в Афганистан, проходил через Иран. Хотя Заркави не любил мусульман-шиитов и считал власти Ирана еретиками, ему удалось связаться с несколькими полезными иранцами, которые содержали конспиративные квартиры и контрабандой доставляли людей и все необходимое к афганской границе.

Начальник лагеря за это время превратился в полного энтузиазма командира. Он взял вторую жену, Азру, тринадцатилетнюю дочь одного из живших в лагере палестинцев, что привело в замешательство некоторых его спонсоров из “АльКаиды”*, которые считали, что жениться на детях не подобает. Он проводил свободное время, читая книги, учась работать на компьютере и оттачивая свое ораторское мастерство, постепенно вытесняя привычный сленг Зарки классическим арабским Корана. Он надзирал за обучением своих рекрутов всему, от обращения с огнестрельным оружием

до изучения истории и доктрины ислама. “Они создали маленькое исламское общество”, – гордо объявил аль-Адель.

Но долго оно не продержалось. В Кандагаре бен Ладен дал отмашку на атаки 11 сентября 2001 года, которые должны были втянуть США в войну против “Аль-Каиды”* и ее талибских хозяев. По словам аль-Аделя, Заркави держали в неведении насчет планов “Аль-Каиды”*; он узнал о них только после того, как были нанесены удары по Нью-Йорку и Вашингтону. Но когда за терактами последовали недели боев, база Заркави в Герате оказалась под прицелом американцев наравне с базой бен Ладена.

Наконец колонна машин (последователи Заркави и их семьи) двинулась через весь Афганистан, чтобы присоединиться к “Аль-Каиде”* в обороне Кандагара. Финансируемый США Северный альянс при поддержке американского спецназа и авиации уже захватил Кабул, столицу, и готовился к нападению на последний оплот талибского правительства. Но вскоре после того, как в Кандагар прибыла группа из Герата, на дом, где собирались руководители “Аль-Каиды”*, упала американская бомба. Несколько человек получили ранения, другие, в том числе Заркави, оказались погребены под обломками. Иорданца вытащили из-под завалов с серьезными травмами, включая несколько сломанных ребер. Он все еще восстанавливался, когда бен Ладен бежал, изменив “Талибану”* и улизнув в свое укрытие в восточных горах, в крепость, известную как Тора-Бора.

Заркави собрал своих последователей и нескольких отставших боевиков “Аль-Каиды”* и бросился в противоположном направлении, к Ирану: приграничные города, где он когда-то вербовал единомышленников, казались ему безопасными. Там, как вспоминал позднее аль-Адель, беглецы разделились на небольшие группы, чтобы обдумать свои тающие на глазах возможности. На востоке Афганистана пало под массированными американскими бомбардировками горное убежище бен Ладена. В Иране

правительственные чиновники, которые поначалу обещали принимать беженцев из “Аль-Каиды”*, передумали и арестовали несколько десятков новоприбывших, включая большую часть гератского контингента. Где же могли люди из “Аль-Каиды”* обрести убежище, которое обещало бы и физическую безопасность, и возможность отдохнуть и перегруппироваться?

Такое место нашлось в северо-восточных горах Ирака. Всего в нескольких милях от иранской границы несколько курдских деревень и небольших городов пользовались шаткой автономией; иракская диктатура до них не дотягивалась. Эти курдские провинции находились под защитой американской бесполетной зоны, установленной в конце первой войны в Заливе в 1991 году, и в их границах пустили корни самые разнообразные политические фракции. Имелось здесь и курдское талибаноподобное движение, членами которого были многие участники афганской войны; они называли себя “Ансар аль-Ислам”, то есть “Помощники ислама”*. Движением руководили экстремистски настроенные сунниты, быстро навязавшие жителям подконтрольных деревень жесткие законы шариата. Они запретили музыку в любой форме, заставили женщин закрывать лицо, выходя на люди, и объявили вне закона школы для девочек. Кроме того, они питали слабость к экспериментам с ядами и учредили кустарную лабораторию, где ставили на бродячих собаках опыты с цианидом и самодельным рицином.

Помимо всех этих прелестей, Северный Ирак предоставлял беглому иорданцу и другие возможности. Заркави было легче смешаться с местным населением здесь, чем в Афганистане, где он не говорил ни на одном из местных наречий. А крайняя изоляция региона давала возможность восстановить силы без помех.

Добравшись до базы “Ансар аль-Ислама”*, Заркави перебрался в примитивное жилище в крошечной деревеньке Саргат, скоплении каменных лачуг в тупике дороги, ведущей в горы. С горсткой гератских последователей и парой тысяч долларов, оставшихся

от денег “Аль-Каиды”*, он приступил к восстановлению своего афганского тренировочного лагеря. Новый лагерь серьезно отличался от прежнего, в первую очередь отсутствием хоть сколько-нибудь значительного влияния со стороны “Аль-Каиды”*: до укрытия бен Ладена было больше двух тысяч миль. Заркави рассчитывал на появление новых союзников и сторонников, включая сочувствующих багдадских исламистов, которые приютили его, когда он тайно ездил в Ирак лечить сломанные ребра. К тому же Заркави стал шире смотреть на цели своего джихада. До 2001 года главными объектами его ненависти были Израиль и правительство родной Иордании. Теперь боль от сломанных ребер постоянно подогревала желание причинить вред Соединенным Штатам. Именно так он сказал аль-Аделю незадолго до того, как покинул Иран, чтобы присоединиться к силам “Ансар аль-Ислама”*. Это была последняя их встреча.

“Когда он зашел проститься перед отъездом из Ирана, – вспоминал аль-Адель, – то особо подчеркнул, как важно отомстить американцам за преступления, совершенные во время бомбардировок Афганистана, коим он сам был свидетелем”.

Жесткий характер Заркави перековывался трижды: войной, тюрьмой и ответственностью, которую он принял, командуя собственным тренировочным лагерем в Афганистане. В конце концов он стал видеть себя лидером и человеком, у которого есть предназначение. И вот теперь, полагал аль-Адель, его образ действий и мыслей снова изменился, закаленный на этот раз “враждой и ненавистью к американцам”.

На Западе газеты начали рассуждать, готовится ли правительство Джорджа Буша к второй войне против Саддама Хусейна. Кто как, а Заркави воспринял эти дискуссии всерьез. Беседуя в унылые месяцы 2002 года с павшими духом исламистами, он говорил о грядущих великих битвах и о том, что сама судьба привела его в нужное место, где он вступит в схватку со злейшими врагами

Аллаха. Об этом свидетельствовал Фуад Хусейн, иорданский журналист, который встречался с Заркави в тюрьме и позже написал книжку о ранних годах предводителя террористов. В те дни бен Ладен был в бегах в Пакистане, а арьергард “Талибана”^{*} преследовали в горах Восточного Афганистана бойцы американского спецназа. И все же настоящее противостояние еще впереди, пророчествовал Заркави, в стране, которая как минимум последние сто лет не вела религиозных войн.

“Ирак, – говорил Заркави друзьям, – станет местом предстоящей битвы с американцами”.

Глава 5

“Я сделал это во имя “Аль-Каиды”* и ради Заркави”

Лоуренс Фоули никогда не был ярким человеком, но что-то было в этом уроженце Бостона, что выделяло его даже в таком космополитичном городе, как столица Иордании. Он был крупным по амманским стандартам, с внушительным животом, способным вместить все дипломатические ужины и обеды, которые требовались от среднего уровня чиновника посольства США. Венчик седых волос торчал, как вата, контрастируя с красноватым веснушчатым лицом ирландца. Он любил подолгу гулять со своим золотистым ретривером Богартом в районе, где человек, гуляющий с каким бы то ни было домашним животным, все еще обращал на себя внимание. Еще больше удивлял его друзей отказ поддаваться всеобщей суете и хлопотать о собственной безопасности, как делали многие граждане западных стран в напряженные месяцы после терактов 11 сентября 2001 года. “Иордания – место спокойное”, – уверял шестидесятидвухлетний Лоуренс своих родных, которые, сознавая, что быть американцем в Аммане стало небезопасно, тревожились за него.

В первые недели и месяцы после терактов враждебность по отношению к американцам резко возросла, и некоторые семьи сбились в защищенные анклавов возле посольства, которое обросло новыми заграждениями и вооруженной до зубов военной охраной. Но Фоули, за тридцать лет работы за границей служивший и в гораздо более опасных местах, решил остаться в двухэтажной вилле в Западном Аммане, где кованые решетки на окнах и розовые кусты словно бы гарантировали мирную иорданскую повседневность – какой она видится экспату. По вечерам они с женой Вирджинией продолжали выгуливать Богарта вдоль улицы

Абдаллы Гошеха, приветствуя соседей взмахом руки и одной-двумя простыми арабскими фразами. Каждое утро Фоули садился за руль подержанного “мерседеса” С-280 винного цвета, с дипломатическими номерами (он держал машину под небольшим навесом за решетчатыми воротами) и ехал в посольство. Он придерживался своего режима – демонстративно, вызывающе, – даже когда в начале осени 2002 года стали поступать предупреждения о плане террористов похищать американцев в Иордании с целью выкупа.

Его работа в миссии – поиски финансирования для водоочистных проектов, а также партнеров для иорданских предпринимателей – была не особенно престижной, но важной, и Фоули отдавался ей с энергией и страстью. Ему нравилось работать в амманских лагерях беженцев и втягивать их обитателей в разговор. Его бесконечные вопросы о жизни в лагере заставляли иных подозревать, что Фоули – шпион ЦРУ, хотя большинство бывали очарованы дородным американцем с обезоруживающей широкой улыбкой. Восхищенные начальники присудили ему специальную награду, и вечером 27 октября 2002 года посольство вручило Фоули памятный знак и дало в его честь ужин, продолжавшийся допоздна. Фоули пришел домой усталым, но полным энтузиазма, как вспоминала впоследствии Вирджиния. “Я там, где хочу быть, – сказал он ей, – и делаю то, что хочу делать”.

На следующее утро он, как обычно, поднялся, оделся и в 7.20 направился к навесу. Он уже потянулся к дверце “мерседеса”, когда внезапно с противоположной стороны машины выросла какая-то фигура. Лицо человека было скрыто головным покрывалом в черно-белую клетку – кувфией. В правой руке он держал пистолет с глушителем.

Пип. Пип.

Фоули пошатнулся. Стрелявший сделал шаг вперед и разрядил в него всю обойму.

Пип. Пип. Пип. Пип. Пип.

Фоули скорчился на тротуаре; пули попали ему в лицо, шею, в плечо и грудь. Человек в куфии перелез через невысокую стену и побежал к машине с водителем, ожидавшей его через квартал. Все произошло меньше чем за минуту, шума было так мало, что соседи не слышали выстрелов и не видели тела, лежавшего, раскинув ноги, в кровавой луже между “мерседесом” и розовыми кустами.

Но кое-кто за много миль от Западного Аммана слышал, как через час стрелявший связался по телефону с кем-то на севере Ирака. “Сообщите шейху, – сказал убийца, – что все исполнено должным образом”.

Фрагмент перехваченного разговора между убийцей и его связным был рутинной добычей для Агентства национальной безопасности, или АНБ, – американской разведывательной службы, которая ведет самую плотную разведку наблюдением по всему миру. После терактов 11 сентября АНБ методично разбирало огромное количество данных, сосредоточившись на тех регионах, где теоретически могли укрываться Усама бен Ладен и другие деятели “Аль-Каиды”*. Летом и осенью 2002 года одним из таких мест был северо-восток Ирака. Вскоре должностные лица самого высокого уровня в Белом доме и Пентагоне уже пристальнейшим образом наблюдали за несколькими горными деревнями – настолько маленькими, что не на каждой карте региона они были отмечены.

Убийство американского дипломата – большая редкость даже для такой беспокойной части мира. Самые первые подозрения, возникшие после первоначального анализа звонка убийцы, указывали на “Аль-Каиду”*, и в частности – на человека, чье имя еще не впиталось в сознание большинства аналитиков антитеррористического центра ЦРУ.

Но в агентстве служил сотрудник, знавший Абу Мусаба аз-Заркави лучше всех и имевший основания сомневаться. Нада Бакос, новоиспеченный тридцатитрехлетний аналитик, появилась в управлении всего двумя годами раньше, но быстро становилась

ведущим экспертом ЦРУ по Заркави. В последние годы эта фермерская дочка из Центральной Монтаны возглавляла охоту за террористом, неделями работая без перерыва на пыльных военных базах Ирака в нескольких милях от места, где мог обитать Заркави. Она отслеживала его передвижения, о которых становилось известно, допрашивала захваченных в плен боевиков и даже сопровождала американских солдат во время полуночных рейдов на попавшие под подозрение квартиры. Бакос рылась в его биографии и привычках с таким рвением, что сослуживцы подшучивали насчет ее иорданского “бойфренда”.

Но что-то в том, как все спешили возложить вину на Заркави, ей не нравилось. Она допускала, что приказ о нападении отдал именно он, но такое допущение могло оказаться чересчур удобным. Иорданцы рьяно взялись бы доказывать, что преступление было терактом международного масштаба, а не случайным актом насилия, вредящим репутации страны в глазах туристической индустрии. Более того, немногие знавшие имя Заркави чиновники из бушевского Белого дома в последнее время как-то странно заикнулись на иорданца. В отделение Бакос в ЦРУ постоянно поступали запросы от назначенцев Буша о слухах насчет связи Саддама Хусейна с “Аль-Каидой”* (в данный момент администрация не сводила глаз с президента Ирака). Если Ирак играл хоть малейшую роль в совершенных “Аль-Каидой”* 11 сентября терактах, это давало безупречный повод для вторжения. ЦРУ могло дезавуировать большинство слухов о причастности Ирака к трагедии 11 сентября, но случай Заркави был более туманным. Разве не его видели в Багдаде получающим медицинскую помощь в одной из государственных больниц? Разве не Заркави “Аль-Каида”* давала деньги и землю, чтобы он организовал тренировочный лагерь на западе Афганистана? Разве не он, когда началось наступление на Афганистан, бежал в Ирак, вместо того чтобы присоединиться к бен Ладену в крепости Тора-Бора? И еще более тревожный вопрос:

предлагала ли предполагаемая лаборатория ядов “Ансар альИслама”^{*} сотрудничество Саддаму Хусейну, чей интерес к химическому оружию в 1990-е годы был хорошо известен?

Бакос и ее коллеги добросовестно пытались ответить на все эти вопросы в рамках тех немногих сведений, которыми они располагали в конце 2002 года.

Теперь вопросы умножились. Застрелен американский дипломат, имеется убедительное доказательство того, что распоряжение об убийстве отдано с иракской земли, человеком, очевидно связанным с “Аль-Каидой”^{*}.

Для большинства американцев и даже для большинства аналитиков ЦРУ Заркави оставался неизвестной фигурой в какой-то малозначимой тупиковой ветви международного джихадистского движения. Но данный ему в бушевском Белом доме вертикальный старт забросил его на самый верх террористической пирамиды.

В первые два беспокойных года Нады Бакос в ЦРУ бывали моменты, когда история, казалось, летела прямо в нее, как шрапнель или кирпичная крошка сквозь ветровое стекло. Один из таких случаев произошел ранним утром 11 сентября 2001 года. Бакос и другие молодые аналитики сгрудились возле телевизора, как раз чтобы увидеть, как второй авиалайнер прошивает алюминиевое покрытие Второй башни Международного торгового центра и взрывается, выйдя с северной стороны здания. “Аль-Каида”^{*}, слышалось среди беззвучных вскриков и слез, пока служащие смотрели, как черный дым стелется над Нижним Манхэттеном. Сотрудники по приказу об эвакуации сплошным потоком покидали здание, но Бакос, в то время начинающий аналитик, с золотисторусыми волосами и мягкими карими глазами, не могла заставить себя уйти.

“Я все спрашивала себя, что я могу сделать, – говорила она впоследствии. – Наверное, нас попросят действовать?”

И действительно, буквально через несколько минут руководитель антитеррористического отдела ЦРУ Кофер Блэк собрал группу из двухсот служащих, оставшихся в здании. Его слова определили работу агентства на несколько лет вперед: найти и уничтожить бен Ладена и разгромить его организацию. “Идет война, – сказал Блэк, – и эта война отличается от всех наших прежних войн”.

Другой эпизод имел место через год. Бакос осознала, что сидит в небольшом конференц-зале с вице-президентом Соединенных Штатов. Страна вплотную подошла к войне с Ираком, и Дик Чейни, в то время главный защитник военной стратегии в администрации Буша, решил нанести весьма нетипичный визит в кампус ЦРУ в Лэнгли (Виргиния), чтобы лично задать вопросы главным специалистам по борьбе с терроризмом. Кабинет Чейни много месяцев требовал, чтобы ЦРУ занималось поиском возможных связей между атаками 11 сентября и иракским президентом Саддамом Хусейном. Заркави возникал как интригующая фигура, но доклады ЦРУ об этом человеке были куда умереннее тех, что приходили из Пентагона, из Управления специального планирования – теневой разведывательной службы, созданной заместителем министра обороны Дугласом Фейтом, иракским “ястребом” и назначенцем Буша. Что в действительности было известно агентству?

В то утро вице-президент прибыл в обществе нескольких помощников (хмурые взгляды, темные костюмы) на встречу, которой суждено было стать вторым открытым выяснением отношений с агентством из-за иракских материалов. Первое, под председательством директора ЦРУ Джорджа Тенета, прошло неважно. У крупных чинов агентства не нашлось готовых ответов на вопросы Чейни о подозрительных контактах между предполагаемыми деятелями “Аль-Каиды”^{*} и Саддамом Хусейном. Его вопросы обнаружили серьезный пробел в сведениях разведки об иракском лидере и о поддержке, которую тот оказывал террористам, в том числе, возможно, и бен Ладену.

Тенет созвал вторую встречу, в которой разрешили принять участие молодым служащим – тем, кто знал досье лучше всего. Так и получилось, что Бакос, на третьем году ее службы в ЦРУ, пригласили поучаствовать в информировании второго по могуществу человека в стране.

Встреча проходила в здании штаб-квартиры, на седьмом этаже, возле приемной и кабинетов начальства. Из окон был виден густой лесной массив, играющий роль щита между разведслужбой и людными виргинскими пригородами Вашингтона. Чейни и его советники сидели по одну сторону длинного стола, лицом к лицу с руководителями среднего уровня, вооружившимися папками и блокнотами с прошлого заседания (накануне имела встреча, посвященная практическим вопросам и получившая название “совет по убийству”). Бакос, одна из самых молодых служащих в этом кабинете, заняла место за спиной у босса. Ее задачей было служить запасным вратарем, с ходу отвечая на вопросы, пролетающие за переднюю линию. Поначалу она нервничала, но потом расслабилась и с восхищением слушала, как Чейни задает вопросы. Он скептически поглядывал поверх очков на экспертов ЦРУ, а тон его был вежливым, но настойчивым, как у опытного прокурора, который ломает сопротивление не желающего говорить свидетеля.

Бакос молча сидела на стуле у дальней стены, слушая, но не вполне веря. Причин охотиться за человеком, который в 1999 году участвовал в подготовке “Заговора тысячелетия”, было множество. Но... группа заговорщиков, куда входят радикал-джихадист и светский до мозга костей иракский лидер, жестоко преследовавший исламистов у себя в стране? Неужели Чейни серьезно?

Чейни был более чем серьезен. Через пару недель его помощники с негодованием отреагировали на рапорт ЦРУ с пометкой “совершенно секретно” (Бакос участвовала в его составлении) – ничего, кроме голословных опровержений слухов об оперативных связях между правительством Саддама Хусейна и “Аль-Каидой”.

В отчете говорилось, что истории о тайных контактах между двумя заклятыми врагами, распространяемые помощниками Буша, “как выяснилось, основаны на слухах” при отсутствии “доказанных деталей или другой информации, которая могла бы подтвердить их”.

Ответов, как понял Чейни, не существовало; и все же чем больше ЦРУ сдавало назад, тем настойчивее становилась команда Чейни. Однажды помощник Буша позвонил Бакос прямо на ее рабочее место, чтобы кое-что уточнить насчет одной строки в ее отчете. Этот звонок нарушал освященный временем протокол, запрещающий политическим деятелям контактировать с частными аналитиками напрямую, – правило, призванное защитить сотрудников ЦРУ от политического давления. Бакос быстро повесила трубку и пожаловалась своему боссу, который, возмущившись нарушением этики, позвонил в Белый дом.

“Нас просили доказать отсутствие связи: подтвердить, что Заркави не состоял в “Аль-Каиде”^{*} и не работал с Саддамом, – вспоминала Бакос. – И даже когда мы пытались сделать это, ответ был: ну и что? Цель у них у всех одна, так какая разница?”

Едва ли так Бакос представляла себе свою работу, когда двумя годами раньше подавала заявление в разведслужбу. Заявление было шуткой, случайным пари, которое она держала сама с собой. Долго еще после того, как ее приняли на работу в ЦРУ, близкие дома считали, что Нада – нечто вроде секретаря-референта, отвечает на телефонные звонки и просматривает электронную почту. Еще никто в крошечном монтанском Дентоне не занимался делом столь славным, как отслеживание террористов.

Когда-то Бакос мечтала стать ветеринаром – казалось бы, вполне подходящая работа для молодой женщины, выросшей рядом с лошадьми и проводившей долгие летние дни в одиночестве, разъезжая по ранчо на любимом жеребце. В юности ее горизонты ограничивались крошечной средней школой с выпускным классом из девяти учеников да передачами о полицейских, которые она

любила смотреть по телевизору. Но уже тогда она знала, что хочет большего.

Автомобильная авария во время первого года в Университете Монтаны едва не положила конец ее амбициям. Но Бакос сумела вернуться в колледж и направила энергию на другую специальность, экономику, начала строить смутные планы работать в сфере международных отношений. Она вышла замуж, недолго поработала на цементном заводе и в горнодобывающей компании. Потом, за несколько месяцев до своего тридцатого дня рождения, она уложила имущество в “форд” – пикап F-150 и покатила через всю страну в Вашингтон. Бакос только что развелась, у нее не было ни работы, ни каких-либо внятных перспектив, но ее отчим, ветеран вьетнамской войны, убеждал ее попробовать силы в разведке. Он увидел объявление в *Economist* и посчитал, что Нада вполне подходит для этой работы. “Меня не возьмут, – говорила Нада отчиму. – С чего?” – “Просто подай заявление, и все”, – ответил он.

Бакос не смогла выбросить эту идею из головы. Она как раз и подумывала о месте экономиста-аналитика в каком-нибудь правительственном агентстве, возможно – в Государственном департаменте. “ЦРУ” звучало как приключение. И она сказала себе: “Почему бы и нет?”

Бакос заполнила заявление, прошла проверочные испытания и, к ее изумлению, ей позвонили из кадрового отдела агентства, назначили собеседование. Пять месяцев спустя Бакос уже входила в знаменитую дверь, мимо шестнадцатифутовой гранитной мозаики с эмблемой агентства. Сначала она работала техническим специалистом, в самом низу бюрократической пирамиды, но быстро вырвалась в аналитики – ответственная должность, в разведке сочетающая умение идти по следу со способностью обрабатывать огромные массивы данных, полученных от электронных и человеческих шпионских сетей. Благодаря своей экономической подготовке Бакос попала в команду, которая отслеживала финансовые преступления Саддама Хусейна, включая его

беззастенчивое жульничество с торговыми эмбарго ООН. Вскоре ее должностные обязанности расширились – в них теперь входила обработка других разведданных об Ираке, в том числе о поддержке, которую диктатор оказывал террористическим организациям, что, в свою очередь, вело к Заркави.

Стройная и светловолосая, Бакос привлекала внимание сотрудников в организации, где трудились преимущественно мужчины, особенно в рядах руководства. Но еще больше выделяло ее то, насколько хорошо она владела предметом изучения. Она не только впитывала каждую каплю доступных сведений о Заркави и его главных подручных, но также проявила поразительный талант видеть закономерности в потоке случайных на первый взгляд деталей. Один из ее тогдашних руководителей отзывался о Бакос так: “Она один из лучших виденных мной аналитиков”.

“Она вроде тех, кто умеет просчитывать карточные ходы в Лас-Вегасе, – говорил ныне ушедший в отставку высокий чин ЦРУ. – Бакос заранее видит всю цепочку изменений, которые могут произойти от вброса одной-единственной детали. Научить такому невозможно”.

Сама Бакос позже скажет друзьям, что эта работа – первая, которая по-настоящему ей подходит. “Здесь я в центре событий”, – говорила она. Однако впервые в жизни она столкнулась и с тяжелой правдой. Так, на протяжении всей своей карьеры Бакос наблюдала, насколько выборочно политические лидеры подходят к секретным материалам, желая представить избирателям уклончивую, выгодную им самим версию реальности. Этим грешили все президенты – но одни, пожалуй, больше, чем другие.

И вот теперь этот урок приходилось учить заново. После визита Чейни осталось немало обиженных. Вице-президент и его команда улетели в Вашингтон без каких-либо существенных прибавок к иракскому досье. Некоторых аналитиков ЦРУ, присутствовавших на встрече, этот визит глубоко обескуражил. Белый дом явно готовился к военной операции, а Чейни и его команду, казалось, вовсе не тревожило, что имеющиеся доказательства делают позицию

администрации весьма шаткой. “Я считала, что мы знали недостаточно, – вспоминала Бакос. – Но еще меньше я знала о том, как вступают в войну”.

Через несколько лет Чейни будет настаивать, что его заикленность на возможных связях Ирака с террористами была вполне оправданной. “Я задавал жесткие вопросы”, – признавал он в письменном отчете о визите в ЦРУ. Анализируя возможные угрозы стране после терактов 11 сентября, Чейни заключал: не было “места, которое лучше служило бы связующим звеном между терроризмом и [оружием массового поражения], чем Ирак Саддама Хусейна”.

“Оглядываясь на произошедшие события и даже принимая во внимание, что некоторые полученные нами разведданные оказались неверными, мы заключаем, что все же оценили положение правильно”, – писал Чейни.

Обоснованно или нет, но Белый дом не закончил с Заркави. Повышенный интерес к возможным связям иорданца с Ираком продлится до самого начала операции и – к досаде Нады Бакос – растянется на долгие годы. Убийство американского дипломата в Иордании еще больше усилило давление.

После того как Лоуренса Фоули среди бела дня расстреляли в одном из самых безопасных районов Аммана, высшие эшелоны иорданского правительства охватило нечто весьма напоминающее панику. За всю историю страны ни один американский дипломат не подвергался серьезной угрозе, не говоря уж об убийстве. Король Абдалла II лично встречался с официальными лицами из ЦРУ и Госдепартамента для согласования первых этапов расследования. Он и его жена, королева Рания, нанесли визит вдове Фоули, чтобы выразить соболезнования и помочь в подготовке возвращения тела ее мужа в Соединенные Штаты. Тем временем полиция и Мухабарат толпами вязали и допрашивали исламистов-радикалов. В течение сорока восьми часов более сотни человек отправились в тюрьму, а у разведки все еще не было ответа на вопрос, кто стоял

за убийством Фоули и почему из нескольких тысяч проживающих в Аммане американцев выбрали именно его. Кто стал бы утруждать себя расправой над среднего уровня бюрократом, чьей главной обязанностью было улучшение питьевой воды в Иордании?

Тридцатого октября двойной эскорт из военно-морского десанта США и иорданского почетного караула отвез урну с прахом Фоули в амманский аэропорт к военному транспортному самолету; прах провожали Вирджиния Фоули и золотистый ретривер Богарт. Тем временем на другом конце города в штаб-квартире Мухабарата продолжались допросы. Незвестная группа джихадистов взяла на себя ответственность за преступление, однако их заявление было проверено и отклонено. Следователи давили, угрожали, льстили. Проходили недели, но они не нащупали ни одной ниточки, за исключением перехваченного телефонного звонка, сделанного, вероятно, с дешевого “паленого” телефона с краденой картой памяти.

И вот в конце ноября один из информаторов Мухабарата подслушал неясные разговоры о странном ливийце, который обосновался в поселении для беженцев в районе Марка, на окраине Аммана. Иностранец появился в сентябре, якобы чтобы помочь другу открыть магазин женской одежды, специализирующийся на черных абаях и головных покрывалах, какие носят религиозные женщины. Эти двое наняли небольшое помещение на первом этаже, с витриной на улицу, и снабдили его вывеской “Маленькая принцесса”. Еще они арендовали маленький склад, к недоумению соседей, не понимавших, зачем крошечному магазину понадобилось столько места для хранения товара.

Иорданским партнером был палестинец по имени Ясир Ибрагим Фрейхат, небогатый бизнесмен, питающий симпатию к джихадистам, однако не замеченный в связях с группировками радикалов или преступниками. Ливиец выглядел куда более интересным. После нескольких дней слежки Мухабарат смог почти наверняка установить его личность: Салем бен Сувейд, участник гражданской войны в Афганистане, которого арестовали три года назад, когда он

явился в Иорданию с фальшивым паспортом. Полиция подозревала, что он связан с “Аль-Каидой”*, и выкинула его из страны. Если это действительно был Сувейд, значит, ему удалось проскользнуть в страну второй раз незамеченным.

После полуночи 3 декабря агенты Мухабарата провели обыски на складе, в магазине “Маленькая принцесса” и в квартирах обоих мужчин. Они вытащили из постелей Сувейда и Фрейхата в пижамах и начали рыться в вещах в поисках чего-нибудь подозрительного. Обыск в доме Сувейда дал богатый улов. Агенты нашли перчатки и маски, бронежилеты, емкости со слезоточивым газом и десять тысяч американских долларов. В задней комнате обнаружился тайник с оружием: пять штурмовых “калашниковых” с боеприпасами, справочник по взрывчатым веществам и блокнот с планами потенциальных мишеней. Однако следов глушителя или семимиллиметрового пистолета, который соответствовал бы стреляной гильзе, найденной на вилле Фоули, здесь не оказалось.

В четыре часа утра обоих доставили в антитеррористический отдел Мухабарата, где за них взялись сотрудник отдела Абу Хайсам и Али Бурзак, начальник и легендарный следователь, известный как Красный Дьявол. К шести утра, когда приближающийся рассвет смягчил цвет облаков над Иудейскими горами до глухо-серого, Сувейд сломался. Он подписал признание в том, что планировал и исполнил убийство дипломата Лоуренса Фоули. По словам Сувейда, его деловой партнер Фрейхат играл роль караульного и водителя.

Это была быстрая работа даже по стандартам Мухабарата, и Абу Хайсам понимал, что столь скорое признание возбудит подозрения. И иорданцы, и даже представители Запада решат, будто разведслужба применила пытку, чтобы добыть подозреваемого в убийстве, которое компрометировало страну в глазах ее самого важного союзника. Так что не успели просохнуть чернила на признании, как капитан прибегнул к тактике, которой обычно

пользовался, когда свидетельство подозреваемого вызывало сомнение: он организовал экскурсию на место преступления.

Покорный Сувейд в наручниках поместился на заднем сиденье, и водитель тронул машину по направлению к западным районам Аммана, где обитали большинство послов и дипломатов. “Показывай дорогу”, – приказал Абу Хайсам.

Сувейд указывал водителю путь сквозь лабиринт переулков, пока машина не остановилась перед навесом, где несколько дней назад лежало тело Фоули. Теперь в доме было пусто; Вирджиния Фоули покинула Иорданию, увозя тело мужа; она никогда больше не будет жить на Ближнем Востоке. Все следы расправы отмыты начисто. Арестованный тихо сидел сзади, опустив голову. “Покажи, где это произошло”, – велел Хайсам.

Сувейд медленно воспроизвел историю – именно так, как изложил ее в своем признании. Он тайно пересек сирийско-иорданскую границу в сентябре с заданием найти мишени среди американских и иорданских чиновников. Основав вместе с Фрейхатом фирму для прикрытия, он отправил старого товарища обратно в Сирию забрать оружие, в том числе “калашниковы” и пистолет. Потом, в октябре, он принялся курсировать по дипломатическому району Аммана и богатым районам, популярным у приезжих из западных стран.

По словам Сувейда, на Фоули он вышел случайно. Открытый и общительный, американец обратил на себя внимание во время своих регулярных визитов в амманские поселения беженцев, где работал с палестинцами над гидротехническими проектами. Его дружеские вопросы о жизни в лагере заставили некоторых подозревать, что он какой-то агент. Каждый знал красный “мерседес” с дипломатическими номерами, которые Фоули продолжал использовать даже после того, как другие посольские служащие сменили номера на обычные иорданские.

Сувейд отыскал дом Фоули и три дня наблюдал. Подметил седые, редющие волосы Фоули и образовавшийся с возрастом животик. Отметил отсутствие охраны и камер видеонаблюдения, а также

низкую ограду вдоль фасада и боковых сторон дома – через такую стену можно было легко перелезть, и она давала достаточно места для укрытия. Сувейд сделал краткие записи об утренних ритуалах Фоули: ранний подъем, прогулка с собакой, точно, по часам, отбытие в 7.20 утра в офис – всегда один, за рулем “мерседеса”.

Двадцать восьмого октября, когда городские муэдзины пели призыв к рассветной молитве, ливанец и его партнер забрались в арендованный “хёндаи” и направились в западную часть Аммана, спрятав пистолет и маску в коробку, лежавшую на коленях у Сувейда. Сувейд не знал, шпион ли Фоули. Но он искал случая убить американца, и вот случай представился. “Я думал, что убить его будет легко, всего пара выстрелов”, – говорил он Абу Хайсаму.

Он показал офицеру Мухабарата место, где он проделал брешь в стене и где ждал скорчившись, когда Фоули выйдет из дома. Он подробно рассказал, как, не говоря ни слова, выстрелил в дипломата, после чего выстрелил еще раз, чтобы убедиться, что раны смертельны. Показал место, где Фрейхат ждал его в “хёндаи” с работающим двигателем, и описал, как оба потом торопились назад, в Марку, остановились один раз, чтобы выбросить пистолет в нечистую воду Зарки. Они вернулись домой вовремя, чтобы переодеться и открыть “Маленькую принцессу” ровно в 10 часов утра.

Абу Хайсам внимательно выслушал его, а потом снова задал вопрос, который не давал ему покоя с тех пор, как до него дошла весть об убийстве: “Почему?”

“Я сделал это во имя “Аль-Каиды”^{*} и ради Заркави”, – ответил Сувейд.

Действительно ли Заркави имел к этому отношение?

Иорданские официальные лица выждали почти две недели, прежде чем объявить об арестах и публично связать имя Заркави с преступлением, – возможно, в надежде, что ЦРУ найдет дополнительные доказательства, подтверждающие связь между

стрелявшим и человеком, который быстро становился самым известным иорданцем в бегах. И так уже многие иорданцы охотно поверили адвокату Сувейда, когда тот сказал амманским журналистам, что заявление о роли Заркави было сделано под пытками.

В ответ следователи допустили утечку насчет перехваченного телефонного разговора между Сувейдом и его контактом в Ираке – человеком, опознанным как Муаммар Юсеф альДжагбир, известный последователь Заркави. Самого Джагбира арестовали через несколько лет в Ираке, и заявления, которые он сделал взявшим его в плен американцам, подтвердили, что Заркави лично отправил Сувейда в Иорданию с бюджетом в пятьдесят тысяч долларов и инструкцией отыскивать и убивать американцев – любых американцев.

Что удивительно, Заркави, однако, так и не взял на себя ответственность за убийство Фоули, хотя поставил себе в заслугу сотни других, в том числе и убийства множества американских граждан. Исламисты, знавшие Заркави во время его пребывания на северо-востоке Ирака, утверждали, что он не имел отношения к этому преступлению.

Нада Бакос, сотрудница ЦРУ, наблюдавшая сбор информации в режиме реального времени, говорила, что на некоторые ключевые вопросы ответов так и не нашлось. “Свидетельства были расплывчатыми, – скажет она позже. – Мы, аналитики, были убеждены в причастности Заркави. Хватало ли этого для уголовного дела – другой вопрос”.

И все же аргументы аналитиков предоставляли более чем достаточные основания для действий. Тяжкое преступление было совершено против американского государственного служащего, исполнявшего свои обязанности в другой стране, и имелись причины подозревать Заркави как минимум в причастности.

Следовало восстановить справедливость, а значит, арестовать самого Заркави. К счастью, в последние недели осени 2002 года

правительство США уже точно знало, где он.

Глава 6

“Войны не миновать”

Когда человек, которому предстояло стать главным шпионом ЦРУ в Северном Ираке, летом 2002 года прибыл в страну, он едва ли слышал о подозреваемом террористе по имени Абу Мусаб аз-Заркави. Но уже через несколько недель Чарльз “Сэм” Фэддис на координатной сетке изучил место обитания иорданца вплоть до квадратного метра.

Шансы выследить Заркави никогда не были так высоки.

Фэддис, ростом в шесть футов два дюйма, сын флотского капитана, родом из предгорья Аппалачей на юго-западе Пенсильвании, попал в Ирак с командой оперативников ЦРУ, чтобы собирать сведения об иракских военных частях, а также об “Ансар аль-Исламе”*, боевиках-нонконформистах, которые обитали на иранской границе и худо-бедно поддерживали связь с “Аль-Каидой”*. Сорокасемилетний Фэддис работал юристом, однако всеми силами добивался этого назначения. После терактов 11 сентября он рвался в бой, а опыт в сфере борьбы с терроризмом, прошлая служба на Ближнем Востоке и свободное владение турецким языком делали его самым подходящим кандидатом для руководства подобной операцией. Он и члены его команды, живя на конспиративных квартирах, вели наблюдение за базой “Ансар аль-Ислама”*, домом Заркави и несколькими десятками беглых афганских моджахедов. Надев курдскую одежду, офицеры иногда подбирались к базе так близко, что могли отчетливо видеть расставленных по периметру часовых, их длинные бороды и болтающиеся на ремнях АК-47.

Цель находилась невообразимо далеко. Саргат, деревушка, где после бегства из Афганистана обосновался Заркави, была последней остановкой на изрезанной колеями дороге, ведущей к границе Ирака с Исламской Республикой Иран. В нескольких милях к северо-

западу располагалась Халабджа, город, название которого навсегда теперь связано с самыми страшными зверствами конца двадцатого века. 16 марта 1988 года Саддам Хусейн применил против курдских жителей смертельный нервно-паралитический газ, убив пять тысяч мужчин, женщин и детей; это была самая жестокая в истории химическая атака на гражданское население. Регион так и не восстановился полностью; после первой иракской войны, в 1991 году, американские воздушные патрули не давали самолетам и танкам Саддама приближаться к курдским поселениям, но из-за отсутствия центральной власти в регионе появились бандформирования и полевые командиры, которые то и дело завязывали перестрелки с иракскими солдатами или друг с другом.

Ко времени прибытия Заркави боевики “Ансар аль-Ислама”^{*} уже создали упорным трудом небольшой анклав, включавший в себя город Хурмаль и несколько небольших поселений, в которых также распоряжались фанатики не лучше талибов. Официально пребывая в состоянии войны как с иракским режимом, так и с группами курдских националистов, они построили со стороны гор укрепления, которые позволяли держать под наблюдением горные тропы, а также проложили пути отступления, ведущие через границу в Иран. Главную базу в Саргате составляли семь небольших строений без отопления и электричества (если не считать единственного генератора), окруженных земляными стенами и бункерами, украшенными черными флагами. Отдельный “квартал” шлакобетонных зданий служил жильем и учебными помещениями для людей Заркави, которые старались не смешиваться со своими курдоговорящими соратниками. Местные запомнят их как представителей разных арабских народов с одинаково жесткими взглядами касательно поведения и одежды. Некоторые деревенские жители ворчали потом на непрактичность иных исламистских правил в обществе, где и мужчины, и женщины проводят долгие часы на скотном дворе или в поле. “Они принуждали женщин носить покрывала и длинные платья во время работы в полях и в саду”, –

жаловался тележурналистам один из жителей через несколько месяцев после того, как боевики ушли.

Но ЦРУ не слишком интересовалось религиозными установками исламистов. После изгнания из Афганистана “АльКаиды”^{*} “Ансар аль-Ислам”^{*} представлял собой самую крупную базу боевиков, имевшую связи – хотя бы и самые незначительные – с организацией бен Ладена. Фэддис получил задание оценить силу объединенных войск арабов и живших в иракском анклаве местных исламистов. Также ему следовало по возможности определить, как боевики “Ансара”^{*} координировали (если координировали) свои операции с действиями правительственных войск Ирака. Независимо от того, действовали ли “Аль-Каида”^{*} и Ирак сообща в прошлом, Белый дом тревожился, что Саддам Хусейн мог использовать террористов как марионеток, чтобы нанести удар по западным странам. Дружественные курды сообщали о химическом оружии в лагере “Ансара”^{*}, усугубляя подозрения Белого дома, что Саддам вооружает исламских боевиков для будущей террористической атаки.

Руководитель группы ЦРУ был настроен скептически. Фэддис провел много лет в этом регионе и понимал горькую ненависть, которую почти все курды испытывали к иракскому тирану после долгих лет геноцида восьмидесятых, выкосившего две тысячи курдских деревень и около двухсот тысяч этнических курдов. Для курдских боевиков объединение с Саддамом хоть по какой причине едва ли было возможным.

И все же Фэддис твердил своей команде: не зашоривайтесь.

“Прекрасно, если мы сумеем собрать информацию, которая на сто процентов докажет, что у Саддама роман с “АльКаидой”^{*}, – неустанно твердил он своим людям во время совещаний летом 2002 года. – Но мы и близко ничего подобного не скажем, пока не соберем твердые доказательства. Мы не будем выдавать слухи и всякую чушь за правду”.

Группа Фэддиса состояла из восьми человек, все они имели обширный военный опыт, а двое состояли в секретном военизированном подразделении ЦРУ, известном как Отдел специальных операций. Их базой был предоставленный дружественными курдами домик в нескольких милях от лагеря “Ансара”*. Он служил оперативным центром, а также жильем для людей, которые целыми днями вели наблюдение или допрашивали боевиков, захваченных курдами-союзниками. А улов те приносили на редкость богатый – американцы смогли допросить десятки пленников из “Ансара”* и “Аль-Каиды”*, и каждое новое свидетельство они соотносили с растущей базой разведданных, полученных из предыдущих допросов, а также благодаря собственным наблюдениям за лагерями “Ансара”*. Добытые сведения переправлялись в штаб-квартиру ЦРУ в виде сотен секретных электронных донесений, которые шли в Лэнгли через спутниковый телефон Фэддиса.

Фэддис быстро уловил разницу между афганскими изгнанниками – по большей части арабоговорящими, с хоть каким-то образованием и знаниями о мире – и простыми курдскими крестьянами и пастухами, составлявшими ряды “Ансара”*. Но обе группы разделяли общую идеологию и склонность к террористическим методам воздействия. Вместе они приступили к созданию в иракских горах Афганистана в миниатюре: исламской теократии, жесткие установки которой насаждались огнем и мечом.

Слухи о смертоносном секрете боевиков, как выяснил Фэддис, оказались правдой: запасы ядов, которые они тестировали на предмет возможного использования для терактов за границей, действительно существовали. Благодаря расследованиям ЦРУ и дополнительной помощи засланных в нужные места шпионов природа интереса “Ансара”* к ядам стала ясна. Им удалось получить десятки галлонов смертельных химикатов, включая цианид, а также организовать доставку небольших партий клещевины для выработки

высокоэффективного рицина. Каждый ингредиент можно было приобрести легко и легально (цианистый калий применяется при проявке пленки), к тому же никому бы в голову не пришло, что боевики “Ансара”^{*} владеют оборудованием или технологиями для производства настоящего химического оружия. И все же эксперименты выглядели довольно серьезными. В своей полевой лаборатории химики-любители смешивали цианид с кремом для кожи и другой косметикой. Слухи об их экспериментах на бродячих собаках позже подтвердились видеопленками, обнаруженными в развалинах базы. “Навыки у них были примитивные, но воодушевление огромное, – вспоминал Фэддис свои тогдашние мысли. – Они жаждали крови, и они не шутили”.

С другим занимавшим Белый дом вопросом – помогают ли иракские войска исламистам – разобраться оказалось проще. Команда Фэддиса напала недалеко от лагеря “Ансара”^{*} на след подозрительных иракцев и подтвердила, что эти люди – сотрудники грозной разведывательной службы Саддама Хусейна. Но вскоре Фэддис обнаружил, что иракцы делали то же, что и он: собирали сведения о боевиках. Иракцы смотрели издали и пытались вербовать осведомителей – рискованное предприятие, учитывая традицию “Ансара”^{*} отравлять подозреваемых в шпионаже и выставлять их отрезанные головы на кольях возле базы. Иракцы были далеки от того, чтобы вступить в сговор с исламистами и, кажется, опасались их.

И все же администрация Буша обещала ловить союзников “Аль-Каиды”^{*} везде, где их обнаружит, и эта группа отлично подходила под определение.

У Соединенных Штатов появилась “блестящая возможность”, как доложил Фэддис в одном из своих рапортов в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли. “Ансар аль-Ислам”^{*} был террористической организацией с международными амбициями. Сюда прибились десятки арабских боевиков, замеченных в связях с “Аль-Каидой”^{*}. И, что еще

тревожнее, в их распоряжении имелись яды, которые террористы с чудовищной эффективностью могли бы применить в городах Европы или Соединенных Штатов. Но, писал Фэддис, одним точно рассчитанным ударом угрозу можно уничтожить полностью.

“Мы точно знали, где спит каждый из этих террористов, – говорил Фэддис впоследствии, описывая свои подробные донесения в штаб-квартиру ЦРУ. – Мы в точности знали, где и как расположено оружие, вплоть до каждого пулеметного гнезда и минометного ствола”. Но главное, добавлял он, “что никто из них не знал о нашем присутствии”.

Как и надеялся Фэддис, его сообщения произвели переполох в Вашингтоне. В Лэнгли, а потом и в департаменте обороны, бросились обсуждать план действий, созвали несколько совещаний. В Пентагоне сорокавосьмилетнего бригадного генерала Стэнли Маккрисчала – вскоре он он станет известен как командующий войсками специального назначения в Ираке – попросили разработать планы нападения на базу. В одном из вариантов предполагалось нанести по исламистам массированный ракетный удар, после чего последует высадка вертолетного десанта из американских и курдских командос, которые соберут все возможные данные о производстве биологического или химического оружия.

План сочли рабочим, но высшие чиновники бушевского Белого дома никак не могли решить, отдавать ли приказ о рейде. Министр обороны Дональд Рамсфельд считал, что удар необходим, но другие советники, включая советника по национальной безопасности Кондолизу Райс, были против. Администрация уже активно планирует ввод войск, говорили оппоненты, и любой удар по территории Ирака чреват обострением отношений, которое, в свою очередь, может повлечь за собой преждевременное начало войны. Других критиков тревожил масштаб предложенного Маккрисчалом плана. “С таким размахом это уже вторжение, – жаловался один из его

начальников. – Вы участвовали в спецоперациях. Неужели разучились делать что-нибудь небольшое?”

Буш решил пока отказаться от плана.

“Это было как удар под дых, – говорил потом Фэддис. – Мы все подвергали себя риску. Моя группа оказалась вне игры, и сразу стало ясно, что это значит. Мы решили не нажимать на спуск. А когда придет время и все-таки нажмем, важных мишеней на прежнем месте уже не будет”.

Фэддис сделал еще один заход, предложив менее амбициозную кампанию, в которой бóльшую часть боевых операций выполняли бы курды. При небольшой поддержке с воздуха, нескольких 150-миллиметровых минометах и кое-какой снабженческой помощи со стороны группы ЦРУ местные ребята смогут уничтожить базу сами, доказывал он.

“Ради бога, просто дайте нам два B-52, или хотя бы только минометы, и мы все сделаем, – умолял Фэддис. – Дайте нам их завтра, и мы покончим с базой послезавтра. “Аль-Каида”* и “Ансар аль-Ислам”* понятия не имеют, что мы здесь. Мы невидимки”.

Ответ из Лэнгли был прежним. По словам Фэддиса, он гласил: “Я слышу тебя, Сэм. Все, что я могу тебе сказать: дела обстоят именно так. Когда я проверял в последний раз, президент был выше тебя по рангу”.

Фэддис и его команда остались на севере Ирака с приказом продолжать сбор разведданных. Заркави же тем временем свободно выстраивал свою сеть, не боясь нападений или помех. Руководители ЦРУ уже тогда понимали, что иорданец на глазах становится все опаснее. Как отмечал позже Тенет, директор разведслужбы, Заркави в те предшествовавшие войне дни явно двигался вперед, обучая рекрутов в лагере “Ансар аль-Ислама”* и отправляя своих курьеров в столицы Ближнего Востока и Европы, ища деньги, добровольцев и союзников. “Ему удалось наладить связи между алжирскими, марокканскими, пакистанскими, ливийскими и прочими арабскими

экстремистами по всей Европе, – напишет Тенет о Заркави в своих воспоминаниях. – За несколько месяцев безостановочной работы мы обнаружили связанные с Заркави террористические ячейки в тридцати с лишним странах”.

Узнав об этом, администрация Буша в последний раз обсудила возможность нанести удар по Заркави и лагерю “Ансар аль-Ислам”*. Это произошло в начале января 2003 года, всего за два месяца до начала войны в Ираке и за несколько недель до того, как госсекретарь Колин Пауэлл произнес свою знаменитую речь перед Советом безопасности ООН, перечисляя доводы в пользу вторжения. К тому времени официальные лица Белого дома избегали любых действий, способных скомпрометировать великую битву за общественное мнение; об этом писал журналист Питер Бейкер в своей книге “Горячие дни”, знаменитой истории бушевского Белого дома. Удар по базе боевиков подорвал бы одно из основных положений речи – существование террористической сети на земле Ирака.

“Это угробит мой брифинг, – сказал, по свидетельству Бейкера, Пауэлл. И добавил: – Все равно мы через несколько недель покончим [с “Ансар аль-Исламом”]*”.

Члены администрации все еще спорили по поводу возможного удара по лагерю Заркави, когда 23 января 2003 года делегация американских генералов прибыла в Амман с чрезвычайно секретным визитом. Журналистов держали на расстоянии. Когда самолет с пентагоновским генералом Томми Фрэнксом из Центрального командования приземлился в аэропорту, дворец особым приказом запретил освещать подробности его встречи с иорданскими официальными лицами и особенно уточнять, участвовал ли во встрече Абдалла II. Позже анонимные военные источники, тщательно подбирая слова, раскрыли западной прессе цель визита. До войны с Ираком оставалось несколько недель, и Соединенные Штаты собирались предложить Иордании

современный зенитно-ракетный комплекс “Патриот” в надежде заручиться поддержкой королевства Хашимитов, когда начнутся бои.

“Мы обсуждаем этот вопрос”, – сказал во время визита иорданским журналистам один из членов американской делегации. На самом деле ракетные батареи доставят в течение нескольких дней вместе с шестью новыми бомбардировщиками-истребителями F-16, чтобы укрепить оборону Иордании и подготовить ее к возможной войне в соседнем государстве.

Но помощь США дорого обошлась королевству. Многие месяцы бушевский Белый дом давил на Иорданию, затягивая ее в свои планы по свержению президента Ирака Саддама Хусейна. Давление началось в конце лета, когда король встретился с Бушем и его высшими заместителями в Белом доме 2 августа 2002 года. Обычно обаятельный техасец был холоден и напряжен, вспоминал позже Абдалла. Помощники предупредили монарха, что президент недоволен комментариями, которые Абдалла дал одной британской газете, обвинив команду Буша в том, что они “зациклились на Ираке”, и в намерении развязать войну, которая “откроет ящик Пандоры на Ближнем Востоке”.

Сидя со своим гостем в Овальном кабинете и разгрызая кубики льда, Буш сказал, что пока не собирается вторгаться в Ирак: “Когда соберусь, вы об этом узнаете”. Он назвал президента Ирака Саддама Хусейна “головорезом”, с которым надо разобраться. “Не хочу, чтобы через двадцать лет люди думали, будто я трусил и ушел от конфликта с ним”, – добавил он.

В тот же день, позже, Буш снова упомянул Ирак, на этот раз обрисовав конфронтацию с Саддамом как моральную, даже религиозную обязанность. “У каждого из нас был великий отец, мы оба верим в Бога, – сказал, по воспоминаниям Абдаллы, Буш. – У нас есть возможность поступить правильно”.

Абдалла был ошеломлен. Он презирал Саддама и понимал, что огромная американская армия способна быстро уничтожить войска иракского диктатора. Он предлагал, не афишируя этого, поддержку

возглавляемому США афганскому восстанию против “Талибана”^{*} и даже помощь в отслеживании Усамы бен Ладена. И все же Абдалла был уверен, что война с иракским тираном – огромная ошибка. Нападение на арабского лидера – даже такого непопулярного, как Саддам, – воспламенит регион, поставив Иорданию под угрозу. Но было ясно: Буш уже принял решение. Вернувшись в Амман, монарх велел своим советникам готовиться. “Войны не миновать”, – предупредил он.

Весь конец лета и всю осень военные барабаны гремели все громче, и все настойчивее Иорданию просили поддержать военные планы правительства США. Американские политики и генералы посещали Амман непрерывным потоком. Они добивались, чтобы король позволил войскам США встать вдоль границ Иордании или дал разрешение на боевые вылеты через иорданское воздушное пространство. Вице-президент Дик Чейни лично звонил Абдалле с просьбой разрешить использовать Иорданию как трамплин для штурма Багдада. На фоне яростных споров по поводу военных приготовлений шок от убийства Фоули быстро поблек.

В конце концов Абдалла пошел на компромисс. Его отец Хусейн, как известно, противился войне в Персидском заливе, тем самым охладив отношения и с Вашингтоном, и с ключевыми арабскими союзниками. Абдалла тоже не одобрял конфликт, который подавляющее большинство иорданцев считали несправедливым, и отказался пускать к себе в страну большие военные подразделения. Однако он согласился оказывать Штатам закулисную поддержку, в основном в особо важной сфере секретных операций с участием небольших отрядов американского спецназа.

Решение принять систему “Патриот” пришло в последний момент. Публично монархия могла заявить, что противовоздушная система защитит иорданцев от отклонившихся от курса иракских ракет, представляющих угрозу для иорданской территории. На самом деле американцы хотели дополнительной страховки, на случай если Ирак

решит напасть на Израиль, чтобы отомстить США за вторжение. Это было еще одним признаком приближающейся войны.

“Я пытался пройти по канату, натянутому между сопротивлением войне и невмешательством, – признавался потом Абдалла. – Но я был уверен в одном: чем дольше продлится война, тем страшнее будут последствия”.

Глава 7

“Отныне его слава разнесется по всему арабскому миру”

Мир узнал об Абу Мусабе аз-Заркави 5 февраля 2003 года, на шестьдесят третьей минуте речи, которую Колин Пауэлл произносил перед Советом безопасности ООН, обосновывая правомерность войны с Ираком. Речь началась с декларативного заявления, которое, подобно другим утверждениям в этой растянувшейся на семьдесят пять минут презентации, было формально верным, но при этом откровенно взятым с потолка. “Современный Ирак дал пристанище смертельно опасной террористической сети, которую возглавляет Абу Мусаб аз-Заркави, единомышленник и союзник Усамы бен Ладена и его пособников из “Аль-Каиды”^{*}, – начал Пауэлл, и сразу после этого на большом экране над круглым столом появилось бородатое лицо Заркави.

Наду Бакос, сидевшую на работе перед экраном телевизора, от этих слов передернуло. Да, Заркави жил в отдаленных горах на северо-востоке Ирака, в области, недостижимой для иракских военных. Предположение, что Саддам Хусейн предоставил ему убежище, противоречило всем доказанным сведениям, известным Бакос, эксперту по Заркави. Это было все равно что объявить, будто двадцать второй президент Америки Грувер Кливленд “дал пристанище” Джеронимо, известному вождю апачей, который из своего лагеря на границе США и Мексики нападал на поселенцев и солдат.

Ошеломленная, Бакос смотрела дальше.

“Правительство Ирака отвергает обвинения в связях с “Аль-Каидой”^{*}. Эти заявления попросту неправдоподобны, – продолжал Пауэлл. – В прошлом году один из союзников “Аль-Каиды”^{*} заявлял,

что ситуация в Ираке, цитирую, “хорошая”, что Багдад они могут пройти быстро”.

В целом верно. Но благодаря чему террористы получили возможность пройти через Ирак? Благодаря официальной поддержке правительства – или слабости пограничной охраны Ирака, печально известной своей коррумпированностью и неэффективностью?

Тем, кто лучше всех был знаком с темой, речь показалась великолепным представлением, мастерским изложением фактов, специально отобранных так, чтобы оправдать вторжение в Ирак. Пауэлл позднее отзывался об этой презентации как об одном из величайших промахов в своей карьере, ошибке, которую он приписывал небрежной разведработе и стремлению администрации Буша выдать желаемое за действительное. На самом же деле каждое слово в отрывке про Заркави было написано руководством ЦРУ после нескольких недель ожесточенных споров с представителями Белого дома о том, что надо вычеркнуть, а что оставить. К своей чести, Пауэлл наотрез отказался от более раннего варианта речи, написанного советниками из Белого дома, где содержались гораздо более сильные заявления о связях с террористами, по крупице собранные из непроверенных источников и неподтвержденных слухов Управлением специального планирования Пентагона.

И все же кое-что в этой речи озадачило Бакос и ее коллег из ЦРУ. Сначала Пауэлл признал, что Заркави и его союзники из “Ансар аль-Ислама”^{*} действовали в районе, где Саддам Хусейн не мог их контролировать. Но потом заявил: “У Багдада есть агент на самом верху этой радикальной организации”, – подразумевая, что Ирак, по сути, контролирует группу. Ни одно из проверенных ЦРУ донесений не подтверждало, что такая связь существует.

Пауэлл прервался, чтобы заговорить о расправе над Лоуренсом Фоули, дипломатом, убитым в Аммане тремя месяцами раньше, – “подлость”, совершение которой он приписал Заркави. После убийства, сказал он, Государственный департамент связался

с иракской разведкой через третью страну (Иорданию, как подтвердили потом официальные источники), требуя, чтобы лидер террористов предстал перед судом. “Правительство Ирака утверждало, что не знает, где находится Заркави или кто-либо из его подручных, – сказал Пауэлл. – Подобные заявления опять же не заслуживают доверия. Нам известно, что делал Заркави в Багдаде”.

Утверждения сыпались быстрее, чем Бакос успевала опровергать их в уме. Она почувствовала обиду. Анализ разведданных точно проводился не так. Когда Чейни делал подобные заявления на воскресных ток-шоу, Бакос часто ловила себя на том, что вопит перед телевизором, словно протестуя против свистка судьи в футбольном матче. А теперь Пауэлл, как Чейни, “выдавал публике за факты нечто, что, по нашим сведениям, было чем угодно, только не фактами”, вспоминала она.

В конечном итоге эта речь бросила тень на репутацию самого Пауэлла и еще больше подорвала доверие ключевых союзников к администрации Буша, особенно когда заявления о том, что Ирак тайно владеет оружием массового поражения, оказались ложными.

Другой болезненный побочный эффект проявился полностью гораздо позже. Одной речью Белый дом превратил Заркави из неизвестного джихадиста в международную знаменитость, сделал любимцем исламистов. Образ загадочного Заркави, хмуро глядящего с экрана Совета безопасности ООН на сильных мира сего, заставил орды журналистов броситься за компьютеры и начать выяснять, кто же он такой. Репортеры и съемочные группы стаями потянулись в Иорданию, чтобы писать биографические очерки и брать интервью у людей, заявлявших, что знают его. Зарка, грязный индустриальный город, где прошла юность террориста, обрела любимого сына.

С особой горечью за этой трансформацией наблюдали иорданцы, так долго пытавшиеся держать Заркави на коротком поводке. Самих Баттихи, в то время шеф Мухабарата, чуть не взорвался от злости

при виде изображения Заркави за спиной Пауэлла. “Что за бред!” – взревел он.

Абу Мутаз, молодой специалист по борьбе с терроризмом, который когда-то пытался повлиять на поведение Заркави, сидел с коллегами в баре отеля на берегу Мертвого моря, когда на телеэкране появился Пауэлл, толкующий о прежнем подопечном Абу Мутаза. “Нас чуть не стошнило, – говорил Абу Мутаз, вспоминая свою реакцию. – Я все спрашивал: как они могли? Как они могут так думать? В конце концов я решил, что это, наверное, политика. Просто политика”.

Такой поворот событий поразил и иных старых друзей и союзников Заркави в Аммане. На джихадистских сайтах исламисты принялись описывать подвиги Заркави, а блогеры пели панегирики его мужеству и отваге, вспоминал Хасан Абу Хание, знавший Заркави в 1990-е годы. “Своей речью Колин Пауэлл подарил ему популярность и широкую известность, – говорил амманец Абу Хание, исламист, подавшийся в писатели. – Никто не знал, кто он такой, – и вот госсекретарь самой могущественной державы мира объявляет его важной фигурой. Отныне его слава разнесется по всему арабскому миру, от Ирака и Сирии до Магриба и Аравийского полуострова. Люди будут присоединяться к “Аль-Каиде”^{*} ради него”.

По мнению Хание, это был один из самых жестоких парадоксов того времени. Решив использовать невоспетого героя Заркави, чтобы оправдать открытие нового фронта в войне с терроризмом, Белый дом помог начать карьеру одному из самых опасных террористов столетия. “А Заркави в ответ, – прибавлял Хание, – сделал все их предупреждения о терроризме более чем обоснованными”.

Фэддис находился в другом районе Ирака, когда в марте 2003 года, через неделю с лишним после ввода войск, администрация Буша наконец разрешила атаку на лагерь “Ансар альИслама”^{*}. Десятки “томагавков” упали на барачный поселок в Саргате, сровняв строения с землей и уничтожив оборудование, которое исламисты использовали для приготовления ядов.

Американские командос, которых поддерживали сотни курдских боевиков, загнали остатки исламистов в горы, откуда иным удалось бежать через иранскую границу в безопасные места. У убитых и взятых в плен солдаты обнаружили паспорта и удостоверения личности из десятка стран, от Алжира до Йемена. Но Заркави не было и следа. Другие оперативники ЦРУ позже подтвердили, что иорданец к тому времени уже перебрался в Багдад, ждать прибытия американских войск.

Среди первых американцев, вошедших в разрушенный лагерь “Ансара”*, был оперативник ЦРУ, один из восьми членов разведывательной группы Фэддиса. Описывая Фэддису разрушенную базу, он упомянул о дурном ощущении упущенной возможности. “Все хоть сколько-нибудь значимые члены группировки покинули лагерь до того, как мы туда пришли, – сказал он Фэддису. – Остались только рядовые. Пушечное мясо”. И добавил: “Лучше, чем ничего. Но мимо цели мы промахнулись”.

Книга вторая

Ирак

Глава 8

“Это уже не победа”

Иракский офицер снова плакал. Он сидел за дальним концом стола, качался, обхватив голову дрожащими руками, и всхлипывал так самозабвенно, что его было слышно за дверью трейлера, служившего кабинетом для допросов. Наконец его слова стали совсем невнятными, если он вообще произносил какие-то слова.

Нада Бакос сделала паузу, чтобы понять, может ли этот человек собраться. Воздух в помещении был затхлым, пахло ношенной одеждой и потом, единственный кондиционер тщетно боролся с сорокаградусной иракской жарой. Бакос, измученная душевно и физически, все же упорно старалась держать собственные эмоции под контролем. Она повторила вопрос спокойно: “Вы знали, что Заркави был в стране?”

Снова рыдания. Хасан аль-Избах, до недавнего времени высокий чин в разведслужбе Саддама Хусейна, сломался, и неясно было, что довело его до нынешнего состояния – страх или унижения. Он не смотрел на переводчика, который вежливо повторял вопросы Бакос, не смотрел на представителя американской военной полиции, наблюдавшего из дверного проема. Он не мог заставить себя смотреть ни на что рядом с Бакос, словно само присутствие следователя из американского ЦРУ – да еще следователя-женщины – было чем-то немыслимо постыдным. Бакос попробовала зайти с другой стороны: “Как были связаны тогда Заркави и Мухабарат?” Молчание. Не сработало.

Все в пределах видимости Бакос было пропитано безнадежностью: унылые стены трейлера, колченогая мебель, зелено-коричневые разводы солдатского “пустынного” камуфляжа, седая щетина на дрожащем подбородке узника. Прошло несколько недель после падения Багдада и меньше месяца после ее первого

непосредственного столкновения с оккупированным Америкой Ираком. Сейчас она проводила свои дни на изрытой бомбовыми воронками воздушной базе к северу от Багдада, используя все доступные ей комбинации обаяния, манипуляций и угроз, чтобы вытянуть секреты из недавних сотрудников иракской разведки.

У Бакос опускались руки, и не только из-за беспощадной жестокости задания или из-за того, что она, никогда не служившая ни в армии, ни в правоохранительных органах, чувствовала, что ей недостает квалификации. Больше всего ее раздражали предписанные Вашингтоном и Лэнгли вопросы, все настойчивее заставлявшие ее искать то, чего, как она знала, не существует.

Настроения в Багдаде менялись. Бакос и ее коллеги из ЦРУ ощущали эти перемены во время своих все еще беспрепятственных прогулок по городу – встречи с контактами, вылазки за любимым мороженым. Улыбки и робкие приветственные жесты первых недель давно сменились хмурыми взглядами и задернутыми шторами. Ирак быстро уставал от оккупации, в то время как администрация Буша, судя по всему, целиком погрузилась в сведение счетов с политическими соперниками в Вашингтоне. Моральные основания для ведения войны рухнули, как сгнившие балки, и помощники президента работали не покладая рук, чтобы устранить повреждения. Оружия массового поражения, такого грозного в речах Буша, за несколько месяцев поисков так и не нашли. Также не было обнаружено ровным счетом никаких доказательств гипотетической связи Саддама Хусейна с “Аль-Каидой”^{*} и другими террористическими группами. Конгресс уже требовал ответов, и летом 2003 года Белый дом стал еще сильнее давить на аналитиков ЦРУ, чтобы те предоставили хоть что-то.

Вашингтон был особенно заинтересован в получении крупниц информации от бывших высокопоставленных сотрудников службы безопасности, которые могли знать о секретных переговорах иракской разведки с иностранцами и которых можно было заставить

говорить в обмен на деньги или особые услуги. “Что вы узнали о связях с террористами?” – требовательно спрашивали из Лэнгли.

“Этому конца нет”, – думала Бакос, потрясенная и растерянная. И действительно – вопросы продолжались весь конец 2003 года, и весь следующий год, и год, наступивший потом.

Иногда случались прорывы: какой-нибудь арестованный делал заявление, обнаруживался документ, вроде бы содержащий что-то более или менее определенное. Однажды, например, стосковавшийся по дому иракский офицер в присутствии Бакос на краткий момент поддался уговорам и кое-что выложил.

Вопрос был в том, слушал ли это кто-нибудь в Белом доме.

Бакос отправилась в Ирак волонтером, несмотря на свое неоднозначное отношение к этой войне. “Мы начали военную операцию, и пришла пора засучить рукава”, – вспоминала она.

В мае 2003 года Бакос прибыла в страну, которая ее шокировала, – для молодой служащей разведки, впервые попавшей на войну, это было дикое, погруженное в хаос, жутковатое место. Но Ирак оказался в лучшей форме, чем она себе представляла. После двух войн и десятилетия экономических санкций Багдад остался по большей части нетронутым и выглядел определенно приличнее, чем иные ближневосточные столицы, в которых бывала Бакос. Она ездила на деловые встречи по широким, усаженным по обочинам пальмами проспектам и хорошо спроектированным скоростным автострадам с зелеными указателями, напоминавшими те, что остались на родине.

В первые дни служба тянулась чередой долгих дней, проводимых в допросном трейлере, с перерывами на еду и сон. Военные силы США к этому времени задержали уже десятки хусейновских генералов и начальников разведки, которые наверняка знали, где находится секретное оружие массового поражения, или владели сведениями о террористических заговорах, разработанных при поддержке Ирака.

Американские чиновники надеялись, что кого-нибудь из арестованных можно склонить к сотрудничеству – нужно только правильное поощрение вроде иммиграционных документов или денег. Среди этих людей самым многообещающим выглядел рыдающий Хасан аль-Избах. Он не только был одним из высоких чинов иракской разведки; через него еще и осуществлялась связь с палестинскими боевиками, которых Запад считал террористами. Саддам Хусейн открыто поддерживал преступные группировки, подобные организации Абу Нидаля, отчасти чтобы упрочить свою репутацию врага Израиля у союзников-арабов. Кто-то из служащих иракской разведки мог бы пролить свет на мрачный мир террористических связей Ирака, и возможно, этим человеком станет Избах – если Бакос сумеет разговорить его.

В первые недели Бакос в Ираке за столом напротив нее сидели многие иракские офицеры, но подобного этому она еще не видела. Он был на удивление молод, где-то под сорок, и мало походил на бандитского вида оперативников, которые, похоже, составляли основную часть разведармии Саддама. Чисто выбритый, если не считать тюремной щетины, и даже без стандартных усов, какие носили почти все члены иракского правительства, он казался глянцевым западным менеджером. Но после начала военной операции вся его уверенность рухнула и превратилась в кашу. На допросах он если не плакал, то по большей части замыкался.

Бакос видела, что этот человек чего-то боится, и велела переводчику выяснить, чего именно. История Избаха оказалась сложной, но больше всего он боялся за свою семью, особенно за сына. Саддамовская партия “Баас” и ее разведка за несколько десятилетий убили и замучили до смерти тысячи иракцев. Теперь они были повержены, а выжившие и их родственники жаждали мести. Что будет с детьми Избаха, особенно пока он в тюрьме?

После недолгого раздумья Бакос сделала небольшой шаг ему навстречу. “Если вы поможете мне, – сказала она, – я разрешу вам связаться с семьей”. Избах затих, обдумывая предложение. Потом

кивнул в знак согласия. Старый режим пал; ему нечего терять, а приобрести он сможет много, если заговорит. Появился наконец шанс осветить глубочайшие подземелья выстроенной Саддамом системы безопасности; проводником станет человек, который знает каждый поворот.

Бакос повела Избаха через паутину иракских связей с террористами, позволяя ему подробно описывать палестинских и иранских боевиков, которых Саддам поддерживал долгие годы, а когда они ему надоедали – приказывал убить. Но когда речь зашла об “Аль-Каиде”*, Избах пожал плечами: здесь говорить не о чем. Возможно, несколько лет назад были какие-то встречи на низшем уровне – малозаметные, на которых одна сторона пыталась оценить другую. Но из них ничего не вышло. Светский режим Ирака преследовал и убивал исламских экстремистов, и лидеры “Аль-Каиды”* ненавидели иракского диктатора. Недоверие было слишком велико даже для зачаточного сотрудничества.

“А что насчет Заркави?” – спросила наконец Бакос. “Мы слышали о нем, – сказал Избах. – Но не общались”. Совсем ничего? Бакос продолжала давить, чтобы увидеть, не попытается ли Избах уйти от ответа. “Если бы вы с ним встретились, – спросила она, – то попытались бы завербовать такого человека?” Ответ был простым и категоричным: “Нет”.

Избах сдержал свое обещание, теперь Бакос предстояло сдержать свое. Принесли телефон, и бывшему офицеру разведки разрешили позвонить жене – впервые за несколько недель ареста. Бакос ненадолго задержалась в помещении, чтобы удостовериться, что соединение установлено. Когда на том конце провода раздался голос, Избах снова зарыдал в три ручья.

Оставив иракца на попечении американской военной полиции, Бакос тихонько переместилась к двери и выскользнула из трейлера.

Очередь на подачу заявления для визы возле иорданского посольства была небольшой для вторника, даже для раскаленного

вторника в начале августа, когда температура к десяти утра уже взлетала почти до сорока градусов. Поздним утром 7 августа 2003 года всего несколько десятков иракцев стояли в очереди, держась в тени бетонной стены, тянувшейся перед фасадом здания. Запыленные такси и старые седаны подкатывали к обочине тротуара и высаживали пассажиров; охранники-иракцы в форме, уже покрытой пятнами пота, жестикулировали и ругались еще более пылко, чем обычно, – признак нервного напряжения, охватившего сотрудников в последние двадцать четыре часа. Накануне кто-то перебросил через стену написанную от руки записку, предупреждавшую, что территория посольства подвергнется атаке.

Служба безопасности посольства отнеслась к записке со всей серьезностью, хотя и была озадачена странной угрозой. Убийства, которые вскоре станут такими обычными, – машины, начиненные взрывчаткой, террористы-смертники, взрывающие себя возле мечетей и рынков, – пока были неизвестны Багдаду. Почему же выбрали именно посольство? Иордания, в конце концов, была братским арабским государством, имела крепкие культурно-исторические связи с иракскими соседями, и само посольство, красивый двухэтажный особняк в одном из фешенебельных районов Багдада, обслуживало в основном иракских путешественников. Амман – такой стабильный, а ехать недалеко и недорого – издавна был излюбленным направлением для семей среднего класса, желавших провести выходные в походах по магазинам или просто сменить обстановку. Постоянная потребность в визах и была главной причиной, по которой иорданцы возвели высокую стену посольства: не для защиты, а чтобы контролировать ежедневные толпы, ставшие такой же частью пейзажа, как пальмы вдоль улицы Арбаташ.

Так что внезапное появление на улице перед посольством потрепанного зеленого минивэна возбудило беспокойство, но не панику. Охранники видели, как молодой водитель остановил машину в нескольких футах от бетонной ограды, потом вышел из машины и быстро зашагал прочь от здания посольства. Охрана

даже не успела добраться до автомобиля, чтобы проверить его: кто-то при помощи дистанционного управления привел в действие спрятанное в багажнике взрывное устройство.

Взрыв был таким мощным, что передняя часть фургона, вертясь, взлетела в небо, после чего обрушилась на крышу здания через два дома от посольства. Взрыв проделал в ограде тридцатифутовую дыру, убив охрану и людей, пришедших за визой, искорежил проезжавшие мимо машины. От взрыва так трянуло расположенную поблизости детскую больницу, что некоторые врачи решили, будто атаке подверглась сама больница, и думали так до тех пор, пока пункт скорой помощи не начали заполнять толпы раненых. Было обнаружено семнадцать тел (все погибшие – иракцы), включая семьи с детьми в оказавшихся поблизости и сгоревших дотла машинах. Оторванная голова юной девушки с опаленными, спутанными длинными волосами, лежала посреди улицы; какой-то прохожий накрыл ее картонкой, а потом, в ужасе и смятении, принялся ожесточенно рыть яму в жесткой земле, пытаясь похоронить голову.

Еще ни разу со времени вторжения США в Ирак на гражданские объекты не нападали столь демонстративно. По всей столице разъяренные иракцы избивали предполагаемых подозреваемых. Кто-то обвинял американцев, повторяя слухи об американском вертолете, который якобы выпустил снаряд во время взрыва, и тому были свидетели. Другие винили самих иорданцев, аргументируя это тем, что монархия навлекла беду на свою страну, работая против Саддама – или, согласно противоположной теории, тайно работая *на* Саддама. Толпа, собравшаяся возле посольства, приходила во все большее возбуждение, пока наконец несколько десятков человек не хлынули в здание, срывая портреты короля Абдаллы II и его отца, короля Хусейна, и не погнали сотрудников посольства по улице.

На официальном уровне реакция тоже шла вразнобой. Иорданский министр информации приписывал теракт иракским политикам, недовольным иорданской монархией. Пресс-секретарь Пентагона усматривал за терактом “Аль-Каиду”*, хотя багдадский

эксперт по безопасности исключал всякую причастность этой террористической организации к взрыву. Наиболее прозорливым оказался Л. Пол Бремер III, назначенный Бушем глава Временной коалиционной администрации (ВКА) в Ираке, по мнению которого взрыв могли устроить иностранные боевики, связанные с “Ансар аль-Исламом”*, экстремистской религиозной группировкой, действовавшей в отдаленных горах на северо-востоке Ирака еще до вторжения. По сведениям оперативников американской разведки, ансаровские боевики действительно перебирались в иракские города, чтобы готовить такого рода теракты. “Дальше будет хуже, – предупреждал Бремер в одном из нескольких интервью по теме взрыва, которые он дал на той неделе американским журналистам. – Мы увидели новую, незнакомую нам методику, до сих пор в Ираке не применявшуюся”.

Независимо от того, кто стоял за терактом, взрыв усугубил дурные предчувствия жителей Ирака и некоторых американцев. Для солдат США рутинное патрулирование иракских районов стало еще опаснее, учитывая почти ежедневные нападения из засады и снайперский огонь. Через несколько часов после атаки на посольство последовал еще один взрыв: скрытая бомба сработала, когда мимо проезжал американский джип; она убила двух рядовых и спровоцировала перестрелку, затянувшуюся до вечера. Еще один солдат получил смертельное ранение, когда стоял на посту.

У простых жителей Ирака убийство безвинных людей возле посольства усилило ощущение того, что их бросили, что американские оккупационные силы мало заботятся об иракском самоуправлении и не хотят или не могут обеспечить элементарную безопасность. “Когда Саддам был у власти, мы могли защитить посольства. Сейчас мы лишены такой возможности”, – говорил молодой лейтенант иракской полиции Гатия Захра американским журналистам, глядя, как спасатели разбирают развалины посольства в поисках изувеченных тел.

В Вашингтоне официальные лица обещали оказать помощь в расследовании, тем самым дав понять, что считают теракт проблемой иракской полиции и одной из множества неизбежных неровностей на пути к стабильной демократии. Президент Джордж Буш даже счел необходимым прервать свой августовский отпуск, чтобы уверить страну: дела его администрации в Ираке идут по плану. “Мы далеко продвинулись, – объявил он репортерам из правительственного пула, собравшимся на его тexasском ранчо в Кроуфорде. – В Ираке стало безопаснее”. Когда его спросили о словах одного пентагоновского служащего, заявившего, что американские войска могут остаться в Ираке на целых два года, Буш уклонился от прямого ответа. “Чтобы победить в войне с терроризмом, администрация готова потратить столько времени, сколько понадобится”, – сказал он.

Советник Буша по национальной безопасности Кондолиза Райс также подняла вопрос о взрыве, беседуя в тот же вечер в Далласе с группой афроамериканских журналистов. Она предположила, что беспорядки в Ираке сродни родовым мукам, которые переживала Германия, преобразуясь после Второй мировой войны в демократическое государство. “Обломки режима и прочие экстремисты атакуют прогресс – именно это они сделали сегодня, взорвав иорданское посольство, – сказала она. – Бойцы коалиции продолжают смотреть в лицо смертельной опасности. Но демократия – это непросто”.

Этот день стал, безусловно, одним из самых тяжелых. С момента окончания боевых действий еще ни разу не погибало столько людей за одни сутки; к тому же проявился новый тип терроризма – тот, что начиняет машины мощной взрывчаткой и избирает своей мишенью мирных жителей. Это было настолько непохоже на образ, представленный Белым домом, – образ заново рожденного Ирака, уверенно идущего к стабильности и демократии, – что Райс из всех сил старалась снизить ожидания, твердя: “Это трудная дорога”.

На самом деле дорога оказалась гораздо труднее, чем думали в Белом доме. Меньше чем за месяц Багдад увидел еще две взорванные машины, и каждый раз разрушений было все больше. К тому времени, как президент вернулся в Вашингтон в сентябре, природа конфликта радикально – и навсегда – изменилась.

Мишенью второго взрыва стал единственный, пожалуй, иностранец в Ираке, который пользовался всеобщей искренней любовью. Энергичный бразилец, возглавлявший миссию ООН в Ираке, являл собой образец истинного дипломата: здравомыслящий и опытный миротворец, умевший быть изысканно-обаятельным на пяти языках. Официально сохраняя нейтральную позицию по поводу самой войны, он был лицом международной общественности, старавшейся собрать Ирак воедино после окончания военных действий. Он без устали пекся о жителях Ирака, наблюдая за поставками продуктов и медикаментов и разбирая споры между иракскими партиями, а также между иракцами и американцами. В конце лета 2003 года, когда температура и противоречия стремительно росли, человек, известный всем как Сержиу, оставался воплощением спокойного достоинства, всегда свежий, как его фирменные шелковые галстуки, которые не развязывались и не перекашивались даже в самые жаркие дни.

Виейра ди Меллу регулярно посещал укрепленные базы и переделанные дворцы, служившие командными пунктами генералам и гражданским назначенцам в оккупированном США Ираке. Однажды он остановился возле оперативного центра, где работала Нада Бакос, представился офицерам ЦРУ и вступил в вежливый, но острый спор со старшими чинами – как раз в пределах слуха американских аналитиков. Дипломат настаивал, что символы военной оккупации не должны распространяться на офисы ООН. Он учредил собственный командный пост в багдадском отеле “Канал” – невысоком здании с полукруглыми окнами, которое с 1990-х годов занимали учреждения ООН. После падения иракского

правительства по периметру здания поспешили возвести стену, но посетители потоком шли в ворота, причем ни обысков, ни вопросов со стороны охраны (состоящей преимущественно из иракцев) не было. Сотрудники ООН настояли на том, чтобы американцы убрали военный наблюдательный пост, устроенный на крыше отеля, а также армейский грузовик, который перегородил узкую улицу, тянувшуюся вдоль задней стены. “Присутствие сил коалиции неминуемо отпугнет кое-кого из тех, с кем нам надо говорить и работать”, – объяснил журналистам один из старших руководителей миссии.

Днем, в половине пятого, 19 августа 2003 года – через двенадцать дней после взрыва в иорданском посольстве – Виейра ди Меллу сидел за рабочим столом на третьем этаже отеля, не обращая внимания на большой грузовик-платформу, вставший с работающим мотором возле въезда в ту самую улочку, которая до недавнего времени была заблокирована. Двое иностранных гостей и несколько помощников из ООН вошли к нему в кабинет, чтобы обсудить кризис, связанный с иракскими беженцами; едва закончились приветствия, как взрывом снесло весь фасад здания. Водитель грузовика привел в действие чудовищную бомбу, собранную из старых авиационных боеприпасов. Бомба уничтожила грузовик, шрапнель прошла три этажа миссии ООН, как нож – слоеный пирог.

“Прогремел взрыв, нас всех швырнуло в воздух, – вспоминал впоследствии один из иностранных гостей, Гил Лёшер, профессор Университета Нотр-Дам. – Потолок третьего этажа тут же обвалился, нас бросило вниз, словно из катапульты, и мы пролетели два этажа до первого”.

Придя в сознание, Лёшер обнаружил, что лежит вниз головой и что его ноги раздроблены обломками потолка. Виейра ди Меллу лежал, погребенный под кучей щебня, в нескольких футах от него; ему удалось дотянуться до сотового телефона и вызвать помощь. Пока команда спасателей расчищала путь, пробираясь к нему, он умер от потери крови; кроме него от взрыва погиб еще двадцать один

человек. Это была одна из самых жестоких атак, когда-либо совершенных на объекты ООН.

Когда в обломках обнаружили тело молодого шахида, никто больше не сомневался, что взрыв был делом рук террористов, а не попыткой приверженцев старого иракского режима свести счеты, как предположили сначала некоторые американские политики. Буш, делая одно из первых публичных заявлений по поводу взрыва, признал, что “боевики типа алькаидовских”, видимо, проникли в страну. “Они хотят сражаться с нами, так как им невыносима сама мысль о свободном обществе на Ближнем Востоке”, – сказал президент журналистам через три дня после теракта в Багдаде, во время кампании по сбору средств.

Но что это за боевики?

Пока сотрудники ФБР прочесывали развалины миссии ООН в поисках остатков бомбы, которые можно было бы подвергнуть анализу, эксперты из АНБ и ЦРУ вели поиски в обратном направлении, роясь в обширной сокровищнице перехваченных телефонных звонков и текстовых сообщений. Они искали все, что могло быть связано с подготовкой к теракту или с переговорами исполнителей после теракта. Наде Бакос, чья первая командировка в Ирак близилась к концу, поручили тщательно изучить находки и подготовить отчет для высших руководителей ЦРУ и Белого дома в Вашингтоне.

Некоторые звонки, перехваченные операторами АНБ, немедленно обратили на себя внимание. Это были краткие обмены незначущими репликами, явно составленные так, чтобы передавать сообщения. Переговоры не содержали ни имен, ни названий мест – только смутные отсылки к совершенному, а также нечто, звучащее как поздравление. “Брат, – сказал один из звонивших, – сегодня Аллах был милостив”.

В ЦРУ телефонисты-сыскари отследили цепочку звонков, насколько могли, через цифровые подписи в электронных распечатках переговоров. Звонившие, как выяснилось, пользовались

сотовыми телефонами с оплаченными сим-картами, украденными у производителя в Швейцарии. Кто в конечном итоге владел ими и как они оказались в Ираке, оставалось только гадать.

Только десять дней спустя, после еще одного жестокого теракта, Бакос и другим аналитикам повезло. Очередной удар оказался еще страшнее других, и нанесли его не в Багдаде, а в Эн-Наджафе, столице шиитской провинции, где находилась одна из самых важных для большинства мусульман-шиитов страны святынь.

Двадцать девятое августа 2003 года пришлось на пятницу, священный день, и огромные толпы набились в осененную золотым куполом мечеть Имам-Али, чтобы послушать проповедь аятоллы Мухаммада Бакир аль-Хакима, очень влиятельного шиитского священника, который вернулся из иранской ссылки через несколько недель после того, как в Ирак вошли американцы. Семью Хакима, благообразного старца с умеренными взглядами, казнил Саддам Хусейн. Американские военные рассматривали его как потенциального партнера, поскольку Хаким проповедовал единение и терпимость и казался открытым для сотрудничества с иракским временным советом, состоящим из американских назначенцев. В тот день дородный священнослужитель в халате и тюрбане взошел на минбар, чтобы высказать жесткую критику в адрес оккупационных сил, сетуя на их неспособность обезопасить страну, приводя в пример, в частности, взрывы в иорданском посольстве и в штаб-квартире ООН. Иракцы должны сами, при поддержке всего населения, нести ответственность за свою безопасность, сказал имам. “Мы должны объединить усилия, чтобы вернуть жителям Ирака независимость и сформировать иракское правительство”, – сказал он.

Хаким как раз закончил проповедь и шел к ожидавшему его кортежу, когда взорвалась начиненная взрывчаткой машина, и сразу за ней следующая. Взрывы убили не меньше восьмидесяти пяти человек из набившихся в храм, чтобы взглянуть на имама, и ранили более пятисот. Тысячи молящихся и паломников, наводнивших мечеть, в панике бросились к дверям, топча умирающих и раненых.

От Хакима, человека, воплощавшего надежды столь многих иракцев и американцев, не осталось ничего опознаваемого, кроме руки с обручальным кольцом.

Шок от этого массового убийства поразил всю страну, спровоцировав протесты в нескольких городах и погасив надежды на объединение иракцев под руководством временного правительства. В Багдаде десятки тысяч людей из шиитских трущоб прошли маршем через суннитские кварталы, скандируя: “Смерть баасистам! Нет Америке! Нет Саддаму! Да, да – исламу!” Американские кабельные каналы перемежали кадры с разгневанными протестующими и кадры несвоевременного визита в Ирак министра обороны Дональда Рамсфельда, состоявшегося на той же неделе. Высшие чины Пентагона повторяли его теперь уже известную сентенцию, приписывающую насилие “неудачникам” из низложенного правительства Саддама Хусейна, которым, возможно, помогали (при поддержке Ирана) боевики ливанской “Хезболлы”. Если не считать этих моментов, прогресс в Ираке “исключительный”, утверждал Рамсфельд и добавлял: “В Багдаде кипит торговля!”

Тем временем изучение фрагментов бомбы из разрушенной мечети, а также других улик начинало давать результаты. Разбросанные по обширной площади куски старых авиационных боеприпасов и самодельные провода удивительно походили на те, что были найдены после взрывов в иорданском посольстве и штаб-квартире ООН. Улики все отчетливее указывали на одного-единственного деятеля: кого-то весьма опытного в изготовлении бомб и желающего посеять хаос.

Антенны АНБ снова насторожились, улавливая сигналы, и на сей раз американским наблюдателям достался знатный улов. Перехваченный телефонный разговор содержал еще одно поздравление: Аллах снова был “милостив”. Но теперь номер телефона высветился в базе данных ЦРУ: адресату звонили и после взрыва в здании ООН. Более того: теперь ЦРУ знало больше о партии

сим-карт из Швейцарии. Один из электронных чипов обнаружили на сирийце, арестованном несколькими днями раньше. Мужчина, который сам называл себя исламистом, признался, что приехал в Ирак вести джихад. Он объявил себя последователем одного иорданского борца за веру – того, кого иностранные боевики называли Заркави.

Бакос, которая приходила в себя в Лэнгли после своего первого вояжа в Ирак, читала отчеты о боевиках, приезжающих в Багдад из-за границы, и задавалась вопросом, нет ли среди них Заркави. Теперь стало ясно: перехваченные звонки связывали его не только с бойней в Наджафе, но и с нападением на ООН, а может быть, и с взрывом в посольстве. Каким-то образом всего через пять месяцев после уничтожения тренировочного лагеря “Ансар аль-Ислама”^{*} Заркави сумел переместить свою сеть в столицу другой страны и выстроить оперативную систему, требовавшую основательной разведки, огневой мощи и логистической поддержки, чтобы провести несколько сложных, масштабных террористических атак за короткий промежуток времени. Заркави не просто имел отношение к эскалации насилия в Ираке – он лично помогал задавать этому насилию вектор.

Бакос изучила отчеты и приготовилась написать заключение, которое должно было войти в документы для брифинга в Белом доме, намеченного на следующий день. На данный момент главный вывод выглядел убедительно: за терактами стоял Абу Мусаб аз-Заркави. Террористу, которого администрация Буша объявила причиной для атаки на Саддама Хусейна, падение иракского лидера на деле принесло новые возможности. Пока Заркави сидел в горах на севере Ирака, он был мелкой неприятностью; теперь он обретался в самом сердце страны, у него были развязаны руки, и он день ото дня становился все опаснее.

Много позже служащие разведки и эксперты по борьбе с терроризмом, изучая ранние годы войны, поражались стратегической хитрости Заркави. Преднамеренно или

по совпадению, он выбирал цели так, чтобы атаки пошатнули амбиции США в Ираке и сделали оккупацию долгой и болезненной. Первый залп по посольству арабской страны должен был гарантированно отвратить другие мусульманские нации от участия в модернизации Ирака тем образом, какой мог бы сделать присутствие американцев законным. За этим взрывом последовали еще два, которые, в свою очередь, продемонстрировали “блестящую стратегию”, по словам Брюса Райдела, старшего аналитика антитеррористического отдела ЦРУ и советника двух американских президентов. “Напав на ООН, Заркави изгнал из страны неправительственные организации и отбил охоту открывать посольства, – сказал Райдел. – А потом разыграл карту шиито-суннитского взаимного недовольства, атаковав шиитские мечети. Так что сначала он устроил нам изоляцию в Ираке, – продолжил Райдел, – а потом вверг нас в пекло гражданской войны”.

В августе 2003 года делать такие выводы было еще рано, так что Нада Бакос просто написала о том, что знала, пытаясь не думать о затруднениях, которые ее отчет обязательно принесет чиновникам из администрации Буша.

Руководители Бакос давили на нее, требуя деталей. По ее воспоминаниям, никому не хотелось сообщать в Белый дом, что за убийства несет ответственность Заркави. “Возьми еще день, – настаивал один из начальников. – Мы не станем ничего писать до тех пор, пока не будем абсолютно уверены в фактах”.

Редактирование и переписывание заняло весь день и продолжилось ночью. Уже после полуночи черновик был закончен, и около трех Бакос наконец вернулась к себе домой, чтобы поспать несколько часов.

Она написала всего один отчет, но он входил в противоречие с официальной версией администрации о войне. Бакос знала, что кое-кто в Белом доме сочтет ее доклад опасным и, возможно, попытается не дать ему хода. Но в ее докладе была правда. “Вот почему мы были так осторожны, – вспоминала Бакос. – Мы знали, что

встретим сопротивление, потому что наши слова означали: это уже не победа. Это крошечный ад”.

Глава 9

“Так вы, ребята, думаете, что это восстание?”

Через несколько дней после взрыва в штаб-квартире ООН у Роберта Ричера, возвращавшегося с семьей из проведенного в Канаде запоздалого отпуска, зазвонил рабочий телефон. На линии был один из докладчиков ЦРУ, откомандированных работать с Белым домом; его взбудоражили известия о тревожном документе, который только что лег на стол президенту. “Президент спрашивает, поддерживает ли агентство этот доклад. Тот, где говорится о начале восстания в Ираке?”

Ричер как раз ехал по Амбассадор-Бридж на пути из Виндзора, штат Онтарио, в Детройт. Оказавшись на американской стороне, он сразу съехал на обочину. Ричер подтвердил, что знает об этом отчете. Он лично подписал его несколько дней назад. “В нем изложены факты, – сказал Ричер, бывший глава резидентуры ЦРУ в Иордании. Теперь, после повышения, он стал главой ближневосточного отдела агентства. – Это мнение главы резидентуры. Мы утвердили анализ”.

Напряжение на том конце линии было физически ощутимым, оно чувствовалось даже на расстоянии в пятьсот миль. Белому дому не нравилось слово “восстание” в связке с войной, которую президент Джордж Буш объявил по сути выигранной. Любой, кто хотя бы поверхностно интересовался иракскими новостями, мог видеть, что с начала лета насилия в Ираке стало гораздо больше. Череду эффектно взрывающихся машин. Еженедельно – не меньше десятка американских солдат, погибших от снайперских пуль и скрытых фугасных мин. Но “восстание” было опасным словом, вызывавшим в памяти Вьетнам и бесконечную партизанскую войну. На встречах Совета национальной безопасности гражданские руководители Пентагона показывали слайды с относительно мирными провинциями Ирака. Атаки, мол, единичные, с большим

территориальным разбросом – работают баасисты-сопротивленцы, лояльные Саддаму Хусейну, президенту в бегах. “Насколько они серьезны?” – спросил Ричера на одной из таких встреч помощник министра обороны Дональда Рамсфельда.

Насколько они серьезны? Ричер, регулярно наносивший визиты в отделение ЦРУ в Багдаде, был настроен скептически. Весьма серьезны, думал он и говорил коллегам: “Они происходят каждый день”.

То, что Ирак приютил террористов, уже не ставилось под сомнение. Но никто не решался, описывая конфликт, употребить слово “восстание”, вплоть до 30 августа 2003 года. В тот день глава багдадского отделения ЦРУ Джерри Мейер бросился звонить в штаб-квартиру уже через несколько часов после двойного взрыва, убившего шиитского священника аятоллу Мухаммада Бакир аль-Хакима и множество верующих в наджафской мечети. Секретное донесение называлось “земляной волк” – на шпионском жаргоне так обозначают официальное заключение полевой резидентуры, направляемое в штаб-квартиру агентства. Мейер, наблюдавший последствия трех августовских взрывов, предупреждал, что конфликт стремительно переходит в новую опасную фазу. Джихадисты из разных стран начали просачиваться в Ирак, привлеченные перспективой сражаться с американцами. Иностранные боевики вступали в подпольные группы, намеренно создающие беспорядки с целью дестабилизировать обстановку в стране, дискредитировать пришедших в Ирак американцев и их местных сторонников. Формирование армии мятежников может свести на нет прогресс последних пяти месяцев, писал Мейер. Более того, учитывая вновь прибывших, толпы будущих террористов-смертников уже находятся в стране и готовы к атакам независимо от того, будет ли арестован Саддам Хусейн.

Жесткий тон отчета стал для чиновников Белого дома неожиданностью и повлек за собой шумные протесты со стороны представителя администрации в Багдаде, Л. Пола Бремера III,

дипломата, возглавлявшего ВКА в Ираке. Бремер заявил, что в отчете все преувеличено и в высшей степени негативно, и именно его реакция заставила ЦРУ отлавливать уехавшего в отпуск Ричера.

“Разразилась буря негодования, – вспоминал Ричер, уволившийся из управления в 2005 году. – ЦРУ говорит, что восстание набирает силу, а Белый дом бесится”. В действительности, по его словам, в Ираке столкнулись две версии реальности. Одна версия опиралась на свидетельства агентов ЦРУ, а вторая должна была подтвердить сообщение, столь выразительно переданное Бушем на борту авианосца ВМС США “Авраам Линкольн”. “Президент как раз вышел на палубу, чтобы сообщить, что мы победили, – пояснял Ричер. – Так что Белый дом оказался в неловком положении”.

До поры до времени отчет Мейера можно было просто игнорировать. Понадобилось еще десять недель и много смертей, чтобы советники президента по вопросам национальной безопасности снова начали обсуждать, уместно ли слово “восстание” для описания конфликта в Ираке. Прошло еще несколько месяцев, прежде чем Белый дом признал: да, это именно оно.

Если бы Абу Мусаб аз-Заркави мог диктовать США стратегию в Ираке, соответствующую его собственным планам создания террористической сети, он едва ли смог бы придумать стратегию лучше той, что реализовали сами американцы весной и летом 2003 года.

В бесчисленных книгах и статьях зафиксированы неверные шаги администрации Буша, от отказа остановить следовавшие за вторжением массовые грабежи до произведенного бремеровской ВКА полного демонтажа иракской армии и структур безопасности. Но никто в США не мог оценить масштаб этих промахов точнее, чем американские разведчики и дипломаты в Ираке, своими глазами видевшие, как группа Заркави пользуется моментом.

Годы спустя служащие ЦРУ, которых тогда, перед началом операции в марте 2003 года, привлекли к составлению

окончательного плана, поражались тому, что никто не продумывал, как будет управляться страна после низложения Саддама Хусейна. Младших служащих в последний момент засадили просчитывать возможные риски, с которыми американские солдаты могли столкнуться при попытках сохранять порядок в оккупированном Ираке. Но к тому времени повлиять на ситуацию стало уже невозможно.

“Непосредственно перед вторжением я спросил Пентагон, составляет ли кто-нибудь стратегию защиты солдат. Ответ был “нет”, и я сказал, что возьму это на себя, – говорил один бывший аналитик ЦРУ. – Я занялся военным анализом, потому что у них буквально не было никого, кто делал бы это изнутри системы”.

Когда через несколько недель Багдад стал погружаться в беспорядки, приоткрывшееся ненадолго окно возможностей захлопнулось. Некий служащий Госдепартамента, который одним из первых прибыл в столицу Ирака после падения города, говорил, что поначалу приветствия со стороны граждан не слишком отличались от восторженного приема, который администрация Буша предсказывала до войны. “Штука в том, что они искренне рады были видеть нас, – рассказывал Майк, ушедший на пенсию дипломат, чья работа в субподрядной охранной организации не позволяет упоминать его настоящее имя. – Цветы не бросали, потому что там не принято бросать цветы. Но каждую ночь начиналась праздничная пальба, и когда я объезжал Багдад, все нам радовались”.

Однако, по словам Майка, после нескольких недель безудержного разграбления всего, от правительственных кабинетов до бесценных музейных экспонатов и арматуры недавно построенных зданий, иракцы ожесточились. Не имея ни полномочий, ни военной полиции, чтобы восстановить порядок, армия США предстала и бессильной, и равнодушной к тому, что местные жители ощущали как несправедливость и страдание. Все больше иракцев смотрели на оккупационные войска с подозрительностью, граничащей с презрением. “Мы создали черную дыру”, – говорил Майк.

Неспособность обеспечить безопасность после вторжения была грехом невольным: американские чиновники не ожидали, что война полностью разрушит систему гражданского управления. А вот решения о роспуске иракской армии и отстранении членов партии “Баас” от власти были обдуманными – и ошибочными. В хусейновском Ираке каждый, кто искал управленческой должности – от директора школы и капитана полиции до главы разведки, – обязан был вступить в партию “Баас”. То же касалось абитуриентов иракских университетов. За одну ночь десятки тысяч профессиональных работников и опытных чиновников оказались безработными, и официальные представители США в Ираке обнаружили, что столкнулись с двумя колоссальными проблемами: во-первых, отсутствие местных агентств безопасности, которые наилучшим образом обеспечили бы охрану порядка и искоренение незаконных групп, и, во-вторых, большой контингент ожесточившихся и имеющих хорошие связи иракских должностных лиц, которым теперь приходилось перебиваться кое-как, без зарплат или пенсий.

“Мы выбросили этих людей на улицу – людей, которые имели все инструменты и знали, как их использовать, – говорил Ричер, вспоминая, как разозлило его решение о дебаасификации – принятый ВКА “Приказ № 1” от 16 мая 2003 года. – Мы выкинули их, оставив без средств. Некоторые из них прослужили в армии по пятнадцать-двадцать лет, а мы даже не дали им получить пенсию”.

Именно в этом погрузившемся в беспорядок Ираке Заркави обретет и свободу маневра, и могущественных союзников, желающих и имеющих возможность поддерживать его дело. Капитаны и сержанты, которые когда-то служили Саддаму Хусейну, теперь вступали в армию Заркави, а иные поднялись и до руководящих позиций. Другие предлагали конспиративные квартиры, разведку, наличные и оружие, в том числе, как выяснили потом следователи, авиационные боеприпасы и артиллерийские

снаряды, обеспечившие взрывную силу самым большим автомобильным бомбам Заркави.

Роль Заркави в иракском мятеже (кроме той, что была обозначена в секретных донесениях ЦРУ) оставалась по большей части неизвестной. Аналитики управления не могли прийти к согласию насчет ключевых моментов, в том числе по вопросу, находится ли террорист в Ираке или управляет событиями из Сирии или еще откуда-то из-за границы. Но всю осень 2003 года, пока официальные лица в Вашингтоне спорили, можно ли назвать происходящее в Ираке восстанием, череда ошеломляющих атак продолжалась.

Двадцать второго сентября штаб-квартира ООН в Багдаде снова подверглась нападению, хотя к этому времени многие ее сотрудники уже покинули страну. Погиб охранник, девятнадцать человек были ранены.

Двенадцатого октября “тойота-королла” пронеслась мимо заграждения и взорвалась возле лобби отеля “Багдад”, шикарного небоскреба в районе, облюбованном практикующими врачами. Погибли шесть человек, более тридцати были ранены, включая трех американских солдат.

Наиболее мощный эффект произвели скоординированные взрывы, прогремевшие 27 октября по всему Багдаду. Террористы-смертники атаковали штаб-квартиру Международного комитета “Красного креста” и четыре полицейских участка. Погибли не менее тридцати шести человек, среди них американский рядовой, и двести человек были ранены.

Десятого ноября шеф багдадской резидентуры ЦРУ снова засел за рапорт для штаб-квартиры о текущей обстановке в зоне конфликта. На сей раз Джерри Мейер изобразил картину еще более мрачной. Мятежники не только существовали в реальности – они побеждали. Судя по всему, террористы, которых поддерживали и хорошо снабжали союзники-баасисты, перемещались свободно, мало опасаясь как американских войск, так и торопливо восстановленных, но неэффективных местных полицейских

департаментов. В глазах среднестатистического жителя Ирака они выглядели сильными и “практически не встречали сопротивления”, как писал Мейер, сводя на нет любую надежду на то, что американские военные еще способны стабилизировать положение в стране.

“Легкость, с какой инсургенты передвигаются и существуют... все больше укрепляет их уверенность в своих силах”, – писал Мейер согласно одному из “земляных волков”, оказавшемуся в распоряжении американских журналистов вскоре после того, как сообщение ушло в Лэнгли. Что касается поддержки террористов – недружественных мусульман-суннитов и бывших офицеров хусейновской службы безопасности, – то им дали отличную возможность перегруппироваться, утверждал шеф резидентуры. “Постоянное чувство изоляции в самом сердце суннитских земель, полное исчезновение армии и других структур, ответственных за безопасность, жесткая дебаасификация, отсутствие экономических возможностей и политического управления дают им уверенность, необходимую, чтобы восстановить свою преступную сеть и восстановиться самим”, – говорилось в отчете.

Суровая откровенность Мейера заставила некоторых коллег опасаться за его должность; само собой, новый отчет привел в бешенство ближайших помощников Буша, вызвав обвинения в том, что ЦРУ ведет подкоп под президента, и как раз за год до выборов.

Одиннадцатого ноября – в День ветеранов, выходной для правительственных служащих – Белый дом созвал вторую встречу, чтобы от души помусолить последний рапорт Мейера и его подтексты. Снова призвали Роберта Ричера, на этот раз – лично, а также директора ЦРУ Джорджа Тенета и его первого заместителя Джона Маклафлина, министра обороны Дональда Рамсфельда и других советников по вопросам безопасности. Президент начал встречу с того, что спросил сотрудников ЦРУ в лоб: “Так вы, ребята, думаете, что это восстание?”

Маклафлин начал заранее заготовленную речь, выстроенную вокруг вопроса “Кто враг?”. Но когда он произнес “восстание”, его прервал скептически настроенный Рамсфельд. “Дайте определение слову “восстание”, – потребовал он.

Маклафлин и другие служащие ЦРУ принялись монотонно перечислять список признаков классического восстания из стандартных полевых уставов Пентагона. Ирак, говорили они, столкнулся с организованным движением сопротивления, которое намеревается уничтожить центральную власть путем свержения и вооруженного конфликта. Они описали сговор между оппозицией внутри страны и иностранными террористами и рассказали все, что известно о лидерах движения, о тактике и вооружении. По словам одного из участников совещания, представители министерства обороны никак не отреагировали на пояснения. “Военным неинтересно было это слушать, – вспоминал чиновник через несколько лет. – Они надеялись, что покончили с войной, и их не интересовали разговоры о партизанах”.

Буш, напротив, погрузился в молчаливую задумчивость. Его заключительные слова в конце встречи указывали, что он принял правду о положении дел в Ираке, хотя еще не был готов говорить об этом публично. “Не хочу никаких комментариев”, – сказал президент.

Через месяц Белый дом получил короткую передышку от мрачных новостей: 13 декабря 2003 года был арестован Саддам Хусейн во время рейда на уединенный деревенский дом в окрестностях его родного города Тикрит. Но арест бывшего диктатора не ослабил ежедневных атак на войска коалиции и мирных жителей Ирака. За долгие месяцы подпольной борьбы Заркави завоевал доверие как фактический лидер полномасштабного мятежа в Ираке. Его движение, которое теперь поддерживали тысячи озлобленных иракцев и сочувствующих исламистов по всему мусульманскому миру, станет вскоре единственной серьезной угрозой американским амбициям в Ираке.

Джерри Мейер, человек, предупреждавший о герилье в двух отчетах, не продержался на посту главы багдадской резидентуры достаточно долго, чтобы увидеть, как мятеж набирает силу. Через несколько недель после своего отчета от 10 ноября он был освобожден от должности и по приказу начальства вернулся в Вашингтон.

Много лет спустя, когда сотрудники ЦРУ будут анализировать совершенные в первые месяцы войны ошибки, некоторых изумят невероятные совпадения, позволившие Заркави так быстро достигнуть столь многого. Словно семя, несомое вольным ветром, иорданец приземлился ровно в нужный момент времени на участок почвы, идеально подготовленный для того, чтобы террорист пустил в нем корни. “Этой плодородной почвой был Ирак после дебаасификации, – пояснял Ричер. – Дождем и солнцем послужили некомпетентность временного правительства и то, насколько США не понимали иракцев и их культуру. Все это, – заключал он, – позволило Заркави расти и процветать”.

Самым богатым на побеги мятежа участком иракской почвы оказался пояс пыльных городов и деревень к северу и западу от столицы. В пределах границ региона, известного как “суннитский треугольник”, тревога из-за американского вторжения быстро превратилась в недовольство, а потом – у некоторых – в открытую враждебность.

Зейдан аль-Джабири, вождь племени, владелец большой овцеводческой фермы возле Рамади, надолго запомнил день, когда он потерял веру в американцев как в освободителей и даже как в людей, улучшивших хоть что-то в сравнении с полицейским режимом Саддама Хусейна. Это случилось 28 апреля 2003 года, почти через три недели после падения Багдада и за три дня до того, как президент США Джордж Буш произнес свою знаменитую речь “Миссия выполнена”. Сорокалетний шейх пытался понять, как политика оккупационных сил повлияет на коммерцию.

Продолжительные комендантские часы и ограничения на въезд и выезд могли обернуться катастрофой для торговца шерстью и свежей бараниной. Как и многие в племени дулаим, аль-Джабири был готов дать американцам шанс. Потом произошло событие, которое все изменило.

До этого понедельника Зейдан нечасто сталкивался с оккупационными войсками. Колонны танков в кофейного цвета пятнах (пустынный камуфляж) в раннюю фазу кампании намеренно избегали провинциальных городов, но теперь, на обратном пути, американцы вычищали всех продержавшихся до сих пор сопротивленцев и сплачивали ряды. 23 апреля солдаты из Восемьдесят второй воздушно-десантной дивизии и Третьей бронетанковой дивизии вошли в город Фаллуджа и разбили лагерь в правительственных зданиях и в здании школы. Вечером 28 апреля толпа из примерно двухсот человек, нарушив введенный по всему городу комендантский час, собралась возле школы, скандируя и крича на засевших внутри десантников. Американцы скажут потом, что протестующие размахивали оружием, что раздавались выстрелы. Как бы то ни было, десантники открыли шквальный огонь, убив семнадцать и ранив семьдесят демонстрантов. Следователи из *Human Rights Watch* позже не нашли следов пуль на стенах школы, где были расквартированы войска. Иракцы кипели негодованием, но Зейдан был среди тех представителей своего племени, кто призывал к сдержанности. “Мы изо всех сил старались не создавать проблем с американцами”, – скажет он через несколько лет. Главы крупных кланов центральной провинции Анбар устроили неофициальное совещание, чтобы обсудить возможные решения, а затем выбрали послов для переговоров с американскими командирами в Фаллудже.

“Мы пришли к ним и сказали: мы, племена, можем предложить решение – заплатите *дийю*, деньги за убитых, – вспоминал Зейдан. – У них [убитых] остались семьи, у некоторых дети. Заплатите семьям деньги, чтобы обеспечить их будущее, и их дети не уйдут

в сопротивление”. Ответ пришел через несколько дней. Да, Соединенные Штаты выплатят компенсацию. По три тысячи долларов за каждого погибшего иракца. Зейдан пришел в ярость: “Три тысячи долларов? Да это цена служебной собаки в американской полиции!”

“После этого нам стало ясно: американцы и не думали ни о какой справедливости”, – вспоминал он.

Это было первое из несчастливых открытий для Зейдана – казалось бы, потенциального союзника любой армии, которая свергнет Саддама Хусейна. Ему не было тридцати, когда члены его племени поддержали попытку государственного переворота, организованную генералом военно-воздушных сил, выходцем из известного клана Анбар. Заговор раскрыли, Хусейн арестовал и казнил более ста пятидесяти армейских офицеров и бросил в тюрьму более тысячи иракских суннитов, включая Зейдана и одного из его братьев. Зейдан, приговоренный к смертной казни вместе с другими, в последнюю минуту был помилован по всеобщей амнистии: Саддам хотел исправить отношения с могущественными суннитскими кланами, которые помогали ему оставаться у власти.

Но даже после смертного приговора и несмотря на неприятие многого из того, что делал диктатор, Зейдан испытывал по отношению к нему странно двойственные чувства. Его восхищала твердость Саддама. Как частное лицо он приветствовал бесстрашное сопротивление Хусейна Западу, которое у многих суннитов пробуждало воспоминания о славном прошлом, когда Ирак был частью могущественной империи, а Багдад – мировым центром науки и образования. При всех своих технологиях американцы были наглыми выскочками, неспособными по достоинству оценить культурное богатство страны, давшей миру письмо, математику, астрономию и юриспруденцию. Ирак был не просто линиями, прочерченными на колониальной карте, землей, вся ценность которой заключалась в нефти, погребенной под ее песками. Это была земля племен, ведущих свою родословную от начала цивилизации. “Американцы и их СМИ заставили нас вообразить, что Ирак никогда

не будет Ираком, пока не уйдет Саддам Хусейн, – говорил Зейдан. – Ираку семь тысяч лет. Америке всего двести. “Мерседес” – и “хёндай”.

И все же Зейдан даже после убийств в Фаллудже, всего в сорока милях от его скотоводческой фермы, видел мало смысла в противостоянии американской оккупации: “Мы не армия, мы не хотим выглядеть сопротивленцами”. Однако через год после вторжения его сомнения по поводу намерений США умножились. Зейдану стало ясно, что американцы расположились в Ираке на неопределенный срок. Хуже того, они отняли власть у долго находившихся у руля иракских суннитов и передали ее шиитам, которых Зейдан считал “ворами и бандитами”, лояльными Ирану. Сунниты в Багдаде теперь подвергались нападениям рыцущих по городу отрядов шиитской милиции. Зейдан с противоречивыми чувствами наблюдал, как члены его племени образуют тайные ячейки, первоначально для самообороны, а позже – чтобы производить молниеносные атаки на американские войска. Поползли слухи о том, что какой-то загадочный иорданец платит чистоганом любому иракцу, который присоединится к его движению. Зейдан никогда бы не присягнул на верность джихадисту, называвшему себя Заркави. Но другие дулаймиты уходили к иорданцу.

Шейх попытался еще раз встретиться с американскими военными командирами в Фаллудже. По его воспоминаниям, это произошло четвертого июля. Зейдан и несколько других вождей появились без предупреждения; они принесли дар – цветы в честь американского праздника. Офицер морской пехоты, встретивший иракцев, Зейдану показался перевозбужденным и подозрительным. Возможно, у него были на то причины: иракские лидеры, как правило, являлись на базу по договоренности – и обычно по поводу компенсации за какую-нибудь несправедливость или ущерб. Несколько лет спустя Зейдан не мог вспомнить причины встречи, но вспыхнувший спор запомнил надолго.

В какой-то момент американский командир умудрился оскорбить посетителей комментарием, который словно объединял иракцев и террористов. Один из шейхов в гневе обвинил американцев в том, что они пошли на поводу у Ахмада Халаби, шиитского политика в изгнании, который предоставил бушевской администрации ложные разведданные об оружии массового поражения. “Мы знаем, что прийти в Ирак вас надоумил Халаби!” – заявил шейх. Зейдан пытался смягчить разговор, но было ясно: встреча окончена. Последовали еще оскорбления, один из иракцев звучно ударил по столу.

Уходя, Зейдан поразился невероятной разнице между человеком в камуфляже и иракцами в национальной одежде. Даже при том, что они использовали один и тот же лексикон, их слова каким-то образом не были одними и теми же.

Однако последнее слово все же осталось за Зейданом. “Вы не сумеете остаться в Ираке”, – сказал он офицеру.

Зейдан видел, что пожар уже запылал, но не сделал ничего, чтобы остановить его.

“В этот момент, – говорил он впоследствии, – и началась настоящая битва”.

Глава 10

“Мятеж, вот чего мы хотим”

В январе 2004 года, месяцев через десять после своего прибытия в Багдад, Абу Мусаб аз-Заркави сидел за компьютером, сочиняя письмо Усаме бен Ладену. Прошло два года с тех пор, как он покинул Афганистан и почти четыре – с тех пор, как основатель “Аль-Каиды”^{*} отказался лично встретиться с ним в Кандагаре. Теперь Заркави был готов предложить перемирие.

Он начал письмо сентиментально-цветисто.

“Мы далеки друг от друга, но расстояние между нашими сердцами невелико”, – писал он человеку, стоявшему за терактами 11 сентября 2001 года.

Со времени их общения произошло много чего, и Заркави чувствовал себя обязанным отчитаться о времени, проведенном в Ираке, словно бен Ладен мог пропустить новости о партизанской войне. Ситуация в Ираке отличалась от всего, с чем оба они имели дело в Афганистане, писал Заркави, и в хорошем смысле (иракцы говорят по-арабски), и в плохом (ужасная территория, мало мест для укрытия). Заркави утверждал, что многого добился в ходе начатой им кампании, и выражал надежду, что бен Ладен захочет помочь. Но сначала следовало изложить джихадистский взгляд на район боевых действий и очертить главные действующие силы, включая его собственную маленькую армию.

Заркави начал с американцев. При всей своей огневой мощи, писал он, они “самые трусливые из тварей господних”, они бегут настоящей битвы и предпочитают отсиживаться на базах. Но, предсказывал Заркави, американцы скоро уйдут, предоставив вести войну в Ираке другим.

К суннитскому меньшинству Ирака – группе, которая с наибольшей вероятностью могла бы симпатизировать его движению, – Заркави

проявил столько же презрения. Сунниты, мол, не имеют лидеров, они разобщены, “беспомощны хуже сирот среди развратников”. Даже иракским солдатам, присоединившимся к джихаду, не хватает настоящего боевого опыта, и они предпочитают бросать гранаты и время от времени стрелять из миномета, вместо того чтобы встретиться с врагом лицом к лицу.

“Иракские братья предпочитают безопасность и хотят вернуться в объятия своих жен, где ничто их не пугает, – писал Заркави. – Иногда они хвалятся среди своих, что никто из них не был убит или взят в плен. Мы часто говорим им, что безопасность и победа несовместимы, что древо побед и жизненной силы не вырастет могучим без крови и презрения к смерти”.

Шиитскому большинству Заркави посвятил несколько пропитанных желчью страниц.

“Непреодолимое препятствие, притаившаяся змея, хитрый, злобный скорпион, шпионящий враг, всепроникающий яд”, – исходил метафорами Заркави. Он с пренебрежением писал, что религия иракского большинства хуже, чем язычество, и не имеет “ничего общего с исламом – кроме того общего, что иудеи имеют с христианами: и те и другие – люди Писания”. Шииты вознамерились уничтожить суннитскую веру и коварно объединились с американскими оккупантами. “Всю историю, все прошедшие века они оставались сектой вероломных предателей”, – провозглашал Заркави.

Избрать адресатом столь напыщенных речей бен Ладена было странно. Основатель “Аль-Каиды”*, сам будучи суннитом, видел, однако, себя объединителем мусульман и никогда не выказывал интереса к нападению на невинных шиитов. На самом деле он осуждал подобное, и Заркави, без сомнения, это уже знал. Возможно, он верил, что сможет переубедить бен Ладена, поскольку продолжал двигаться дальше, к сути своего послания: плану грядущей битвы, призыву убивать как можно больше шиитов. Подобная кампания, аргументировал он, позволит достичь одновременно трех целей:

дестабилизировать Ирак, уничтожить опасную ересь и, самое важное, заставить суннитов взяться за оружие и вступить в войну, которая приведет к их освобождению, – войну, которую он разожжет, – “пробуждение дремлющего, пробуждение спящего”.

Решение, которое мы видим, и Всевышний свидетель, для нас – толкнуть шиитов к сражению, ибо это единственный путь продлить бой между нами и неверными... Единственное решение для нас – уязвлять веру, армию и прочее шиитов, пока они не покорятся суннитам. Кто-нибудь скажет, что мы торопимся, мы безрассудны и ведем [исламский] народ в битву, к которой не готовы, битву, которая обернется мятежом и в которой прольется кровь. Но именно этого мы и хотим.

Заркави просил об одолжении: его группа, хоть и небольшая, стояла почти за всеми крупными терактами в Ираке, включая расположенные далеко на севере города, – в общей сложности двадцать пять атак, по его собственному счету. Но он мог бы достичь гораздо большего при официальной поддержке “Аль-Каиды”^{*} и ее международных ресурсов. “Мы надеемся лишь стать острием стрелы, сильным передовым отрядом и мостом, по которому исламский народ пройдет к обещанной победе”, – писал он. Если бен Ладен согласится с его стратегией – “если вы примете ее как путь и если вы согласны сражаться с еретиками”, – Заркави готов присягнуть ему на верность. “Мы, опытные бойцы, встанем под ваши флаги, будем выполнять ваши приказы”, – убеждал он.

Если же союз не сложится, никаких обид, уверял Заркави бен Ладена. Но так или иначе, лидер “Аль-Каиды”^{*} услышит о нем. Очень скоро, говорил Заркави, он выйдет из тени и заявит миру о себе. “Не сразу, но мы обрели достаточный вес”, – писал он. И теперь “переломный момент близок”.

Холодной февральской ночью, через несколько недель после того, как Заркави сочинил свое письмо, бригадный генерал Стэнли Маккрystal стоял на лестнице погруженного в темноту таунхауса в Фаллудже, бурлящем ненавистью центре иракской партизанской войны. Его солдаты обшаривали дом, ища боевиков и тайники с оружием. В эти минуты объект его поисков тоже ждал в темноте, чутко вслушиваясь в звуки: тихое урчание дизельных моторов на холостом ходу, стук металла по дереву, выкрики на английском, лай собак, хруст стекла под тяжелыми ботинками.

Командиру американского спецназа повезло: он привел группу коммандос именно в тот жилой квартал, где ночевал в тот день самый опасный террорист Ирака. Они находились менее чем в ста пятидесяти футах друг от друга, разделенные лишь парой нетолстых бетонных стен и темнотой города, который уже почти год, с начала американской операции, жил без электричества. “Я, вероятно, стоял меньше чем в квартале от Абу Мусаба аз-Заркави”, – признавал потом Маккрystal.

Это был второй в бесконечной череде рейдов той зимы. Американцы боролись с мятежниками, существование которых не могли больше отрицать даже самые большие вашингтонские оптимисты. Пентагон направил в Ирак команды спецназа с заданием искоренять ячейки местных и иностранных боевиков, стоящих за ростом насилия в стране. Человек, возглавивший миссию, был известен как солдат до мозга костей, он регулярно участвовал в опасных ночных рейдах по вражеской территории. Сорокадевятилетний Маккрystal сам был бойцом элитного подразделения, легендарного Семьдесят пятого парашютно-десантного разведывательного полка, известного девизом “Быстрее, дальше, сильнее” и победами от побережья Нормандии до битвы в Могадишо, описанной в книге и фильме “Черный ястреб”. Стайер, прославившийся самодисциплиной, Маккрystal регулярно пробегал семь-восемь миль в день, ел простую пищу и спал ночью не больше четырех часов. В должности начальника Совместного командования

специальных операций (СКСО) он оказался едва ли за четыре месяца до того февральского рейда. Свою кипучую энергию он направлял на поиски террориста, который приобрел известность среди иракских суннитов как самый яростный враг американской оккупации.

Сегодняшний план предусматривал подомовый обыск в одном из самых опасных районов во всем Ираке. Всего через месяц Фаллуджа навсегда прославится как город, где на четырех американских охранников из частной фирмы напали из засады, после чего несчастных растерзали, протащили по улицам, а потом повесили тела на мосту через Евфрат. Но сегодня ночью на тактической карте Маккриснала военная разведка отметила другое место, которое следовало проверить и вычеркнуть из списка. Генерал пристегнул пистолет и забрался в джип вместе с другими бойцами, намереваясь не сражаться, а наблюдать.

Этот рейд не держали в секрете. Вместо того чтобы нагрянуть сюда на вертолетах, Маккриснал и его группа ехали от самого Багдада: колонна из военных джипов и бронированных грузовиков громыхала по неосвещенным улицам до шоссе номер один, скоростной магистрали, ведущей на запад, к Иордании и Сирии. С час они ехали по почти пустой дороге, приближаясь к точке, где пустыня уступала место плоским крышам и тощим пальмам окраин Фаллуджи. Отыскав в темноте первый дом-цель, солдаты “Дельты” бросили в дверь светошумовые гранаты и молча, четко принялись бегом прочесывать комнату за комнатой.

Маккриснал прошел в дверной проем дома, когда поиски оружия были в разгаре. Здесь горел свет. Командир сдвинул вверх очки ночного видения и стал смотреть, как солдаты обыскивают группу мужчин-иракцев, которых подняли с постелей. В соседней комнате женщины и дети сидели на футонах, завернутые в одеяла, чтобы спастись от холода. Дети с понятным любопытством смотрели снизу вверх на долговязого американца. Но в глазах женщин Маккриснал видел кое-что еще – напряженную эмоцию, которая запомнится ему

на долгие годы. “Это была чистая, беспримесная ненависть”, – говорил он.

В эту ночь он в первый раз задержался в доме, который обыскивали его люди. Таких случаев будет еще много, и все они оставят неизгладимое впечатление. Однажды, во время рейда в Рамади, солдаты вытащили нескольких мужчин из дома, служившего, по сведениям, конспиративной квартирой, и заставили лечь на бетон – лицом вниз, руки за голову. Из дома вышел маленький мальчик лет четырех. Увидев отца лежащим на земле, он прошел между распростертыми взрослыми и, не говоря ни слова, лег рядом с отцом, заложив ручонки за голову.

“Мы мнили себя освободителями, – говорил впоследствии Маккрystal. – Но вот эти парни – огромные, в бронежилетах, с оружием в руках – переворачивают матрасы... Мы не крушили мебель. Мы не разоряли жилища. Но представьте себе: кто-то входит в ваш дом, где ваши жена и дети, и начинает рыться в ящиках. Помню, я думал: а если бы это был мой дом? Такие воспоминания остаются с тобой навсегда”. Обыск закончился, шум и крики переместились дальше по кварталу.

Пока командос двигались к следующему дому, крепко сбитая фигура в темной одежде крадучись открыла окно на втором этаже и спрыгнула в темный проход между домами. Поднявшись, человек на ощупь прокрался в переулок и растворился в темноте – может быть, направился на север, через железнодорожные пути, или стал ждать в темноте, когда уйдут командос. Лишь обнаружив позже его брошенные вещи, американцы поняли, что чуть-чуть не арестовали Заркави.

Это была упущенная возможность из тех, что могли бы изменить ход войны. Лишь год спустя американцы снова смогут приблизиться к Заркави.

Бегство Заркави расстроило командующего спецназом, даже при том, что ни он, ни другие американские военачальники еще не представляли себе, сколько разрушений принесет этот иорданец.

В мемуарах Маккрystal вспоминал свою первую поездку в Фаллуджу как относительно спокойное время, “тогда Ирак еще не погрузился в ад гражданской войны по-настоящему”.

“Кровавые последствия нашей ошибки проявились не сразу, – писал он. – В ту ночь Заркави еще не был проклятием Ирака”.

И все же Маккрystal уже видел контуры грядущего сражения. В глазах той иракской семьи он различил чувство, которое Заркави – или кто-то подобный ему – смог использовать, чтобы добыть больше денег и добровольцев. Обыски в домах гражданских жителей были необходимостью, но они усиливали озлобленность, которую многие иракцы чувствовали после нескольких месяцев отключенного электричества, прорывов канализации и хронической безработицы, всего, что, по словам Маккрystalа, “провоцировало ярость, естественным образом направленную на нас”.

“С расчетливой хитростью дикаря Заркави принялся эксплуатировать наши ошибки, заставляя нас выглядеть бессильными, или злонамеренными, или и тем и другим, – вспоминал Маккрystal. – Его исчезновение в темноте той ночью нас встревожило, но меня выбила из колеи та иракская семья. Наблюдая, как они наблюдают за нами, я понимал, что бой будет долгим и жестоким”.

Но чтобы начать этот бой, Маккрystalу пришлось создать силу, полностью соответствующую задаче искоренения партизанской сети, раскинувшейся по провинции площадью со штат Нью-Йорк. Со времен Вьетнама американская армия не сталкивалась с подобной задачей. Сухопутные и военно-морские части, рассеянные в начале 2004 года по всему Ираку, и близко не были подготовлены к ее решению.

Маккрystal сам осваивал должность на ходу. Он поднялся по иерархической лестнице стремительно, перешагивая через ранги, и заработал репутацию антикризисного менеджера. Маккрystal

мыслил по-новому, отлично умел замечать дисфункцию в организации и не стеснялся встряхнуть все как следует.

Родившийся в военной семье (отец – генерал-майор, все четверо братьев и сестра так или иначе связали свою жизнь с армией), Маккрystal в молодости был блестящим курсантом, чьи показатели оказывались хуже, чем могли бы быть. Учась в Уэст-Пойнте, он набирал дисциплинарные взыскания за употребление спиртного и несоблюдение субординации. Его решение поступить в школу войск специального назначения выглядело уклонением с прямого пути для офицера, желающего сделать карьеру. Но Маккрystal не уставал поражать своих наставников силой духа и склонностью оспаривать статус-кво. Из-за самодисциплины – и требовательности по отношению к тем, кто находился под его началом, – ему дали прозвище, которое так и приклеилось: Папа Римский.

Маккрystalа представили к званию бригадного генерала за несколько месяцев до терактов 11 сентября 2001 года; одно время он направлял американскую военную кампанию в Афганистане в нужное русло, после чего стал заместителем начальника оперативного управления в пентагоновском Комитете начальников штабов. Когда началась война в Ираке, Маккрystalа назначили проводить ежедневные телебрифинги для новостных медиа. 14 апреля 2003 года он стоял перед камерами, когда Пентагон официально объявил о капитуляции иракского правительства. “Я полагал, что серьезные боевые действия завершены”, – вспоминал Маккрystal.

Всего через шесть месяцев он был уже в Ираке, где командовал смешанными войсками элитных диверсионных групп и служащих разведки; военная кампания тогда только началась. Когда Маккрystal и его команда поздней осенью и зимой наносили первые визиты на ключевые командные посты, страна, судя по всему, сползала в хаос. Даже в Мосуле, этнически неоднородном северном городе, который считался образцом возрождения под руководством США, армия понемногу теряла контроль над

безопасностью. В городе стояла Сто первая военно-воздушная дивизия под командованием Дэвида Петреуса, в то время генерал-майора, который быстро открыл заново государственные учреждения и школы, перестроил местную службу безопасности и привел в порядок инфраструктуру. Но вскоре после того, как Петреус покинул город (в январе 2003 года его перевели в небольшой американский гарнизон), в Мосул вошли инсургенты. Боевики даже сбили вертолет из сопровождения Маккрисала, когда тот посещал регион.

Как много было сделано неверно – и как быстро! И все же Маккрисала, сидевшего в штаб-квартире в международном аэропорту Багдада, поражало отсутствие хоть какой-то стратегии в войне, в какую внезапно для себя угодила Америка. Даже спецподразделение, созданное для противодействия герилье (оно называлось “Оперативная группа 6-26”, но в ходе войны принимало и другие названия), не располагало базовыми методиками обработки разведданных, собранных в районе боевых действий или полученных от информаторов.

От иного просто глаза на лоб лезли. Однажды, посещая изолятор временного содержания, Маккрисал прошел мимо небольшого кабинета, где хранились улики, собранные во время рейдов. В кабинете высилась гора в половину человеческого роста – документы, ноутбуки, компьютеры, сотовые телефоны и другие “донные отложения”, большинство просто рассовано по мусорным мешкам и мешкам из-под песка. Все эти материалы еще только ждали проверки.

– Что это? – спросил Маккрисал помощника.

– Это доставили сюда вместе с арестованными, – прозвучало в ответ.

– Значит, это необработанные разведданные, – заключил генерал. – Что мы с ними делаем?

– Когда у переводчиков есть свободное время, мы сидим тут с ними и просматриваем содержимое.

Маккрystal пришел в ярость.

“Это было невероятно, – вспоминал он позже свою реакцию. – Естественно, свободного времени у переводчиков не было. К тому же они не знали, что именно ищут. Так что материалы просто лежали мертвым грузом, как переспелые и гниющие фрукты”.

Через несколько месяцев после своего назначения Маккрystal решил собрать командиров СКСО из Ирака и Афганистана на двухдневную конференцию, чтобы обсудить набирающие силу партизанские войны в обеих странах. Он попросил кое-что прочитать – в том числе “Современную войну”, классический французский труд 1961 года о противостоянии партизанской войне – и подготовил показ “Битвы за Алжир”, художественного, но исторически достоверного фильма 1966 года о кровопролитных попытках французской армии подавить в 1950-х партизанское движение алжирского Фронта национального освобождения. После окончания фильма Маккрystal предложил обсудить две проблемные темы. Во-первых, применение пыток и то, как это в конечном счете подорвало позицию Франции, тактически и морально. Во-вторых, отсутствие у французских военных, по мнению Маккрystalа, представления об алжирской культуре, отчего призывы партизан оказались столь убедительны для множества простых граждан страны. Схожесть алжирского конфликта с текущим была болезненно очевидной, но Маккрystal жестом указал на стену, чтобы донести эту мысль до остальных: “Мы ни малейшего понятия не имеем, что происходит вне нашего охраняемого лагеря”.

Маккрystalа поражало и то, что Заркави, иностранец, сумел создать столь впечатляющую сеть меньше чем через год после приезда в Ирак. Да, иорданец получал помощь от местных жителей. Но он явно выказал недюжинные способности как организатор и стратег.

Умение Заркави собирать информацию было поразительным, судя по его способности наносить удары за много миль от своей собственной базы. Его личная служба безопасности работала

на удивление виртуозно, в частности умудряясь то и дело проскальзывать на волосок от электронной разведывательной сети американцев. Действовал же Заркави дерзко, но осторожно, выбирая относительно легкие цели и мощные, но простые в изготовлении бомбы. Больше всего впечатляла его способность мыслить стратегически: он не только пытался вести войну. Он сам менял поле боя, используя теракты как кузнечный горн для выплавки новых врагов и союзников – в соответствии со своими целями. А целью Заркави сейчас было посеять ненависть между населяющими Ирак суннитами и шиитами.

Межконфессиональная вражда была вплетена в ткань страны, традиция расправ и погромов восходила к первым векам ислама. И все же в последние десятилетия двадцатого века иракцы обрели общее национальное самосознание и особое, иракское, чувство патриотизма, которое усилилось из-за восьмилетней войны против теократии иранских шиитов. До свержения Саддама Хусейна сунниты и шииты легко смешивались в иракских школах и университетах и жили бок о бок в смешанных районах. Однако теперь, не без помощи Заркави, страна оказалась разделена на вооруженные анклав. Вскоре ночи уже принадлежали шиитским и суннитским бандам, которые чинили расправы и сваливали изувеченные тела в переулки и ирригационные каналы.

“Заркави поставил себе целью заставить граждан Ирака смотреть друг друга так, как он сам видел их, – писал Маккристал. – А для него они были не гражданами страны, не коллегами, не соседями и не дальними родственниками или одноклассниками. Они были или единовѣрцами, или врагами, которых следовало бояться и уничтожать”.

Пока Заркави пытался создать проблемы для временного правительства Ирака и американских оккупационных сил, межконфессиональная вражда, которую он раздул, быстро обрела собственную инерцию. Шиитские отряды самообороны и милиция, жестокостью не уступавшие головорезам Заркави, захватили

контроль над внутренними районами страны и вступали в короткие перестрелки с военными частями США – так же, как их противники-сунниты. Иные, вроде Организации Бадра, обратились к иранскому Корпусу стражей исламской революции за оружием, обучением и деньгами. Со времен революции 1979 года Америка была злейшим врагом Тегерана – это она привела к власти шиита аятоллу Рухоллу Хомейни и поставляла оружие Саддаму в его войне с Ираном. Так что теперь Тегеран видел возможность уязвить Америку, управляя собственными армиями-представителями в Ираке. Вскоре все шоссе страны были усеяны спроектированными в Иране СВУ, которые специально были созданы так, чтобы пробивать броню американских военных машин.

По сути, Заркави изобрел трехстороннюю войну, в которой США оказались под огнем двух других сторон. Его представление о “мятежной” ярости, столь темпераментно описанное в письме к бен Ладену, выкристаллизовалось в книге под названием “Управление жестокостью”. Текст, циркулировавший на джихадистских сайтах в начале 2004 года, утверждал, что достичь целей ислама поможет лишь непоколебимая жестокость.

“Если мы не будем жестоки в джихаде, если позволим себе смягчиться, то утратим силу, – утверждал автор, теоретик “Аль-Каиды”*, называвший себя Абу Бакр Наджи. – Чтобы втянуть массы в битву, требуются действия, которые воспламят противника и заставят людей вступить в бой, хотя бы они того или нет”.

“Мы должны сделать эту битву жестокой, – писал он. – Такой, где смерть – на расстоянии ножа”.

Всего через две недели после письма Заркави бен Ладену создатели бомб, работавшие на иорданца, подготовили еще один взрыв, атаку на мирных шиитов. Такого кровопролития страна не видела за всю войну.

Второго марта 2004 года, в священный день, известный как День Ашура, миллионы шиитов по всему миру собирались почтить память

одного из величайших святых мучеников, Хусейна ибн Али, внука пророка Мухаммеда. Для иракских шиитов эта дата была особенно значимой: они отмечали священный день впервые после свержения Саддама Хусейна и отмены правительственной политики строгого надзора над верующими.

К середине утра огромные толпы – по неофициальным данным, до миллиона человек, включая десятки тысяч приехавших иранцев, – роились в шиитских храмах Багдада и Кербелы, города в Центральном Ираке, где по преданию был убит Хусейн ибн Али. В обоих городах в толпы паломников затесались молодые люди в тяжелых жилетах, скрытых под одеждой. В десять утра в толпе почти одновременно прогремели взрывы, полетели шрапнель и осметки человеческих тел. Люди в панике бросились бежать; в это время во двор мечети упали смертоносные снаряды, выпущенные в нескольких кварталах от храма. Погибли еще несколько десятков верующих. Следователи позже подтвердили информацию о десятке взрывов и почти семистах жертвах, из них сто восемьдесят погибших.

В этот раз официальные лица США быстро указали на Заркави как на возможного виновника. Не прошло и суток, как главнокомандующий США на Ближнем Востоке, генерал Джон Абизайд, заверил комиссию Конгресса, что владеет “разведданными, которые связывают Заркави” со взрывами во время Ашуры.

“Четкость организации и желание нанести удар по безвинным верующим – явный фирменный знак Заркави”, – объявил Абизайд третьего марта.

Многие иракцы хотели обвинить кого-нибудь еще. Аятолла Али ас-Систани, главное духовное лицо иракских шиитов, обвинял американские оккупационные силы в том, что они позволили рухнуть иракской системе безопасности, которая хоть и имела свои проблемы, но была в основном стабильна. Другие считали, что за кровопролитием стоят сами американцы; они не желали верить, что мусульмане способны на такие зверства.

Кто-то набросился на журналистов, которые для многих являли собой наиболее заметный символ Запада. Возле разрушенной взрывом мечети Муса аль-Хадам какая-то жительница Ирака, с ног до головы замотанная в черную абайю, вцепилась в двух американских репортеров, пронзительно выкрикивая оскорбления. “Почему, – вопила она, – вы, американцы, сделали это?”

И года не прошло с тех пор, как Заркави прибыл в Центральный Ирак, имея при себе лишь несколько винтовок, некоторую сумму наличными и собственные амбиции. Он объявил своей целью изолировать и измотать американские оккупационные силы и разжечь конфликт между шиитскими и суннитскими общинами Ирака. Ему удалось достичь того и другого; более того – иракцы теперь обвиняли американцев в кровопролитии, которое было делом рук Заркави.

Как он и рассчитывал, Ирак сползал в хаос, и Заркави вскоре продемонстрировал свою новую тактику, призванную усугубить беды страны и запугать западный мир. Но сначала ему надо было завершить одно незаконченное дело. Он не забыл свою первую ненависть – Иорданию.

Глава 11

“Эта атака превзошла бы все, что сделала “Аль-Каида”*

Двадцать девятого февраля 2004 года после долгой борьбы с лейкемией умерла Далла аль-Халайли, глубоко чтимая мать Абу Мусаба аз-Заркави. Иорданские агенты неделями не спускали глаз с дома, в котором она умирала, и пристально наблюдали за обрядом погребения, чтобы знать, не появится ли любящий сын. Он не появился.

Так же далеко Заркави оставался 6 апреля от иорданского суда, который заочно приговорил иорданца к смертной казни за убийство американского дипломата Лоуренса Фоули. Однако Заркави приготовил подарок – напоминание властям родной страны, что он о них не забыл. Заркави собирался совершить жест эпического масштаба, более грандиозный, чем все его деяния в Ираке. Одним чудовищным ударом он выпотрошит высших чиновников иорданской системы безопасности, парализует монархию и затмит Усаму бен Ладена как самый дерзкий и бесстрашный исламский воин своего времени.

Для выполнения этой миссии он выбрал человека по имени Азми аль-Джаюси, иорданца палестинского происхождения. Коренастый тридцатипятилетний Джаюси, с редующими каштановыми волосами и тонкими европейскими чертами лица, был рядом с Заркави с самого Афганистана. В иорданском лагере в Герате, на западе Афганистана, он овладел искусством составлять взрывчатые смеси; в один несчастливый день он лишился пальца. Когда Заркави перебрался в горы Северного Ирака, Джаюси стал работать в химической лаборатории “Ансар аль-Ислама”*, где смешивал простые яды и проверял результаты на собаках. Теперь Заркави с Джаюси засели за разработку устройства, которое

продemonстрировало бы таланты последнего: мощная бомба сровняла бы с землей несколько зданий в центре иорданской столицы и одновременно выпустила бы облако ядовитого газа. Этой бомбе, напоминавшей радиоактивные “грязные бомбы”, которые распространяли радиацию благодаря обычным взрывчатым веществам, предстояло стать чудовищным по своей мощи оружием. Ядовитые вещества распространятся по всему городу, начнется паника. При благоприятном ветре “самоубийственная химическая атака”, как называли ее последователи Заркави, имела все шансы убить тысячи людей.

Но сначала изготовитель бомбы должен был сообразить, как добраться до цели. Джаюси, как и сам Заркави, хорошо знал об иорданском Мухабарате – в 1990-е годы он попал в тюрьму за связи с радикалами. Его могли узнать на границе, даже с фальшивым паспортом. Заркави решил не полагаться на волю случая. С помощью своего сирийского шефа логистики, дантиста-полиглота Абу аль-Гадийи, он разработал схему переправки Джаюси и его соучастника через границу Иордании в бензовозе. Гадийя устроил для террориста укрытие в цистерне, снабдив схрон дыхательными трубками, чтобы безбилетники не надышались парами бензина во время двухчасового путешествия через таможи сирийско-иорданской границы. При себе у них не было ничего, кроме рецепта взрывчатки и толстых пачек евро и иорданских динаров – первого взноса в бюджет, который потом достигнет четверти миллиона долларов.

Джаюси без приключений переправился через границу, и иорданские друзья быстро доставили его на явочную квартиру, где он мог начать приготовления. Джаюси купил подержанный “опель” и принялся тратить деньги. Он поручил помощникам нанять складские помещения в трех городах на севере Иордании и купил еще четыре машины у разных продавцов. Одна из них, “шевроле каприс” с восьмицилиндровым двигателем и детройтской стальной рамой, была достаточно мощной, чтобы протаранить контрольно-

пропускной пункт. Потом Джаюси купил три грузовика; два должны были стать гигантскими бомбами, в третий планировалось поместить резервуары с химикатами. Наконец Джаюси засадил помощников за работу, раздав им с десятков разных заданий, от приваривания к грузовикам усиленных амортизаторов до покупки и хранения химикатов – пестицидов, цианистого калия, перекиси водорода, глицерина, ацетона – партиями достаточно маленькими, чтобы не возбуждать подозрений. Запасы, общим объемом в двадцать тонн, вскоре выстроились вдоль стен маленького склада в расположенном на севере городе Ирбиде, в канистрах и ящиках, помеченных оранжевыми предупреждающими наклейками. Двенадцати рабочим предстояло участвовать и в самой миссии, без шансов вернуться домой.

Джаюси надзирал за работами, как ревностный маэстро. Он разъезжал на своем “опеле” от одного склада к другому, чтобы избежать переговоров по телефону – телефонный звонок могли перехватить. Между визитами он проезжал через весь Амман, чтобы лично собрать информацию о потенциальных мишенях: штаб-квартира Мухабарата; королевский дворец и комплекс придворцовых зданий; посольство США; новый торговый комплекс “Мекка” – пять этажей магазинов и ресторанов.

Обнаружив, что может перемещаться по всей Иордании без помех, Джаюси за несколько недель до назначенного на середину апреля дедлайна расслабился. Печально известный своей любовью к сладкому, он наведывался в кондитерские лавки за кнафе, похожими на канноли трубочками со сладким сыром и с хрустящим покрытием из длинной лапши. Потом он начал обдумывать более рискованный тур: посетить район, где жил прежде, и повидать супругу. Женщина понятия не имела, что ее муж в Иордании, а Джаюси хоть и жаждал воссоединения, но был достаточно осторожным, чтобы понимать: любая попытка увидеться с женой будет замечена и доведена до сведения Мухабарата.

В конце концов для истосковавшегося Джаюси любовь оказалась сильнее осторожности. В начале апреля он отправил одного из своих заместителей понаблюдать за семейным домом. Заметив жену Джаюси (она как раз возвращалась домой после визита к родителям), посланец подъехал к ней на машине и представился. Оба о чем-то коротко переговорили, и женщина скрылась в доме. Когда она появилась снова, с ней были сумки и трое детей на буксире.

Планы Джаюси начинали обретать форму, а теперь и жена поможет ему скоротать время до дня, когда все будет готово.

До намеченной даты, когда следовало доставить по назначению мощную бомбу Заркави, оставалось меньше двух недель.

Ловушки начали срабатывать почти одновременно. От отдаленных городов и дальних пригородов столицы информация, пульсируя по невидимой сети, потянулась к оперативному центру Мухабарата. Сенсоры агентства сначала засекли детали странной головоломки вроде исчезновения в один день целой семьи известного агентам соратника Заркави, палестинца по имени Джаюси. Самого джихадиста не видели в Иордании уже несколько лет. Неужели он тайком перевез семью в Ирак?

Более серьезная улика лежала на столе Абу Мутаза, молодого офицера из отдела по борьбе с терроризмом. Абу Мутаз пытался наставить Заркави на путь истинный, после того как тот по амнистии 1999 года вышел из тюрьмы. Спустя почти пять лет Абу Мутаз был уже капитаном с подчиненными и кругом задач, которые распространялись на офисы разведслужбы по всей стране. И вот в один из офисов, в Ирбиде, городе возле сирийской границы, стали поступать донесения об иностранцах с огромными суммами наличных и весьма специфическим списком трат: небольшое число подержанных, но крепких легковых машин и грузовиков и съем складских помещений, расположенных подальше от домов и пешеходных дорог.

Абу Мутаз кропотливо изучал подробности. Загадочные покупатели вели себя достаточно странно, чтобы вызвать интерес у местных жителей, и подозрения начали углубляться. Рутинные попытки установить личность приезжих окончились ничем. И вообще, вскоре стало ясно, что настоящими покупателями были не они. “Использовали подставных лиц, – заключил Абу Мутаз. – И мы не знаем, кто стоит за всем этим”.

Сотрудники Мухабарата взяли одного из торговых посредников – местного автомобильного брокера лет сорока, который в прошлом попадал в неприятности из-за теневых сделок. Со времени своих прежних трений с законом он исправился и даже стал религиозным, хотя и не фанатиком. Когда к нему явились из Мухабарата, он перепугался и одним духом выложил все, что помнил о человеке, который нанял его купить “шевроле-каприс”. “Я даже не взял комиссию!” – твердил брокер.

Однако имена, которые он сообщил, оказались фальшивыми, а нацарапанные им телефонные номера больше не обслуживались. Единственной надежной зацепкой для Мухабарата остались подробные описания машин, включая “шевроле” и большой желтый грузовик немецкого производства, и неясные счета загадочных покупателей. Все в этих сделках, от регистрации документов до номерных знаков, было украдено или сфабриковано.

Тем временем на стол Абу Мутаза ложились еще более тревожные рапорты. Некоторые местные торговцы стройматериалами сообщили о сделках на большие суммы наличными – куплены были кое-какие химикаты, и разведслужба тщательно отследила покупки, поскольку химикаты могли найти применение в изготовлении взрывчатки. Встревоженный Абу Мутаз явился к начальству. Вскоре агенты по всей стране присоединились к срочным поискам “каприса” и желтого грузовика.

“Мы терпеливо собирали информацию, пока не услышали об этих химикатах, – вспоминал он впоследствии. – Объемы купленного позволяли предположить, что мы ищем не двух-трех террористов,

которые пытаются изготовить бомбу. Оказалось, что это куда более масштабный проект”.

До сих пор руководители Мухабарата не видели причин посвящать в поиски своих американских коллег. Что бы ни затевалось в Ирбиде, ни упоминаний об особых мишенях, ни предположений об участии “Аль-Каиды”^{*} или Заркави не было. Откровенно говоря, ЦРУ мало что могло предложить. Знаниями и умениями, потребными для решения задачи, иорданцы обладали сами, и в немалом объеме. В непростом искусстве слежки они были на голову выше американцев, при всех деньгах и технических наворотах последних. А Абу Мутаз славился как один из лучших.

Абу Мутаз был родом из Тафила – крошечного трехтысячелетнего городка на Восточном берегу, где корни, происхождение значили больше, чем образование или богатство. Хорошие школьные оценки и племенные связи дали ему возможность отправиться за границу, в Катар, где он намеревался изучать журналистику и мечтал о карьере в прессе или на телевидении. Вместо этого в Мухабарате ему по хорошим результатам вступительных испытаний предложили пост, где не требовался опыт работы. Умение писать тексты принесло ему должность, на которой надо было составлять черновики отчетов для руководителя отдела по борьбе с терроризмом. Но Абу Мутаз, прирожденный оперативник, истинный талант показал в вербовке информаторов из джихадистов. Будучи не слишком религиозным, он держался открыто, естественно и тем самым вызывал у людей доверие. “Всегда есть ключ, который проведет тебя к человеку в душу, – надо только найти этот ключ”, – часто говорил он.

Но чтобы взломать исламиста, почти всегда требовался второй ключ: способ проникнуть через религиозный код, созданный, чтобы держать чужаков на расстоянии. Абу Мутаз знал Коран не хуже большинства джихадистов и порой часами просиживал с одним-единственным заключенным, ведя с ним, стих за стихом, бесконечные богословские дебаты. Иногда во время этих дискуссий он извинялся – ему надо на пару часов удалиться в местную мечеть

на молитву. Однако вместо мечети Абу Мутаз отправлялся через весь город в бар какого-нибудь отеля, подкрепиться одним-двумя бокалами пива.

Эта работа требовала также исключительного терпения – качества, которым Абу Мутаз был одарен от природы. Однажды он четыре месяца разрабатывал одного джихадиста – молодого радикала, весьма многообещающего как потенциальный информатор. У юноши словно было два лица: он прошел обучение на базе боевиков в Афганистане, однако сохранил привязанность к семье и светской жизни в Иордании. Абу Мутаз решил надавить на молодого человека через родителей и стал вести наблюдение за районом, чтобы узнать все возможное о его матери, даже в какие магазины она ходит. Он нашел ее любимый бакалейный магазин и свел дружбу с владельцем. Однажды утром Абу Мутаз явился в магазин с корзинкой сквобов – домашних голубей, иорданский деликатес – и попросил бакалейщика устроить особый обед, пригласив джихадиста, его мать и самого Абу Мутаза. Под конец обеда агент Мухабарата отвел мать в сторону и попросил помощи: как хочется не дать ее безусловно умному, талантливому сыну кончить жизнь в тюрьме! В результате они сдружились, и сын, послушный матери, стал одним из лучших осведомителей Абу Мутаза.

Теперь Абу Мутаз требовал любой, даже самый мелкий кусочек информации, он узнавал каждую сплетню в районе, пытаясь докопаться до конкретных деталей того, что, как он уже опасался, было крупным террористическим заговором. Весь Мухабарат, с его медлительностью и устаревшими технологиями, участвовал теперь в поисках. В племенах и по городам заговорили, что люди из службы безопасности не покладая рук ищут информацию, чтобы предотвратить возможную атаку.

Крупный прорыв произошел благодаря ирбидскому бизнесмену, явившемуся в местный полицейский участок. Он услышал о поисках, которые вел Мухабарат, и задумался, не могут ли его последние арендаторы иметь отношение к этой истории. Недавно он сдал гараж

и склад на главной дороге Ирбид – Амман иностранцам, которые заплатили наличными и были странно не уверены в своих планах. Посетители на склад не приходили, а арендаторы вели себя на удивление таинственно: забрали щитами окна, выходящие на дорогу, и возвели вокруг участка забор за свой счет. Однажды, наведя свою собственность, бизнесмен изловчился быстро заглянуть в щель между щитами. “Там внутри стоял большой грузовик”, – сказал мужчина.

Полиция ворвалась на склад, удивив горстку рабочих, которые сдались без борьбы. Во внутреннем складском помещении, как банки с краской, рядами стояли емкости с химическими веществами, достаточными, как подсчитали сотрудники Мухабарата, чтобы проложить широкую просеку в центре Аммана. Мешки с тминным семенем – усилителем взрывчатки – лежали в другом углу. А в гараже, как и было сказано, стоял грузовик: желтый немецкий МАН, точно соответствовавший описанию машины из поискового списка Мухабарата. Рабочие только-только закончили приваривать к передку грузовика раму из прочной стали – такой таран использовали иракские мятежники, чтобы перед взрывом загнать грузовик-бомбу поглубже в намеченное здание. Система доставки бомб была вполне рабочей.

Рейды следовали один за другим. В нескольких милях от склада следователи обнаружили другие машины, а также лабораторию Джаюси. Для устройства последней изготовитель бомбы избрал сельскую местность рядом со скотоводческой фермой. Никто из соседей не заметил бы резкого запаха, происходящего от смешивания химикатов.

К этому времени из допросов и обрывков рецептов из лаборатории Абу Мутаз уже почти точно знал, что намеревались устроить заговорщики. Такой атаки с участием террористов-смертников мир еще не видел: химическая “грязная бомба”, составленная из легальных взрывчатых веществ и ядов, дала бы токсичное облако, которое распространилось бы по столице, убивая

людей. Эпицентром террористы избрали штаб-квартиру самого Мухабарата, главный взрыв должен был произойти на автозаправке, которая обслуживала машины агентов, недалеко от офиса Абу Мутаза.

“К тому времени, как мы их выследили, они уже почти подготовились, – вспоминал Абу Мутаз. – Начать они собирались с атаки на главные ворота. Используя РПГ и ручное оружие, убили бы охранников. Потом главный грузовик – МАН – уничтожает автозаправку, следом появляются грузовики с взрывчаткой и ядами. После взрыва место стало бы настолько токсичным, что туда не смогли бы попасть даже бригады скорой помощи. Эта атака превзошла бы все, что сделала “Аль-Каида”*.

Но один элемент отсутствовал: создателя бомбы так и не обнаружили.

Джауси соблюдал осторожность. Очень немногие в ирбидской ячейке знали, кто он на самом деле, и никто не знал, где он находится в данный момент. Джауси использовал только предоплаченные телефонные карты и менял мобильные телефоны каждые несколько дней, чтобы свести на нет любые попытки отследить его перемещения. Когда начались рейды, он скрылся на явочной квартире в Марке, палестинском анклавом возле Аммана, явно намереваясь подождать, пока Мухабарат уберется, а потом бежать или начать все сначала. Но теперь у иорданцев было имя – и притом знакомое, – а также фотография, которую они могли показать по государственному телевидению. Владели они и информацией, которая оказалась решающей: с Джауси были его жена и дети. Как именно агенты выследили семью в укрытии в Марке – ошибочный телефонный звонок или неосторожность родственников? – неясно. Но с наступлением ночи в понедельник, 17 апреля 2004 года, спецназовцы заняли позиции вокруг многоквартирного здания. Вероятность, что изготовитель бомбы находится дома, была высока.

В 2.10 ночи 18 апреля с десяток солдат присели с оружием наизготовку, и офицер громко постучал в дверь. “Полиция!” – крикнул он.

Ответом была очередь из пистолета-пулемета прямо через дверь, и на лестничную клетку дождем посыпались пули и щепки. Один солдат упал, раненный в плечо. Бойцы вломились в квартиру. Стеля на поражение при первых же попытках сопротивления, они врывались в погруженные в темноту комнаты, ища террористов.

Джаюси они нашли в спальне – он скорчился там, с женой и детьми. Создатель бомб, способных убить тысячи ни в чем не повинных людей, не сделал ничего, чтобы защититься; он только цеплялся за жену, которую перевез сюда, подвергнув огромному риску. Даже когда полиция уже была в доме, он настоял, чтобы семья держалась вместе, детей уложили спать среди ящиков с взрывчатыми веществами С-4 и запалов с детонаторами, которые должны были стать последними деталями при создании исторической бомбы Заркави.

Позже, утром того же дня, Абу Хайсам, капитан разведки, который последним видел Заркави перед тем, как тот в 1999 году бежал в Пакистан, заглянул в комнату для допросов, чтобы увидеть еще одно лицо из своего прошлого. Подозреваемый сидел на стуле, теперь – один, волосы всклокочены, глаза опухли от недосыпа. Но это был все тот же Джаюси, которого Абу Хайсам запомнил много лет назад, – чисто выбритый, чуть располневший. На этот раз его ждали обвинения, гарантировавшие что угодно, но только не то, что он когда-либо будет жить с женой, как свободный человек.

Абу Хайсам вошел в камеру с маленьким подносом и сел. Изготовитель бомбы коротко глянул на него, но лицо его выражало только крайнюю усталость. Он проиграл. Допрос будет недолгим.

Капитан подтолкнул поднос через стол, так что пропитанные медом кнафе с сыром оказались прямо у Джаюси под носом.

“Угощайся”, – пригласил Абу Хайсам.

Через два дня Абу Мутаз сидел рядом с Джаюси, пока бомбист пересказывал свою историю, на этот раз – при включенных видеокамерах. Жители иорданской столицы были взбудоражены новостями о раскрытии террористического заговора, в результате которого, по официальным оценкам, в центре Аммана могли погибнуть до восьмидесяти тысяч человек. Джаюси, отвечая на вопросы офицера Мухабарата, невыразительным монотонным голосом объяснял, как все было организовано. Он описал тайное пересечение границы, финансирование, подделку документов, как нанимал сварщиков и как устроены специальные канистры, спроектированные под едкие ядохимикаты. Потом он заговорил о самом теракте:

Люди на “капризе” должны были иметь при себе ручные гранатометы, их задача – протаранить заграждение и убить охранников. На грузовик поставили бампер, который позволял устранить любую помеху. Он был сконструирован так, что машина проламывает стену и движется дальше, до самого центра разведслужбы. Предполагалось, что руководство разведки на месте. Там грузовик и взрывается.

Все охранники, которые не погибают от взрыва, оказываются в состоянии сильнейшего шока или ранены, так что не сопротивляются. И тогда другие машины, по одной, въезжают и паркуются в любом месте. Никто не сопротивляется. Как специалист по взрывчатым веществам я понимал: бомба разрушит здания разведцентра и все вокруг них, разрушены будут даже дальние постройки.

Джаюси оживился, лишь когда его спросили о причине атаки. Все это, объявил он, было сделано по приказу человека, которого он считал своим командиром и наставником с самого своего пребывания в гератском тренировочном лагере на западе Афганистана.

“Я поклялся в верности Абу Мусабу аз-Заркави, – сказал Джаюси под запись. – И согласился работать на него, не задавая вопросов”. Погибнуть за него было бы честью, добавил он.

“Если я умру, то стану мучеником, а те, кого я убью, отправятся в ад”.

Из тех, кто изучал детали заговора, острее всех чувствовал надвигающуюся опасность человек, которого радикалы в своих фантазиях видели главной мишенью. Для короля Абдаллы II события апреля 2004 года представляли собой нечто большее, чем предотвращенную в последний момент катастрофу. Пытаясь взорвать ядовитую бомбу в центре Аммана, Джаюси официально доставил иракскую войну в столицу Иордании.

Абдалла предупреждал, что полыхающее в Ираке насилие невозможно будет остановить корректно. Он говорил о своих дурных предчувствиях первым лицам США (включая президента) еще до начала операции. Даже после объявления победы над армией Саддама Хусейна, Абдалла предсказывал своим ближневосточным друзьям, что война приведет к “проблемам, которые невозможно предугадать, но с которыми нам придется иметь дело не одно десятилетие”. Однако он и представить себе не мог, что все будет настолько плохо.

Монарх предъявлял жалобы насчет последствий вторжения и официальным лицам США. В июле 2003 года, когда Ирак еще не затянуло в воронку хаоса, Абдалла встречался с Л. Поллом Бремером, главой назначенного Белым домом временного правительства Ирака. Абдалла настаивал, чтобы тот пересмотрел свое решение о расформировании иракской армии и внесении в черный список членов хусейновской партии “Баас”. Во время встречи на экономическом форуме в Иордании король, по его воспоминаниям, отвел Бремера в сторонку и предупредил, что эти решения “нам всем выйдут боком”.

“Я сказал: надеюсь, вы понимаете, что, производя поголовную дебаасификацию, вы столкнетесь с поголовным же сопротивлением. Это создаст вакуум, который кому-то придется заполнить”, – писал Абдалла в воспоминаниях 2011 года. Расформирование армии было, по его словам, “сущим безумием... рецептом анархии и хаоса”.

Ответ Бремера, как вспоминал Абдалла, был бесцеремонным и резким.

“Я знаю, что делаю, – заявил американский дипломат. – Мы предусмотрели нечто вроде компенсации. У меня все под контролем, большое спасибо”.

Король не удивлялся, видя, как быстро разваливается система безопасности. Будучи суннитом, он сочувствовал суннитскому меньшинству Ирака. После нескольких десятилетий в привилегированном статусе эти люди чувствовали себя под угрозой и во все большей изоляции. Тревога должна была толкнуть иных иракцев к исламистам-радикалам, которые, в свою очередь, открыли бы двери иностранным джихадистам. Конечно, “Аль-Каида”^{*} и ее союзники ухватятся за возможность обосноваться в стратегически важном уголке Ближнего Востока. “Они могли перенести свои операции из Афганистана в самое сердце арабского мира”, – говорил Абдалла.

Вскоре еще одна ошибка американцев позволит экстремистам совершить рывок вперед. В том же месяце, когда был раскрыт заговор с химической бомбой, американское телевидение продемонстрировало изображения военнопленных, подвергшихся издевательствам в печально известной иракской тюрьме Абу-Граиб. Арабы вскипели гневом при виде фотографий голых заключенных в собачьих ошейниках и заключенных, подвергавшихся сексуальным издевательствам со стороны женщин-военнослужащих. Абдалла во время своего визита в Вашингтон той весной настаивал, чтобы президент Буш извинился перед жителями Ирака за несовместимое с человеческим достоинством обращение с пленными, что Буш и сделал, причем король Иордании стоял рядом с ним.

Но прочие официальные лица выказывали мало интереса к точкам зрения, которые противоречили официальной повести о неуклонном улучшении жизни в Ираке. Через несколько месяцев после того, как разразился скандал вокруг тюрьмы Абу-Грайб, Абдаллу спросили, в каких условиях живут простые иракцы. Это произошло в Нью-Йорке, во время частного званого ужина, на котором присутствовали известные журналисты и правительственные чиновники. Несмотря на участвовавшие теракты, предположил один из гостей, жизнь женщин после свержения диктатора наверняка стала лучше. “Женщинам стало в десять раз хуже, – ответил король. – При светском режиме Саддама мужчины и женщины были равны очень во многом”.

Некоторым назначенцам Буша, присутствовавшим на том же ужине, откровенность Абдаллы показалась неудобной. По его воспоминаниям, Лиз Чейни, старшая дочь вице-президента, в то время – высокопоставленный чиновник Госдепартамента из отдела по ближневосточным делам, обратилась к одному из помощников короля с непрошеным советом: Абдалле следовало бы воздерживаться от несогласованных заявлений на публике. Сначала помощник подумал, что это шутка, однако на следующий день Чейни позвонила ему, чтобы высказаться еще настойчивее. Она заявила, что обсудила ремарку короля с Полом Вулфовицем, чиновником министерства обороны и одним из архитекторов политики Буша в Ираке, и оба пришли к мнению, что Абдалле следует держать свои взгляды при себе.

Его величество пришел в ярость.

“За ужином я сказал правду, – писал он впоследствии. – Меня поразило, что некоторые члены администрации и люди, их поддерживающие, полагают, что расхождений во взглядах на Ирак нет и быть не может. В Америке, в стране, которая гордится свободой мнений, затыкали рот тому, кто сообщает неудобные новости!”

Реальность начинала становиться болезненно очевидной: Ирак охвачен пламенем, и опасные протуберанцы пронизывают весь регион. Джаюси в огненном смерче пробрался со своей ядовитой бомбой в Иорданию, и иорданский Мухабарат еле успел остановить его. А тем временем человек, направлявший и финансировавший заговор, оставался в Ираке на свободе и мог попробовать еще раз.

Мухабарат подготовил еще один удар, направленный против организаторов химического заговора. Чтобы дискредитировать джихадистов и выявить все варварство преступления, которое им едва не удалось осуществить, разведка распорядилась показать избранные места из записанного на пленку признания Джаюси по государственному телевидению. Пусть иорданцы увидят, как этот человек равнодушно рассказывает о своих планах сровнять с землей часть столицы. Арабские новостные каналы передали запись на более широкую аудиторию по всему Ближнему Востоку, включая Ирак. И вот пухлое лицо Джаюси заполнило экран телевизора на явочной квартире, в которой временно жил Абу Мусаб аз-Заркави.

Заркави, разумеется, уже знал, что произошло с Джаюси и другими его бойцами. Но после увиденного по телевизору он решил ответить иорданцам тем же.

“Да, план заключался в том, чтобы уничтожить управление иорданской разведки [Мухабарат]”, – говорил Заркави в микрофон. Потом запись отправилась на исламистские сайты.

Террорист постарался отклонить обвинения насчет химического оружия, объявив информацию о нем выдумкой Мухабарата. “Аллах свидетель, – говорил он, – если бы у нас была [химическая бомба], мы бы, не колеблясь ни секунды, взорвали ее в израильских городах вроде Эйлата или Тель-Авива”. Заркави настаивал, что его целями были военные – еретический режим и его силы безопасности – и что арест Джаюси и его помощников был временной неудачей. “В битве с иорданским правительством мы не всегда одерживаем верх, –

признавал Заркави. Монархию же он предупреждал: – Вас ждут ужасные события”.

На самом деле Заркави из-за провала теракта запаниковал. Служащие Мухабарата выяснили это намного позже, сводя воедино многочисленные сведения о заговоре, полученные от информаторов и арестованных джихадистов. Заркави пропадал на несколько дней, отказываясь говорить со своими помощниками о бомбовом заговоре и о том, что пошло не так.

“Видимо, предполагалось, что эта операция станет его личным “шоком и трепетом” – деянием, что прославит его на весь мир, – говорил служащий иорданской разведки, принимавший участие в составлении представленного агентством обзора. – Заркави и вправду хотел, чтобы его имя стало выше имени бен Ладена. Более того: он и вправду хотел нанести удар по Мухабарату”.

Но Заркави недолго оставался в подавленном настроении. Уже в конце апреля 2004 года неожиданная возможность упала ему прямо в руки. Он понял, как стать звездой джихада. Требовалась всего лишь одна эффектная смерть.

Глава 12

“Шейх головорезов”

На камере мигала красная точка: “запись”. Абу Мусаб аз-Заркави сжал в обеих руках стопку листов и начал читать. Одетый в черное – мешковатые штаны, широкая рубаша и скрывающая лицо лыжная маска, – он возвышался над сидящим на циновке бледным человеком в оранжевом комбинезоне. Сидящий неуклюже пошевелился, его руки и ноги были связаны.

“Народ ислама! Великая весть! – начал по-арабски Заркави, с выпренно-торжественными интонациями. – Признаки рассвета явились, и задул ветер победы”.

По бокам от Заркави стояли четверо его людей, тоже в масках и одетые в черное. Мужчины держали автоматы, на них висели патронные сумки, они беспокойно топтались, точно атлеты, разминающиеся перед состязанием. Пока Заркави говорил, они сосредоточили внимание на пленнике, словно молодой человек мог каким-то образом избавиться от веревок и убежать. Все вели себя так, будто знали о включенной камере, кроме человека в комбинезоне – тот уставился в никуда, словно оцепенел. Николас Эван Берг мог думать сейчас о чем угодно. По его виду никак нельзя было понять, сознает ли он, что его ждет.

Перед тем как в комнату вошли люди в масках, Берга заставили сесть на пластиковый стул перед той же камерой и ответить на вопросы о себе. Он выглядел расслабленным, руки лежали на коленях, а говорил он спокойно, словно пришел открывать банковский счет. “Меня зовут Николас Берг, – начал он. – Моего отца зовут Майкл, мать – Сьюзен. У меня есть брат и сестра, Дэвид и Сара. Я живу в Уэст-Честере, Пенсильвания, возле Филадельфии”.

Без очков и с отросшей щетиной Берг выглядел моложе своих двадцати шести лет. Но говорил он уверенно и дружелюбно – совсем

как тот Ник Берг, который в одиночку приехал в Ирак два месяца назад с необъятными планами: бизнес по ремонту коммуникационного оборудования. Заркави похитил его, потому что искал американца – любого американца. В Берге он нашел истинный американский архетип: молодой мужчина, фонтанирующий амбициями и великими планами, склонный доверять другим и обладающий непоколебимой верой в свою способность преуспеть (в незнакомой ему стране и культуре) благодаря лишь упорству и логической силе идей. До того как несостоявшийся предприниматель из филадельфийского пригорода угодил на главную роль в гротескном публичном видеовыступлении Заркави, он совершил путешествие – невероятное, как и многие другие истории той войны.

Берг явился в Ирак сам по себе; почти все его знакомые были против этой поездки. Но пока другие видели только опасность, Берг в начале 2004 года увидел в полуразрушенном Ираке возможность реализовать две свои самые насущные потребности: рывком запустить свой трудно развивающийся бизнес и стать частью чего-то благородного и важного, а конкретно – перестройки страны, которая долгие десятилетия была погружена во тьму диктатуры. Два года назад Берг уже пытался сделать нечто подобное в Африке – он искал возможностей для бизнеса в Кении, не забывая и о благотворительности. В последний день пребывания в Кении он торжественно раздал все содержимое своих чемоданов и вернулся домой, имея при себе из одежды только то, что на нем было. Теперь Берг собирался перенаправить свою энергию и ресурсы в страну, “освобождение” которой искренне поддерживал, надеясь открыть мир новых возможностей для Ирака – и для себя самого. “По всему видно – здесь можно прибыльно поработать, – писал Берг по электронной почте друзьям в январе 2004 года, когда ездил в Ирак в первый раз, на разведку. – Хотя тут и опасно”.

Причины, по которым Берг отправился в Ирак, приводили в недоумение официальных лиц США, Ирака и буквально всех –

за исключением тех, кто знал его лично. Сам называвший себя фантазером и искателем приключений, Берг славился тем, что не питал особого почтения к формальностям. Он рос среди домов в полтора этажа и дорогих торговых центров Уэст-Честера – слегка эксцентричный мальчишка из тех, кто выращивает колонию дрожжевых грибков забавы ради и таскает с собой карманный ящичек с инструментами, запасом проводов и клейкой ленты. Берг развлекал друзей бесконечными изобретениями, которые воплощал в жизнь своими руками: от электрического “детектора лжи” до тревожного устройства на батарейках, начинавшего кричать “Вон отсюда!”, когда кто-нибудь незваный проникал в его комнату в летнем лагере. Одноклассники Берга из средней школы помнили башковитого проказника с пронзительными голубыми глазами и необычной прической – волосы острижены очень коротко, за исключением темно-блондинистого хохолка надо лбом. Он играл на сузафоне в оркестре марширующих музыкантов, участвовал в ярмарках инноваций, читал невнятные философские тексты и испытывал свои физические возможности, проезжая на велосипеде по сотне с лишним миль. Даже дома Берг всех удивлял: религиозный консерватор, энергичный капиталист и бесцеремонный сторонник военного вмешательства в семье секуляризованных евреев, чьи либеральные политические взгляды граничили с пацифизмом.

“Он шел туда, куда не ходил никто, – говорил о Берге Питер Лу, его друг детства. – Если где-то была тропинка, можно было поспорить, что Берг по ней не пойдет”.

Бергу был гарантирован хороший колледж, но он бросил Корнелльский университет незадолго до получения диплома. Он продрейфовал через несколько учебных заведений и работ, так и не получил степени, зато приобрел опыт в качестве волонтера-спасателя в Африке, а также опыт в обслуживании радиобашен, открыв при этом, что обладает и талантом, и железными нервами, чтобы зарабатывать таким образом на жизнь: устанавливать

передающее оборудование, свисая с верхушки металлического шпиля шестисотфутовой высоты. Постепенно у Берга начало формироваться представление о бизнесе, где пригодилась бы его квалификация электрика. В двадцать четыре года при поддержке семьи он основал компанию по обслуживанию высотных зданий “Прометей”, назначив себя президентом. Бизнес-план предполагал помощь развивающимся странам в строительстве радиобашен из керамического камня, на манер конструктора “Лего”, с использованием дешевых местных материалов. Берг сам придумал эту технологию. Идея была нетривиальная и невероятно амбициозная, что отлично ему подходило.

Теперь Бергу требовался рынок, и Ирак с его разрушенной инфраструктурой и фонтанами контрактных американских долларов казался идеальным местом.

“В эту работу вовлечено множество участников, все они заключают договоры субподряда с людьми, из которых никто не равен нам как специалист, – писал он домой в другом электронном письме. – Здесь и не слышали о настоящих профессионалах – думаю, это даст нам преимущество, но придется прорываться через стадию “у меня есть один приятель”. Надеюсь, хороший бизнес-менеджер двинет дело вперед”.

Первый, ознакомительный визит в Ирак воодушевил молодого предпринимателя, и в марте 2004 года Берг вернулся, чтобы заполучить своих первых настоящих клиентов. В одиночку он колесил по всей стране, высматривал телекоммуникационные башни и предлагал починить их, если они оказывались повреждены или сломаны. Он взбирался на непрочные стальные мачты, прикидывал списки потенциальных покупателей и писал еще более бодрые письма друзьям, оставшимся дома. Дело продвигалось медленно, но энтузиазм Берга не иссякал до того самого дня, когда полиция Ирака заметила в пригороде Мосула странно одетого иностранца, который шатался вокруг радиобашни.

Иракцы не знали, что делать с молодым очкариком, имевшим при себе набор инструментов и блокноты, заполненные изображениями коммуникационного оборудования. Решив, что Берг шпион – не иранский, так израильский, – полицейские арестовали его. 24 марта 2004 года его доставили в полицейский участок Мосула и заключили под стражу, резко оборвав иракские приключения молодого предпринимателя. Или то, что ему таковыми казалось.

Заботы об отдельном американском гражданине, у которого возникли проблемы с иракскими властями, в норме являются делом рядовых сотрудников посольства США в Багдаде. Но странный случай Николаса Берга вскоре привлек к себе внимание высших должностных лиц Госдепартамента и Пентагона. В конце концов запросы дошли до контртеррористического отдела ЦРУ, где команда аналитиков под руководством Нады Бакос собирала досье на Заркави.

Впоследствии отчеты показали, что иракская полиция быстро сдала Берга на руки американским военным в Мосуле, которых не меньше, чем иракцев, озадачил честный молодой человек и его история о том, как он путешествует по Ираку в поисках возможностей для своего бизнеса. По чистой случайности на допросе Берга присутствовал знакомый Бакос военный полицейский.

“Что вы здесь делаете?” – снова и снова спрашивали молодого человека.

“Никто не мог понять, что ему было надо, – вспоминала Бакос. – Зачем он кружил по Ираку в одиночку, ища, чем заняться? Никто не верил, что он просто искал работу”.

Тем временем проверка информации выявила другую странность. За три года до этого террорист, подозреваемый в связях с “Аль-Каидой”*, использовал электронный адрес и интернет-пароль Берга. Объяснение этому нашлось, хотя и причудливое: доверявший всем подряд Берг однажды одолжил свой ноутбук какому-то иностранцу

во время автобусной поездки; попутчик никак не мог войти в почту, и Берг дал ему свой логин. Тот иностранец оказался другом Закариаса Муссауи, “двадцатого угонщика”, которого арестовали, когда он учился на летчика, чтобы пилотировать один из самолетов во время терактов 11 сентября 2001 года.

Вокруг молодого бизнесмена поднялся целый ураган вопросов, и военные в Мосуле не очень-то хотели его отпускать. Но в итоге у них не осталось выбора: родители Берга в тревоге названивали из Пенсильвании служащим Госдепартамента, прося расследовать исчезновение их сына. Когда из электронного письма от 1 апреля они узнали, что Берга – против его воли – удерживают американские военные, их негодованию не было предела. Семья подала в суд, обвиняя военных в незаконном содержании под арестом, и уже на следующий день, 6 апреля 2004 года, Берг был на свободе.

Он гордо отверг предложение вернуться домой на военном самолете и вместо этого отправился в Багдад, чтобы разобраться с собственными делами. Непосредственно в день освобождения он зарегистрировался в гостинице и сделал несколько телефонных звонков. А 10 апреля бесследно исчез.

Семья снова стала требовать ответов, и снова из посольства США полетели запросы – в изоляторы временного содержания, в военные гарнизоны. Но ни в эту, ни в следующую неделю никаких следов Берга не обнаружилось.

Наконец 8 мая военный патруль заметил какой-то предмет, свисавший с надземного перехода через шоссе. Подобравшись ближе, военные с ужасом увидели человеческое тело в мешковатой оранжевой одежде. Руки и ноги были связаны. Под телом, на залитой кровью подстилке, лежала отрубленная голова молодого белого мужчины с грязной и взлохмаченной, песочного цвета бородой.

Николаса Берга наконец нашли.

Два дня спустя по интернету с огромной скоростью распространился видеоролик, содержащий один из самых

тревожных образов той иракской войны. У Бакос не было никакого желания смотреть ролик, но она себя заставила. Просмотр проходил в конференц-зале ЦРУ, присутствовали еще два аналитика.

На экране связанный Берг в оранжевом комбинезоне сидел на земле, его лицо ничего не выражало. Пятеро мужчин в масках, одетые в черное, стояли у него за спиной на фоне светлой стены; один из них, посредине, читал написанное на листе бумаги. Бакос узнала этот голос, узнала коренастое сложение, маска не сбила ее с толку. Это был Заркави.

Бакос обратила внимание на оранжевый комбинезон, знакомый любому, кто следил за разворачивающимся скандалом вокруг издевательств американской военной охраны над иракскими пленными. Предыдущие попытки Заркави сделать публичное заявление не отличались тонкостью или изобретательностью. Было ли это послание к мусульманам, приглашал ли он их в свидетели акта символической мести за унижение заключенных самой кошмарной иракской тюрьмы?

Да.

“Есть ли оправдание тому, чтобы оставаться праздным? – говорил человек с бумажкой. – Как может свободный мусульманин спокойно спать, когда ислам жестоко убивают, когда его честь в крови, а картины позора – на экране телевизора, картины сатанинских издевательств над мусульманами и мусульманками в тюрьме Абу-Граиб? Где же ваш гнев, ваше неистовство?”

Разглагольствования с дальнейшими воззваниями к гордости мусульман продолжались еще несколько минут. Заркави не раз и не два сослался на Коран, включая реверанс в сторону пророка Мухаммеда как “примера и образца для всех нас” – поскольку тот приказал обезглавить брошенных в тюрьму мятежных еврейских купцов в Бадре. Потом, обращаясь непосредственно к президенту США, Заркави предупредил:

Тяжелые времена настают для вас. Ваши солдаты пожалеют о дне, когда их нога ступила на землю Ирака, когда вы осмелились мучить мусульман... Мы говорим вам: за поправленное достоинство мусульман и мусульманок в Абу-Грайбе вы заплатите кровью и жизнью. Вы не увидите от нас ничего, кроме трупа за трупом и гроба за гробом тех, кого будем убивать вот так.

С этими словами Заркави вытянул из ножен длинный нож и воткнул в Берга. Тот, связанный по рукам и ногам, завалился на бок. Пока другие держали пленника, Заркави одной рукой схватил Берга за волосы, а другой начал перепиливать ему горло. Раздался короткий ужасный крик, за ним последовали конвульсии, мужчины в масках держали Берга за ноги и за плечи, пока Заркави с усилием продолжал свое страшное дело. Еще несколько секунд – нож втыкается в тело, пилит, камера качается, дергается. И еще несколько секунд.

Бакос почувствовала, как внутри поднимается дурнота. Она поймала себя на мысли: “Досмотреть до конца – и все”. Но ролик никак не кончался.

В конце концов Бакос извинилась и вышла. “Какой смысл смотреть”, – подумала она.

Она пропустила только финальные кадры, на которых один из подельников Заркави, высокая фигура в белом капюшоне, поднял голову, к этому моменту уже отделенную от тела, и держал ее, как трофей, а потом аккуратно положил на спину жертвы.

Послание Заркави миру длилось пять минут тридцать семь секунд – дрожащая зернистая видеозапись, сделанная на ручную камеру, запечатлела акт почти невообразимой жестокости. Запись моментально стала международным хитом.

Кадры полились в бесчисленные тысячи компьютеров, от Северной Америки до Южной Азии и по всему Ближнему Востоку.

Многие зрители вопили от отвращения. Другие испытывали тоску, отчаяние или гнев. Но все смотрели.

Чтобы обеспечить необходимое доверие к задокументированному деянию, ролик услужливо снабдили пояснением “Абу Мусаб аз-Заркави убивает американца”. Человек, который мечтал затмить Усаму бен Ладена и стать самым дерзким деятелем исламского мира, только что этого добился. По крайней мере – на данный момент.

Террористы и раньше обезглавливали своих жертв. Двумя годами ранее схожим образом, на публику, был убит корреспондент *Wall Street Journal* Дэниел Пирл. Но Пирл был маститым журналистом, который приехал в Пакистан в поисках историй об “Аль-Каиде”*. Ника Берга убили только потому, что он был американцем. А ролик с его казнью появился в тот самый момент, когда миллионы американцев подключились к широкополосному интернету и когда поддержка войны в Ираке начала ощутимо проседать.

Даже Белый дом, который ранее в том же месяце говорил о новых возможностях для бизнеса в Ираке, был вынужден взглянуть в лицо жестокому деянию Заркави.

“Их цель – поколебать нашу волю. Их цель – поколебать нашу уверенность в своих силах”, – сказал президент Буш журналистам в Вашингтоне, рассуждая о теракте, мучительные подробности которого наблюдало множество американцев. Он продолжал твердить, что дела в Ираке идут успешно, однако отказался отвечать на вопросы журналистов.

Другие американские политики, в том числе и из президентской партии республиканцев, сумели уловить смену общественных настроений еще до того, как ее подтвердили опросы общественного мнения. Скандал с Абу-Грайбом в глазах многих сорвал последние фиговые листки разговоров о незыблемых моральных устоях, на которых держалась война Америки с Ираком. Популярный образ высокотехнологичной американской военной машины, сеющей страх и ужас в рядах армии Ирака, потускнел и сменился ужасными кадрами о терактах с применением СВУ и с покрытыми

государственным флагом гробами. А теперь американцы прямо в своих гостиных становились свидетелями новой разновидности варварства.

“Если бы вы держали руку на пульсе Америки, то заметили бы, как он изменился после новости об обезглавливании Ника Берга, – говорил в интервью *New York Times* Рой Блант, член Палаты представителей, республиканец из Миссури. – Она прочистила людям мозги. Они наконец вспомнили, почему мы оказались в Ираке и с кем имеем дело”.

Но с кем именно имели дело американцы? Для многих телезрителей люди на видео были членами “Аль-Каиды”*, одну черную маску не отличить от другой. Через три дня после того, как ролик оказался в сети, появилось еще одно послание – как будто специально, чтобы ответить на этот вопрос.

Тринадцатого мая 2004 года джихадистские сайты опубликовали известие о создании новой террористической организации, которая называла себя “Джамаат ат-Таухид валь-Джихад”, или “Армия единобожия и джихада”*. Ей предстояло сделаться чем-то вроде исламской супергруппировки: объединить под руководством Заркави небольшие фракции иракских мятежников и иностранных боевиков. Программное заявление было впечатляющим: в нем говорилось о “поворотной точке истории”.

“Это слияние укрепит людей ислама, оно станет пылающим пламенем для врагов Аллаха, в котором все они будут гореть, пока не вернут похищенные у нас права и пока на всей земле не настанет царство истинной веры, – говорилось в послании. – Это мандат, побуждающий группы и секты ревностно взяться за исполнение их истинного долга. Клянемся в верности Исламскому государству, которое не предадим и которому не изменим. Мы будем верны клятве до конца, пока не достигнем одного из двух: победы или мученической смерти”.

Коммюнике указывало двух лидеров с Заркави – “шейхом” – в качестве главного. Всего за три месяца до этого Заркави в письме

к бен Ладену просил “Аль-Каиду”* о сотрудничестве и утверждал, что мир в любом случае скоро услышит о нем. Этот миг настал. Опубликовав запись с Бергом и провозгласив, что его, Заркави, организация объединила всех повстанцев, он обозначил свое место в глобальном джихадистском движении. Заркави отныне был не только руководителем крайне жестокой террористической группы в Ираке. Теперь он – как террорист, которого боится Запад и которому хотят подражать молодые исламисты, – соперничал с самим бен Ладеном. Да, бен Ладен тоже делал видеозаписи: в золотых одеждах, с крашенной басмой бородой саудовец сидел за столом, произнося напыщенные речи. В ролике Заркави перед зрителем предстал энергичный, харизматичный молодой мужчина в наряде ниндзя, который убил американца собственными руками.

Аналитики ЦРУ, изучая видео и официальное сообщение о создании “Армии”*, задавались вопросом, не переоценил ли молодой иорданец свои силы. Заркави был выскочкой, которому не хватало школьного образования и у которого, по отзывам, никогда не было ни умения видеть ситуацию, ни интеллекта, чтобы руководить большой группой. Не хватало ему и организационной поддержки, которая привела к успеху бен Ладена, в частности поддержки со стороны известных исламских богословов – те своими фетвами оправдывали жестокие деяния вплоть до убийства мирных граждан или найма террористов-смертников. Заркави санкции на убийства никто не давал, он взял на себя ответственность самостоятельно решать, как вести джихад против США.

Нада Бакос задавалась вопросом, не стремился ли Заркави сделаться главной мишенью, и не только для американцев.

“Заркави как с цепи сорвался, – говорила она впоследствии. – Даже “Аль-Каида”* пыталась придерживаться определенных принципов, прося богословов давать разъяснения насчет шариата. Но Заркави толковал закон как ему вздумается. Он устанавливал

собственные правила, и это походило на культ. Заркави словно основал новую религию”.

Конечно, Заркави столкнулся с отрицательной реакцией. Религиозные деятели “Аль-Каиды”^{*} и других завоевавших прочную репутацию джихадистских групп не одобряли подобного слишком уж неортодоксального поведения, особенно если оно могло оскорбить чувства богатых и набожных арабов, чьи пожертвования составляли бóльшую часть бюджета организации.

Но многие простые мусульмане присоединились к быстро растущей пастве Заркави. В Ираке и где бы то ни было почитатели теперь звали иорданца новым прозвищем, которое вошло в обиход в самые первые дни после демонстрации записи с Бергом.

Бен Ладен и дальше оставался уважаемой фигурой, человеком, который много лет назад сражался с советскими войсками и спланировал атаки на Нью-Йорк и Вашингтон. Но Заркави теперь славили как “шейха головорезов”. Он явил миру терроризм нового времени, сделав показ казни в эфире, по интернету, своей тактикой, чтобы привлечь ожесточившихся исламистов и запугать всех остальных.

Глава 13

“Там все безнадежно”

Двадцать третьего июня 2004 года дипломат Роберт С. Форд забросил багаж в бронированный аэропортовский автобус и сел в салон. Ему оставалось преодолеть последний отрезок путешествия, которого он пытался избежать. Через двадцать пять минут Форд снова будет в “зеленой зоне”, будет прокладывать путь по лабиринтам взорванных стен и трейлерных поселков, будет дышать обжигающим воздухом с примесью запахов дизельного топлива и гниющего мусора. Зарекшись полгода назад еще когда-нибудь приезжать в Багдад, Форд все же вернулся – и увидел, что судьба Ирака резко изменилась в худшую сторону.

Признаки беды были разбросаны вдоль всей дороги, ведущей из аэропорта. Заграждения и КПП буквально усыпали обочину десятимильного шоссе (тщетная попытка остановить ежедневные обстрелы и взрывы бомб), превратив ее в дорогу, которую американские солдаты прозвали “Ирландским маршрутом”, а иракцы – “улицей Смерти”. Год назад, чтобы попасть из аэропорта в район, где жили иностранцы, требовалось только сесть в аэропортовский “челнок”. Теперь въехать в город означало заказать безопасное такси, с вооруженным эскортом и пуленепробиваемыми стеклами, стоимость одной поездки могла достигать до тысячи долларов. Или, для высших чиновников дипкорпуса США, – сесть в бронированный посольский микроавтобус и на дикой скорости пронестись от терминала до “зеленой зоны”.

“Ни о чем хорошем это не говорит”, – думал Форд.

Как ни взгляни, в Ираке стало еще опаснее, особенно американцам. Сорокашестилетний Форд был одним из ведущих арабистов Госдепартамента, но светло-каштановые волосы и голубые глаза выдавали в нем уроженца Запада. Во время

предыдущей командировки в Ирак его два часа держала на мушке группа шиитских милиционеров. Форд подозревал, что нынешняя поездка окажется еще богаче на приключения.

В прошлый раз Форд приехал в Ирак по собственному почину. Через несколько недель после взятия Багдада Госдепартамент призвал арабговорящих добровольцев помочь находящемуся в сложных обстоятельствах временному правительству под руководством американцев. Форд, в то время имевший уже изрядный опыт в ближневосточной дипломатии, почти безупречно владел языком и занимал удобную должность второго по старшинству чиновника в американском посольстве в Бахрейне. Как и многие его коллеги, Форд скептически относился к аванюре бушевской администрации в Ираке. И все же необходимость в добровольцах, кажется, действительно была. Он поднял руку – и вскоре уже был на борту военного самолета. В августе 2003 года он прибыл в столицу Ирака. Багдад еще не оправился после теракта в штаб-квартире ООН, унесшего жизнь Сержиу Виейры ди Меллу. Первое же задание привело Форда в священный для шиитов город Наджаф, где он должен был наладить дипломатическое взаимодействие с американскими морскими пехотинцами, ответственными за безопасность в городе. Но военных заботило в основном, как бы поскорее убраться из Ирака, а местное руководство увязло в кровавой расправе между шиитскими милициейскими подразделениями, которые американцы хотели разоружить.

Конфликты с шиитскими милиционерами начались в первую же неделю. Форд имел обыкновение нырять в задание с головой, и в Наджафе он сразу стал встречаться с руководителями общин и завел рабочие связи далеко за пределами военной базы. Однажды в субботу, когда он встречался с одним из видных представителей духовенства, группа из двадцати пяти милиционеров ворвалась в дом с оружием наизготовку, окружив Форда и майора морской пехоты, который сопровождал его во время этого визита. Боевики

схватили молодого переводчика-иракца и вытащили его на улицу, где принялись с остервенением избивать и пинать ногами.

Форд выхватил единственное бывшее при нем оружие – блеф. Он осторожно, на пару дюймов приблизился к человеку, который показался ему главным.

“Меня зовут Роберт Форд, я представитель коалиции из Багдада, – начал он по-арабски. – Сегодня в полночь у меня встреча с вашим начальником. Можете передать ему, что я опоздаю, потому что вы меня задержали”.

Уловка сработала. Американцев отпустили, милиционеры суетливо бросились к своим машинам, отпустив переводчика, чьи раны оказались достаточно серьезными, чтобы тут же отправить молодого человека в больницу. Через несколько минут Форд, не утративший присутствия духа, заставил майора позвонить командиру милиционеров и попытаться устроить так, чтобы этот эпизод повлиял на соглашение о разоружении.

Морпех взглянул на Форда: сверхэнергичный дипломат явно хотел поскорее умереть. “Чертов идиот!” – выругался майор. Американцы вернулись на базу.

Усилия Форда по наведению мостов возобновились на следующий же день, но разочарования и раздражение накапливались быстро. Когда через несколько месяцев его официально попросили вернуться в Ирак во вторую командировку, не опасения за свою жизнь заставили Форда сказать “нет”. Ни при чем были и отвратительная погода, спартанские условия проживания, ледяная вода из душа и невыразимо сложный, постоянно меняющийся характер религиозных и племенных распрей. Форда остановило чувство безысходности, которое ядовитым облаком обволакивало почти каждую попытку что-то сделать.

“Нет-нет-нет. Однажды я уже поехал в Ирак добровольцем и возвращаться не хочу, – сказал Форд начальству, выслушав

по телефону просьбу. – Там все безнадежно. Это несерьезно. Я не хочу иметь к этому никакого отношения”.

И все же Форд вернулся. Вернулся в “зеленую зону” с ее неправдоподобными контрастами: дворцы и обсаженные пальмами бассейны – и мрачные бараки со стенами из мешков с песком, жалкая защита от орудийных снарядов, беспорядочно падавших с неба, словно какой-то великан играл во взрывающийся дартс. Вернулся, несмотря на гнев жены и свои собственные опасения потратить еще один немалый кусок жизни – а может быть, и больше – на очевидно безнадежный случай. Вернулся, потому что чувствовал: у него нет выбора. “Нельзя сказать “нет”, если не собираешься увольняться, – объяснял Форд впоследствии. – А у нас не было достаточно денег, чтобы я мог позволить себе уволиться”.

На самом деле приказ о переводе Форда на новое место службы пришел из высших сфер Госдепартамента. Назначенный незадолго до этого посол США в Ираке Джон Негропonte попросил госсекретаря Колина Пауэлла сделать Форда влиятельным лицом в американском посольстве, отправив его на пост советника по политическим вопросам. Форд, хотя и относительно молодой для такого назначения, завоевал восхищение Госдепартамента своими служебными записками и докладами, в которых честно оценивал значение иракской войны для региона. Он также снискал симпатию коллег благодаря своей смелости, стойко прослужив несколько лет в одном из самых сложных районов Ближнего Востока. Бывший доброволец из миротворческих сил, Форд говорил на пяти языках и провел бóльшую часть своей профессиональной жизни в провинциальных городках от внутренних районов Марокко до турецкого побережья, собирая, словно журналист, местную информацию и создавая сеть осведомителей. Друзья вспоминали: ничто не могло его напугать.

“Вся его карьера прошла в опасных местах, – говорил о Форде Роберт Ньюман, бывший посол США в Афганистане. – Он не из тех,

кто сидит [в посольстве], а из тех, кто идет к людям и заводит широкий круг знакомств. Тем, кому необходимо постоянно чувствовать себя в безопасности, просто нечего делать на этой работе”.

Но теперь Форду предстояла другая роль. Администрация Буша, чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля, активно занялась спешным формированием временного правительства Ирака, которое смогло бы быстро принять на себя основную ответственность за безопасность в стране и за организацию выборов. Партизанская война, которую официальные лица США так не торопились признавать, была теперь неоспоримым фактом, и цена ее – финансовая, политическая и в человеческих жизнях – стремительно росла. На горизонте США неясно рисовались президентские выборы, и, как позже вспоминал Форд, “полным ходом шла кампания за то, чтобы передать самоуправление иракцам и уйти из страны”.

Для этого Временной коалиционной администрации следовало выйти из игры, чтобы освободить дорогу временному правительству Ирака, во главе которого встал премьер-министр Ияд аль-Аллави. Официально смена власти происходила 28 июня 2004 года, менее чем через неделю после прибытия Форда в страну. Американцы клялись задержаться в Ираке только до тех пор, пока страна не окрепнет и не встанет на собственные ноги. Сколько времени это займет, месяцы или даже год, никто не знал. Суннитские города к северу и западу от Багдада стремительно соскальзывали в анархию, Фаллуджа и Рамади частично находились под жестким контролем инсургентов, среди которых были иностранцы, приехавшие в Ирак, чтобы участвовать в джихаде. Новое руководство Ирака и его американские покровители отчаянно нуждались в союзниках-суннитах, уважаемых, с кредитом доверия, которые помогли бы установить мир в регионе и провести суннитские племена через демократические реформы, включая выборы и единое правительство, где власть была бы разделена поровну между суннитами, шиитами и курдами.

Одним из заданий Форда было найти таких союзников и попытаться склонить их на сторону американцев. В свои первые месяцы на новой должности он ездил в Фаллуджу, встречался с американскими армейскими командирами и арабскими дипломатами, чтобы получить представление о стоящей перед ним задаче. Она оказалась сложнее, чем он себе представлял. В Фаллудже, столице герильи и традиционно мятежном городе, население отнюдь не было настроено на переговоры. Морпехи время от времени “снимали” мишени со своей базы на окраине, но, как сообщили Форду военные, большая часть города оставалась для американцев “запретным районом” еще несколько недель после гибели четырех американских контрактников.

“Мятежники и иностранные боевики обычно действуют в городе совершенно свободно, – говорилось в секретном донесении, направленном в Госдепартамент. В нем Форд описывал встречу с десантниками. – Силы коалиции еще пытаются помешать партизанам и иностранным джихадистам, нанося точечные удары по бригадам Абу Мусаба аз-Заркави. Нельзя, чтобы Фаллуджа превратилась в оплот экстремистов”.

Один иорданский дипломат, имевший широкие связи среди суннитов, описывал положение как практически безнадежное. Сунниты продолжали противиться американскому присутствию в Ираке, и хотя некоторым не нравилось участие иностранных боевиков, другие приветствовали их как защиту от шиитских милиционеров, желавших поквитаться за десятилетия суннитского правления. От отчаяния, сообщал иорданец, некоторые племенные старейшины даже приняли идею о реставрации в Ираке монархии, которая была свергнута во время переворота 1958 года.

“Сунниты враждебно настроены, разобщены, у них нет лидеров, и они не способны принять политическое решение, приемлемое и для других”, – говорил иорданский дипломат Форду. Американец изложил его слова в своем отчете, передав жутковатое эхо выводов, сделанных самим Заркави насчет суннитского меньшинства страны.

Была еще одна помеха, гораздо более серьезная, если судить по беседам с дипломатами. Где-то в западной пустыне Заркави разрабатывал собственные планы касательно центральных суннитских районов. Его разведка тоже собирала сведения и вербовала союзников, он тоже закладывал основу будущего правления, хотя его взгляд на ситуацию кардинально отличался от американского.

Десятилетия дипломатической работы научили Форда, что почти для любого конфликта можно найти политическое решение. В конечном счете даже сунниты и шииты утомились бы от убийств, разрушений и постарались бы нащупать путь к решению, которое позволит им мирно сосуществовать в Ираке. Но Заркави не был иракцем и не был заинтересован в мирном сосуществовании. Он стремился разрушать, оставляя выжженную землю, слишком истощенную, чтобы снова стать светским государством под названием Ирак.

Иракский город Рамади еще не был “столицей Исламского государства Ирак*”, как вскоре назовут его последователи Заркави. Но уже в начале лета 2004 года почти все понимали, кто именно контролирует город.

Скопление низеньких бетонных строений и пальмовых деревьев над Евфратом в часе езды на запад от Багдада, Рамади производил впечатление постапокалиптического города, ставшего зоной свободного огня в войне между могучими армиями. Здания с разрушенными верхними этажами; вдоль них тянутся безлюдные рынки, засыпанные обломками бетона и осколками стекла. Люди и машины передвигаются стремительными зигзагами, словно их преследуют невидимые враги. Сидевшие на окраинах города за укрепленными стенами, за мешками с песком и заграждениями HESCO, командиры-американцы заявляли, что Рамади находится под контролем США. В реальности юрисдикция американцев простиралась лишь на их собственные базы и КПП, а также

на несколько крупнокалиберных пулеметов. При виде американского патруля боевики просто разбежались по городским проулкам, как тараканы.

Зейдан аль-Джабири наблюдал за их перемещениями и молчал. Владелец фермы и старейшина суннитского племени, он однажды попытался выступить посредником в спорах между иракцами и американцами, но давным-давно бросил миротворчество. Это занятие не только приносило разочарование; оно было опасным. Один из давних друзей шейха, профессор физики Анбарского университета, рискнул встретиться с прибывшими в провинцию официальными представителями ВКА. Говорили о том, как можно взять под контроль вспышки насилия, превратившие половину Рамади в развалины. На следующий после встречи день профессора вытащили на перекрестке из машины и расстреляли посреди улицы.

Гораздо чаще смерть бывала пугающе случайной. Несколько недель после гибели шестнадцати десантников, убитых из засады в окрестностях города, американцев снедала жажда мести. Жилые кварталы ежедневно подвергались обстрелам, пули дырявили стены спален. Караульные на КПП автоматически открывали огонь по мотоциклистам, которые приближались слишком быстро или не понимали предупреждений, выкрикиваемых по-английски. В пустыне за пределами Рамади погибли сорок пять иракцев: военные самолеты атаковали построюку, которая, как упорно утверждали американские официальные лица, являлась явочной квартирой мятежников. Иракцы говорили, что истребители по ошибке обстреляли свадьбу. На любительской съемке видны тела женщин и детей разного возраста.

Озлобленные и униженные, населявшие Рамади сунниты поначалу приветствовали боевиков-сопротивленцев, а с ними и иностранных исламистов, которые хлынули в город, обещая выдворить интервентов. По сравнению с местными партизанами исламисты были организованны, дисциплинированы и бесстрашны. Но вскоре стало ясно, что в их планы входит не только борьба с американцами.

Пришельцы захватывали дома, выколачивали “налоги” и продовольствие из владельцев магазинов. Объявив себя правительством, они являлись в жилые кварталы, тяжеловооруженные и с жестким моральным кодексом, запрещавшим спиртное, курение, женское образование и западный стиль одежды и причесок. Один житель Рамади вызывающе закурил в присутствии исламистского патруля – и был застрелен на месте.

Пострадал и бизнес, несмотря на неуклюжие попытки инсургентов учредить суды и обеспечивать людям самые основные услуги. Очень быстро выяснилось, что у повстанцев нет ни способностей, ни интереса поддерживать что бы то ни было в рабочем состоянии. Их КПП и придорожные мины сделали доставку крайне рискованным предприятием, даже если груз состоял, как в случае Зейдана, из коров и овец. В городе один за другим исчезли все признаки современной цивилизованной жизни: уборка мусора, телефонная связь, электричество. Лавочники, которые пытались поддерживать свой бизнес, обнаружили, что сделались объектами приложения произвольных и зачастую очень странных правил. В некоторых кварталах подверглись наказанию торговцы, выложившие огурцы и помидоры на один лоток. Джихадисты сочли, что эти овощи походят на мужские и женские гениталии и сводить их вместе недозволительно.

Несмотря на все эти трудности, иные торговцы все-таки поддерживали исламистов, надеясь хотя бы обрести защиту. Зейдан колебался. Присутствие иностранных войск в родном городе раздражало его. В равной степени его возмущало то, как беззастенчиво исламисты бросают вызов освященным временам племенным установлениям. Его приводили в ужас тактика исламистов и их жестоко-надменное самодовольство. Он жаловался друзьям на культ личности, который разрастался вокруг иорданца по имени Заркави – одетого в черное фантома, чьи подвиги уже стали в некоторых городских кварталах легендарными.

“Он окружил себя подонками из Анбара, – жаловался Зейдан. – Местные принимают его, потому что они овцы без пастуха. Но люди, которые рядом с ним, – отребье, люди без совести. И их тянет к Заркави, потому что у него много денег”.

Самого Заркави редко видели в городе, а вот его иракские подручные быстро приобрели известность как пестрая толпа головорезов. Самым известным был религиозный фанатик по прозвищу Омар-Электрик, крепко сбитый торговец со сломанными зубами, который, когда ему было лет двадцать, застрелил хусейновского полицейского, совершая акт возмездия за убитого родственника. Он нашел приют у “Ансар аль-Ислама”*, исламистской группировки, предоставившей Заркави укрытие в горах на северо-востоке Ирака. Когда Заркави вошел в Багдад, с ним был Омар-Электрик. В Фаллудже Омар поднялся до бригадира. Его банда стала одной из самых знаменитых в Ираке, его боевики производили молниеносные нападения на американские патрули, а для заработка занимались похищением людей с целью получить выкуп. Тех, за кого не могли заплатить, боевики убивали, хотя сам Электрик этого не делал. “Он клялся, что не обезглавил ни одного заложника сам, – рассказывал журналистам один из его товарищей. – Он говорил, что для совершения убийств выбирал людей, у которых нет сердца”.

В конце концов Заркави начал настойчиво требовать поддержки – байята, клятвы в верности – от племенных вождей и старейшин Анбара. Летом 2004 года двоюродный брат передал Зейдану, что Заркави ждет от него публичного заключения союза. Вопрос обсуждался за чашкой кофе, и это был первый из двух случаев, когда Зейдан столкнулся с требованием байята. “Дашь ли ты прилюдно обещание поддерживать Заркави?” – спросил брат.

Что ответить? Внутри Зейдан кипел. Какая наглость! Этот чужак – этот уголовник – возомнил, что может наплевать на вековые племенные традиции! С его точки зрения Заркави мог оказаться кем угодно, хоть американским агентом, которого Вашингтон прислал

расшатать обстановку, чтобы у западных стран и Ирана появилось основание уничтожить Ирак окончательно, а остатки поделить между собой.

Но даже Зейдан не посмел высказать свои предположения вслух. Он решил уклониться от ответа на вопрос – пока.

“Кто такой Заркави? – пожал он плечами. – Я никогда его не видел”.

В июле 2004 года администрация Буша объявила, что увеличивает награду за информацию, способствующую поимке Заркави, с десяти до двадцати пяти миллионов долларов – столько же, сколько за голову бен Ладена.

Свое попадание в верхние строчки рейтинга самых разыскиваемых преступников Заркави отметил видеороликом, который разместили на джихадистских сайтах. В нем Заркави представляли под новым, полюбившимся ему псевдонимом – “шейх головорезов”. Голос “шейха” звучал таинственно-гулко. Заркави говорил о знаменитых воинах ислама, подобных Мусе ибн Нусайру, герою исламского завоевания Испании, – так он обозначил свое место в ряду великих людей. Потом Заркави обратился к мусульманам Ирака и всего мира со страстным призывом присоединиться к нему. “Это призыв о помощи из самых глубин, зов, обращенный к львам Багдада и Анбара, к героям Диялы и Самарры, к тиграм Мосула и севера: готовьтесь к битве!” – провозгласил он.

К этому моменту аудитория, к которой он обращался, точно знала, о какой битве идет речь. После зверского убийства Берга исламские СМИ были затоплены кровью, пролитой стараниями Заркави. Его люди производили десятки казней, многие из которых записывали на видео, включая обезглавливания болгарского водителя-дальнобойщика, переводчика из Южной Кореи и египтянина-контрактника. Потом последуют еще десятки казней, убийства американцев, британцев, японцев, австрийцев и итальянцев. Освобожденные ливанские заложники, за которых внесли выкуп,

рассказывали о пытках и невообразимой жестокости в передвижных тюрьмах: нищим рабочим-иммигрантам не хватало денег на выкуп, и их медленно убивали электродрелью; других жертв обездвигивали и отрезали им языки. Молодые исламисты из других стран, откликнувшиеся на призыв Заркави к джихаду, чаще всего попадали в школы террористов-смертников. Кого-то из них потом посылали жертвовать жизнью на объекты, уничтожение которых не несло никакого видимого смысла, кроме гибели нескольких ни в чем не повинных иракцев, случайно оказавшихся в неудачном месте.

Вербуя добровольцев-смертников, Заркави сознательно противоречил положению Корана, строго запрещающему мусульманам отнимать у себя жизнь. Некоторые исламские богословы считали, что военные суицидальные задания в особых обстоятельствах допустимы, и джихадисты десятилетиями спорили, где именно проходит граница. Заркави высмотрел крошечную лазейку в законе ислама и растянул ее до абсурдных размеров; его дрессированные клерикалы дали добро на “операции с привлечением мучеников веры” для любой нужной ему цели. Результатом стал поток терактов с участием шахидов – поток, равного которому не было за всю историю джихада, как заключили потом богословы.

Как писал сам Заркави, такие операции были “самым мощным смертельным оружием, которым мы обладали, и этим оружием мы могли нанести нашему врагу самые глубокие раны”. Несколько цинично он прибавлял: “И ведь подобные операции требовали от нас так мало усилий: они были несложными и стоили очень дешево”.

В видеообращениях к новым добровольцам Заркави вел банальные речи о небесной награде. Однако более привлекательно звучало его приглашение стать частью движения, которое обширнее самой истории. Освобождение мусульманских стран – достойная цель, но это лишь начало. Заркави обещал ни много ни мало

перекроить мировой порядок. “Вы одолеете Америку, с благословения Аллаха. Вы одолеете Америку, хотя, быть может, не сразу, – говорил он. – Она останется лишь родинкой позора на щеке времени”.

Тогда же Заркави впервые обнаружил свои убеждения касательно себя самого: он считал себя восприемником нового золотого века ислама. Заркави ссылался на апокалипсические места в хадисах, где описывалась битва в конце времен и окончательный триумф ислама. Согласно словам старых пророков, последняя битва человечества будет происходить в Северной Сирии, возле городка под названием Дабик. Эта история перекликается с раннехристианскими представлениями о легендарном сражении между силами добра и зла при Армагеддоне.

“Пламя джихада будет пылать, пока не пожрет Воинство Креста в Дабике”, – обещал Заркави.

Дерзкая заявка. Исламские лидеры и ученые-богословы ожесточенно спорили о Заркави.

Среди его наиболее жестких критиков были и собратьяджихадисты, в том числе хорошо знавшие Заркави. Одна из самых резких отповедей последовала от давнего знакомого Заркави, сокамерника и наставника из Иордании, человека, первым, еще в тюрьме Аль-Джафр, признавшего его лидерский потенциал. За те годы, что Заркави провел вне тюрьмы, Абу Мухаммад аль-Макдиси регулярно попадал за решетку, и разница, которая проявилась в их последние совместные недели заключения, еще увеличилась. Теперь Макдиси с неодобрением смотрел, как его бывший протеже убивал мусульман – мужчин, женщин и детей, не имевших никакого отношения к свержению коррумпированного правителя.

“Я вижу, как ширится хаос в Ираке, вижу, как хотят запятнать благородный образ джихада, взрывая машины, расставляя бомбы-ловушки и паля из минометов на улицах, рынках и в других местах,

где собираются мусульмане, – писал Макдиси на своем личном сайте. Он полагал – и не ошибся, – что Заркави это прочтет. – Руки бойцов джихада должны оставаться чистыми, не запятнанными кровью тех, кому наносить вред запрещено, даже если они – взбунтовавшиеся грешники”.

Насилие не смущало Макдиси, но он был ярым приверженцем закона, как сам его понимал. Заркави, его ученик, как-то упустил эти тонкости.

“Пример подобного, – писал Макдиси, – когда воин переходит грань дозволенного шариатом, похищая или убивая мусульманина по нешариатским причинам, объявляя, например, что тот работал на неверных, хотя эта работа не заключалась в содействии неверным”.

Было еще кое-что: взрывы с участием террористов-смертников. Ислам запрещает подобное, заявлял Макдиси, за исключением тех редких случаев, когда нет других средств вести борьбу. Люди Заркави совершают грех, используя террористов-смертников для убийства невиновных. То, что теракты направлены против шиитов, – не оправдание.

“Даже если у наших суннитских братьев в Ираке есть множество причин поступать так, это не оправдывает взрывов в мечетях, – говорил Макдиси. – Разрешить [проливать] кровь шиитов – ошибка, и лучше бойцам джихада ее не совершать”.

Отрицательная реакция религиозных деятелей на заркавизм спровоцировала волнение и в мусульманском мейнстриме. Наиболее сильный отпор пришел с родины Заркави, и дал его человек, чей декрет об амнистии 1999 года по недосмотру дал Заркави шанс.

В 2002 году американские чиновники раскритиковали Абдаллу II за предупреждение о том, что вторгнуться в Ирак – все равно что открыть ящик Пандоры, и сейчас его величество без удовольствия наблюдал, как его предсказания сбываются. Сытый по горло терактами и отрезанием голов во имя Аллаха, монарх задумал серию

личных бесед с учеными-богословами. Предполагалось обсудить, где граница между исламом, древней верой, и отвратительной идеологией такфиризма, то есть обвинения всех неугодных в неверии, к которому прибегал Заркави, чтобы узаконить убийства предполагаемых еретиков.

Задача была непростой. В отличие от шиитов или римских католиков, у мусульман-суннитов отсутствует централизованная религиозная иерархия, позволяющая улаживать богословские диспуты. Муфтии, суннитские священники определенного ранга, могут оглашать религиозные эдикты, называемые фетвами, но любые два богослова могут затеять яростный спор из-за одного и того же: что является смертным грехом для одного богослова, то другой может рассматривать как грех, подлежащий прощению, или даже как должное поведение. За время своего пребывания в Ираке Заркави научился мастерски использовать эти противоречия, окружив себя духовными лицами, которые стояли на его позициях и издавали фетвы, призванные оправдать теракты с участием смертников, а также и убийство безвинных мусульман – хотя подобные действия рассматривались бы как антиисламские при почти любом разумном толковании Корана.

Лучшим противоядием, считал Абдалла, было бы мощное опровержение, которое вобрало бы в себя силу всех мировых ответвлений ислама. Формулировка должна быть ясной, универсальной, равно приемлемой для мейнстримных суннитов и шиитов от Каира до Кабула и от Тегерана до Тимбукту. Приступая к выполнению задачи, Абдалла назначил своим представителем одного из кузенов, получившего образование в Кембридже исламского богослова, принца Гази бен Мухаммада, и собрал вместе самых выдающихся священнослужителей и экспертов в области религии, чтобы выработать декларацию по трем ключевым вопросам: кто есть мусульманин? Кто обладает полномочиями издавать фетвы? При каких обстоятельствах один мусульманин может назвать другого вероотступником?

Девятого ноября 2004 года король занял место рядом с председателем верховного суда Иордании по имени Из ад-Дин ат-Тамими. Судья зачитал короткую декларацию, опираясь на которую, как надеялся Абдалла, мусульмане сумеют отвергнуть такфиризм.

“Мы осуждаем и обвиняем экстремизм, радикализм и фанатизм сегодня, как наши предки осуждали экстремизм, радикализм и фанатизм и противостояли им на протяжении всей истории ислама, – читал ат-Тамими. – Основываясь на религии и морали, мы осуждаем нынешнюю концепцию терроризма, которая связана с преступными практиками любого рода. Подобные акты жестокой агрессии против человеческой жизни нарушают законы Аллаха”.

На западе это обращение привлекло мало внимания. В Вашингтоне новостные медиа и политическая элита были заняты подробным разбором переизбрания Джорджа Буша на президентский пост; выборы проходили за неделю до этого, Буш победил своего соперника, демократа Джона Керри, с небольшим перевесом голосов. В течение тридцати шести часов после декларации внимание мировой общественности переместится во Францию, где палестинский лидер Ясир Арафат умрет от гриппа, что вызовет приступ скорби почти во всем арабском мире.

И все же Абдалла продолжал обрабатывать лидеров мусульманского мира, чтобы они поддержали его заявление. Через несколько месяцев более двухсот исламских богословов пятидесяти с лишним стран, от Саудовской Аравии и Египта до Ирана и Ливана, собрались в столице Иордании, чтобы составить обращение более обстоятельное, но столь же категорично отвергающее насилие. В течение следующего года в общей сложности пятьсот исламских богословов и семь международных исламских ассамблей официально одобряют так называемую Амманскую декларацию.

“Недопустимо объявлять вероотступниками ни одну группу мусульман, верящих в Аллаха”, – говорилось в заявлении.

Впервые богословы и религиозные лидеры со всего исламского мира собрались вместе, чтобы осудить такфиризм в единодушном

обращении, признанном обязательным для глубоко верующих мусульман. Никто не ожидал, что кровопролитие в Ираке остановится немедленно, убийства продолжались, как прежде. И все же Абдалла, размышляя впоследствии об этой попытке, вспоминал, что заговорить вслух было единственным возможным выходом. Даже если Заркави сражался с американцами и шиитами, его главной целью были в конечном итоге умы молодых мусульман, которых он надеялся склонить на свою сторону. Каждый взрыв бомбы, показанный в вечерних новостях, каждое кровавое видео, загруженное в интернет, приближали Заркави к цели. И до сего момента остальной мусульманский мир не мог дать веского ответа.

“Способность небольшого числа экстремистов воздействовать на мнения людей посредством актов варварской жестокости настоятельно требует от умеренных верующих, в любой религии, возвысить голос, – сказал король. – Если большинство продолжит молчать, экстремисты выйдут из спора победителями”.

Другой претендент на симпатии молодых мусульман начинал смотреть на Заркави более снисходительно. Усама бен Ладен никогда не скрывал личной неприязни к иорданцу. Однако через три года после атаки 11 сентября Заркави предложил возможности для достижения того, в чем отчаянно нуждался бен Ладен, – победы.

Основатель “Аль-Каиды”^{*} оказался в ловушке изгнания, созданной собственными руками. Все, что он мог, – передавать с курьером инструкции и советы боевикам, действовавшим за сотни миль от него. Скооперировавшись с Заркави, “Аль-Каида”^{*} смогла бы разделить его успех и подзарядиться энергией от его внезапно раскалившейся добела известности. А со временем, возможно, и удержать Заркави от наиболее вопиющих перегибов.

Партнерство было официально подтверждено бен Ладеном в аудиозаписи, переданной по арабским кабельным новостным каналам. В своей обычной флегматичной манере он объявил

о создании новой ветви движения “Аль-Каида”^{*} и весьма выразительно представил человека, которого назначил предводителем.

“Следует знать, что брат-моджахед Абу Мусаб аз-Заркави – эмир “Аль-Каиды”^{*} в Базе джихада в Двуречье^{*}, – объявил бен Ладен. – Братья должны внимательно относиться к его приказам и повиноваться ему во всем том, что есть хорошо”.

Заявление со стороны Заркави – срежиссированное, по убеждению западных аналитиков, – фонтанировало энтузиазмом. Оно провозглашало слияние исторической важности, подробности о котором принесут “величайшую радость людям ислама, особенно тем, кто на линии фронта”.

“Чувствуя волны поддержки, в этот благословенный месяц предводитель Армии единобожия и джихада^{*} Абу Мусаб аз-Заркави (да хранит его Аллах) и его последователи присягнули на верность шейху моджахедов нашего времени, Абу Абдалле Усаме бен Ладену, да хранит его Аллах”, – говорилось в ответе.

Это объединение, большее, чем просто партнерство, даст начало движению, которому предстоит очистить мусульманские государства от “всех неверных и нечестивых еретиков” и проложить путь к реставрации исламского халифата, гласило обращение.

“Это бесспорное указание на то, что победа, с соизволения Аллаха, близка и что она являет собой возвращение к славному прошлому, – говорилось в заявлении Заркави. – Мы будем, исполнившись великой ярости, внушать страх врагам ислама”.

Заркави обещал бен Ладену слушаться его приказов, “даже если ты велишь нам броситься в океан”. И все же он не удержался и напомнил, что именно бен Ладен неблагоприятно отнесся к предложению Заркави начать партизанскую войну. “Наши благородные братья из “Аль-Каиды”^{*} со временем поняли нашу стратегию, – писал он. – Их сердца открылись и приняли наши методы и общую задачу”.

Теперь “Аль-Каида”^{*} имела официальный филиал в Ираке, а косноязычный головорез из Зарки обрел новый титул: *эмир*. Или, на европейский манер, принц. Первый приказ пришел в новый филиал “Аль-Каиды”^{*} очень скоро – и лично от Усамы бен Ладена: остановить выборы в Ираке.

Глава 14

“Вы же его поймаете?”

Первые в истории Ирака выборы в Национальную ассамблею были назначены на 30 января 2005 года, и бен Ладен в том же обращении, где принимал Абу Мусаба аз-Заркави под свое крыло, объявил избирательные участки гнездилищами греха. “Все это противно воле Аллаха”, – сказал он. Заркави уже всюду трудился над тем, чтобы выборы провалились. Чтобы дискредитировать выборы, не требовалось даже прерывать голосование; надо было только не дать достаточному числу иракских суннитов добраться до избирательных участков. Его кампания, призванная сделать Ирак небезопасным для демократии, была словно специально задумана, чтобы свести на нет усилия главного дипломата-политика в американском посольстве, чьей сверхзадачей той зимой было убедить суннитских политиков выставить свои кандидатуры.

Роберту Форду нужно было что-то, что для иракцев, которых он агитировал, звучало бы как смертельная угроза им самим, а возможно, и их семьям. В ином случае вести аргументированный разговор ему было бы сложно. Весь предыдущий год членов суннитского правительства и кандидатов расстреливали, резали, похищали, взрывали в собственных домах и машинах. Больше всего угнетало Форда, когда подобное касалось лично знакомых ему иракцев вроде нервного губернатора Анбара, которого он встретил в Рамади во время одной из своих первых поездок за пределы “зеленой зоны”. Этот человек, Карим аль-Бурджас, бывший армейский генерал, доверительно говорил Форду, что хотел бы уйти с должности, потому что боится за себя. Пять дней спустя боевики Заркави напали на дом Бурджаса и похитили троих его сыновей, младшему из которых было всего пятнадцать. Бурджас немедленно ушел в отставку, чтобы их освободили. Его поспешно назначенному

преемнику пришлось совмещать две должности – губернатора и мэра, поскольку никто из горожан не хотел занимать вакансию.

“Местное правительство в состоянии кризиса”, – гласила секретная докладная, отправленная Фордом в Вашингтон после визита в Рамади.

Форд продолжал поиски. Он, как у него было заведено в те месяцы, нанес визит одному должностному лицу из иракских суннитов; этот человек мог дать честный совет, хотя иногда высказывался резковато. Британский акцент и английский костюм выдавали симпатии отставного полковника Тарика альХашими к Западу. Он часто злил высокопоставленных американцев в посольстве своими долгими филиппиками по поводу бесчинств американских войск. Однако, обладая живым умом, аль-Хашими отлично понимал, что происходит с суннитской политикой, и смело высказывал свою точку зрения. Форд слушал с уважением, и они в конце концов стали друзьями.

Когда Хашими было за тридцать, он оказался вовлечен в подпольную иракскую политику, став членом “Братьев-мусульман”*, консервативной религиозной организации с отделениями по всему исламскому миру. Он поднимался по иерархической лестнице в партии, впоследствии известной как Исламская партия Ирака, и одновременно усиленно работал над получением степени по экономике. После свержения Саддама Хусейна эта партия по умолчанию оказалась самым сильным и наиболее организованным политическим объединением суннитов Ирака, и возглавлял ее Хашими. Когда американцы предложили провести выборы в Национальную ассамблею в январе, чтобы составить проект конституции Ирака, партия Хашими поначалу подхватила идею и предложила список кандидатов. Но потом, за несколько недель до начала голосования, она внезапно сменила курс и полностью отстранилась от выборов.

Форд проделал путь от “зеленой зоны” до виллы Хашими, чтобы просить его пересмотреть решение. Отставной полковник, красивый

грубоватой мужской красотой, с коротко стриженными седыми волосами и ухоженной бородкой, как всегда вежливо обратился к дипломату по имени. После чего предложил Форду и его согражданам убираться, пояснив без обиняков: “Мы не будем выдвигать кандидатов на эти выборы, потому что не собираемся подставлять себя под пули”.

У Хашими был длинный список жалоб, который он оглашал любому американцу, согласному выслушать его. Начинался список жалобой, разделяемой большинством иракских суннитов: после свержения Саддама Хусейна сунниты оказались политически маргинализированы – а во многих этнически смешанных районах еще и подвергались жестоким издевательствам со стороны шиитов, жаждущих отомстить за десятилетия притеснений. Суннитов изгоняли из шиитских районов Багдада и Басры, некоторых пытали и убивали шиитские банды и даже служащие шиитской полиции. Конечно, убийства происходили с обеих сторон, но многие сунниты после десятилетий сравнительно привилегированного статуса при Саддаме возмущались неспособностью американских военных прекратить нападения. Вместо того чтобы обеспечивать безопасность, американские солдаты по ночам вламывались в суннитские дома, ища оружие и мятежников. При этом они ломали вещи и нарушали арабские культурные запреты на пребывание посторонних мужчин там, где спят женщины и дети.

“Вы тут арестовываете кого попало, налево, направо и по центру, – жаловался Хашими. – И частенько берете не тех, а в результате позорите людей вроде меня”.

Но разве сунниты не стреляют в американских солдат, не взрывают их джипы? – недоумевал Форд. А как насчет суннитов, которые предоставляют убежище террористам вроде Заркави?

Форд прекрасно знал, что Хашими тоже не в восторге от Заркави и других пришлых боевиков, которые захватывали целые деревни и городские районы по всему Западному Ираку. Несколько недель раньше американские войска вступили в жестокий бой,

чтобы выбить боевиков из Фаллуджи, – а потом бессильно смотрели, как мятежники ускользают в направлении Рамади и других городов. Заркави превратил суннитские жилые районы в зоны военных действий, ни в чем не повинные иракцы погибали от взрывов спрятанных в машинах бомб. И все же Хашими стоял на своем. “Естественно, они против вас, – говорил он. – Вы превратили их жизнь черт знает во что”.

Несмотря на эти разглагольствования, Форду было ясно: Хашими хочет, чтобы сунниты имели в будущем иракском правительстве достаточно голосов. Но этого не произойдет, пока Заркави регулярно запускает в эфир послания с обещаниями смерти любому иракцу, который выдвинет свою кандидатуру или явится голосовать. Хашими объяснил, что не может с чистой совестью просить своих единоверцев идти на такой риск. “Радикалы-сунниты будут убивать их в местах вроде Рамади и Фаллуджи, – сказал он. – В местах вроде Мосула их если и не убьют, то просто подвергнут бойкоту, и они все равно проиграют шиитам и курдам из-за вашей дурацкой пропорциональной избирательной системы”.

Следующие несколько недель Форд и его коллеги из посольства слали администрации Буша отчеты, настаивая, что выборы следует отложить. Надо дождаться, пока ситуация с безопасностью в Ираке не улучшится; тогда суннитов можно будет склонить к участию в выборах. Соединенные Штаты не должны служить гарантом выборов, которые в глазах трети населения страны будут нелегитимными, предупреждали дипломаты.

“Мы говорили об этом Вашингтону, – вспоминал позже Форд. – Шииты будут голосовать, курды будут, а сунниты – нет. Вы получите перекошенное шиито-курдское правительство без единого суннита. А это может усугубить проблему”.

Это послание захотели услышать очень немногие из администрации Буша. Некоторые члены администрации предлагали альтернативные пути – такие, чтобы сунниты могли заполнять бюллетени дома, не подвергая себя риску в кабинках для

голосования. В частности, было предложено разрешить иракцам голосовать по интернету или по мобильным телефонам, однако этот вариант быстро отвергли как невыполнимый. Даже если предположить, что компьютеры найдутся, во многих районах провинции Анбар электричество бывало далеко не всегда, а часто его и вовсе не было. Когда Форд указал на неосуществимость предложенных мер, помощник из Белого дома сделал ему выговор за “нерадивость”.

В любом случае президент Буш был непреклонен насчет намеченных дат. План, составленный в Белом доме, предусматривал выборы в конституционную ассамблею Ирака, потом голосование за новую конституцию Ирака, потом второй тур выборов в новый парламент и, наконец, формирование законно избранного правительства Ирака, которое возьмет на себя ответственность за страну и мириады ее проблем. Задержать план даже на один день значило бы отложить момент, когда Соединенные Штаты смогут символически передать ключи новому правительству и удалиться.

“Президент, – вспоминал Форд, – и слышать об этом не хотел”.

Тридцатого января 2005 года миллионы граждан явились голосовать на первые в истории страны демократические выборы. Новостные телепрограммы показывали улыбающихся иракцев, которые поднимали испачканные лиловыми чернилами пальцы, чтобы показать: они проголосовали. В соответствии с предупреждениями Заркави, мятежники произвели множество нападений на избирательные участки, в основном в суннитских районах. Погибли по меньшей мере сорок четыре человека.

Официальные лица США и Ирака объявили выборы состоявшимися. Несмотря на нападения, Заркави не удалось привести в исполнение угрозу “залить улицы кровью”.

Однако по второму ключевому направлению лидер “АльКаиды в Ираке”* добился желаемого: по всей стране, от сирийской границы до Персидского залива, избиратели-сунниты остались дома. В провинции Анбар число суннитов, принявших участие

в голосовании, едва достигло двух процентов. В последующие десять месяцев другие иракцы утверждают проект конституции, которая будет решать, как распределяться власть и нефтяное богатство среди трех крупнейших религиозных групп Ирака и тридцати шести миллионов человек. Но голоса суннитов в этих дискуссиях не будут слышны, и отчаяние суннитов по поводу их унижительного положения – лишенное права голоса и преследуемое меньшинство в стране, которой они когда-то владели, – с годами будет лишь углубляться.

И все же, методично побуждаемый Фордом, Хашими в конце концов согласился принять участие в политической жизни; он поднялся до вице-президента Ирака и стал одним из наиболее влиятельных людей, защищающих интересы суннитов. Но всего через неделю после его вступления в должность боевики Заркави напали из засады на брата и сестру Хашими, совершив два убийства на улицах Багдада. Второй брат, старший военный советник в правительстве Ирака, был застрелен в собственном доме пять месяцев спустя.

Через два дня после похорон сестры Хашими согласился дать телеинтервью “Би-би-си”. Исчезла его обычная вальяжность, а легкая дрожь в голосе выдавала надрыв человека, только что похоронившего брата и сестру, которых убили, чтобы запугать его и заставить уйти в отставку. Но Хашими объявил, что не собирается уходить. “Главное, что наш курс тверд, – сказал он. – Пролитая кровь и павшие мученики – цена, которую мы платим”.

Росло число убитых, но росло и число врагов Заркави. Даже в провинции Анбар, где столь многие приветствовали иностранных боевиков, когда те убивали американских солдат и шиитов, кое-кто теперь сдавал террористов американцам. Почти каждый день информация поступала в полицейские участки, милицейским патрулям, осведомителям, которые по цепочке передавали ее другим осведомителям; цепочка заканчивалась в постоянно расширявшемся оперативном центре ЦРУ в Багдаде.

Одно из таких сообщений, в феврале 2005 года, почти помогло взять Заркави. Эта история разворачивалась на глазах у сотрудницы ЦРУ Нады Бакос. Безотрывно, в тревоге, а потом в ярости она смотрела на монитор, куда в режиме реального времени транслировалась запись с камер беспилотного разведчика.

Ломоть информации, перепавший американцам, выглядел крайне аппетитно: 20 февраля один из старших подручных Заркави поедет по шоссе Фаллуджа – Рамади, направляясь на важную встречу. Судя по обстоятельствам, вероятность, что Заркави тоже окажется с ним, весьма высока, сочли американцы. Наблюдение за дорогой велось при помощи отрядов спецназа, расположившихся по маршруту, и беспилотного разведчика.

Как и следовало ожидать, ближе к вечеру дрон засек машину подручного и последовал за ней; машина на большой скорости двигалась на запад. Еще два автомобиля, в том числе небольшой грузовик, следовали за первой на разумном расстоянии, несясь по плоской пустынной дороге, вдоль которой тянулись орошаемые хозяйства и островки финиковых пальм.

Внезапное появление военного заграждения на дороге заставило немногочисленный караван остановиться столь резко, что завизжали тормоза. Первую машину тут же облепили солдаты, но другие две резко свернули с дороги в пустыню, развернулись и понеслись в разных направлениях. Дрон зафиксировал камеру на грузовике, водитель которого – или интуитивно, или встревоженный зудящим свистом летательного аппарата – начал резко вилять в явной попытке уйти от любого выпущенного в его сторону снаряда. Фургон швыряло туда-сюда, он едва избегал столкновения с брошенными машинами и дорожными знаками; водитель тщетно пытался перехитрить дрон.

Бакос смотрела на экран, как замороженная. Какая невероятная удача будет, если карьера Заркави закончится внутри горы искореженного металла на дороге в Рамади, думала она. “Врежься

во что-нибудь – и все! – крикнула она немым изображениям на экране. – Умри в машине!”

Но Заркави не суждено было умереть в тот день. Несущийся на полной скорости грузовичок снова резко сменил направление и съехал на грунтовую дорогу, к небольшой ферме, окруженной густой пальмовой рощей. Какая-то фигурка выскочила из машины; водитель продолжал гнать грузовик вперед и наконец остановился под навесом из пальмовых листьев.

Заркави еще можно было схватить, но из-за технического сбоя произошло худшее, что только могло произойти. Камера беспилотного разведчика решила перезагрузиться именно в тот момент, когда Заркави убегал через пальмовую рощицу. Когда на место прибыли американские солдаты, им пришлось пробираться через рощу медленно, чтобы не нарваться на засаду или мину-ловушку. К тому времени беглецы уже давно скрылись, бросив грузовик у финиковой пальмы. Обыскав его, солдаты обнаружили кое-что крайне ценное. На сиденье покоился ноутбук – ноутбук Заркави, – а рядом с ним мешок, содержащий сотни тысяч долларов в разной валюте. Обладатели грузовика бежали в такой панике, что бросили свои сокровища.

Чтобы взломать компьютерные шифры, понадобилось две недели, и гораздо больше времени – чтобы полностью перевести и проанализировать внутренний жесткий диск. К тому времени бо́льшая часть полезных подробностей – адреса явочных квартир, планы операций, номера сотовых телефонов – утратила актуальность. И все же компьютер содержал нечто бесценное: благодаря ему американские аналитики смогли с близкого как никогда расстояния заглянуть в мозг Заркави.

Одна папка содержала десятки фотографий, в том числе паспортные изображения, показывавшие, как Заркави примеряет различные образы – от чисто выбритого бизнесмена в очках в тонкой оправе до усатого арабского шейха в клетчатой куфие. В другой были медицинские файлы Заркави – еще больше

фотографий и записи о том, как и чем лечили его боевые раны. Были памятные записки и электронная почта, выдававшие, как менялась структура террористической группы, в которой Заркави взял на себя роль “командира подразделения”, в то же время предоставляя иракцам номинальные роли руководителей “Аль-Каиды в Ираке”*. Кроме того, обнаружили длинные электронные письма лидерам “Аль-Каиды”*, включая самого бен Ладена, а также презентации в *PowerPoint* и бесценные видеозаписи встреч Заркави с командирами его группы, на которых высокопоставленные боевики обсуждали стратегию и планы. Кое-какие личные документы были уже известны американским экспертам по борьбе с терроризмом, но другие оказались для аналитиков новыми.

“Презентация в *PowerPoint* была сделана просто как по заказу, – вспоминал военный аналитик, бывший среди тех, кто просеивал содержимое компьютера. – Вся организация Заркави – на графике из линий и блоков: все было там. Как в “Кто есть кто”.

На одном из видео была заснята встреча всего военного совета в уютной камерной обстановке, что одновременно приводило в восторг и пугало до мурашек по коже. Закоснелые убийцы сидели в кружок на ковриках, словно школьники, и с сосредоточенным вниманием слушали, как один поет песню, а другой декламирует стихи. Заркави, когда подошла его очередь, рассказывал анекдоты и истории. Потом он заговорил о том, каким видит Ирак и весь регион и как из обломков и пепла джихадисты создадут нечто исключительно новое, но вместе с тем древнее, как ислам.

Вот Заркави оставил обычную джихадистскую риторику. Другие исламисты-радикалы расплывчато заговорили о реставрации халифата времен золотого века ислама, когда все мусульмане жили по законам единой веры, которая стирала установленные Западом государственные границы. Но Заркави говорил не об отдаленном будущем. Он говорил о халифате в настоящем времени, а о самом себе – как о полководце освободительной армии, которая уже на марше.

“Он уже начал создавать свой халифат, – замечал военный аналитик, изучавший содержимое ноутбука. – Он мыслил стратегически и просчитывал действия далеко вперед”.

Бакос тоже поражало, как мыслит Заркави. Вернувшись в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли, она изучила клад, скрытый в ноутбуке. Фотографии подтвердили ее представления о патологиях, которые демонстрировали иорданец и его ближайшие последователи: создание культа личности и мессианское мышление резко отличали их от бен Ладена и его помощников. Психологи ЦРУ, проводившие официальный анализ, пришли к тем же заключениям: классический нарцисс, Заркави, кажется, искренне видел себя реинкарнацией одного из древних воинов ислама, которыми так восхищался. Теперь его вера в собственное величие начала расти, как опухоль. Освященные временем религиозные установки, такие как запрет на убийство невинных, больше ничего не значили: мнение Заркави растоптало века исламского богословия.

“Есть те, кто изучает Коран и понимает его, – говорила позже Бакос, все чаще размышлявшая об иорданском террористе. – Заркави способен был декламировать целые куски из Корана – он долго не мог читать его, потому что был практически неграмотным, – и интерпретировал их как хотел, несмотря на отсутствие образования и знания вопроса”.

Заркави занимал теперь все время Бакос. Всего год назад, по горло сытая постоянными требованиями проследить фантомную связь между “Аль-Каидой”^{*} и Саддамом Хусейном, она в злобном раздражении попыталась уволиться из ЦРУ. Нада уведомила об этом своего босса и не выходила на работу четыре дня, пока один из руководителей не позвонил ей, чтобы уговорить вернуться. В качестве бонуса Бакос пообещали новую работу – аналитик-наводчик; ей предстояло сосредоточиться целиком на одном Заркави. “Наводчики”, как их называют на языке ЦРУ, – это суперищейки, которые собирают все следы и факты, могущие привести к поимке или ликвидации террориста, представляющего

угрозу безопасности страны. Некоторые, подобно Бакос, живут двойной жизнью, разрываясь между бурным миром отдела по борьбе с терроризмом и опасными заокеанскими аванпостами. Часто эти сотрудники остаются в деле до тех пор, пока объект их охоты не окажется вычеркнутым из списка ЦРУ, обычно по причине смерти. Бакос, как новоиспеченному наводчику, предстояло нырнуть в потоки разведданных, притекающие по плотной сети американского правительства, и там найти ключ или изъян в системе безопасности Заркави, которые могли бы вывести иорданца из игры навсегда.

Между командировками в Ирак Бакос возвращалась к нормальной жизни – насколько получалось. Она переехала в вашингтонский Кливленд-парк, очаровательный район с домами конца девятнадцатого века и стильными кафе, и опустила сумки на пол в доме, находящемся в нескольких кварталах от Национального зоопарка. Должность с высшей степенью секретности – родные Бакос все еще имели лишь смутное представление о том, чем она зарабатывает на жизнь, – ограничивала круг ее общения в основном друзьями с работы. Хотя Бакос не питала склонности к рукоделью, она присоединилась к клубу “вязания и вина”, состоявшему из других женщин-аналитиков ЦРУ, исключительно ради компании. “Мы могли говорить друг с другом открыто, и это просто было очень хорошо, – вспоминала она. – Мы больше пили вино, чем вязали”.

Но на следующее утро надо было снова выходить на охоту.

Однажды в июле, через пять месяцев после обидного недолета в пустыне за пределами Рамади, сообщение из Багдада доставило очередной элемент головоломки. В разведывательную сеть попал уникальный факт корреспонденции: письмо к Заркави от человека номер два в “Аль-Каиде” – Аймана аз-Завахири. Заместитель бен Ладена составил оценку достижений в шесть тысяч слов, в которых выражал обеспокоенность организации своим новейшим филиалом. Как послание попало в ЦРУ – не разглашалось. Бакос разрешили просмотреть письмо лишь в бронированном помещении, которое

аналитики называют “склепом”. Нада читала, и ее изумление росло с каждой новой прочитанной строчкой.

Проблема, которую Завахири обрисовал сдержанной прозой, была, в общем, несложной: кровожадность Заркави начинала вредить репутации “Аль-Каиды”^{*} среди мусульман. Убивать американцев и иракских солдат – это прекрасно, писал Завахири, но взрывающиеся автомобили, нападения на шиитские мечети и видеозаписи кровавых казней несут неправильное послание. Простых мусульман изображения мертвых шиитских детей и обезглавленных болгарских дальнобойщиков не вдохновляют, а отталкивают. “Движение моджахедов должно избегать любых действий, непонятных или неприемлемых для масс”, – предупреждал Завахири.

Среди вещей, неприемлемых для мусульманского населения, любящего и поддерживающего тебя, – сцены жестокого убийства заложников. Тебе не следовало принимать решения, опираясь на похвалы иных излишне ревностных в вере молодых людей и на то, что они славят тебя как “шейха головорезов”. Не они выражают общую точку зрения тех, кто поддерживает сопротивление в Ираке и тебя самого, с соизволения и благословения Аллаха. Ты – вполне справедливо – мог бы ответить: “Почему нам не сеять ужас в сердцах крестоносцев и их пособников? Разве разрушение селений и городов на глазах у их обитателей – не более жестоко, чем самая жестокая месть?” Все эти и многие другие вопросы вполне справедливы, ты прав... Однако, несмотря на все это, я говорю тебе: мы на войне, и часто наше поле боя – страницы газет и экраны телевизоров. В этой медиавойне мы сражаемся за сердца и умы [мусульманского общества]. Как бы далеко ни простирались наши возможности, они никогда не будут равны тысяче возможностей, которые есть у служителей сатаны, ополчившегося на нас. Мы можем убивать

пленных пулей. Так мы достигнем задуманного, не ввергая себя вопросами и ответами в затруднительное положение. Этого нам не нужно.

Назидание сопровождалось похвалами мужеству и батальным успехам Заркави; Завахири заканчивал письмо просьбой о некоторой сумме наличными (“Если у тебя есть возможность выслать примерно сто тысяч, мы были бы тебе очень благодарны”). И все же суть письма угадывалась безошибочно. В нем содержались признаки серьезных разногласий между главной ветвью “Аль-Каиды”^{*} и ее дочерним предприятием в Ираке.

Заркави в каком-то смысле ответил, хотя и не напрямую “Аль-Каиде”^{*}. Через две недели после реприманда Завахири он написал открытое письмо своему прежнему наставнику и сокамернику, Абу Мухаммаду аль-Макдиси, упрекая его и всех исламистов, усомнившихся в его методах. Макдиси может быть уважаемым исламским ученым, но он знает далеко не все, писал Заркави.

“Он не имеет и не должен иметь исключительного права на знание, и не все, что он говорит, верно, особенно что касается джихада и текущего положения дел”, – указывал он.

Заркави объявлял, что все его действия – от убийства шиитов до отправки шахидов на смерть – санкционированы “праведными и достойными доверия богословами-моджахедами”. Но назвать имена этих ученых он не может, писал он, поскольку они в тюрьме и упоминание их имен может нанести им вред.

Второе опровержение последовало в виде аудиозаписи, размещенной на джихадистских сайтах в сентябре 2005 года. Через два месяца после того, как человек номер два в “АльКаиде”^{*} посоветовал ему воздержаться от убийства шиитов, Заркави объявил о начале нового наступления, направленного именно против рафидитов, или “отвергающих”, – уничижительное прозвище тех, кто исповедует шиитскую веру.

“Организация “Аль-Каида в Ираке”^{*} объявляет полномасштабную войну рафидитам, где бы они ни находились в Ираке”, – говорил Заркави в видеозаписи. Он предупредил, что и другие группы иракцев могут оказаться под ударом, если не отрекутся публично от переходного правительства Ирака, которое пришло к власти после январских выборов 2005 года.

“Вам придется выбирать между добром и злом, – вещал Заркави. – Любое племя... чья поддержка крестоносцам и их агентам будет доказана, подвергнется таким же нападениям моджахедов, как и сами крестоносцы”.

Подобный демарш против руководства “Аль-Каиды”^{*} выглядел загадочно, учитывая, что совершал его человек, из всех сил старавшийся заслужить одобрение бен Ладена. Бакос и другие сотрудники отдела по борьбе с терроризмом, сидя в “склепе”, буквально по строчкам анализировали письма и расшифровки, гадая, ведет ли Заркави сознательно игру за то, чтобы возглавить джихад во всем мире, или он просто настолько глуп.

“Мы снова и снова перечитывали его письма, поражаясь их тону, – вспоминала впоследствии Бакос. – Заркави больше не был почтительным. Он осмелел, он спорил с Завахири по поводу собственной стратегии джихада в Ираке”.

Бакос пыталась представить себе, как все это выглядело с точки зрения Заркави. Этот человек теперь стоял во главе армии из тысяч бойцов, все они были преданы ему и полны решимости пожертвовать собой. Заркави достиг того, чего не добивался никто из военачальников-моджахедов со времен войны в Афганистане: унизил мировую сверхдержаву, втянув ее в болото партизанской войны. У него было полно денег, оружия и боевиков-добровольцев. В отличие от лидеров “Аль-Каиды”^{*} в их добровольном изгнании, он сражался с американцами и их иракскими союзниками день за днем. Опросы показали, что американцы перестали поддерживать войну

в Ираке; Заркави добился успеха. Зачем ему было прислушиваться к советам Завахири?

Его грубая тактика действительно оскорбляла некоторых мусульман, но вредило ли это Заркави? Бакос больше не была уверена в этом. Бескомпромиссные джихадисты из тех, что были готовы сражаться и умирать по приказу Заркави, хлынули в Ирак, от ста до ста пятидесяти человек в месяц, желая присоединиться к “шейху головорезов”. Интернет давал Заркави широкие возможности создать репутацию яростного бойца, без пощады убивающего врагов Аллаха. Фотографии, которые Заркави публиковал на сайтах, хотя и казались отвратительными большинству, сделали его иконой и героем в глазах многих тысяч молодых людей, увидевших в нем мстителя за века унижения и поражений мусульман. Это доказывало: Заркави больше не нуждается в официальном одобрении бен Ладена. Некоторые аналитики описывали его организацию как локальную или филиал, но было ясно, что для самого Заркави это не так. Его группа не была ответвлением “Аль-Каиды”*. Она была “Аль-Каидой-2.0”.

“Люди считали, что он вредит марке “Аль-Каида”*, – говорила Бакос. – На самом же деле Заркави успешно создавал собственную марку, потому что он побеждал”.

В то лето, когда Заркави и “Аль-Каида”* спорили, допустимо ли рубить головы заложникам, президент Джордж Буш созвал в Белом доме первое совещание совета безопасности, посвященное главным образом иорданскому террористу.

Оно состоялось утром 29 июня 2005 года, в тесноватом зале оперативных совещаний. Буш, чей второй президентский срок длился уже полгода, разместился в кожаном кресле в торце полированного деревянного стола. Другие места заполняли знакомые лица: вице-президент Дик Чейни, госсекретарь Кондолиза Райс, министр обороны Дональд Рамсфельд, советник

по национальной безопасности Стив Хэдли. Утренний доклад читал Майкл Винсент Хейден, маршал ВВС и будущий директор ЦРУ, служивший тогда первым заместителем в кабинете директора национальной разведки.

В начале своего выступления Хейден коротко обрисовал жизнь самого печально известного иракского террориста. Он говорил о детстве и юности Заркави, о затерянной в песках Зарке, о первых преступлениях Заркави, о его похождениях в Афганистане, о религиозном обращении и времени, проведенном в тюрьме. Хейден рассказал о лагере в Герате, о побеге в горы Восточного Ирака, о расправе над дипломатом Лоуренсом Фоули и связи с “Заговором тысячелетия”. Потом принялся описывать первые террористические опыты Заркави в Ираке, ту смесь хитрости и “слепой удачи”, как выразился Хейден, которая позволила иорданцу нанести точные удары по ведущему иракскому умеренно-шиитскому священнослужителю и главе миссии ООН в Багдаде.

Буш поднял глаза.

– Он убил Сержиу? – спросил президент, имея в виду дипломата Сержиу Виейру ди Меллу, убитого во время демонстративного теракта в здании ООН, произведенного в первое лето войны. Буш лично знал энергичного бразильца и любил его. – Я не знал.

За сводкой президент обратился к Рамсфельду, который в свою очередь представил нового члена группы. Стэнли Маккрystal, руководитель Совместного командования специальных операций и официальный предводитель охоты на Заркави, вернулся в Соединенные Штаты, и его призвали к президенту, чтобы он сообщил свежие новости лично. “Сейчас Стэн расскажет, что мы делаем, чтобы добраться до Заркави”, – сказал Рамсфельд Бушу.

Маккрystal, теперь уже генерал-майор, начал слайдовую презентацию, во время которой Буш время от времени задавал вопросы (запись об этом осталась в протоколе встречи). Когда Маккрystal закончил, Буш долго смотрел на него.

– Вы же его поймаете? – спросил президент.

Маккрystal собрал всю свою уверенность.

– Поймаем, господин президент, – сказал он. – Я в этом не сомневаюсь.

Позже на том же совещании Буш снова обратился к Маккрystalу.

– Вы хотите убить его или арестовать? – спросил он.

– Я бы хотел арестовать его, господин президент.

– Почему бы просто не убить? – спросил Буш, вызвав нервные смешки по всему залу.

– Видите ли, господин президент, я хотел бы потолковать с ним. Он знает вещи, которые хотим знать мы.

Буш выглядел удовлетворенным. Улыбаясь, он заметил:

– Отлично сказано.

На самом деле Маккрystal и впрямь был уверен в успехе, хотя не имел веских доказательств, что приблизился к поимке Заркави. Оперативная группа 6-26 под командованием Маккрystalа сосредоточилась на помощниках террориста. Некоторых убили, а других теперь допрашивали на авиабазе в Баладе, служившей опергруппе штаб-квартирой. С каждым арестованным террористом американская разведка становилась сильнее. И все же пока сил было недостаточно.

Уточненные разведданные позволяли Маккрystalу точнее оценивать, на что способен враг. Пусть и без образования, Заркави снова и снова показывал себя талантливым полевым командиром, способным превращать толпы неподготовленных рекрутов в солдат и террористов-смертников, наносивших удары целенаправленно и дисциплинированно. Из рассказов пленных боевиков вырисовывался портрет бесстрашного человека, лидера с тихой, сдержанной харизмой. “Этот парень – мужик что надо”, – сказал один из заместителей Маккрystalа во время совещания.

Не согласиться с этим было трудно. Заркави обладал “тайной джихадиста – мощная смесь жестокости и истинной харизмы была основательно сбрызнута пропагандой”, напишет позже Маккрystal. И теперь эта смесь просачивалась за иракскую границу.

Записи, попавшие в руки людям Маккрисала, также проливали свет на изощренную систему вербовки, переправки, обучения и распределения террористов-смертников по всему Ближнему Востоку и за его пределами. Зачастую контакт провоцировала какая-нибудь из пропагандистских записей Заркави, доступных каждому обладателю компьютера с выходом в интернет и без проблем предоставлявших электронный адрес для связи. Как только начиналась электронная переписка, армия кураторов уже была наготове. Потенциального рекрута проверяли на благонадежность и подвергали идеологической обработке, после чего он проходил несколько явочных квартир, и, наконец, наступал черед опасного путешествия пешком через сирийско-иракскую границу. Оказавшегося в Ираке добровольца освобождали от любой наличности и отправляли в помещение вроде камеры временного содержания для дальнейшей промывки мозгов в почти полной изоляции. “Все было устроено так, что террорист-смертник зачастую впервые видел иракцев во плоти за минуту до того, как убить их”, – говорил Маккрисал.

Такие новобранцы редко видели (если вообще видели) Заркави, чья усиленная личная охрана становилась все многочисленнее, по мере того как войска США и оперативники ЦРУ продвигались вперед в своих поисках. Как выяснили во время допросов люди Маккрисала, Заркави хранил тайну своего местонахождения от всех, за исключением горсточки главных помощников. Он никогда не пользовался сотовым телефоном и постоянно перебирался с места на место. Он завел третью жену – жительницу Ирака, лет пятнадцати, – и его теперь сопровождали двое детей от второго брака. Но Заркави так хорошо прятал их, что американские разведчики так и не смогли обнаружить их следов.

Однако охотники тоже успешно продвигались вперед. К середине 2005 года команда Маккрисала, специализирующаяся на Заркави, расширилась и теперь включала в себя лучших специалистов по борьбе с терроризмом из государственных ресурсов США,

от опытных бойцов спецподразделений до аналитиков ЦРУ и техноволшебников из АНБ. Чтобы они сработались как единая команда, Маккрystal посадил их всех вместе за столы из ДСП в большой пультовой комнате. На мониторы в несколько ярусов шла прямая трансляция с дронов, постоянно круживших наверху.

Маккрystal стремился нейтрализовать главное, по его мнению, преимущество Заркави – способность контролировать темп сражения. Гибкая структура командования позволяла Заркави наносить удары быстро и менять направление, сообразовываясь с передвижениями врагов. Чтобы противостоять Заркави, американцам надо было суметь опередить его.

“Если бы мы могли методично наносить сокрушительные удары по АКИ [“Аль-Каида в Ираке”]* – организации, чья тактика заключалась в чередовании вспышек насилия с периодами спокойствия и восстановления сил, – то остановили бы ее рост, не дали бы ей развиться, – говорил он впоследствии, анализируя стратегию своей американской группы, называвшейся теперь по-новому. – При достаточном давлении члены АКИ* были бы крепко заняты тем, чтобы остаться в живых, и, таким образом, лишились бы возможности вербовать добровольцев, изыскивать финансы или выстраивать стратегию”.

Чтобы наносить такие удары без перерыва, американцам надо было “действовать так, чтобы вымотать врагов, но и так, чтобы мы сами могли продолжать”, вспоминал Маккрystal. Для членов опергруппы 6-26 это означало выдерживать жесткий шестнадцатичасовой рабочий день Маккрystalа, отвлекаясь, как правило, только на еду и физкультуру. Генерал обычно работал и ночью, урывая несколько часов сна ближе к рассвету, после чего следовала ежедневная пробежка на почти 50-градусной утренней жаре Балада.

“Совиный” график позволял аналитикам работать синхронно со спецназовцами, которые производили ночные рейды по предполагаемым укрытиям мятежников. Взятых в плен боевиков

немедленно доставляли на допрос, в здание по соседству с оперативным центром Маккрystalа. Другие специалисты быстро просматривали “карманный мусор” – мобильные телефоны, записки, карты – ради крох информации, которая могла указать направление следующих ночных рейдов. Специалисты по разведке из АНБ садились за те же столы, что командос и служащие ЦРУ, и добавляли очередной слой данных, полученных из покадрового просмотра дневных видеозаписей и из перехватов звонков с мобильных телефонов. Число аэрофотокамер постоянно росло, и наконец вся страна оказалась под круглосуточным пристальным наблюдением – “недреманное око”, как выражался Маккрystal, – что давало ценную возможность отмотать запись назад и проследить, как боевики устанавливают придорожные мины.

К осени 2005 года новая стратегия безоговорочно доказала свою эффективность. Команда Маккрystalа понемногу разоряла командную структуру Заркави, уменьшая количество оперативников среднего звена, ответственных за все от логистики и коммуникаций до вербовки и обучения новобранцев. Список убитых или взятых в плен адъютантов Заркави увеличился до сотни имен, потом до двухсот. Из двадцати одного старшего заместителя, людей, иерархически наиболее близких к Заркави, двадцать были вычеркнуты из списка – погибли или попали в тюрьму. Из Бадада и Багдада шел непрерывный поток конфиденциальных военных рапортов о сорванных террористических заговорах и об огромном количестве складов с оружием и взрывчаткой, выявленных и уничтоженных. Один доклад, переданный в Пентагон в конце сентября, описывал обнаружение письма, подписанного самим Заркави, в котором речь шла об атаке на печально известную тюрьму Абу-Грайб возле Багдада, где томились и люди Заркави. Удар предполагалось нанести силами “соединений АМЗ” – аббревиатура, означавшая войска Заркави, – в октябре или ноябре, во время Рамадана, когда акт мученичества, как считается, должен обеспечить особую награду в загробной жизни.

Заговор был выявлен, Рамадан прошел по иракским меркам спокойно. Но через пять дней, 9 ноября 2005 года, на экранах в оперативном центре Маккрисала вспыхнула надпись “Срочный выпуск”. По соседству, в столице Иордании, террористы-смертники атаковали одновременно три отеля. Погибли сотни людей.

Маккрисал в ту ночь был на рабочем месте; вместе со своими помощниками он смотрел новости, видел развороченное лобби амманского отеля “Рэдиссон” и накрытые тела, выложенные в ряд на подъездной дорожке. Сомнений в том, кто стоял за нападением, почти не было. По мнению Маккрисала, столь же мало сомнений было в том, что Заркави допустил грубый, а возможно и фатальный, просчет.

“Это грубейший промах”, – сказал Маккрисал сидевшему рядом с ним заместителю.

Глава 15

“Это наше девять-одиннадцать”

Вдень теракта Саида ар-Ришави встала на утреннюю молитву, точно зная: сегодняшний день будет ее последним днем на земле. Несколько часов она убила, ожидая в пустой квартире своего напарника с тем, что позволит им приступить к последним приготовлениям. Наконец Али появился. Уже через несколько минут элементы бомб, которые заставили супругов проделать опасное путешествие через всю иракскую пустыню до самого Аммана, были извлечены из упаковки. И вот они лежат бок о бок: его и ее жилеты смертников, сшитые по мерке для обоих. Обе бомбы были мощными, но тонкие жилеты под уличной одеждой никто не заметит.

Ришави до этого дня не видела таких жилетов. Вдруг оказалось – пора. Она схватила свой жилет, оказавшийся неожиданно тяжелым, коснулась цилиндров, раздувшихся от стального наполнения. Следовало разобраться с проводками и детонатором и немного подогнать жилет, чтобы он сел на плечах и животе как надо. Даже в жилете смертника телу должно быть удобно.

“Он надел один на меня и сам надел второй, – скажет потом эта тридцатипятилетняя жительница Рамади. – Научил обращаться с ним, показал, на что нажать, чтобы привести взрывчатку в действие”.

Капитан Абу Хайсам слушал молча, стараясь не допустить реакции, которая могла бы остановить поток слов. Шел второй день допроса Ришави, и Абу Хайсам чувствовал облегчение от того, что женщина наконец заговорила. В Аммане еще шли акции в память о жертвах самого жестокого теракта за всю историю Иордании: три взрыва, прогремевшие одновременно в трех отелях, убившие шестьдесят человек и потрясшие страну до самого основания. Абу Хайсам, второй человек в отделе по борьбе с терроризмом в Мухабарате, как

раз занимался реконструкцией преступления, и путь ему указывала выжившая смертница.

Интерес Абу Хайсама к Ришави далеко не ограничивался ее ролью в преступлении. Вдохновитель теракта быстро взял на себя ответственность, и Мухабарат, основываясь на других доказательствах, заключил, что за деянием стоит Абу Мусаб аз-Заркави. Теперь вопрос заключался в том, сможет ли эта полубезумная женщина с глазами-ямами привести Мухабарат к самому Заркави. Смертники не входили в ближний круг Заркави, но эта женщина была выбрана для необычайно сложной миссии, требовавшей фальшивых документов и пересечения государственной границы. Кто-то счел Саиду ар-Ришави достойной участия в первом за пределами Ирака теракте с применением оружия массового поражения. Она могла знать имена своих вербовщиков, могла опознать людей, обучавших ее, достававших фальшивые паспорта или собиравших бомбу. Она могла знать других боевиков, которые в эти минуты готовились к будущим терактам в Иордании.

Служащие разведки разрабатывали несколько участков одновременно. С удвоенным рвением разведчики арестовывали и допрашивали иорданцев и иностранцев, подозреваемых в связях с террористами. Специально созданные команды для работы под прикрытием отправили на запад Ирака, прочесывать местность в поисках любой информации, которая могла бы содержать предупреждение о следующей атаке Заркави. Но самые большие надежды возлагались на инсайдера, кого-то, кто мог бы провести иорданцев через все слои тщательно составленного кокона системы безопасности Заркави.

Как и следовало ожидать, женщина заговорила. В ее случае не было причин применять более сильные средства убеждения, чем голос капитана.

Между приступами тихих слез понемногу проступали очертания несчастливой жизни этой женщины. Ришави была уроженкой одного

из взрывоопасных центральных районов суннитского Ирака, ее братья присоединились к движению Заркави в первые же недели американской оккупации. Один из братьев успел стать командиром среднего уровня в “Аль-Каиде в Ираке” (АКИ)*, прежде чем американцы убили его в Фаллудже. Американцы убили и второго брата, и зятя. На удрученную горем женщину давило чувство долга: согласно обычаям иракские сунниты обязаны мстить за убийство члена семьи. Осень 2005 года стала горькой годовщиной – год со смерти первого брата – и принесла известие о первом теракте с участием смертницы, который произошел в столице Ирака. Власти оказались застигнуты врасплох. Женщин обычно легко пропускали через границу, а свободно сидящие абайи, вместе с иракским табу на обыск женщин, позволяли им без труда проносить взрывчатку.

Так Ришави стала добровольцем.

“Я хочу убивать американцев”, – сказала она Абу Хайсаму, описывая свое обращение к контакту из “Аль-Каиды в Ираке”, с которым связалась через братьев.

Заркави задумал соединить незамужнюю Ришави с Али, мужчиной, которого она знала еще по родному городу, и сделать из них супругов-смертников, обычную пару средних лет, какая могла бы войти в любое общественное здание, не привлекая лишнего внимания.

В начале ноября чета встретила еще с двумя добровольцами из Ирака, а также со своим контактом из АКИ*, чтобы закончить приготовления. Ришави и ее “мужу” вручили фальшивые паспорта, доказывающие, что они супружеская чета, и впервые объявили, что их избрали для выполнения особо важной миссии за границей, в Иордании: их цель – служащие американской и израильской разведок. “Супругам” также выдали правдоподобно звучащую легенду: они приехали в Амман лечить бесплодие, чтобы зачать ребенка. В качестве последнего шага обоих привели к одному из нанятых Заркави священнослужителей для торопливой

и сомнительной с точки зрения закона брачной церемонии. Это было сделано не ради Ришави и ее “мужа” – не предполагалось, что они доживут до осуществления брачных отношений, – а чтобы избежать нарушения строгих религиозных установок Заркави. У исламистов женщине запрещено путешествовать без сопровождения мужа или близкого родственника мужского пола.

Ришави и Али дождались Ид аль-Фитра, праздника, знаменующего конец Рамадана, и на следующее утро начался занявший весь день переход через пустыню, к иорданской границе. При пересечении границы их документы тщательно проверили; наконец измученные супруги добрались до квартиры, снятой для них в одном из населенных преимущественно иракцами районов Аммана. До теракта оставалось четыре дня: он был намечен на 9 ноября, дату, которую иорданцы, как и европейцы, пишут как “9/11”.

В назначенный день Али помог Ришави надеть жилет. Он закрепил двадцатифунтовую ленту с гексагеном и шрапнелью у нее на поясе, а для надежности и лучшей посадки обмотал всю конструкцию несколькими слоями изолянты. Террористы забрались в арендованную машину и поехали к отелю “Рэдиссон”, куда прибыли незадолго до девяти часов вечера.

Как призналась потом Ришави Абу Хайсаму, вид и звуки праздника, встретившие их в огромном танцевальном зале “Филадельфия”, смутили ее. Вместо говорящих по-английски разведчиков в западных костюмах она увидела нечто гораздо более обычное и знакомое.

Свадьбу.

Присмотревшись через открытые двери зала, Ришави увидела семьи. Малыши, девушки, женщины в праздничных нарядах. Мужчины выстроились по одну сторону зала, женщины по другую: танец дабка, традиция арабских свадеб. Ришави не знала, что делать.

К супругам подошел отельный служащий. Они кого-то ищут? Партнер Ришави пробормотал, что хотел посмотреть настоящую иорданскую свадьбу. Надо было двигаться дальше.

В танцевальном зале террористы разделились и стали пробираться в противоположные углы, причем Ришави заняла место возле женщин и девушек. Одну руку она сунула под верхнюю одежду и неловко нащупала взрыватель. Почему бомба не взорвалась, потом так и не выяснили – была ли это техническая ошибка или нервы подвели? – но женщина стала жестами показывать партнеру, что возникло затруднение. Тот, явно разнервничавшись, указал ей на двери зала.

Повернувшись, чтобы уходить, Ришави увидела, как он залезает на стол. Потом раздался ужасный взрыв.

“Я не знала, что делать, а от жилета избавиться не могла, – скажет она позже. – И я побежала”.

Ришави пробежала через лобби отеля вместе с перепуганными гостями, перешагивая через раненых и умирающих. Когда Ришави наконец остановилась, хватая ртом воздух, она была уже далеко от отеля; она стояла, все еще в жилете смертника, и на ее черной верхней одежде виднелись пятна крови.

Потом, в такси, она нервничала и путалась, не могла вспомнить адреса и ориентиры. Владельцы магазинов и прохожие запомнят странную женщину в черном, как-то неестественно ссутуленную, которая выходила из машины, чтобы спросить дорогу, – нервно, с иракским акцентом. Один из тех, кто запомнил ее, говорил, что с ней “что-то было не так”. Ришави помнила, как она, спотыкаясь, добралась до дома своей невестки и рухнула на кровать, где ее и нашли в конце концов сотрудники Мухабарата.

Ришави несколько дней проигрывала события у себя в голове, и ее смятение сменилось отчаянием. Где американские разведчики, которых ее послали убить? Очевидно, целью Заркави была не месть американцам.

“Мне сказали, что я иду убивать американцев, – в который раз жаловалась она Абу Хайсаму. – Я хотела только отомстить за братьев”.

Ришави подло обманули, и все же она по-детски цеплялась за мысль, что что-то пошло не так в планировании операции. Она

никогда не встречала Заркави и не могла принять мысль, что лидер “Аль-Каиды в Ираке”^{*} на самом деле хотел, чтобы она пожертвовала своей жизнью, убив собравшихся на праздник матерей и детей. Я, наверное, сама виновата, твердила Ришави. В глубине души она не была уверена, что сумеет нажать кнопку детонатора в нужный момент, когда ее будущее и будущее множества незнакомых ей людей сосредоточится на острие булавки.

“Я не захотела умирать”, – тихо заключила она.

Допросы продолжались несколько дней подряд, но границы информативности Ришави уже стали ясны. Она никогда не видела никого из руководителей группы Заркави. Она не была иностранным добровольцем, обладающим информацией о явочных квартирах или путях контрабанды. Не была она и иракским инсайдером, посвященным в систему передвижений Заркави. По правде сказать, она была не слишком умна. Но для Заркави и его людей Ришави оказалась истинной находкой: сраженную горем женщину убедили совершить акт возмездия и поразить мишень, которой на самом деле не существовало. И даже это ей не удалось.

Абу Хайсам не мог найти в себе жалости; ужасающие картины из танцевального зала “Рэдиссона” все еще были свежи в его памяти. Он оставил Ришави в камере и вернулся в кабинет, к задаче, которая теперь перевешивала все остальные: найти Заркави.

Для Абу Хайсама этот квест превратился в навязчивую идею. В отделе по борьбе с терроризмом его упорство стало легендой; все знали, что Абу Хайсам часто спит и принимает душ в офисе, чтобы удлинить свой рабочий день. Теперь он не уходил домой сутками. В разработке Заркави к нему присоединились многие служащие из других отделов. К поискам подключили даже переводчиков и делопроизводителей.

“Каждый получил задание, – вспоминал один из служащих. – Сказано было просто: так, берешь оружие и едешь на работу”.

Заркави сделал все, чтобы подтолкнуть пять миллионов своих суннитских соотечественников к действию, и в этом преуспел. Разъяренные иорданцы по всей стране объединились – против него.

Через несколько часов после взрыва тысячи людей хлынули на улицы Аммана. Огромные толпы собрались на площади возле старейшей мечети города, многие скандировали: “Отправляйся в ад, Заркави!” Другие мрачно шагали за женщиной в черной траурной одежде; женщина несла плакатик с выражением сочувствия “невестам Аммана”. По всей стране известные имамы во время пятничной молитвы проклинали с минаретов и преступление, и того, кто в нем повинен. В Зарке, родном городе террориста, его брат и пятьдесят шесть других родственников поместили в местной газете объявление, в котором отрекались от него.

С тех пор как два года назад началось широко критикуемое вторжение США в Ирак, иорданцы в основном помалкивали насчет террористической кампании, которая разворачивалась по соседству. Некоторые иорданцы, хотя и встревоженные изображениями иракских взрывающихся машин, а также казней, с удовлетворением наблюдали, как терпят крах планы Буша по преобразованию Ближнего Востока. В иных бедных районах Аммана на Заркави смотрели как на народного героя, защищающего иракских единоверцев от преследований со стороны шиитов и американцев.

Но отныне иорданцы говорили о Заркави с презрением.

“Это жестокое преступление, с которым ислам не имеет ничего общего”, – сказал один из амманских демонстрантов, продавец по имени Джемаль Мохаммад, городской англоязычной газете. В руках он держал большой иорданский флаг.

“Заркави – полоумный бандит. Он совсем спятил”, – сплюнул другой.

Другие мусульмане подхватили этот рефрен, от интернет-чатов и политических обзоров в газетах до университетских кампусов. Заркави провозгласил, что его враги – американские солдаты, но убивал он ни в чем не повинных иракцев. Теперь, в Аммане, он

обрушился на монархию и ее слуг, однако казнить решил женщин и детей, пришедших на самую обычную суннитскую свадьбу. Даже консервативные “Братьямусульмане”^{*} возмущались взрывами как “отвратительными и трусливыми терактами, которые нельзя объяснить ни логикой, ни обстоятельствами”.

Новость о взрывах заставила короля Абдаллу броситься в Иорданию из Казахстана, где он находился с государственным визитом. Ночью, в самолете, он просматривал сводки новостей и принимал звонки с соболезнованиями от глав других стран. В пять часов утра он прибыл в Амман.

В тот же день Абдалла побывал в нескольких больницах, посетил выживших раненых и выступил на государственном телеканале, чтобы спокойно заверить иорданцев: монархия будет “преследовать террористов и их пособников”. В душе у него бушевала буря, признавался он впоследствии.

“Мы принимаем вызов, – сказал король спешно созванным руководителям службы безопасности. – То, что совершил Заркави, достойно осуждения. Хватит церемониться. Я хочу, чтобы вы взяли его”.

Что именно Абдалла имел в виду, было еще неясно, возможно – даже ему самому. Но тот день ознаменовался началом перемен в иорданской политике безопасности. Мухабарат гордился тем, что обеспечивает безопасность Иордании, а на монархию смотрели как на надежного партнера, который делится с другими странами (включая США) информацией о подозреваемых в терроризме. Но теперь Иордании предстояло занять гораздо более агрессивную позицию по отношению к “Аль-Каиде”^{*}. Закрыв глаза на свое нежелание сотрудничать с американскими войсками, монархия начала привлекать специально обученные команды Мухабарата, которые помогали бы бойцам американских спецподразделений уничтожать террористические ячейки в Ираке.

Перемена тона проявилась уже на следующий день после атаки, в коротком разговоре между королем и Робертом Ричером, прежним

главой резидентуры ЦРУ в Аммане, который за два срока на своем иорданском посту подружился с монархом. Ричер, занимавший теперь второй по важности пост в полусекретном оперативном управлении, позвонил королю, чтобы выразить соболезнования и спросить о ходе расследования.

“Это наше девять-одиннадцать, – сказал, по воспоминаниям Ричера, король. – В этот день мы начали смотреть на вещи по-другому”.

Абдалла лично знал одного из раненых, и визит в больницу потряс и разгневал его. “Они напали на безвинных граждан. – Король кипел от гнева. – Они убили отца невесты. Убили отца жениха”.

В последовавшие недели демонстрации постепенно прекратились, но решительный настрой иорданцев, похоже, никуда не делся. Даже исламисты, которые раньше защищали Заркави, теперь, видимо, готовы были приветствовать его уход, говорил один разведчик, долго работавший под прикрытием.

“Люди, которые прежде не сотрудничали с Мухабаратом, теперь заявили о себе, – рассказывал он. – У каждого было чем поделиться. Заркави зашел слишком далеко”.

Общество было настолько возмущено терактами, что Заркави почувствовал необходимость принести извинения. В последующие недели он заметно отступил от образа самодовольного, крайне самоуверенного человека, столь знакомого миллионам людей по всему земному шару.

Уязвленный протестами в своем родном городе, Заркави сначала попытался обвинить СМИ в искажении фактов, как сделал после провала акции с химическим оружием. Взяв на себя ответственность за взрывы, Заркави несколько часов спустя распространил еще одну аудиозапись, объявив погибших на свадьбе гостей случайно пострадавшими от охоты на иностранных шпионов, которые затаились где-то в отеле. Гибель мусульман стала следствием “несчастливого случая”, сказал Заркави; вероятно, причиной ее

послужили обломки стены, развалившейся от взрыва где-то в здании отеля, или даже взрыв другой бомбы, установленной самими американцами.

“Наши братья точно знали, какую цель должны поразить, – настаивал он. – Всевышнему известно: мы выбрали эти отели только после двух месяцев внимательного наблюдения, а оно показало: эти гостиницы стали штаб-квартирами израильской и американской разведок”.

Но на это не купилась даже “Аль-Каида”*. В июле главный представитель Усамы бен Ладена уже мягко попенял Заркави за ненужное насилие. Теперь от одного из ближайших советников бен Ладена прилетел гораздо более резкий выговор. Атийя Абд ар-Рахман, ливиец, два десятилетия бывший близким соратником основателя, приказывал Заркави прекратить порочить образ “Аль-Каиды”* в глазах мусульман. Он выругал иорданца за то, что тот, затеяв “акцию в отелях Аммана”, действовал без разрешения. Отныне, указывал он, Заркави следует испрашивать одобрения на любую крупную операцию. “Давайте быть не только людьми убийства, резни, крови, проклятий, оскорблений и жестокости, – писал Атийя. – Давайте видеть перспективу. Пусть наше милосердие будет выше нашего гнева”.

Участник алжирской гражданской войны-мясорубки между радикальными исламистами и государством, Атийя предостерегал Заркави от ошибок, приведших к поражению другие джихадистские движения и вызвавших враждебность местного населения. “Они уничтожили себя собственными руками. Беспричинными действиями. Ложью. Тем, что игнорировали людей. Не пытались объединиться с ними; незаконно притесняли их, были жестокими и недобрыми, не стремились к пониманию и дружелюбию, – писал он. – Не враги разгромили их; скорее, они сами разгромили себя, истощились и пали”.

На этот раз Заркави не пытался оправдываться. В январе, через два месяца после взрывов в Аммане, он объявил, что несколько

понижает себя в звании. У “Аль-Каиды в Ираке”^{*} появится иракское руководство и более широкое иракское представительство – она станет частью новой организации, назвавшейся Советом участников священной войны. Заркави будет играть менее заметную роль стратегического советника. Этот жест был призван “устранить разногласия”, согласно заявлению, которое новая группа распространила в январе 2006 года.

Заркави как будто переживал редкие минуты неуверенности в себе. В рабочей заметке, написанной после терактов в Аммане, он определяет проблемы, с которыми столкнулась группа, как “сложившуюся в настоящее время трудную ситуацию” и признает, что положение дел, вероятно, еще больше ухудшится.

“В Ираке время сейчас работает на американские войска и против сил сопротивления”, – писал Заркави; документ обнаружили позже на одной из явочных квартир. Заркави описывал растущую государственную армию Ирака как “огромный щит, прикрывающий американские войска”. Он жаловался, что массовые аресты его сподвижников проделали в рядах мятежников огромную брешь, сетовал и на сокращение денежных ресурсов, идущих из-за границы. Заркави открыто размышлял о нетиповых способах лишить американцев равновесия и восстановить наступательный темп “Аль-Каиды в Ираке”^{*}. Что, если США окажутся втянутыми в войну с Ираном? Он отлично знал о фатальной неудаче американской разведки, стоявшей за решением США начать операцию в Ираке. Заркави размышлял, каковы его шансы подсунуть американцам фальшивые доказательства, которые могли бы восстановить США против Тегерана. Возможно, он сумеет начать террористическую атаку против Запада и подкинуть свидетельства, бросающие тень на шиитских агентов, за которыми стоит Иран. Или, может быть, он сумеет распространить “ложные признания, доказывающие, что Иран владеет оружием массового поражения”.

Возможно, Заркави понимал, что повернуть такую схему невозможно, что нет доказательств. Практических шагов, которые

Заркави мог бы предпринять, чтобы повысить свои шансы против американцев, было больше, и в своей записке Заркави перечислил и их. Например, попытаться спровоцировать конфликт между шиитами и суннитами, между суннитами и курдами, между шиитами и кем угодно.

Последним пунктом шло предостережение, звучавшее почти как самокритика.

“Избегать ошибок, которые могут запятнать образ сопротивления”, – писал Заркави.

А потом он вдруг вернулся.

За несколько недель относительного затишья Заркави подготовил атаку, призванную перекрыть, по крайней мере временно, его промах в Аммане. План демонстрировал амбиции, стратегическую искушенность и флер театральности, редкой для мясорубки иракской партизанской войны. Это свершение основательнее, чем все, что Заркави сделал до сих пор, уничтожило всякую надежду американской администрации на пристойное окончание войны.

Двадцать второго февраля 2006 года пятеро вооруженных мужчин в военной форме вошли на рассвете во внутренний двор тысячелетней мечети Аль-Аскари, глубоко чтимой святыни древнего иракского города Самарры. Утро было прохладным, свет месяца, пробиваясь сквозь облака, падал на легендарный золотой купол одного из самых почитаемых шиитских храмов. Бесшумно двигаясь, боевики справились с охраной мечети и принялись монтировать взрывчатку вдоль линии крыши.

В 6.44 утра жители Самарры проснулись от взрыва, сотрясшего весь город. Горожане высыпали на улицу – и увидели на месте храма груды обломков. Вся внешняя стена обрушилась, и мечеть осела внутрь, оставив после себя бетонные пеньки и острые зубья перекрученной арматуры.

Сами бомбы никого не ранили – на этот раз никто не мог обвинить Заркави в том, что он погубил безвинных мусульман. Но разрушение

святыни вызвало волну убийств и ответных убийств, пока противоборствующие банды шиитов и суннитов ножом и пулей прокладывали себе путь через город, истребляя иногда целые жилые кварталы. Через несколько дней в городском морге подсчитали, что число убитых превысило тысячу триста человек. Вся страна встала на дыбы. В посольстве США сотрудники Роберта Форда организовали несколько срочных встреч с иракскими политиками и религиозными лидерами, умоляя о спокойствии. Секретная докладная, направленная в Белый дом тем вечером, имела зловещий заголовок “Нервы сектантов на пределе”.

“Наши контакты публично и частным образом с искренней уверенностью говорят о возможности гражданской войны”, – говорилось в докладной.

Администрация Буша быстро заключила, что винить в происходящем следует Заркави, и с растущей тревогой следила, как число убитых в межрелигиозной расправе превышает все, чего иорданец мог бы достичь взрывчаткой и шрапнелью. Высшие официальные лица Белого дома теперь смотрели на взрыв в Самарре как на одну из критических точек войны. Иные благодарили Заркави за то, что тот “высек искру”, от которой межконфессиональное напряжение в стране запылало по полной.

Буш воспринял известие о резне в Самарре особенно тяжело.

“Вряд ли что-то беспокоило его больше, чем межрелигиозная вражда, которая разыгралась после взрыва в самаррской мечети, – цитировал Питер Бейкер слова Джона Негропonte, бывшего посла США в Ираке, о президенте. – Наверное, ему казалось, что все идет псу под хвост. Он был встревожен по-настоящему”.

По словам Негропonte, отныне, когда помощники Буша докладывали президенту о событиях в Ираке, “он словно умолял их не сообщать больше плохих новостей”.

Заркави между тем торжествовал. Последствия взрыва в Самарре были грандиозны, и он отпраздновал свой успех тем, чего до сих пор старательно избегал: устроил фотосессию.

В недели, последовавшие за разгромом в Аммане, иорданец принял несколько решений, в том числе решение улучшить свой медийный имидж. Заркави открыл возможности интернета как оружия и инструмента вербовки, он лично сыграл главную роль на съемках казни Николаса Берга, хотя его лицо и было скрыто маской. Теперь он вознамерился сыграть ведущую роль в публичном изменении имиджа “Аль-Каиды в Ираке”*. Не нужно больше “шейха головорезов” в черной маске; он не согласен читать длинные проповеди, сидя за столом на манер бен Ладена или его заместителя Аймана аз-Завахири. Вместо этого Заркави рассчитывал стать чем-то вроде экшнфигурки джихадиста.

Через несколько дней после взрыва в Самарре было снято, отредактировано и смонтировано очередное видео; финальный лоск записи придали профессионалы. Единственным содержанием фильма был сам Заркави: Заркави на встрече со своим военным советом; Заркави изучает карту; Заркави с другими боевиками идет через пустыню; Заркави палит из ручного пулемета.

Каждая сцена работала на образ полного сил воина вне закона. В видеозаписях “Аль-Каиды”* бен Ладен иногда сидел рядом с оружием или неуклюже делал несколько выстрелов из “калашникова” – костлявая фигура в тюрбане, с седой бородой, окруженная молодыми мужчинами. По контрасту Заркави двигался уверенно и с живостью человека, который наслаждается боем. Он был весь в черном – от бороды и бандитской балаклавы до черных штанов и рубахи, напоминающих костюм ниндзя. Единственный цветовой контраст давали зеленая пулеметная лента на груди и режущие-белые американские кроссовки *New Balance*.

Из его повествования иголками торчало самодовольство прежнего Заркави, но насмешек и оскорблений было меньше, если не принимать во внимание риторических выпадов в адрес “крестоносцев” и их союзников. Зато к иракцам он обращался как к “моей драгоценной нации”; в его речи звучали поэтические интонации.

“Ваш враг, по воле Аллаха, лишился покровов, ослабел, остался без защиты и развалился на части, – говорил Заркави. – Не дайте ему и мига перевести дыхание, продолжайте наносить удары один за другим. О знаменосцы, будьте верны”.

В громких словах было мало нужды; огонь межрелигиозной розни, который Заркави пытался разжечь, уже пожирал страну. В течение нескольких дней после взрывов в амманских отелях американские солдаты в Багдаде наткнулись на тайную подземную тюрьму, где полицейские-шииты систематически избивали и пытали заключенных-суннитов. В перестроенном бомбоубежище солдаты обнаружили две сотни истощенных суннитов, многие из которых рассказывали потом о ежедневных побоях и пытках электричеством.

Бункер находился менее чем в квартале от резиденции министра внутренних дел Ирака, шиита Фалаха ан-Никиба, который признал, что “были допущены некоторые ошибки”. Обнаружение тайной тюрьмы доказало, что на беспорядочные нападения фанатиков, инициированные Заркави, шииты отвечали организованными кампаниями и в некоторых случаях за ними стояли правительственные структуры Ирака. Даже джихадисты, сомневавшиеся насчет целесообразности военных действий Заркави против шиитов, начали верить в успешность его стратегии.

Глава 16

“Твой конец близок”

Впервые месяцы 2006 года города вдоль западной границы Ирака уже считались вотчиной Заркави. Но фактически они были владениями другого человека – некоего иракского таможенника, имевшего свой интерес в контроле за торговыми потоками из Иордании и Сирии в пустыню на западе Ирака.

Зейд аль-Карбули формально работал на государство, но уже долго состоял на жалованье у “Аль-Каиды в Ираке”^{*} – клиента, который платил несравненно лучше и к тому же предлагал особые привилегии. Со временем Карбули был вознагражден более высоким положением в иерархии террористической группы, приличествующим человеку, который регулярно поставлял информацию о подходящих для грабежа грузах. Иногда он устраивал рейды самостоятельно.

Статус Карбули в уголовной сети Заркави и его всем известная жадность неминуемо привлекли к нему внимание иорданских разведчиков, работавших в приграничных городах. Мухабарат, после взрывов в Аммане все пристальнее следивший за Заркави, поставил ловушку и на человека, известного в пограничных городах как личный таможенный контролер иорданского террориста.

Со времени взрывов в гостиницах прошло уже пять месяцев, стояла весна, и тревога, охватившая иорданцев после второй волны инициированных Заркави терактов, пошла на спад. По всей стране были приняты чрезвычайные меры безопасности, от усиленного пограничного контроля до возведения бетонных заграждений и металлодетекторов, которые в одночасье появились перед каждым крупным отелем и правительственным зданием. Страна все еще была наводнена иракскими беженцами, а также людьми, приехавшими за медицинской помощью или чтобы купить западные товары, найти

которые в Ираке стало трудно. Одним из регулярно приезжавших был Карбули – все знали, с каким удовольствием он тратит свои незаконно добытые барыши в иорданских торговых центрах и бутиках. Агенты Мухабарата просто дождались, когда он пересечет границу, и в нужный момент взяли его. Вскоре Карбули уже сидел в одном из печально известных изоляторов временного содержания, чувствуя на себе нетерпеливые взгляды двух главных дознавателей – капитана Абу Хайсама и его босса Али Бурзака, Красного Дьявола.

Карбули заговорил. Под включенную видеокамеру он признался в ряде преступлений, в том числе в убийстве иорданского дальнобойщика во время налета и в похищении двух марокканцев, которых он передал людям Заркави для выкупа. Но иорданцы больше интересовались тем, что Карбули мог рассказать им о самой преступной сети, и по этой части подробности всплыли на удивление легко. Карбули словно ухватился за возможность облегчить душу.

“Карбули будто бы чувствовал облегчение, – говорил бывший старший офицер разведки, внимательно следивший за этим делом. – Он не пришел с повинной сам. Но мы его взяли, и было ясно, что он хочет покинуть тот мир”.

Уверенный, что иорданцы защитят его, “Карбули начал извергать просто потоки информации”, рассказывал служащий. Вскоре дознаватели агентства уже заполняли блокноты редкими инсайдерскими сведениями о командной структуре и о тактике АКИ*. Одной из обязанностей Карбули, по словам бывшего старшего служащего разведки, было следить за прибытием материалов для бомб Заркави – работа, которая позволила ему завести знакомства в террористических ячейках по всей стране. “Сам он бомбы не изготавливал, но знал, как доставить материал в нужные места так, чтобы все сошлось, – говорил офицер. – Он был кем-то вроде администратора”.

Абу Хайсам уже имел дело с десятками мелких сошек с периферии преступной сети Заркави, и тип Карбули был ему знаком. Суннит

из приграничного иракского городка Аль-Каим, сорока с небольшим лет, Карбули был гораздо старше, чем типичный радикал-иностранец, явившийся в Ирак вести джихад. Сочувствующий Заркави и настроенный против американской оккупации, он в то же время оставался бюрократом-карьеристом, который преследовал свою выгоду и знал, как приспособиться к меняющимся обстоятельствам. И все же искра совести еще теплилась под его толстой шкурой. Карбули с юности был развращен обыденностью насилия, но обнаружил, что даже его поражают жестокие выходки Заркави. Взрывы в отелях были страшнее всего, но имели место и другие акции, и некоторые из них Карбули видел своими глазами.

Абу Хайсам недоумевал. Убийство безвинных – специальность Заркави. Как Карбули мог сторониться этого? Но Карбули стоял на своем. Убивать ни в чем не повинных людей неправильно. Это не по-исламски.

Продолжая прощупывать почву, Мухабарат вытянул на свет историю о дальнобойщике-иорданце, убитом Карбули. Водителя остановили сразу после пересечения иракской границы; машина была набита товарами, предназначенными, согласно накладной, для одной из американских баз, расположенных дальше на юге. Водителей, которых ловили с такими грузами, часто казнили, чтобы запугать других. Приказ убить этого водителя пришел от людей Заркави.

Карбули до сих пор помнил имя этого человека – Халид – и страх в его голосе, когда ему надели наручники и завязали глаза.

“Он сказал: что ты со мной сделаешь? Я сказал: убью, – рассказывал в своей исповеди Карбули. – Он начал просить, мол, пожалуйста, не убивай меня, и я сказал: я должен тебя убить”.

“Он все продолжал просить меня, я вытащил пистолет и сказал ему: молись. Он стал молиться и все продолжал просить”.

Карбули дважды выстрелил водителю в голову и оставил тело, вместе с паспортом и бумагами убитого, лежать на обочине. После некоторого размышления он забрал себе сотовый телефон жертвы.

Вскоре телефон дальнобойщика зазвонил, и Карбули автоматически ответил. Звонил брат убитого. Карбули сочинил неуклюжую историю и сказал, что с Халидом все нормально, после чего отключился.

Телефон все еще был у него в руке, и Карбули начал просматривать личные файлы водителя, фотографии. Остановился на изображениях четырех девочек – очевидно, дочек Халида.

“И тут со мной что-то произошло”, – признался Карбули.

После этого случая каждая смерть, которой он становился свидетелем, ощущалась как вновь открывшаяся рана. На втором году герильи, когда Заркави объявил войну шиитам, Карбули поначалу разделял его взгляды, его возмущали рассказы об этнических чистках в шиитских районах Багдада и Басры. Но теперь было уже слишком. Однажды он стал свидетелем ужасного зрелища: банда отморожков Заркави обезглавила пленника-шиита, причем единственной явной причиной для убийства послужил тот факт, что он был шиитом.

Гора трупов росла, и Карбули начинал ясно видеть, кто такой Заркави и во что превращается Ирак.

“Пока не пришел Заркави, мы не знали разницы между суннитами и шиитами, – говорил он. – А теперь убийства совершаются каждый день”.

По собственной оценке, Карбули играл периферийную роль в этой террористической группе: сержант, может быть, никак не генерал. Но для иорданцев арест террориста среднего звена – да еще такого разговорчивого – был прорывом. Вскоре Карбули наговорил уже целые тома подробных отчетов об операциях Заркави в приграничных городах, через которые пролегали пути снабжения группы. Он знал десятки боевиков вроде себя и знал имена командиров более высокого ранга, включая тех, кто стоял в иерархии достаточно высоко, чтобы принимать приказы от людей из тщательно оберегаемого ближнего круга Заркави.

Карбули не знал, где находится конспиративная квартира Заркави. Но с его помощью иорданцы подобрались к ней ближе, чем когда-либо.

Всю весну 2006 года разведывательные ВВС США особенно внимательно присматривали за иракским городком под названием Юсуфия, скоплением хижин и мелких крестьянских хозяйств, выстроенных вдоль ирригационного канала Евфрата к югу от Багдада. Прилегающий район долго рассматривали как плацдарм для атак мятежников на столицу. Но в начале апреля один осведомитель указал на этот город как на место эпизодических встреч высшего командования АКИ*. И действительно, утром 8 апреля дрон, приписанный к спецбригаде 6-26 под командованием генерал-майора Стэнли Маккриснала, засек необычную колонну автомобилей, въезжающую в город. Меньше чем через два часа элитный штурмовой отряд “Дельта” был уже в пути.

Днем, без пяти два, вертолеты появились над самой Юсуфией, и через несколько минут командос вышибли дверь дома, служившего, как они думали, явочной квартирой террористов. Из здания на них обрушился шквал орудийного огня. Один из оборонявшихся, в большом поясе шахида, бросился на американцев, за ним – второй, но обоих застрелили, прежде чем они успели взорвать себя. Третий шахид взорвался раньше времени, осметки тела разлетелись по всему помещению, но никто больше не был ранен или убит. После прекращения стрельбы солдаты нашли шесть убитых и пятерых выживших, один из которых оказался ранен. Они также обнаружили тайники со штурмовыми винтовками, боеприпасами и гранатами, а в одной комнате нашлось несколько домодельных видеозаписей.

Зачистка еще шла полным ходом, когда камеры слежения засекли, как другие машины направляются к еще одному сельскому дому, в нескольких милях вверх по дороге. Снова завертелись винты вертолета, снова бойцы “Дельты” выбили запертую дверь, держа

взрывчатку наготове. На этот раз оказавшиеся в доме сдались без боя. Двенадцать иракцев в наручниках затолкали в вертолеты, чтобы отправить их назад, в Багдад.

В оперативном центре Маккристала аналитики с недоумением просматривали добычу. Попытки специалистов по борьбе с терроризмом из опергруппы 6-26 найти какие-либо биографические сведения об арестованных в сельском доме двенадцати мужчинах почти ни к чему не привели. Однако все указывало на то, что в Юсуфии проходила важная встреча. Семеро мужчин были немолоды, остальные обращались к ним с явным почтением. Удивительно, но из двенадцати взрослых иракцев мобильный телефон при себе оказался всего у одного арестованного – видимо, остальные сообразили избавиться от своих, как только заметили приближающихся командос.

Арестованных из Юсуфии быстро переправили на воздушную базу Маккристала в Баладе, где генерал поручил своим лучшим дознавателям и аналитикам разобраться с историями пленников. Американцы уже поняли, что некоторые арестованные – офицеры Заркави, разного статуса, и они привлекали особое внимание. Интереснее всего казался плотно сбитый бывший борец лет тридцати, которому Маккрystal дал условное имя Мубассир. Этот человек на удивление хорошо говорил по-английски, и ему, казалось, доставляло удовольствие подкалывать и поучать американцев на их собственном языке. Во время первого допроса он имитировал аристократическое британское произношение и изображал нетерпение из-за того, что ему часами задают вопросы.

“Как по-вашему, сколько времени это продлится? Мне надо домой, к семье”, – говорил, согласно письменным отчетам Маккристала, Мубассир. Этот человек заявил, что он консультант по видеоаппаратуре, что другие арестованные наняли его на один день, а о терактах ему ничего не известно. Как и с остальными пленниками в тот день, первый допрос Мубассира ничего полезного не дал.

Специально собранная команда работала с вещественными доказательствами, полученными во время рейда на Юсуфию. Здесь удалось сделать примечательное открытие: на одной из видеозаписей, захваченных в первом доме, дознаватели обнаружили довольно длинный неотредактированный видеоряд, где мужчина в черном, похожем на облачение ниндзя костюме и в белых кроссовках палил от бедра из автомата. Значимость находки вскоре стала ясна: обитатели дома в Юсуфии, кто бы они ни были, стояли достаточно высоко в иерархии, чтобы иметь в своем распоряжении сырые кадры пропагандистских роликов Заркави.

Сотрудники Маккриснала подобралась к Заркави ближе, и все-таки они до сих пор понятия не имели, где расположена его база. Они часами просматривали кадры видеозаписи в поисках ключа. Некоторые сцены были непреднамеренно комичными – вот Заркави пытается справиться с автоматом. Опустошив рожок, он передает оружие помощнику; тот хватается автомат за ствол и, взыв от боли, тут же роняет оружие. Он, кажется, не в курсе, что металл может настолько раскалиться. Эти “неудачные дубли” американцы потом опубликовали в попытке компрометировать пропагандистский имидж Заркави как лихого уличного бойца. Чтобы уязвить иорданского террориста еще больше, Маккриснал настойчиво рекомендовал Белому дому снизить цену за его поимку с двадцати пяти до пяти миллионов долларов. Такая символическая уценка должна нанести несказанный урон растущему эго Заркави, рассуждал он.

И все же американцы охотились за тенью. После рейда они неделями продолжали поиски в окрестностях Юсуфии и добавили несколько новых районов на севере и западе Ирака в список первоочередных задач – похожий ландшафт они видели на пропагандистской видеозаписи. Допросы Мубассира и других пленников из Юсуфии тянулись день за днем, не давая результатов. Охота на Заркави длилась уже почти три года, и американцы,

кажется, в очередной раз уперлись в сухую скважину.

Но у преследователей Заркави появились новые важные союзники. Иорданцы оказались бесценными партнерами. Иорданские оперативники теперь работали с американскими группами особого назначения, и у них отлично получалось замечать ключевые моменты, которые американцы часто упускали из виду, – вроде трудноуловимого акцента, по которому можно было отличить местного иракца от приезжего из другого города.

Тем временем допросы Карбули и других захваченных боевиков Заркави дали Мухабарату важную информацию. Карбули за годы службы на таможне узнал главные пути, или “крысиные тропы”, которые Заркави использовал для тайного провоза необходимого и завербованных добровольцев. Две главные артерии пересекали сирийскую границу возле АльКаима и тянулись к суннитским оплотам на юге, в провинции Анбар, и на север, к Мосулу; третья шла в Бакубу, этнически смешанный город к северо-востоку от Багдада. Карбули также знал достаточно о последнем путешествии Заркави, чтобы набросать список городов, где он мог останавливаться. Иорданская разведслужба снабжала американцев добытыми сведениями, а также самой разной информацией – от мест, где, возможно, видели Заркави, до расположения тайников с оружием.

Впечатленный, Маккрystal решил встретиться лично с кем-нибудь из команды Мухабарата. Сначала старшие помощники генерала по делам разведки пообщались со своими иорданскими коллегами в их штаб-квартире в Аммане. Потом Али Бурзак с небольшой свитой прибыл посреди ночи в штаб-квартиру команды Маккрystalа в Багдаде; посетители стали первыми небританскими иностранцами, допущенными в особо секретный оперативный центр.

“Мы просто пытались узнать все, что возможно, у парней, которые когда-то общались с Заркави”, – объяснял один из американцев, присутствовавших на этих встречах.

В какой-то момент американцы разложили карту Ирака и спросили Бурзака, где, по его мнению, скрывается Заркави. Офицер Мухабарата немного подумал и встал со стула.

“Он подошел к карте и ткнул пальцем точно в центр провинции Бакуба”, – вспоминал американец.

“На месте Заркави я прятался бы здесь”, – сказал Бурзак.

Американцы были заинтригованы. Больше всего баз иорданского террориста находилось в суннитских цитаделях провинции Анбар и Северного Ирака, между сирийской границей и Мосулом; на эти же места указывали информаторы, видевшие там Заркави. Бакуба, город с полумиллионным населением, был взрывоопасной смесью суннитов, шиитов и курдов и располагался меньше чем в шестидесяти милях от иранской границы.

Команда Маккриснала приветствовала информационную помощь, но теорию о Бакубе некоторые американцы восприняли как ни на чем не основанную. Сведения о том, что Заркави видели возле Бакубы, уже были, и ни один слух не подтвердился.

“Мы не списали эту информацию со счетов, – говорил американский офицер. – Мы просто добавили ее в наши расчеты”.

В мае иорданцы передали американским коллегам еще один лакомый кусочек, который выглядел невероятно перспективным. На базе в Баладе допросы пленного иракца по имени Мубассир застопорились окончательно, отчего американцы пришли в отчаяние, а Мубассир уверовал в скорое освобождение. Но теперь из Мухабарата поступили сведения о последних поездках этого человека в Иорданию, в том числе о подозрительных вояжах, примерно совпавших по времени с ноябрьскими взрывами в амманских отелях. Имелись намеки и на возможную связь между Мубассиром и семьей Саиды ар-Ришави, шахидки, чей жилет не взорвался.

Ничто из этого не связывало Мубассира с терактами напрямую, но американцы неожиданно получили мощный рычаг, чтобы заставить иракца заговорить. Двое самых талантливых дознавателей

Маккристала отправились в камеру Мубассира, чтобы выложить ему новые доказательства и предъявить ультиматум: помоги нам, или нам придется передать тебя для суда иорданцам.

“Мы не хотим отдавать тебя, но если выяснится, что ты замешан, дело может обернуться плохо”, – пояснили дознаватели, согласно записям Маккристала.

Мубассир запротестовал. “Я не могу ничего дать вам, потому что у меня ничего нет”, – сказал он. Но потом, когда посетители уже уходили, он остановил их и объявил: “Хочу вам кое-что рассказать”.

Признание Мубассира заняло восемь печатных страниц. Благодаря ему американцы установили факты, до сих пор от них ускользавшие: у Заркави был духовный наставник, иракский имам, некий шейх Абд ар-Рахман, который жил в Багдаде со своей молодой семьей. Встречались они регулярно, раз в неделю или в десять дней.

Для охотников на Заркави это был величайший прорыв за без малого три года поисков. Если информация была верной – и если предположить, что группа Маккристала сумеет отыскать нужного имама, – то американцам практически вручили карту, которая приведет их к укрытию Заркави. История Мубассира была так хороша, что некоторые командиры в Баладе заподозрили, что иракец блефует или даже ведет их в ловушку. Сомнения еще больше окрепли, когда американцы проверили адрес шейха ар-Рахмана в Багдаде и выяснили, что дом находится в районе, населенном преимущественно шиитами, – последнее место, где можно искать доверенное лицо Заркави.

Американские и иорданские специалисты бросились собирать любую доступную информацию о предполагаемом духовнике Заркави. Дроны висели над виллой (строительство которой обошлось недешево), где жил человек, известный как ар-Рахман, и следовали за серебристым седаном, в котором его вез через весь город личный шофер. Агенты под прикрытием, в традиционной арабской одежде, дежурили возле его мечети, чтобы тайком сделать несколько

снимков молодого священнослужителя – короткие волосы, подстриженная борода. Наконец фотографии показали новообращенному звездному информатору Мухабарата, и он с первого взгляда вынес решение. На снимках, по словам Карбули, был широко известный в выстроенной Заркави террористической сети молодой духовный наставник, но этого человека знали только под фальшивым именем, оперативным псевдонимом. Имам на фотографии – тот самый наставник, уверенно сказал бывший таможенник.

Началось ожидание. Две недели аэрофотокамеры наблюдали за домом и следовали за пассажиром серебристого седана в его мирских поездках – рынки, школы, выходы в свет. Каждое утро шофер ждал перед домом, и каждый вечер имам и его семья возвращались домой. На воздушной базе в Баладе аналитики смотрели на мониторы, спрашивая себя, все ли идет как надо. Вдруг Рахмана предупредили? Может быть, просто арестовать имама и попробовать разговорить его?

И вот около полудня удушающе жаркой среды – 7 июля 2006 года – на мониторах команды Маккриснала седан вдруг сошел со своей обычной орбиты. Поблуждав по жилым кварталам, машина вырулила к главной скоростной магистрали Багдада, ведущей на северо-восток. У въезда на магистраль машина внезапно остановилась. Рахман вылез из машины и поднес к уху мобильный телефон. Через несколько минут к седану сзади подкатил синий фургон, и Рахман забрался внутрь. Классическая смена машин, шпионы десятилетиями пользовались этой схемой, чтобы сбить преследователей со следа.

Грузовичок проскочил предместья Багдада и покати́л на север, в сельскую местность. Маккриснал был у себя в кабинете в другом крыле оперативного центра, когда к нему постучался один из помощников. Рахман в машине, он направляется из столицы, доложили генералу. Но куда он едет? Маккриснал предположил, что на юг, в сторону Юсуфии. Однако, к его удивлению, машина

углубилась на север еще на тридцать миль, потом повернула на восток. Теперь трудно было ошибиться в направлении: Рахман направлялся к Бакубе, как и предсказывал шеф антитеррористического отдела Мухабарата.

Сидевшие в машинах сделали еще одну попытку избавиться от возможных преследователей. Как только грузовик пересек городскую черту Бакубы, он въехал на парковку, где ждала еще одна машина – белый пикап с красной полосой. Рахман вышел, чтобы поговорить с водителем пикапа; потом, второй раз за час, сменил машину. Вскоре белый пикап с Рахманом на борту взял курс на север.

Примерно в трех милях от города, возле крошечной деревушки под названием Хибиб, пикап свернул на узкую грунтовку с густыми пальмовыми рощами по обочине, а потом съехал на подъездную дорожку, ведущую к бежевому двухэтажному дому с навесом для автомобилей. Жилище было практически полностью скрыто пальмами и густыми кустами, на земле его защищали стена и железные ворота. Американцы видели, как водитель переговаривал с кем-то, кто вышел из дома и открыл ворота, и пикап въехал внутрь. Рахман слез с пассажирского сиденья, после чего водитель отогнал машину на дорожку и уехал.

Было без пяти пять вечера по багдадскому времени. Взгляды всех находившихся в оперативном центре были прикованы к зернистому изображению домика под пальмами. Аналитики ЦРУ и военные операторы, собравшиеся в помещении, ждали этого момента почти три года. Неужели он и правда настал?

Маккрystal задумчиво изучал изображения, пока один из его заместителей прокручивал кадры, на которых белый пикап въезжал на дорожку. “Я не могу поклясться, что это Заркави, – сказал один из заместителей Маккрystalа, как вспоминал впоследствии генерал. – Но человек, которого мы там убьем, в любом случае окажется рангом гораздо выше всех наших предыдущих мишеней”.

Военные неотрывно смотрели на экран. Из дома появилась крепко сбитая фигура.

“Мы увидели, как парень, одетый в черное с головы до ног, выходит навстречу [Рахману] и уводит его в дом, – вспоминал Маккрystal. – И увидели, как тот же парень в черном снова выходит. Он прошел всю подъездную дорожку до шоссе и вернулся”.

Маккрystal видел уже десятки изображений человека, которого преследовал с 2003 года. Сходство того человека с человеком в черном было бесспорным.

“Ого, да это же Заркави”, – сказал он заместителю – и в ответ услышал: “Верно. Мы так и думаем”.

Бойцы “Дельты” ждали в Багдаде, в сорока милях от домика, и вот пришел приказ вылетать. У одного из вертолетов возникли проблемы с двигателем, и все оцепенели. Потянулись мучительные минуты. Что, если Заркави сумеет пробраться через пальмовую рощу и сбежать? Представится ли американцам еще подобная возможность?

В это время два американских F-16 совершали рутинный патрульный полет над Центральным Ираком, в соответствии с политикой круглосуточного наблюдения, на случай если войскам США понадобится немедленная поддержка с воздуха. Один из самолетов отправился на заправку и временно прервал дежурство, но второй перенаправили в сторону Бакубы. Авиадиспетчер передал координаты, и вскоре истребитель уже с ревом неся к крошечному Хибибу, до которого оставалось меньше пяти минут.

Маккрystal надеялся, что в конце дня Заркави окажется у него в руках. Генерал вспоминал потом, что, пока тянулись минуты, он думал: “Арестовать бы этого парня!” Увы, никто не мог сказать с уверенностью, что человек на видео – это Заркави. Маккрystal оценивал вероятность того, что в домике окажется иорданский террорист, примерно на 80–90 процентов.

Заместитель прервал его размышления. “Вряд ли мы можем ждать, – сказал он. – Распорядимся о бомбардировке?”

Генерал дал добро.

Около шести часов вечера на рацию F-16 поступила команда сбросить бомбу.

Бомбардировщик пронесся над домом, но, к изумлению тех, кто смотрел на экраны в Баладе, здание не взорвалось. Пилот сделал второй заход, на этот раз сбросив GBU-12 *Paveway*, пятисотфунтовую управляемую бомбу. В центре монитора F-16 сверкнула вспышка, за которой последовали три хвоста дыма и пыли, один стрельнул в небо, другие – в пальмы. Примерно через сотню секунд вторая бомба ударила в то же место.

Когда дым наконец рассеялся, двухэтажного дома с навесом для машин уже не было.

Еще через двадцать минут прибыл вертолет с “Дельтой”. Коммандос пробежали подъездную дорожку пешком – как раз чтобы увидеть, как иракская полиция грузит носилки в скорую, а рядом громоздится груда обломков бывшего убежища Заркави.

При виде тяжеловооруженного американского спецназа иракцы отступили, и вскоре бойцы уже всматривались в окровавленное лицо человека на носилках. Жидкая борода, черная запыленная одежда, на левой щеке кровоточит глубокая рана. Если бы бойцы присмотрелись получше, то заметили бы странный шрам на правой руке раненого – следствие давней попытки свести татуировку.

Тяжелораненый, но живой, Заркави открыл глаза, чтобы увидеть лица американцев, стоящих вокруг и глядящих на него сверху вниз. Ошеломленный, он что-то неразборчиво пробормотал и сделал попытку скатиться с носилок и отползти. Его удержали руки американцев, причем на некоторых руках были татуировки.

Через несколько лет кое-кто из бойцов, присутствовавших тогда в Хибибе, заявит, что коммандос нанесли удар, оборвавший жизнь Заркави, когда тот лежал на носилках. Вскрытие не обнаружило

доказательств, заключив, что Заркави в любом случае оставалось жить считанные минуты: его легкие и другие внутренние органы были разорваны взрывной волной от сброшенной бомбы. Врач на месте отмечал, что сонная артерия уже отказала из-за внутреннего кровотечения; кровь сочилась из носа и ушей Заркави, пока тот, хрипя, делал последние вдохи.

Одно кажется несомненным: Заркави оставался в сознании достаточно долго, чтобы взглянуть американцам в глаза.

Достоверно и то, что он умер в 19.04 по иракскому времени, когда под лучами заходящего солнца бросала длинные тени пальмовая роща, служившая приютом ему и его истерзанной мечте о возрождении исламского государства.

Первая и единственная встреча генерал-майора Стэнли Маккрystalа с Заркави состоялась тем же вечером в импровизированном морге центра осмотра задержанных на авиабазе в Баладе. Тело Заркави положили на стол, чтобы специалисты могли провести тесты ДНК и подтвердить личность иорданца.

Вечером Маккрystal приказал провести серию рейдов по всей стране в попытке предотвратить возможные карательные меры со стороны последователей Заркави из АКИ*. Он еще находился в оперативном центре, когда один из его людей доложил, что привезли тело Заркави.

Маккрystal подошел к отделению для задержанных, где обнаружил тело лежащим на плащ-палатке. Один из бойцов “Дельты”, десантник, хорошо знакомый Маккрystalу, нес караул. Струйка крови высыхала под раной на левой щеке Заркави, но в остальном тело не выглядело серьезно пострадавшим. Несколько секунд Маккрystal изучал лицо террориста.

– Выглядит в точности как Заркави, – сказал он, – как с плаката сошел. – Генерал повернулся к десантнику: – Что думаете?

– Это он, – сказал тот.

О смерти Заркави не объявляли официально до следующего дня, но за новость уже пили в Вашингтоне, от Белого дома до Пентагона и зеленого кампуса ЦРУ вдоль Потوماка.

Буш поначалу реагировал сдержанно. Всего за несколько минут до того, как новость прибыла из Багдада, президент встречался в Белом доме с конгрессменами – представителями обеих политических партий. Представитель республиканцев от Иллинойса Рэй Лахуд, убежденный сторонник войны в Ираке, выступил с непрошеным советом. “Избавиться от Заркави просто необходимо”, – заявил он.

Буш тихо хмыкнул, и Стини Хойер, демократ из Мэриленда, наклонился к нему, чтобы отпустить шутку в адрес Лахуда. “Как мы сами не догадались?” – прошептал он.

Первый рапорт о возможной гибели Заркави поступил через несколько минут после этого, в 15.45 по летнему восточному времени, но подтверждения ждали еще целых пять часов. Сотрудники национальной безопасности пришли в восторг, но Буш лишь с трудом выдавил улыбку. “Я больше не знаю, как реагировать на хорошие новости”, – сказал он.

Аналитик ЦРУ Нада Бакос была в дороге, когда прозвучала новость. Всего несколько месяцев назад главный эксперт разведки по Заркави вернулась в Вашингтон навсегда, попросив новое задание, никак не связанное с иорданцем. Тридцатилетняя Бакос дольше всех продержалась в команде по отлову Заркави, она уже отчаялась и более чем созрела для перемен. Она встретила мужчину, который ей понравился – далекого от мира разведки, – и они поженились. Их скромная свадьба состоялась вечером, после работы; Бакос, закрутившись со служебной текучкой, опоздала на церемонию.

Она была со своими новыми коллегами из ЦРУ, когда 7 июля друг из Лэнгли сообщил ей по телефону, что Заркави наконец мертв.

Бакос запомнила чувство легкого оцепенения. Как надо реагировать на подобные новости?

“Я обрадовалась, – вспоминала она впоследствии. – Но и огорчилась, пожалуй, что я сейчас не рядом с теми, кто понимает всю важность произошедшего”.

Зарка, родной город террориста, противопоставила себя столице Иордании: вместо ликования там развернулся отвратительный протест. В недели, предшествовавшие гибели Заркави, некоторые местные уроженцы вновь заявили, что поддерживают славного сына города. Во дворе дома, где жила его семья, родственники и местные исламисты воздвигли палатку и объявили празднования в честь мученика, восхваляя Заркави перед тележурналистами, пока прибывшая на место полиция не разогнала эту публику.

Абу Хайсам, второй человек в отделе Мухабарата по борьбе с терроризмом (вскоре он станет главой отдела) выразил раздражение по поводу всплеска эмоций, но не дал испортить себе настроение.

“Я давно считал Заркави хвастуном, – говорил он, вспоминая свои первые встречи с террористом. – Он все твердил, что найдет способ уничтожить нас, глубоко ранить. По мне, это были взрывы в гостиницах – фотографии тех двух девочек. Теперь закон восторжествовал”.

Но в Ираке закона не было – пока не было. Зейдан альДжабири, владелец фермы и шейх племени из Рамади, выслушал новость о гибели Заркави равнодушно. Иорданец, может, и погиб, но темные силы, которые он спустил с привязи, обрели невиданную мощь, говорил Зейдан друзьям. Возглавляемая иностранцами террористическая сеть Заркави оформилась во что-то более коварное – и местное. Сотни иракских джихадистов были готовы подхватить знамя Заркави.

Кое-где в провинции Анбар племена начинали возвращать себе законные земли, выдавливая джихадистов угрозами, а иногда и оружием. Зейдану предстояло присоединиться к ним, помочь

основать движение, которое американцы называли “Пробуждение Анбара”. Это были полностью суннитские соединения, доказавшие свою способность вытеснить заркавистов с улиц назад в подполье, по крайней мере на время.

Но теперь, после смерти Заркави, надлежало разобраться с соседями и родственниками, выбравшими неправильную сторону. Одним из них был двоюродный брат самого Зейдана – человек, который год назад просил его принести клятву верности иорданскому уголовнику, возжелавшему стать лидером Ирака.

“Во время нашей последней встречи я сказал ему: твой конец близок, – вспоминал Зейдан. – Мы не хотим терять членов племени, но преступления, совершенные этими людьми, слишком велики, их нельзя простить”.

Через несколько дней двоюродного брата Зейдана нашли застреленным.

“Мы убили его. Мое племя убило его, – говорил Зейдан. – Он совершил предательство и был убит – так, как убиваем мы”.

Книга третья

ИГИЛ*

Глава 17

“Народ хочет свергнуть режим!”

Проблемы прибыли в автобусах. Служащие посольства в Дамаске заметили как минимум четыре автобуса, все большие, вроде туристических, зарегистрированные бог знает кем и набитые потными, взбудораженными мужчинами с жердями и палками. Утром небольшой караван вкатился в роскошный район Аль-Афиф и припарковался в квартале от американской дипломатической миссии, чтобы выгрузить свое улюлюкающее содержимое – изготовленную на заказ сирийскую толпу.

Роберт Форд, теперь посол США в Сирии, не отрываясь смотрел в окно канцелярии на внезапно возникшее по ту сторону посольских ворот сбирище. Сообщения о подобных собраниях возле французской миссии, в нескольких кварталах отсюда, поступали все это утро 11 июля 2011 года (сирийское восстание “Арабская весна” длилось уже четыре месяца). И вот они здесь – небольшая армия людей в гражданском; демонстранты продолжали прибывать на машинах и приходили пешком. Иные, молодые, были стрижены по-военному; другие имели возрастное брюшко, неряшливые бороды и несли профессионально отпечатанные портреты президента-диктатора Башара аль-Асада. Организатор с идентификационной карточкой на шнурке лающим голосом отдавал приказы, пока полицейские, сбившись в кучки поодаль, бездействовали. Со своего поста на верхнем этаже Форд видел, как улица темнеет от людских тел, словно сгущаются тучи перед летней грозой. Это, без сомнения, были нанятые режимом головорезы, и их появление здесь было отнюдь не стихийным. Форд велел своим сотрудникам отступить за толстые стены и стал ждать, как далеко зайдет Асад.

Какое-то время до него доносились обычные речевки; протестующие перебросили через ворота несколько гнилых дынь. Но начавшаяся затем атака развернулась с поразительной скоростью. Сначала грохот по воротам стал громче, в стены канцелярии полетели булыжники, застучали по ударопрочному стеклу. Потом с десятков мужчин при помощи других демонстрантов перелезли через посольскую ограду из бетона и стали – ограду, которую поставщик называл неприступной. Непрошенные гости уже бежали через посольский двор, крича друг на друга, колотя в двери и окна, ища уязвимые места. Несколько человек взобрались по кирпичному фасаду до самой крыши канцелярии, где были установлены спутниковые тарелки и радиоантенны. Вскоре они уже колотили в железную дверь на крыше – дверь, которая оставалась единственной преградой между протестующими и перепуганными сотрудниками посольства.

Форд стоял возле двери, на которую сыпались удары, с двумя десантниками, молодыми новобранцами лет двадцати, назначенными в службу безопасности посольства. Охранники поглаживали винтовки, пока Форд мысленно готовился к тому, что может случиться, если дверь распахнется. Где сирийская полиция?

Чудовищный грохот продолжался; Форд увидел, как нога одного из осаждавших протиснулась в щель между дверью и косяком. Один из охранников сказал:

– Если они выломают дверь, стреляем.

Форд лихорадочно соображал. Должно быть, Асад хотел только напугать, а не причинить вред. Но почему он позволил своим молодчикам зайти так далеко?

– Нет. Вы не стреляете, – подчеркивая каждое слово, сказал он. – Если они одолеют дверь, скажете им, чтобы остановились. Если они увидят ваше оружие и все-таки станут рваться дальше – тогда можете стрелять.

Еще удары. Ожидание продолжалось, давая Форду достаточно времени для пересмотра решения. Конечно, протестующие отступят,

когда увидят охранников с винтовками, думал он. Хотя – отступят ли?

Форд, пожалуй, лучше любого другого американца знал темперамент диктатора, одоббившего решение натравить толпу на два западных посольства. Асад, человек расчетливый, обычно избегал ненужных провокаций, но он был известен вспыльчивостью и злопамятностью. Форд лично наблюдал, как меняется настроение президента, и этот опыт его надолго впечатлил. Рассерженный Асад мог быть непредсказуемым, а сейчас Асад был в ярости, и в ярость его привел Форд. Штурм мог прекратиться в любую минуту – или же дверь могла распахнуться, и бог знает, какая комбинация агрессии и религиозного фанатизма оказалась бы по ту сторону. Обжигающе горячим летом сирийского мятежа вероятным казался почти любой исход.

Грохот стал громче. Десантники ждали, нацелив винтовки на дверь.

Поначалу казалось, что поветрие “Арабской весны” может обойти Сирию. К середине марта 2011 года диктаторов и их тайную полицию изгнали из Туниса и Египта, перевороты происходили в Ливии и Йемене. Но Сирия отличалась от этих стран. Экономическая и политическая элита Сирии объединилась при правящей семье Асада; официально секулярная правительственная политика и жестокая тайная полиция сдерживали межэтническое и межрелигиозное напряжение. Пока в столицах от Северной Африки до Персидского залива полыхали протесты, шум на древних улицах Дамаска ограничивался в основном бибиканьем такси и криками уличных торговцев на базарах в историческом центре города.

Сам президент был как будто не из тех, кто побуждает людей к протестам. С манерами мягкими по меркам ближневосточных диктаторов – включая его безжалостного отца, бывшего президента Хафеза аль-Асада, – сорокапятiletний лидер Сирии имел когда-то честолюбивую мечту сделаться врачом. В молодости он учился в Лондоне, избрав своей специальностью офтальмологию, потому

что не выносил вида крови. Но планы будущего президента сделать карьеру в медицине пошли под откос, когда его старший брат Басиль погиб в автокатастрофе, тем самым толкнув Башара, высокого мужчину с тихим голосом, на путь к высшей власти. Смерть Хафеза, последовавшая в 2000 году, подогрела надежды на политические реформы в Сирии, и новый президент поначалу вроде бы демонстрировал готовность к переменам. В первые месяцы правления Башар аль-Асад провел либерализацию экономики и снял ограничения на доступ в интернет. Еще более эффектным жестом он закрыл печально известную сирийскую тюрьму Меззех и издал указ об амнистии, по которой вышли на свободу сотни политических заключенных, включая членов запрещенной организации “Братья-мусульмане”^{*}.

Правительство США пристально следило за развитием событий, угадывая потенциал молодого, по-западному образованного лидера. Что, если Сирию, привычную к роли подстрекателя и мошенника, можно будет склонить к более конструктивной позиции в регионе? Надежды на это были невелики. Сирия при Башаре аль-Асаде оставалась главным поставщиком оружия и наличных боевикам ливанской “Хезболлы” и каналом для направляющихся в Ирак джихадистов. Дамаск владел и одним из крупнейших в мире запасов незаконного химического оружия, включая смертельный газ зарин. И все же проблески надежды были. Служба безопасности Асада иногда объединялась с Соединенными Штатами для проведения контртеррористических операций, его разведка время от времени демонстративно арестовывала свежезавербованных террористов в аэропорту или при пересечении границы. Более того, первая семья Сирии культивировала имидж людей, желающих завязать более тесные отношения с Западом. В отличие от отца, предпочитавшего развлекать своих западных гостей нотациями и оскорблениями, молодой Асад умел поддерживать вдумчивый диалог о региональной политике на безупречном английском. Его жена, элегантно красивая Асма, выросла в Британии, имела экономическое образование,

носила шпильки от Кристиана Лабутена и боролась за права женщин и образовательную реформу. Целая вереница американских официальных лиц прошла через Дамаск и объявила Асада тем, с кем правительство США сможет работать, – в их числе и массачусетский сенатор Джон Керри, будущий госсекретарь США.

“Мое мнение: Сирия будет двигаться вперед, Сирия будет меняться по мере легитимации отношений с Соединенными Штатами и Западом и осознания экономических возможностей, которые несет с собой такая легитимация”, – говорил после визита в 2009 году Керри, в то время председатель сенатского комитета по международным отношениям.

К концу 2010 года администрация Обамы была готова к смелому шагу: назначить посла США в Сирии впервые с 2005 года, когда отношения между двумя странами в очередной раз донельзя ухудшились, поскольку Сирию подозревали в поддержке терроризма. Для такого важного поста Белый дом выбрал кандидата с впечатляющим опытом в урегулировании ближневосточных кризисов – Роберта Форда.

У этого назначения были легионы критиков. Перезагрузке дипломатических отношений с Сирией противилось столько сенаторов, что Белый дом не рискнул подвергать своего кандидата обычной процедуре утверждения в должности. Вместо этого Обама дождался, когда Конгресс прервет заседания и уйдет на рождественские каникулы, и только после этого, 29 декабря 2010 года, объявил Форда четырнадцатым послом США в Сирии.

Президентское назначение возбуждало у Форда дурные предчувствия. Отличная служба в Ираке принесла ему в 2006 году первую посольскую должность, и Форд стал главным американским дипломатом в Алжире, но поскольку прошло уже больше двух лет, он имел право на новое назначение. Форд размышлял о Тунисе и Бахрейне, оба места казались интересными, но спокойными. Сирия, в отличие от них, имела скверную репутацию полицейского государства, которое открыто поддерживало боевиков, сражавшихся

против Израиля. Должностные обязанности здесь свелись бы к регулярным выговорам режиму за пособничество терроризму. “Я не хочу в Сирию, – сказал Форд своему боссу. – Все, что я буду делать, – это препираться с правительством Асада”.

Но он поехал. Всего через три недели после назначения Форд был уже на пути в Дамаск. Еще через неделю он предъявил свои верительные грамоты Асаду.

Во время торжественного заседания в расположенном на вершине холма дворце Форд внимательно наблюдал за лидером Сирии, пытаясь разглядеть личность за черным костюмом. Сидевший в бледно-голубом кресле в зале приемов Асад держался с очаровательной благожелательностью, в его речи не было и намека на снисходительный тон, столь обычный для выросших во дворце диктаторов. Высокий, узкоплечий, голубоглазый, с подстриженными усиками, сглаживающими невыразительный подбородок, он говорил со спокойной уверенностью в себе, как человек, доживший до средних лет без необходимости повышать голос. Встреча проходила вполне приятно, пока Форд осторожно не коснулся последнего доклада Госдепартамента о правах человека с его долгим каталогом имеющих место в Сирии злоупотреблений, включая государственные репрессии, пытки и убийства. Не успел он договорить, как атмосфера полностью переменилась. Тональность голоса осталась прежней, но Асад пришел в ярость.

– Последняя страна в мире, от которой я стал бы принимать советы, это Соединенные Штаты, – тихо проговорил он. – И точно не по поводу прав человека. После того, что вы творили в Гуантанамо, Абу-Граибе и Афганистане.

Форд вежливо слушал, собрав всю свою дипломатическую выдержку.

– Господин президент, вы совершенно правы, – начал он. – Нам следовало бы объясниться. Но мы также хотели бы выразить вам свою обеспокоенность. Если мы собираемся достичь прогресса в наших отношениях, нам придется честно обсудить эту тему.

В свете развивающихся событий обсуждение так и не состоялось. В течение двух недель после этой встречи египетского президента Хосни Мубарака изгнали с должности. Еще через четыре дня ливийская служба безопасности открыла огонь по протестующим в Бенгази, развязав гражданскую войну, которая приведет к свержению ливийского лидера Муаммара Каддафи. В начале марта протестующие вступили в бой с полицией в столицах Йемена и Бахрейна. И наконец, Сирия, казавшаяся устойчивой к пожару революций, разгоревшемуся к югу от ее границ, вспыхнула в течение одной бешеной недели. 18 марта бурные протесты разразились на юге, в городе Дарья, после того как полиция арестовала и подвергла пыткам нескольких местных подростков за антиправительственные граффити. 20 марта толпа подожгла здание партии “Баас” в Дарья, полиция открыла огонь, убив пятнадцать человек. 25 марта многочисленные толпы хлынули на улицы и в других городах Сирии, от Хамы и Хомса на западе до крупного Алеппо на севере. Династия Асада, столь грубо-эффективная в поддержании мира в стране, столкнулась с самым тяжелым внутренним кризисом за последние тридцать лет, и окно для плодотворного дипломатического сотрудничества с Соединенными Штатами, давним неприятелем, со стуком захлопнулось.

В Вашингтоне служащие Госдепартамента, изо всех сил старавшиеся оседлать полдюжины внезапно начавшихся неуправляемых процессов в самом беспокойном регионе мира, внимательно наблюдали, по какому пути пойдет сирийское восстание. Осуществит ли Асад политические реформы в попытке возглавить протестующих, как сделали правители Иордании и Марокко? Разделит ли судьбу египтянина Мубарака, свергнутого генералами в попытке спасти мир в стране и свои собственные шкуры?

Сирийский президент быстро определился с выбором. Он с самого начала дал понять, что не намерен идти на уступки, которые,

по мнению многих из сирийской элиты, ускорили падение Мубарака в Египте. Асад не собирался принимать требования протестующих о политических и экономических реформах – он предпочел выбираться из кризиса при помощи дубинок, газа и пуль. За одну только первую неделю семьдесят демонстрантов были убиты и сотни брошены в импровизированные временные тюрьмы. Международная комиссия по контролю за соблюдением прав человека *Human Rights Watch* позже подтвердила донесения о двадцати семи пенитенциарных центрах, устроенных сирийской разведкой, где заключенных избивали дубинками, плетью и проводами и подвергали пытке электрошоком. И все же протесты продолжали набирать силу.

Страдания простых сирийцев были, с точки зрения многих официальных лиц США, не только трагическими, но и напрасными; их можно было легко избежать, окажись Асад более эффективным лидером. В 2011 году Сирия имела дело с проблемами в основном экономическими: безработица, усугубляемая продолжительной засухой, толкнула сельских жителей в города на поиски трудоустройства. Тысячи этнических и религиозных групп были подавлены за десятилетия баасистского правления. Самые первые демонстранты в Алеппо и Хаме выступали не против самого Асада, а против коррупции в ближайшем президентском окружении. Фредерик Хоф, бывший военный эксперт по ближневосточным делам, которого в 2009 году назначили специальным представителем в регионе, в первые недели задавался вопросом, попытается ли Асад купить немного доверия, укротив кое-кого из своих наиболее экстравагантных родственников и мягко обойдясь с теми, кто протестовал против жестокостей полиции.

“Проблемы страны усугублялись общим впечатлением от элиты Дамаска как от грабителей, – говорил Хоф, вспоминая, о чем думал в то время. – Президент вещал о реформах и прочем, а люди думали: *иншалла*, может, он что-нибудь с этим сделает. Разберись он

с реформами и протестами по-умному, мог бы хоть императором Сирии короноваться”.

Вместо этого, продемонстрировав грубую силу – почти все было заснято на камеры мобильных телефонов, – сирийский лидер умудрился восстановить против себя бóльшую часть страны. В его руках все еще были сосредоточены значительные ресурсы. Из двадцати одного миллиона сирийцев Асад мог с уверенностью положиться на членов небольшой секты алавитов, которые контролировали элитные армейские подразделения и службу безопасности. Остальные восемьдесят семь процентов населения можно было купить или подавить. Но надолго ли?

Ненадолго. Такова была общая точка зрения служащих Белого дома, наблюдавших за крахом Сирии весной и летом 2011 года. К апрелю Асад двинул войска против мирных граждан. К маю танки перегородили главные площади Хамы, снайперы, засевшие на крышах, выборочно снимали протестующих. Демонстранты на время притихли, но потом, в начале лета, принялись наверстывать упущенное. Казалось, что остановить их невозможно.

“Самые первые разведданные говорили о том, что сирийская “весна” вряд ли имеет будущее – ее задушат в колыбели, и весьма жестоко, – говорил один из американских служащих высшего ранга, отслеживавший поток ежедневных донесений из Дамаска. – Мнение большинства быстро переменялось. От “избавиться от Асада невозможно” оно пришло к “этих людей невозможно остановить”.

Роберту Форду было беспокойно. За двадцать лет службы на Ближнем Востоке он всегда безошибочно определял, где центр тайфуна, какой бы кризис ни сотрясал принимающую его страну. Теперь вот и Сирия входила в полосу турбулентности, да так, что к ней окажется приковано внимание миллионов по всему миру, а Соединенные Штаты со всей определенностью встанут на сторону демонстрантов – во всяком случае, так виделось самим сирийцам.

Собственных предпочтений Форд не выказывал. Но на самом деле он был в долгу перед простыми гражданами Сирии за доброту, проявленную к нему почти тридцать лет назад. В 1983 году Форд, тогда еще тощий, с шапкой каштановых курчавых волос, двадцатипятилетний студент-арабист Американского университета в Каире, совершал на каникулах свою первую поездку по Сирии. Он и один его сокурсник ехали автобусом из Аммана в Дамаск и прибыли в сирийскую столицу очень поздно, почти все магазины уже оказались закрыты. Город был набит иранцами, приехавшими погостить на выходные, и двум американцам отказывали в одном отеле за другим. Когда они уже приготовились заночевать на улице, их позвал приветливый гостиничный администратор. “Так поздно вечером вы гостиницу уже не найдете, – сказал он двум грязным, измотанным дорогой чужестранцам. – Переночуйте сегодня у меня дома, завтра утром я отвезу вас сюда”.

Через несколько минут ребята уже сидели в скромной квартирке, где жил со своей семьей гостиничный служащий. Хотя было уже за полночь, сириец приготовил ужин, и все трое несколько часов просидели за разговором. Когда пришло время спать, хозяин извинился, что не приглашает американцев остаться подольше. “Если вы задержитесь дольше, чем на ночь, завтра в мою дверь уже будет стучаться тайная полиция”, – объяснил он.

Другие сирийцы, с которыми встречался Форд, были столь же радушными. Всего за несколько дней до этого американский военный корабль обстрелял позицию сирийских войск в холмах над Бейрутом. И все же когда Форд оказался в автобусе, полном сирийских солдат, с ним обошлись так доброжелательно, что он и несколько десятилетий спустя этому поражался. “Добро пожаловать!” – провозгласили солдаты, обнаружив в переполненном автобусе двух американцев. Кто-то уступил место иностранцам, другие засыпали их вопросами о том, как принято вести себя на свиданиях и все ли американки похожи на ту женщину из популярного сериала “Спасатели Малибу”. Потом один

из офицеров, посерьезнев, потянул Форда в сторону. “Когда вернетесь в Америку, – сказал он, – объясните своим друзьям, что мы не *барбар* – не дикари”.

И вот теперь, через двадцать восемь лет, *барбар* из правительства свободно действовали во всех сирийских городах, разрушая обычную жизнь. Сирийцы-рабочие, которых так уважал молодой Форд, организовывали районные комитеты обороны – предшественники повстанческой милиции. К этому времени почти все убийства совершались одной стороной, и нейтралитет трудно было соблюдать даже дипломату, обязанному призывать к сдержанности обе стороны. Несмотря на свои личные чувства, Форд не мог отклониться от сценария, утвержденного Вашингтоном, и в середине лета 2011 года имел четкие предписания насчет того, что говорить. Президент Обама еще не призвал Асада отказаться от должности, как он без промедления сделал в случаях Мубарака и Каддафи. Кое-кто из помощников президента снова обеспокоился тем, что сирийский режим может рухнуть внезапно и сам собой, до того, как администрация США успеет занять четкую позицию. Выбор момента имел решающее значение: во время восстания в Египте арабские лидеры в прах разнесли Обаму за символическое отречение от Мубарака, давнего союзника США, пока тот еще являлся законно избранным главой государства. И напротив, протестующие египтяне обвиняли Белый дом в трусости – мол, он дождался политической “смерти” Мубарака, чтобы публично разорвать с ним отношения.

Однако существовали способы выразить поддержку мирному протесту, не произнося ни слова. В самые первые недели восстания старшие сотрудники Форда проводили негласные встречи с лидерами оппозиции и публиковали тщательно сформулированные статусы одобрения и поддержки на странице посольства США в Фейсбуке. Но широкий жест Форда – тот, что привел в ярость режим Асада и символически объединил Вашингтон с протестующими, – вырос из попытки не допустить резни в Хаме,

городе на северо-западе Сирии, где регулярно проходили многотысячные антиасадовские митинги. После столкновений, продолжившихся несколько недель, и множества смертей Асад 3 июля 2011 года отправил в отставку губернатора провинции и бросил против пригородов военные части, в том числе танковые. Гнетущее спокойствие держалось три дня, причем протестующие заняли центр Хамы, а тяжеловооруженные правительственные войска ждали на окраинах.

Форд ничего не предпринимал – он пока наблюдал за противостоянием издалека. Он отрядил в Хаму свою двадцатилетнюю помощницу, которая с легкостью курсировала между столицей и окраинными городами, чтобы составить личное мнение о демонстрантах и их намерениях. Помощница вернулась с фотографиями и отчетом, произведшим сильное впечатление: десятки тысяч человек ежедневно собирались на главной площади города, и – в противовес рассказам сирийских СМИ о грабежах, актах вандализма и похищениях – толпы не обманывали ожиданий Форда. Дипломат отчитывался перед Вашингтоном: “Они выпускают голубей в небо и продают цветы. Все исключительно мирно”.

Но происходящее в предместьях недвусмысленно говорило о подготовке к сражению. Разведчики полагали, что Асад намерен двинуть танки в город и разгромить оппозицию Хамы в назидание остальным сирийцам. До сих пор Асад просто игнорировал угрозы США и европейцев проявить сдержанность. Глядя на приготовления, Форд задавался вопросом: рискнул бы сирийский лидер начать атаку, если бы знал, что действующий американский посол находится в городе и может оказаться свидетелем событий? Появление посла без приглашения в кровавом эпицентре восстания могли бы расценить как провокацию, так что Форд решил сделать свой визит по возможности незаметным. Ни мероприятий, ни речей – только молчаливое свидетельство американского дипломата, одно лишь присутствие которого привлечет внимание мировой общественности к происходящему в Хаме.

“Я должен был поехать, чтобы просто наблюдать, – объяснит потом Форд. – Мне необходимо было засвидетельствовать все самому, иначе никто бы не поверил”.

Утром 7 июля, не говоря ни слова ни сирийским властям, ни собственному начальству, Форд с тремя своими сотрудниками забрался в армейский джип и направился на север в составе небольшой колонны машин; там же ехал и друг Форда, посол Франции Эрик Шевалье. Они пересекли гряду голых бурых холмов к северу от столицы и двинулись через буйно зеленеющие фермерские угодья и древние города северо-западной, главной части страны, направляясь к Хаме. Они ехали навстречу конфликту, хотя когда он произойдет и как будет разворачиваться, оставалось только гадать. Неизвестно было, смогут ли они вообще добраться до пункта назначения. По всему 130-мильному шоссе – и особенно на подходах к Хаме – стояли КПП, и на каждом полиция пожелает узнать, почему двое иностранных дипломатов пересекают их территорию без разрешения из Дамаска. И даже если люди Асада позволят американцу и французу проехать, нет никаких гарантий, что демонстранты в Хаме обрадуются паре незваных эмиссаров западных правительств, на которые многие сирийцы смотрели с подозрением и даже враждебностью.

Однако ошарашенные дежурные просто, махнув рукой, пропускали едущих. Через несколько часов желто-коричневый джип Форда благополучно въехал в центральную часть Хамы и покатил мимо огромных толп, кишевших на площади Асси. В центре царило восторженное настроение, словно освобождение уже свершилось. Кто-то повесил на одной из городских часовых башен огромный пунцовый транспарант со словами “Да здравствует свободная Сирия – долой Башара аль-Асада!”. Войска, танки и даже полиция остались за кордонами, в пригородах; в центре Хамы не было видно ни дубинок, ни полицейской формы.

Как и было задумано, двое послов зарегистрировались в городской гостинице, которая будет служить им базой во время

этого визита. Они посетили больницу, чтобы побеседовать с теми, кто ухаживал за демонстрантами, раненными во время предыдущих стычек с полицией. Потом послы провели ряд встреч с лидерами оппозиции, стараясь не привлекать к себе внимания, подальше от телекамер. Форд, по его воспоминаниям, на этих встречах старательно воздерживался от чрезмерных обещаний. Главное – избежать насилия, настаивал он.

“Если вы перейдете к насилию, мы не станем вас поддерживать”, – предупредил посол. Несмотря на западную интервенцию в Ливии, ни одно военное подразделение США не придет на помощь сирийской оппозиции, если та начнет военные действия, объяснил он. “После войны в Ираке мы меньше всего намерены посылать войска в Сирию. Ни в коем случае”.

На следующий день, в пятницу, произошли самые масштабные на той неделе протесты. Прибыв на джипах, Форд и Шевалье обнаружили, что центральная площадь забита людьми – по более поздним оценкам, там собралась сотня тысяч или даже больше. Толпа была бурной, но упорядоченной, пока кто-то не разглядел дипломатические номера на желто-зеленой машине, пробиравшейся за спинами у демонстрантов. Накануне вечером по сирийскому телевидению прошла весьма нелестно поданная новость об американской делегации, прибывшей в четвертый по величине город страны. “Американский посол в Хаме!” – закричал кто-то из демонстрантов.

Ликующие сирийцы за какие-то несколько секунд окружили дипломатов; люди так тесно прижимались к машине, что она едва могла двигаться дальше. Зеваки бросали розовые лепестки и венки; водителю пришлось остановиться и очистить лобовое стекло. Где-то в толпе начали выкрикивать, причем крик быстро перешел в рев: “Народ хочет свергнуть режим!”

Кто-то в толпе успел заснять этот момент на камеру мобильного телефона. Взрослые мужчины прыгали от радости, кто-то размахивал ветками, кто-то пытался дотронуться до машины. Форд, в солнечных

очках, сидел за водителем, вглядываясь вперед. Он намеревался только собрать свидетельства, однако теперь его визит превратился в событие. Форд приказал водителю как можно скорее покинуть город, но за несколько часов кадры, снятые на телефон, облетели мир, включая сирийскую столицу, где взбешенный Асад выступил против вмешательства Форда во внутренние дела.

“Присутствие посла США в Хаме без предварительно полученного разрешения ясно доказывает причастность США к происходящим событиям и намерение американцев и дальше нагнетать напряжение”, – говорилось в правительственном заявлении, оглашенном министерством иностранных дел.

Ядовитые испарения из столицы почти полностью заслонились восторгом Хамы, ставшей, пусть хотя бы на эти дни, первой и единственной свободной провинцией Сирии. Местный оргкомитет назначил гражданский караул, и двое сирийцев на мотоциклах составили эскорт; они раздвинули толпу, и джип Форда сумел без приключений выбраться назад, на шоссе до Дамаска. В центре города ликование продолжалось до самого вечера, а танки в пригородах стояли за своей чертой. По крайней мере, на этот день Асад задержал обстрел.

И вот через три дня Форд с десантниками стоял на верхнем этаже посольства. Выдержит ли сотрясаемая ударами дверь на крышу? Грозная реакция последовала, и со всей очевидностью ее мишенью стал сам Форд.

Алавитские бандиты – такие же, каких возили автобусами по городам Сирии избивать демонстрантов, – продолжали искать, что тут еще можно разнести вдребезги. Они сорвали с флагштока на крыше американский флаг, подожгли, а на его место подняли сирийский. Из французского посольства пришли тревожные вести – там началась стрельба. Нападавшие протаранили дверь гаража и искорежили посольскую машину. Трое посольских работников

были ранены, потом охранники-французы дали несколько предупредительных залпов, и толпа рассеялась.

В Вашингтоне в отделении Госдепартамента по ближневосточным делам раскалились телефоны: служащие пытались найти в сирийском правительстве человека, способного прекратить происходящее в посольстве. Взбешенная госсекретарь Хиллари Родхэм Клинтон созвала пресс-конференцию, чтобы объявить: за нападением на посольство, возможно, стоит сирийский лидер. На этот раз от сценария Белого дома отклонилась Клинтон, которая едва не договорилась до требования отстранить Асада от власти.

“Президент Асад не является незаменимым, и мы ничуть не заинтересованы в том, чтобы он оставался у власти, – заявила Клинтон. В каждом ее слове звучала ледяная решимость. – С нашей точки зрения, он утратил легитимность”. Впервые официальное лицо США публично подвергало сомнению право сирийского президента управлять страной.

Как бы то ни было, нападение на дипломатический квартал в Дамаске неожиданно свернули. Полицейские, бездействовавшие, когда бунтовщики лезли через ограду американского посольства, теперь озаботились выполнением своих обязанностей и выстрелами стали отгонять нападающих от посольских построек, хотя никого и не арестовывали. До импровизированного оборонительного поста на верхнем этаже звуки конфликта долетали все реже, и наконец на территории посольства снова настала тишина.

Когда стало безопасно, посольские работники рискнули выйти наружу, чтобы оценить повреждения. Повсюду они натыкались на свидетельства утреннего побоища: осколки стекла, граффити, булыжники, гнилые фрукты. Нападавшие почти полностью разрушили главный вход и даже умудрились сорвать металлические буквы с таблички на воротах. Однако более серьезный вред в глаза так не бросался. Правительство Сирии позволило толпе осадить американскую дипломатическую миссию. А потом, с чьего-то попустительства или по плану, не помешало учинить бесчинства

на территории посольства; по сути, это было нападение на суверенную территорию США.

Но как реагировать? После того как были заявлены обычные протесты, у Белого дома все еще оставалась в запасе сильная карта. Президент Обама еще не произнес слов, которые его команда назовет “волшебными”: “Асад должен уйти”. С новой силой развернулись дебаты о том, как и когда Соединенные Штаты должны объявить, что срок годности Асада истек. На администрацию давили, требуя решительного ответа, со всех сторон: Конгресс, сирийские беженцы, авторы передовиц, верные союзники вроде Франции. Почти все считали правительство Асада слабым режимом – гораздо слабее египетского правительства Мубарака, которого сбросили с трона меньше чем за месяц. Каждый день приносил новые известия о трудностях, с которыми сталкивался Асад, – от нарушивших присягу старших командиров сирийской армии до быстрого сокращения валютных резервов страны. Белый дом крепко верил, как скажет потом советник по Сирии Фредерик Хоф, “что Асаду остались считанные дни”.

Но что, если Асад откажется уйти? На что должна решиться Америка? Хоф был среди тех – немногочисленных – старших советников, кто подозревал, что уход Асада будет не таким скорым, как полагало общественное мнение. Если сирийский президент найдет способ зацепиться, то слабыми будут выглядеть уже американцы.

“Президент не дает советов и не высказывает мнений. Если он говорит, что Асад должен отойти в сторону, то наша задача – сделать так, чтобы он действительно отошел в сторону”, – объяснял позже Хоф.

Обама призвал Асада уйти в отставку вскоре после инцидента в посольстве, 18 августа 2011 года, через пять недель после нападения на дипломатов и через пять месяцев после первой атаки Асада на гражданских жителей. Заявление было согласовано с лидерами Франции, Германии и Британии.

“Мы твердили, что президент Асад должен начать демократические перемены или уйти, – говорил Обама. – Он отказался от перемен. Президенту Асаду пора уйти – ради сирийского народа”.

Позже чиновники президентской администрации признавали, что после заявления Обамы от Америки стали ожидать действий, которых она не обещала напрямую. В начале 2011 года ближневосточные правительства переживали смутные времена, а Белый дом то и дело обнаруживал себя в непривычной роли “арбитра законности для руководителей государств”, говорил Бенджамин Роудс, бывший спичрайтер Белого дома, ставший при Обаме заместителем советника по национальной безопасности. Обаму потрясло, что Асад применил снайперов и танки, чтобы убивать демонстрантов. Роудс сообщал: президент “долгое время испытывал глубокое отвращение к действиям сирийского режима”. Обама считал необходимым продемонстрировать, что Соединенные Штаты выступают против поведения Асада, объяснял Роудс, хотя Белому дому было ясно, что, “честно говоря, у нас нет рычагов давления (за исключением полномасштабной интервенции), чтобы принудительно отстранить Асада от власти”.

В то время казалось, будто больше ничего особо и не нужно. “Все думали, что история сама позаботится об этом, – говорил высокопоставленный сотрудник администрации, участник политических дебатов, – что Асад уйдет, и очень скоро”.

Но президент Сирии не собирался уходить, и у него все еще оставались карты, которые он мог разыграть. Пусть Асад и не мог подавить восстание, но летом 2011 года он уже имел наготове план, призванный радикально изменить причину конфликта.

Когда противостояние в Хаме готово было закипеть в полную силу, в речах и публичных выступлениях Асада, осуждающих восстание, зазвучала новая тема. Протестующие не назывались больше “вандалами” и “преступниками”. Теперь сирийский лидер говорил о борьбе против такфиристов – радикальных исламистов.

“Подобная идеология любит прятаться в темных углах, но является на поверхность при первой возможности, – говорил Асад в телеобращении к нации. – Она убивает, прикрываясь словами о вере, разрушает, прикрываясь словами о реформах, и сеет хаос, прикрываясь словами о свободе”.

Сама идея, что протестующие из Хамы и Даръа – религиозные экстремисты, была заведомо абсурдной. Более того – самые первые демонстрации были удивительными примерами единения: сунниты, шииты, христиане, курды и даже члены асадовской секты алавитов собирались под одними знаменами. И все же Асад продолжит утверждать, что Сирия сцепилась в смертельной схватке с джихадистами, желающими развязать религиозную войну и отбросить страну в Средневековье.

Отсутствие среди демонстрантов ярко выраженных исламистов поначалу казалось уязвимым местом в заявлениях президента. Но в последующие месяцы две разные группы – одна внутри режима, одна с базой за границей – предпримут шаги, чтобы ввести в конфликт истинных такфиристов, превратив внутренний сирийский кризис в катастрофу международного масштаба.

Глава 18

“Ну и где ваше Исламское государство Ирак? *”

Осенью 2011 года король Иордании Абдалла II позвонил своему сирийскому соседу Башару альАсаду, чтобы по-дружески предостеречь. Дипломатические любезности едва прикрывали лихорадочно-настойчивый характер разговора: звонок должен был разбудить старого друга, чей горящий дом стоял рядом с домом самого Абдаллы.

До этого монарх пытался достучаться до Асада более тонким образом, отправляя в Дамаск для встречи с президентом и его министрами личных представителей. Сейчас он обращался к Асаду напрямую. Абдалла чуть ли не единственный среди лидеров региона видел, как Сирия проваливается в многолетнюю гражданскую войну, которая расколет страну и сделает весь Ближний Восток взрывоопасной точкой. Продуманная реакция правительства еще могла бы предотвратить беду. И хотя в Дамаске, кажется, никто не собирался ничего продумывать, Абдалла, движимый чувством долга, был готов предложить хороший совет.

Король Иордании и президент Сирии были не слишком близки, хотя поддерживали неплохие отношения и имели много общего. Оба были сыновьями могущественных и почитаемых правителей, обоих отцы выбрали своими преемниками неожиданно. Оба лидера учились в Британии, оба были женаты на ярких, современных до кончиков ногтей женщинах с западным образованием и собственной карьерой. Даже их дети дружили: во время семейных визитов королевские отпрыски с увлечением вместе играли в “Супер-Марио”. И все же реакции двух правителей на волнения, связанные с “Арабской весной”, были диаметрально противоположными.

В Иордании, как и в большинстве стран региона, известия о революциях в Тунисе и Египте собрали огромные толпы демонстрантов, требовавших перемен. Абдалла был к этому готов. Он сместил действующего премьер-министра в пользу любимого в народе, настроенного на реформы отставного генерала Маруфа аль-Бахита, на которого возложил задачу вычистить коррупцию и сделать местное управление более прозрачным. Потом король начал серию реформ, чтобы быстрее провести государственные и местные выборы, а также предоставить больше власти премьер-министру и его кабинету. Иорданские оппозиционеры быстро утратили запал: монарх сам не меньше их был нацелен менять систему. Абдалла объяснял потом, что приветствовал “Арабскую весну”, потому что она дала ему возможность перетряхнуть традиционную политическую систему, защищавшую элиту страны – могущественных олигархов и богатых членов королевской фамилии, которым не хотелось отказываться от привилегий.

Теперь король надеялся уговорить Асада принять подобные меры в Сирии, ради себя самого и ради страны, – к дипломатической агитации своего давнего соседа Абдалла приступил в присутствии помощников. Телефонный разговор между лидерами начался со светской болтовни о семейных делах. Потом Абдалла завел речь о волнениях и о том, какие шаги Асад предпринял и что намерен делать дальше.

Асад оборвал короля. “Думайте лучше об Иордании и о себе самом”, – заявил сириец. Вскоре после этого беседа закончилась.

Королю велели отвязаться. Неприятно. Абдалла ожидал от Башара аль-Асада большего. Отец Асада был человеком жестким; борец по натуре, он вскарабкался от бедности к власти благодаря сочетанию хитрости и грубой силы. Но Башар не был похож на отца. Приняв президентский пост, он впечатлил помощников Абдаллы тем, что назначил несколько молодых советников, умных и опытных, иные из которых достигли успеха в мультинациональных корпорациях и банках. Американцы не единственные верили, что

президент Сирии все еще нацелен на реформы; однажды он уже создал себе опору и успешно противостоял генералам и шефам разведки, которые контролировали тогда структуры госбезопасности.

“Его величество протянул руку Башару, надеясь вытащить его, – вспоминал один из старших помощников Абдаллы. – Мы думали: вот парень, который действительно сможет изменить Сирию и развернуть ее в другом направлении. Когда начались репрессии – со временем все более жестокие, – мы были потрясены”.

Иорданцы не зря были обеспокоены беспорядками у соседей. У Иордании с Сирией единая граница длиной в 233 мили, и на ней – десятки пунктов, где границу неофициально пересекали племена, обитавшие то по одну, то по другую сторону разделяющей полосы. Затянувшийся конфликт неминуемо ударит по Иордании, советники Абдаллы это понимали. Появятся беженцы, а возможно, и толпы новых преступников, которые окопаются в приграничных городах, чтобы начать тайные поставки оружия и контрабанду. Иорданские предприниматели могли потерять доступ к главным транспортным артериям, связывающим их с рынками Южной Турции и европейских городов. Более серьезная дестабилизация в Сирии означала бы потерю контроля над большей частью вооружения, от противовоздушных снарядов, способных сбивать и пассажирские самолеты, до асадовских смертельных запасов химического оружия. Даже несколько украденных снарядов с нервно-паралитическим газом Ви-Экс или зарином при террористической атаке могли бы убить сотни, если не тысячи человек.

Большинству аналитиков по вопросам безопасности осенью 2011 года подобный экстремальный исход казался невозможным. Рефрен, который всю осень повторяли служащие разведки от Иерусалима до Вашингтона, звучал как “дни Асада сочтены”. Режим в те дни терял армию целыми батальонами, изменявшими присяге, а долларовые запасы страны – критически необходимые для покупки всего, от оружия и запчастей к самолетам до лояльности военных, – были практически на нуле. Асадовские командиры

начали запрещать некоторым суннитским бригадам покидать бараки из страха, что им нельзя доверять сражаться за президента.

Но действительно ли Асад кончился? Абдалла не был в этом уверен.

Король и его советники по вопросам безопасности проводили бесконечные совещания, разбирая ежедневные доклады разведки. Иногда эти собрания проводились поздно ночью во дворце на вершине холма. Монарх, в джинсах или в чем-нибудь домашнем, в задумчивости сидел над информационными сводками и шутил с советниками за крошечным стаканчиком турецкого кофе или чая. Удача как будто была на стороне оппозиции, однако Абдалла, изучая бешеные маневры арабского лидера, чей командный центр находился всего в сотне миль от его собственного, уже различал контуры асадовского плана. “Все будет гораздо дольше, чем мы думали”, – говорил Абдалла своим помощникам.

По наблюдениям иорданцев, режиму и оппозиции подчинялось по трети населения Сирии. Между этими двумя силами была напуганная середина, встревоженная смесь этнических и религиозных меньшинств, а также торговцев и ремесленников, выжидающих, кто кого одолеет. Если Асад сумеет сыграть на их страхах, если ему удастся изобразить повстанцев как террористов и религиозных фанатиков, склонных к этническим и конфессиональным чисткам, он сумеет превратить этих остающихся над схваткой людей в пассивных союзников. Режим будет поддерживать больше половины страны, и Асад сможет захватить контроль над ключевыми территориями – над Дамаском и Алеппо, крупнейшими городами и коммерческими центрами Сирии, и над важнейшими морскими портами. Тогда можно позволить себе отдать несколько не имеющих большого значения пустынных городов повстанцам – пока.

Банковский счет Асада стремительно иссякал, это правда, но его положение было не таким уж безнадежным – он мог рассчитывать на могущественных друзей за границей. Иран, например,

не колеблясь пропенсионировал бы своего сирийского союзника, чтобы сохранить пути поставок для своих подшефных, боевиков “Хезболлы”, вдоль ливанской границы с Израилем. А президент России Владимир Путин был бы только рад продавать оружие своему давнему торговому партнеру, Сирии, по совместительству хозяйке единственной российской военно-морской базы на Ближнем Востоке.

Абдалле, анализировавшему кризис той осенью, твердое намерение Асада удержать власть казалось очевидным. И хотя многие утверждали обратное, огневой силы, денег и войск у сирийского лидера было достаточно, чтобы продержаться очень долго. Многие предлагали помощь в урегулировании конфликта, было и предложение о комфортабельном изгнании за границей, которое гарантировало бы безопасность Асаду и его семье и уберегло бы страну от разрушительной гражданской войны. Но Башара аль-Асада подобное не интересовало. Король говорил своим советникам: “Все это отольется большой кровью”.

Той осенью происходили и другие не сулившие ничего хорошего события, незначительные перемены на стороне повстанцев. Вряд ли кто-то обратил на них внимание, кроме аналитиков из разведки, сосредоточенных на волнениях в Сирии. Известно было, что Асад в первые месяцы восстания объявил всеобщую амнистию, которая привела к освобождению заключенных из обычных тюрем, однако демонстранты, томившиеся в местах заключения, организованных тайной полицией, на свободу так и не вышли. Теперь сирийцы понимали, насколько циничным был асадовский жест доброй воли. Среди заключенных, отпущенных на свободу весной и летом, были исламисты-радикалы, известные принадлежностью к террористическим организациям. Некоторые из них – джихадисты, задержанные при попытке пересечь границу с Ираком, – намеревались присоединиться к партизанскому движению. Других подозревали в том, что они члены “Аль-Каиды”*, которых ЦРУ похитило и тайно доставило в Сирию по программе “чрезвычайной

выдачи”. Число освобожденных экстремистов было слишком мало, чтобы серьезно угрожать режиму, но их присутствие помогало придать заявлениям Асада видимость правдоподобия: теперь в лагере оппозиции и в самом деле обреталась горстка настоящих джихадистов. Ту же тактику применял ливийский лидер Муаммар Каддафи, когда освобождал заключенных в явной попытке посеять семена раздора среди оппонентов режима.

Служащие иорданской и американской разведок изучали отчеты со смесью недоверия и тревоги. В списке выпущенных на свободу фигурировало несколько знакомых имен. Иные имели отношение к снабженческой сети иорданского террориста Абу Мусаба аз-Заркави и доставляли оружие и завербованных новобранцев через иракскую границу. Теперь, оказавшись на воле, они могли вернуться на свои старые лежбища и, возможно, к старым привычкам.

И все же по сравнению с другими проблемами региона эта казалась мелочью.

“Настоящих алькаидовцев там всего горсточка, – говорил служащий ближневосточной разведки о джихадистах, которые открыли свою лавочку в Сирии в конце 2011 года. – Мы точно знаем, где они. И мы знаем, как их взять, когда все закончится”.

В то же время другие наблюдатели присматривались к событиям в Сирии с настороженной надеждой, словно голодные койоты к быку. Это были люди, которые когда-то называли себя “АльКаидой в Ираке”*, и апостолы Заркави. Теперь они проводили свои дни, скрываясь в грязных пригородах Мосула и паре-тройке других городов, связываясь друг с другом лишь изредка из страха быть раскрытыми. Они приняли новое имя – Исламское государство Ирак* – и поддерживали видимость того, что эта организация – настоящее государство, с администрацией, министерствами и даже флагом. Что их государство – фикция, было ясно даже членам семей “правительства”. “Ну и где ваше Исламское государство Ирак*? Мы

живем в пустыне!” – жаловались, согласно свидетельствам иракской полиции, жены одного из предводителей. И все же для людей, находящихся на верхушке организации, Исламское государство* было реальностью. С соизволения Аллаха, ему предстояло разрастаться.

Новая должность была для лидера “государства” непривычной, его выдвинули внезапно с позиции номер три в группе, после того как прежняя верхушка погибла во время рейда американских и иракских войск. В отличие от предыдущих командиров, он был не боец, а ученый, профессор исламского права, имел докторскую степень. Не по возрасту угрюмый тридцатидвухлетний мужчина ценил порядок и был до смешного внимателен к мельчайшим правилам, определяющим, как одеваться и как говорить. Родился он в иракской Самарре как Ибрагим Авад аль-Бадри, сын консервативного мусульманского проповедника. Став джихадистом, он избрал себе имя Абу Бакр аль-Багдади.

Внешне он был незаметным – среднего роста, с редкими волосами и густой бородой, которая в пору его зрелости превратилась в неуправляемые заросли. Зато обладал достойной пророка истовой верой в предназначение – мира, а также свое собственное. В первые месяцы 2011 года он наблюдал за волнениями “Арабской весны”, видел, как господняя рука придает форму событиям, дергая и раскачивая толстые сучья истории, – и вот перезрелый плод упал к ногам Багдади. Это произошло бы в любом случае, но чтобы подтолкнуть события, Багдади еще в феврале начал через медиаканалы Исламского государства* подкидывать каирским демонстрантам полезные мысли. После того как с президентом-отступником будет покончено, египетские толпы, безусловно, должны признать себя обязанными продолжать революцию по всему Синаю и дальше, намекали послания.

“Теперь джихад доставлен прямо к вам, теперь его легко достичь! – говорилось в открытом письме, опубликованном в феврале на исламистских сайтах. – Ничто не может оправдать

совершеннолетнего дееспособного человека, который продолжает оставаться не у дел, с теми, кто воздерживается от джихада”.

В том же посте содержалась мольба опустошить египетские тюрьмы, где сидели наиболее преданные и опытные исламисты. Почти все руководители иракской группы, включая Багдади, некоторое время посвятили печально известным местам заключения на Ближнем Востоке. “Освобождение заключенных – одна из первоочередных ваших обязанностей, – гласило послание. – Не позволяйте себе успокоиться, пока не освободите всех до единого”.

Страстные призывы прошли незамеченными. К разочарованию исламистов всего мира, толпы, низложившие правительственные министерства в Каире и Бенгази, не выказывали склонности сменить светского диктатора на диктатора религиозного. На каирской площади Тахрир демонстранты скандировали лозунги, от требования лучшей жизни – “Хлеб, свобода, социальное равенство” – до выражений национальной гордости – “Выше голову, ты – египтянин!”. Даже после гибели Усамы бен Ладена, в мае, призывов к джихаду не звучало, никто не разворачивал флагов “Аль-Каиды”^{*} и портретов убиенного вождя террористов. Опросы общественного мнения показывали стабильное падение доверия к движению бен Ладена по всему мусульманскому миру начиная примерно с 2004 года – именно в то время Заркави начал привлекать международное внимание своими видеозаписями с отрезанием голов и шахидами. Поддержка нападений на мирных мусульман – визитной карточки Исламского государства Ирак^{*} – просела еще больше.

Последователей Заркави стало меньше, но они продолжали время от времени посылать террористов-смертников в столицу Ирака – убивать и калечить. В первые месяцы после того, как Багдади принял командование, группа взяла на себя ответственность за нападения в банке, в мечети и на молодых людей возле военкомата. Но поскольку американские войска ушли из страны и Ирак теперь

обживался в новой политической обстановке, наблюдая за парламентскими дуэлями между разными партиями, атаки выглядели бессмысленными для всех, кроме самих террористов.

Боевики Багдади все еще создавали свои адские машины и умудрялись обеспечивать бесперебойный поток несчастных подростков, желавших сесть за руль начиненного взрывчаткой автомобиля. Но старая организация Заркави истощилась так же, как речи ее лидера о панарабском исламском государстве. Группа была на грани развала. Она лишилась убежищ и свободы передвижения, необходимой для связи, обучения новичков и пополнения запасов. К тому же она продавала идеологию, более не привлекавшую мусульманский мир. Через пять лет после смерти Заркави с Исламским государством Ирак* произошло то, чего террористические организации боятся больше, чем собственно уничтожения.

Оно стало никому не интересным.

Упадок начался вскоре после смерти Заркави, хотя первоначально, судя по численности организации, это казалось маловероятным.

“Аль-Каиде в Ираке”*, внезапно лишившейся своего харизматичного лидера и главного стратега, поначалу удавалось поддерживать и даже превосходить уровень жестокости, достигнутый при иорданце. За двенадцать месяцев, последовавших за гибелью Заркави, войска США потеряли убитыми 904 человека – больше, чем за всю войну. Ежемесячная дань смерти, которую платили граждане Ирака, достигла рекордных 3266 человек в июле, через месяц после того, как американские бомбы уничтожили укрытие Заркави в Бакубе.

Но поле боя менялось. Уставшие от насилия суннитские племена объединились в военную организацию “Сыны Ирака” и начали понемногу выдворять иностранных джихадистов из своих селений, а иногда и убивать их. Когда президент Джордж Буш в 2007 году

ввел дополнительные войска в Ирак, страну наводнили новые тысячи строевых солдат. Еще важнее, что с появлением эффективнейших американских координационных групп – антитеррористических команд, составленных из разведчиков и бойцов спецподразделений, – преследование исламистов вышло на новый уровень. Города “суннитского треугольника”, служившие для Заркави убежищем и оперативной базой, быстро становились негостеприимными и даже опасными для его последователей.

Принципы расчета, которые генерал Маккрystal применил, чтобы выследить и убить Заркави, приносили американским спецназовцам в Баладе новые успехи ежедневно, а часто – по несколько раз в день. Усилия продолжались, эффективность росла весь 2008 год; Маккрystal получил четвертую генеральскую звезду и назначение на пост руководителя генштаба. Сменивший его вице-адмирал Уильям Макрейвен держался той же политики до 2010 года, когда американская военная операция в Ираке была официально объявлена завершенной.

Ежедневно на поиски отправлялись удивительные устройства для слежки, способные засечь любой звонок по мобильному телефону, любое электронное письмо и текстовое сообщение, отправленное кем угодно и где угодно в Ираке. Когда кто-нибудь набирал номер, соответствовавший номеру в постоянно растущей баладской базе данных, техники отслеживали местонахождение и передвижения звонящего. Американские дроны и самолеты служили вышками сотовой связи, они могли прослушивать любые звонки, сделанные с подозрительного телефона. Аэрокамеры позволяли американским шпионам отслеживать подозрительные машины и грузовики.

Столь же впечатляюще действовали “котики” и бойцы “Дельты”, вламываясь по ночам к террористам, чьи убежища обнаружила накануне разведка. К четвертому году войны командос отточили тактику настолько, что небольшие отряды в полдюжины человек могли проводить по несколько рейдов за одну ночь. Джозеф, бывший боец, участвовавший во множестве таких налетов, вспоминал,

насколько изменилась интенсивность боев в месяцы после смерти Заркави, когда Пентагон дал карт-бланш на уничтожение остатков террористической сети иорданца.

“В 2007 году мы сняли перчатки, – говорил Джозеф, согласившийся на интервью при условии, что его настоящее имя не будет упомянуто. – Мы выезжали на задания и жестоко преследовали “Аль-Каиду”*. “Убей и захвати”, а не “захвати и убей”. Мы давили их, как тараканов, убивали людей из “АльКаиды”* каждую ночь”.

Рабочий день начинался на закате, когда разведчики покидали свои кабинеты. “Мы завтракали в ужин, – рассказывал Джозеф. – Потом короткое совещание, и мы отправлялись на задание. Мы находили цель, входили с [глушителями] и приборами ночного видения, потом могла начаться перестрелка, и так почти каждую ночь. Мы проводили собственные дознания, сами работали как разведчики. Основываясь на установленных данных, немедленно переходили к следующему пункту. И так – каждый божий день”.

Эта тактика работала на нескольких уровнях. Нарастающий темп ночных операций выводил террористов из равновесия, они теряли способность координироваться или планировать сложные атаки. Еще рейды работали на разведку, помогая разведчикам лучше понимать пути вербовки и обучения террористов-смертников. Среди тех, кого допрашивал Джозеф, были подростки, подвергшиеся основательной промывке мозгов со стороны имамов, были и другие, казавшиеся просто психически неуравновешенными. Были тугодумы и легковверные – “на редкость глупые”, вспоминал он.

Важнее же всего было то, что командос обнаружили способ не давать террористам чувствовать себя спокойно. Инсургенты не были больше смертельно опасной, самой непредсказуемой силой в Ираке. Наступил их черед бояться и чувствовать себя незащищенными. Боевики Исламского государства*, как выяснили Джозеф и его товарищи, были умелыми мясниками, но неважными солдатами.

“Все, что они хорошо умели, – это терроризировать безоружных, – говорил он. – Считали себя молодцами, но когда мы будили их среди ночи, накладывали полные штаны”.

Безмолвные стычки в темных домах часто длились меньше трех минут. Те, кому хватало ума сдаться, обнаруживали себя среди бородатых, мускулистых представителей Запада – одетых в черное, с невиданным оружием и в сопровождении свирепых служебных псов. В иракских селениях распространились слухи о “ниндзя со львами”, которые врываются в город, а потом снова исчезают без следа. Во время допросов Джозеф иногда старался закрепить эту легенду.

– Ты раньше имел дело с американцами? – спрашивал он.

– Да, – отвечал, как правило, арестант в наручниках.

– И они выглядели как мы?

– Нет.

– Я скажу тебе, почему так, – говорил Джозеф. – Я явился сюда за тобой. Я – дьявол.

Результат не заставил себя ждать, и не только по количеству убитых и взятых в плен боевиков. В течение одного года (2007–2008) число убитых солдат резко снизилось, с 904 до 314 человек, а за следующий год снизилось еще наполовину. Число погибших в терактах мирных иранцев упало с почти 3900 человек в 2007 году до чуть менее 1700 в 2008-м. Количество жертв продолжало уменьшаться до конца десятилетия.

Объединенные усилия – разведка, ввод войск, суннитский переворот, а в особенности рейды – настолько ослабили организацию Заркави, что Майкл Хейден, директор ЦРУ, в 2008 году провозгласил, что она стоит “на пороге стратегического поражения”. Джихадисты, господствовавшие в Ираке почти четыре года, еще не были уничтожены, но американцы по крайней мере поняли, как можно держать их под постоянным прессом.

“Мы не стали как они, – говорил офицер, наблюдавший за работой координационной группы, когда программа начинала доказывать

свою эффективность. – Мы стали тем, чего они боялись: тенями ночи”.

Все понимали, что такое давление нельзя поддерживать бесконечно. Непосредственные затраты на вторжение, оккупацию, перестройку и стабилизацию Ирака вытянули из министерства финансов США более триллиона долларов, а косвенные затраты добавили еще триллион в счета налогоплательщиков. Подавляющее большинство американцев больше не поддерживали войну, и сами иракцы с нетерпением ждали, когда уже боевые подразделения США наконец покинут страну. Вывод американских войск начался в конце 2007 года. Последняя колонна машин с отбывающими солдатами пересекла границу Ирака с Кувейтом 18 декабря 2011 года, положив конец военной командировке, которая обошлась примерно в четыре с половиной тысячи американских жизней и оставила более тридцати двух тысяч человек ранеными. По самым скромным оценкам, потери среди мирного населения Ирака были в двадцать раз выше.

Удалившись, американцы предоставили иракцам самостоятельно поддерживать свою систему безопасности. Такая задача была бы нелегкой даже для страны, не страдающей, как Ирак, от постоянной угрозы взрывоопасных межрелигиозных и этнических конфликтов. И действительно – первые попытки построить в Ираке стабильное общество не достигли цели. Недоверие суннитов к премьер-министру Нури аль-Малики вылилось в открытое неповиновение в 2007 году, за которым последовали аресты выдающихся суннитских политиков и увольнение суннитских командиров из иракской армии и агентств безопасности. На следующий год возглавляемое шиитами правительство сделало попытку распустить ополчения “Сынов Ирака” (которые помогали выдворить иностранных исламистов), заявляя, что не потерпит присутствия в стране частных милицейских отрядов. Шиитскую милицию тем не менее оно терпело и – как считали многие сунниты – официально поощряло.

Перед уходом армия США оказала правительству существенную помощь. В 2008 и 2010 годах американцы нанесли по Исламскому государству Ирак* два мощных удара, направленных на руководство группировки. Первый удар, в октябре 2008 года, спецназ нанес по базе террористов на сирийской территории, в нескольких милях от иракской границы. Во время секретной операции, одобренной Джорджем Бушем, бойцы спецподразделений с вертолетов уничтожили базу и убили человека, которого американские эксперты опознали как Абу аль-Гадийю, сирийского дантиста, одного из первых последователей Заркави, ответственного за главные пути поставки денег и рекрутов. Потом, через полтора года, американцы и иракцы совместными силами атаковали убежище в пустыне, возле иракского города Тикрит, когда там проходила встреча руководства террористической группы. Иракское правительство торжественно опубликовало фотографии двух трупов, вытащенных из развалин здания, подтвердив смерть Абу Умара аль-Багдади и Абу Айюба аль-Масри, двух главных командиров Исламского государства Ирак* с момента гибели Заркави.

Мятежники позже признали смерть “двух рыцарей, которые спешили, чтобы присоединиться к лику мучеников”. В том же послании они обещали и неминуемую месть: “долгую мрачную ночь и темные дни, окрашенные кровью”. И все-таки способность Исламского государства* нанести серьезный вред иракскому правительству, пусть даже слабому и разобщенному, теперь была под вопросом.

Новый глава джихадистов, Абу Бакр аль-Багдади, был человеком запредельных амбиций, но в конце 2011 года, на второй год лидерства, его похвальбы были столь же пустыми, как казна группы. Исламскому государству Ирак* не хватало ресурсов, боевиков и убежищ. А самое главное – не хватало причины, общей великой идеи, с которой оно могло бы собрать свои обескровленные войска и привести других мусульман к единой системе ценностей.

Вскоре, в разгар хаоса революции в Сирии, оно обретет целых четыре.

Глава 19

“Государство, дорогу которому вымостил Заркави”

На шестой месяц восстания в Сирии Абу Бакр альБагдади уже был готов действовать. Он отправил своего заместителя из тех, кому доверял больше всего, сирийца, сражавшегося рядом с Заркави с самых первых дней, возглавить экспедицию в сердце Сирии. За пределами столицы и других оплотов режима институты, поддерживающие безопасность в Сирии, разваливались один за другим. Последователи Заркави видели в этом шанс присосаться к еще одному измученному организму.

Разведотряд был крошечным. “Нас было не больше семивосьми”, – вспоминал позже начальник отряда. Разведчики проскользнули через ирако-сирийскую границу, прошли вдоль пары пустынных шоссе, тянувшихся вдоль Тигра и Евфрата, миновали маленькие сирийские города, долгое время служившие перевалочными пунктами для боевиков, двигавшихся в противоположном направлении. Там, вдали от спорных городов Сирии, они встречались с местными контактами, включая бывших агентов Заркави, а также с другими джихадистами, которых незадолго до этого выпустили из асадовских тюрем, как подтвердят позже сами участники. Встретившая их страна сильно походила на Ирак, каким он был девять лет назад: привыкшее к насилию место, где не действовали законы и свободно передвигались люди с оружием. В отличие от Ирака, здесь боевикам не грозило, что у них над головой внезапно с ревом пронесутся американские самолеты.

“Если бы не сирийская революция, Сирия оказалась бы не такой гостеприимной для нас, – признавался через несколько лет начальник отряда, Абу Мухаммад аль-Джулани. – Революция

устранила множество препятствий и вымостила нам путь в эту благословенную страну”.

По плану, утвержденному руководством Исламского государства Ирак*, участники миссии должны были организовать сирийскую исламистскую милицию, которая присоединилась бы к повстанцам, уже сражающимся с правительством Башара аль-Асада. Они называли себя “Джабхат ан-Нусра”*, или “Фронт поддержки сирийского народа”. Название предполагало нечто вроде группы помощи разделанной под орех сирийской оппозиции. В реальности план, составленный Багдади, не имел ничего общего с помощью сирийцам. “Фронт ан-Нусра”* должен был со временем развиваться в независимую группу, порвав со своим “родителем” во всем, от идеологии до тактики и стиля. Но главная идея, как заключили позже западные разведки, заключалась в создании сирийского инкубатора для халифата, во главе которого в один прекрасный день встанет сам Багдади.

“Ему предстояло стать лицом организации в Сирии и заложить основу для дальнейшего продвижения группы, – отмечал служащий американской разведки, отслеживавший первые шаги организации. – Никто не собирался останавливаться на создании одной-единственной группы”.

Общение, развернувшееся в последовавшие месяцы между сирийской колонией и ослабленным иракским руководством, позволило разглядеть личность Багдади, понять его растущие амбиции. Как и его духовный предшественник, Абу Мусаб аз-Заркави, Багдади не собирался устанавливать исламистские правительства в столицах Сирии или Ирака. Его целью было распространить исламский закон без границ, и добиваться этого он собирался, действуя нахрапом, веря, что Аллах повернет историю так, чтобы она соответствовала планам Багдади. Более прагматичные мыслители из “Аль-Каиды”* говорили о халифате как об отдаленной цели, которая может подождать, пока не будут свергнуты светские

режимы Ближнего Востока. Но Багдади верил в обратное: стоит поднять древнее знамя халифата, как правоверные мусульмане сами выстроятся в ряд.

“Он говорил о физическом восстановлении исламского халифата так, как не говорил еще никто, – вспоминал американский разведчик. – Воплотить в жизнь экстремистские взгляды на ислам, очистить землю от еретиков. И тем самым вымостить путь для последней битвы мусульман с неверными”.

Унаследовав мечту Заркави, Багдади с энтузиазмом принял и наиболее жестокие крайности иорданца. В течение нескольких лет после смерти Заркави его тогдашние преемники, кажется, всерьез воспринимали требование “Аль-Каиды”^{*} избегать любых шокирующих действий, могущих оскорбить простых мусульман. Видеозаписи с отрезанием голов пошли на убыль, меньше стало нападений на шиитских женщин и детей, что было визитной карточкой “Аль-Каиды в Ираке”^{*}. Теперь Багдади вознамерился вернуть все это, причем в масштабах, приводящих на память дикие орды ихванов, прокатившиеся по Аравийскому полуострову столетие назад. Подобно Заркави, Багдади вознамерился заставить мир смотреть.

Если бы не вторжение США в Ирак, самый кровавый мясник Исламского государства^{*}, вероятно, прожил бы жизнь преподавателя колледжа. До 2003 года он спокойно преподавал исламское право двадцатилетним, а не бросал в них бомбы.

Исламистские биографы позже приписывали Багдади большие интеллектуальные дарования и природную склонность к джихаду, хотя эти предположения никак не подтверждены в обширных досье, собранных западной разведкой. Ничто в годы становления Багдади не указывало, что человек, родившийся как Ибрагим аль-Бадри, обладал необыкновенными талантами или особыми склонностями, за исключением разве что увлечения *фикхом* – толкованием тысяч

высказываний и эдиктов, собранных в исламских священных текстах. Он не был мятежником-безумцем вроде Заркави или авантюристом вроде Усамы бен Ладена, который приехал в Пакистан после колледжа, чтобы присоединиться к афганским моджахедам. Он не демонстрировал ранних проблесков ни харизмы, ни жестокости. Напротив – знакомые помнят застенчивого, близорукого юнца, который любил футбол и редко с кем виделся. В первые тридцать два года жизни Багдади привлекал к себе мало внимания даже в родном городе. Один друг семьи вспоминал молодого человека “настолько тихого, что едва можно было услышать его голос”.

“К багажнику велосипеда у него всегда была прикручена какая-нибудь религиозная или другая книга”, – говорил репортеру из *Newsweek* бывший сосед Багдади Тарик Хамид, вспоминая подростка, жившего рядом с ним в одном из районов Самарры, где селились небогатые представители среднего класса. Сын суннитского имама, отправлявшего службы в городе, Багдади носил традиционную молельную шапочку и белую дишдашу истого мусульманина и, по словам Хамида, предпочитал проводить свободное время в мечети, а не водить компанию с городскими парнями. “Я никогда не видел его в брюках и рубашке, как ходили большинство самаррских ребят, – вспоминал сосед. – Он носил бородку и не имел привычки часами сидеть в кафе”.

Единственный известный факт о происхождении его семьи впоследствии окажется для него поворотным: родом из иракского племени аль-Бу Бадри, Багдади мог заявить, что относится к той же генеалогической ветви, что и пророк Мухаммед, – обязательное, по мнению иных исламских богословов, требование к человеку, претендующему на роль халифа и главы мусульман. Это отличие не слишком много значило в занесенной песками Самарре, где жили сотни представителей клана аль-Бадри и других племен, которые могли бы законно заявить о своей принадлежности к древу Пророка. И все же в многочисленных родственниках Багдади тлел религиозный пыл, отчасти объясняющий юношескую набожность Абу

Бакра и его последующий сдвиг к фанатизму. Дед Багдади носил титул хаджи – он совершил паломничество в Мекку к священному камню Каабе, – а среди дядьев и братьев Багдади было множество имамов и учителей веры. Если верить одному из джихадистских биографов Багдади, проповеди его отца были примечательны тем, как он подчеркивал “необходимость возвращать добродетель и противостоять греху”.

Совершеннолетие Багдади пришлось на самые беспокойные годы современной истории Ирака. Рожденный в 1971 году, он был уже почти юношей, когда ирано-иракская война после восьми лет боев закончилась безнадежным тупиком и гибелью в общей сложности полумиллиона человек. Ему было около двадцати, когда первая война в Персидском заливе закончилась унижительным поражением Ирака. Где-то между войнами будущий Багдади отслужил положенный срок в иракской армии, хотя свидетельств его участия в боевых действиях нет. Точно известно, что в молодости он перебрался в Багдад, чтобы подать заявку в колледж, и в 1999 году получил степень бакалавра исламского права и богословия. Погружение в доступный лишь пониманию посвященных мир религиозных кодексов VII века, видимо, стимулировало его пуританские наклонности; знакомые вспоминали, как раздражало Багдади-студента, что мужчинам и женщинам на свадьбе позволено танцевать в одном зале. “Это противно вере!” – жаловался он. Как бы то ни было, Багдади любил предмет и продолжал обучение до тридцати с небольшим. Когда ему исполнилось тридцать два и он уже готовился защитить диссертацию, а после стать профессором, началось (20 марта 2003 года) американское вторжение в Ирак.

Начало американских бомбардировок и кампании “Шок и трепет” изрядно оживило мир изучавшего исламское право студента, который лучше многих помнил указание Корана защищать мусульманские земли от захватчиков. В тот же год он записался в одно из множества мелких движений сопротивления, наносивших

молниеносные удары по американским войскам, хотя на деле там, кажется, ничем особенно не отличился.

Потом, через несколько месяцев, его взяли в плен. Некоторые обстоятельства его пленения засекречены, но американские отчеты подтверждают, что некий Ибрагим Авад альБадри был схвачен во время рейда на дом в Фаллудже в конце января 2004 года. Потом Багдади перевезли в одну из самых страшных иракских тюрем, американский фильтрационный центр Кэмп-Букка.

Багдади прибыл туда 4 февраля. Военный фотограф запечатлел круглолицего мужчину на излете молодости; у арестанта были очки в тонкой оправе и непомерно разросшаяся борода. Поскольку Багдади тщательно конспирировался, эта фотография осталась одним из немногих известных его изображений. В следующий раз он позировал для портрета десять лет спустя, уже другим человеком, пользующимся всеобщим уважением. Его путь от чрезмерно религиозного юнца к кровожадному экстремисту начался.

Тюрьма, где очутился Багдади, представляла собой городок в две квадратных мили, с колючей проволокой и палатками, поставленными на самом солнцепеке в нескольких милях от иракской границы с Кувейтом. Охранявшим тюрьму американским морякам, часто видевшим лагерь с вертолета, КэмпБукка чем-то напоминал Лас-Вегас: огромный город посреди безлюдной пустыни. Но территория внутри колючей проволоки больше походила на Дикий Запад.

Построенный британцами для военнопленных, лагерь под контролем американцев быстро разросся и теперь принимал огромные количества иракских инсургентов. Он был рассчитан на 20 тысяч человек, но со временем его “население” раздулось до 26 тысяч. Все эти люди жили в общих палатках в климате, где температура летом регулярно поднималась почти до 60 °С. Жара, усугубленная маслянистой влажностью Персидского залива, одинаково терзала и охранников, и заключенных. “Ощущения как

в микроволновке”, – говорил заезжему военному журналисту старшина боцманской команды.

Начальство в последние годы существенно изменило лагерь к лучшему, заменив палатки кондиционированными шлакоблочными бараками и добавив специальные помещения для обучения грамоте, а также плотницкому и строительному делу. Но в начале 2004 года жизнь в платочном городке контролировали исламисты. Заключение были разделены в соответствии с вероисповеданием, и сунниты в своем секторе жили по строгим законам шариата, по собственной воле подвергаясь жестоким взысканиям. Любой ослушник – или “предатель”, проявивший доброжелательность к американцам, – мог подвергнуться наказанию от избиения до выбивания глаза. В бараке номер тридцать, где содержались самые яростные исламисты, заключенные срывали агрессию на проходящих мимо надзирателях, швыряя в них фекалии и “масальные камни” – остатки сладкого чая, смешанные с песком и высушенные на солнце.

Один из начальников лагеря признавался, что Кэмп-Букка во времена Багдади не справлялся со своими функциями и, с точки зрения командиров, пытавшихся усмирить суннитских партизан, содержание мятежников в этом лагере давало противоположный ожидаемому эффект. Сгнав исламистов-радикалов и простых иракцев в одну кутузку, где не действовали законы, американцы по неосторожности создали “джихадистский университет”, который прививал исламистские идеи новому поколению борцов.

“В каждом бараке экстремисты смешивались с умеренными, – писал в 2009 году в *Military Review* лейтенант-коммандер Василиос Тасикас. – К сожалению, у американских войск была принята модель содержания под арестом, которая предполагала, что все заключенные “плохие парни”, их надо “складировать” на неопределенное время и освобождать произвольными партиями. Этот подход был не только наивным и близоруким, он был еще

и опасным; предсказуемым образом он подлил масла в огонь партизанской войны изнутри колючей проволоки”.

Если лагерь Кэмп-Букка был и впрямь джихадистским университетом, то Багдади суждено было стать его самым выдающимся питомцем. Не будучи крутым парнем, он нашел способ выжить и даже преуспеть в тюрьме. Багдади приобрел нескольких важных друзей и союзников, включая одного последователя Заркави по имени Абу Мухаммад аль-Аднани, который через несколько лет стал его правой рукой и пресс-секретарем. Более того – молодой богослов обнаружил, что академическое образование дает ему определенный статус. Сложившееся в лагере исламское мини-сообщество нуждалось в ком-то, кто мог бы толковать законы шариата, а в этой области Багдади определенно был знатоком. Он мог руководить дневными молитвами, когда заключенные в одинаковых желтых робах тысячами лежали на ковриках, вознося Аллаху клятвы в верности. Еще он мог говорить на классическом арабском (и учить ему) в той форме, какая употребляется в Коране и в богослужениях. Багдади, который всю свою жизнь провел среди священнослужителей, мог даже воспроизвести мимику и монотонное чтение наиболее известных имамов из великих мечетей Багдада и Мосула. У него, человека некрепкого, голос был приятный, но властный, и людям нравилось слушать его.

Но слушать им пришлось недолго. Ученость, которая помогла Багдади завоевать уважение сокамерников, также помогла ему выйти на свободу. Кэмп-Букка регулярно избавлялся от не очень опасных заключенных, чтобы избежать перенаселенности, источника постоянного напряжения и периодических бунтов. В конце 2004 года тюремный совет пересмотрел досье на Ибрагима Авада аль-Бадри и решил, что этот ученый в очках не представляет большой угрозы. 6 декабря 2004 года будущего Багдади выпустили на свободу, однако сначала медики взяли у него мазок со щеки, чтобы сохранить запись о его ДНК. Если тот же человек объявится снова, мертвый или

живой, в связи с каким-нибудь терактом, в США точно будут знать, кого обнаружили.

Багдади освободился от десятимесячного пребывания на виду у солдат США, еще решительнее настроенный сражаться с ними. Через несколько лет он уже в каждой своей молитве возносил просьбу о поражении Америки. “Расправься с Америкой и ее союзниками, – будет просить Аллаха Багдади в одной из своих публичных молитв. – Жесткой рукой сдави их... Нанеси им поражение, какого они еще не видели. Разъедини их, рассеки их тела, расчлени их полностью, и дай нам разгромить их, и не дай им разгромить нас”.

Какое-то время Багдади пытался избежать дальнейших затруднений с американцами. Он уже женился на первой из своих трех жен и стал отцом по меньшей мере одного ребенка, четырехлетнего сына. После тюрьмы Багдади вернулся к образованию и продолжил прерванное движение к докторской степени по исламскому праву, которую и получил в 2007 году. Но еще до присуждения степени Багдади снова оказался втянутым в партизанское движение. Его прежняя организация слилась с несколькими другими после совета, или *шуры*, созванного Мусабом аз-Заркави в 2006 году. Багдади попросили быть советником по вопросам шариатского права.

Сведения, полученные западными разведками, позволяют предположить, что Заркави, дилетант в теологии, обожавший дискутировать с образованными богословами, возможно, знал человека, который со временем заменил его. Но в то время Багдади был темной фигурой даже среди джихадистов. “Заркави был мне ближе брата, но Багдади я не знал. Он был незначительным, – говорил в 2014 году лондонской газете *Telegraph* Ахмед ад-Дабаш, член другой боевой организации, Исламской армии Ирака*. – Он наставлял молившихся в мечети возле моего района. Никто его особенно не замечал”.

Гибель Заркави в июне 2006 года все изменила. Преемники организованного иорданцем движения “Аль-Каида в Ираке”^{*} смотрели на партизанскую войну иначе. Они быстро реорганизовались под новым названием – Исламское государство Ирак^{*}. Среди предводителей были теперь и офицеры из разгромленной армии Саддама Хусейна – суннитские полковники и майоры, которые объединились с Заркави, но никогда полностью ему не доверяли. Со смертью иорданца бывшие баасисты, иракцы, захватили власть над группировкой, от верховного командования до провинциальных городов, фактически находившихся под контролем исламистов. И снова знания Багдади сделали его исключительно ценным человеком: вот истинный эксперт по шариату, с почтенной суннитско-иракской родословной, который сумеет доказать, что разбросанные по стране ячейки действуют в соответствии с одной идеологической линией. Багдади быстро назначили главой шариата в маленьком, живущем сельским хозяйством городке под названием Аль-Карма, недалеко от Фаллуджи. Вскоре он отправился заведовать религиозными вопросами в провинцию Анбар. Потом, в начале 2010 года, его избрали главным ответственным за шариат во всей организации.

Это назначение сразу сделало Багдади третьим по старшинству лицом в Исламском государстве^{*}, подотчетным только главному руководителю и военному министру. Этот пост он занимал 18 апреля 2010 года, когда американские снаряды и иракские ракеты сравняли с землей дом-убежище за пределами Тикрита, уничтожив обоих главарей. Как минимум на тот момент Багдади, ученый-книжник, заслуживший у коллег по цеху пренебрежительное “незначительный”, встал во главе Исламского государства Ирак^{*}.

Прошел месяц, прежде чем об эмирате Багдади объявили официально. Несмотря на высокий статус, его попадание на самый верх организации не было гарантировано. Многие западные и ближневосточные разведчики полагали, что пост перейдет к более

заслуженному человеку с обширным опытом командования и руководства операциями. И все же, хотя Багдади оставался пока относительным аутсайдером, он завоевал поддержку совета, состоящего из бывших баасистов и заркавистов.

Среди тех, кто одобрил его продвижение, был безжалостный полковник иракской армии Самир аль-Хлифави, начальник военного совета группы. Бывший баасист, примкнувший к партизанскому движению после вторжения США, Хлифави убедил Багдади принять верховное руководство и обещал стать его главным представителем и наставником, согласно документам, обнаруженным через несколько лет, после гибели Хлифави в Сирии. Белобородый Хлифави, больше известный под джихадистским именем Хаджи Бакр, рассматривался аналитиками разведки как умелый стратег, ответственный за самые первые военные успехи Исламского государства*.

Несмотря на недостаток военного опыта, Багдади имел в глазах группировки известные преимущества. Одним из них была готовность шариатского богослова обеспечить религиозное оправдание актам насилия, которые священнослужители всего мира осуждали как неисламские. Все, за что группа подвергалась столь широкой критике, – отрезание голов, теракты с участием смертников, похищения, вымогательство, война против шиитов, пролитие крови безвинных мусульман – Багдади не только поддерживал, но и объявлял полностью соответствующим исламскому закону.

Другим его козырем было соответствие роли халифа, имевшее особую важность для организации, которая хотела, чтобы заявления об Исламском государстве* воспринимались всерьез. Багдади с его генеалогией и ученостью мог достичь высот, о каких Заркави и не мечтал.

Все последующие годы Багдади, по словам знакомого с его историей американца, целеустремленно работал на подготовку к мифической роли, играть которую ему было назначено самим Аллахом. “Он обвешивался всеми своими религиозными мандатами

и уделял много внимания имиджу, одежде, тому, как он двигался и говорил... Он из кожи вон лез, чтобы показать, что занимает свое место по праву”.

Именно ради достижения этой цели Багдади отправил эмиссаров за границу в августе 2011 года: требовалось найти в Сирии стартовую площадку для халифата, который на почве родной страны увядал. Успешная операция, по мысли Багдади, помогла бы организации выжить. Еще важнее было то, что Исламское государство* сделает первые шаги к уничтожению искусственных границ, установленных колониальными властями, чтобы разъединить мусульман.

“Мы преодолели границы, которые нечистые руки провели между исламскими государствами, желая уничтожить наше движение, – скажет потом Багдади о своем сирийском эксперименте. – Мы создали государство, дорогу которому вымостил шейх Абу Мусаб аз-Заркави. И оно никоим образом не уйдет с территории, на которую распространялось”.

Прошло несколько недель с тех пор, как Барак Обама и главы европейских государств призвали Асада уйти в отставку, но Асад не торопился. Зато сириец воткнул несколько словесных шпилек в “колониалистов” и развернул репрессивные меры против протестующих и добровольцев, поднявшихся на их защиту.

В Белом доме раскол страны стал предметом озабоченности, но пока не тревоги. Общее мнение среди помощников по национальной безопасности в администрации президента было таково, что рано или поздно Асад оставит свой пост. Об этом свидетельствуют два чиновника, присутствовавших на встречах высшего уровня по поводу Сирии той осенью. Режим, судя по всему, переживал тяжелые времена, проигрывал территории, солдат и даже генералов новой повстанческой организации – Сирийской свободной армии*. Сама история ополчилась против Асада,

и Соединенные Штаты мало что могли или должны были сделать, чтобы ускорить неизбежное, говорил представитель администрации.

“Было ощущение, что все произойдет само собой, а мы сделаем все, чтобы поддержать ход событий, – говорил один из высших чиновников. – Мы и правда не думали, что все затянется”.

Но дело затянулось. Когда конфликт уже граничил с полномасштабной гражданской войной, администрация Обамы стала судорожно искать рычаг, который подтолкнул бы стороны к мировому соглашению. Такого рычага не нашлось. Когда протесты начались в Египте и Йемене, Соединенные Штаты сумели ввести в игру старые долговые расписки, накопившиеся за десятилетия экономической и военной поддержки правительств и сил безопасности этих стран. В Ливии администрация Обамы обеспечивала юридическую и моральную поддержку в форме резолюций ООН, разрешающих коллективные военные акции для защиты гражданских и поддержки повстанцев. Но в случае Сирии все обстояло иначе: ни военных связей, ни экономической помощи, ни даже сколько-нибудь существенного торгового партнерства. В ООН Россия, давняя союзница Сирии, блокировала даже самые мягкие резолюции, критикующие Асада за убийство собственных соотечественников. Когда европейские страны поставили на голосование вопрос о бойкоте относительно скудного импорта сирийской нефти, другой крупный союзник Асада – Иран – более чем возместил потери, обеспечив Сирии миллиарды долларов в банковских займах и наличными.

И так Асад месяц за месяцем оставался у власти, возводя похожие на крепости оборонительные укрепления вокруг столицы и пытаясь подавить повстанцев, уничтожая целые районы танками и артиллерийским огнем. Убиты были уже более четырех тысяч сирийцев, в том числе около трехсот детей. Еще тысячи бежали из своих домов, а оставшиеся жили без света, с разрушенными коммуникациями, в отчаянной нехватке всего, кроме гнева и страха.

Публично американцы требовали в ООН и Арабской лиге скоординированных действий против Асада. За кулисами Белый дом и его союзники искали приманки, которые могли бы убедить Асада принять изгнание и покинуть страну добровольно. Ни словом не упоминалось за пределами секретных совещаний еще одно мнение – о как минимум одном положительном эффекте конфликта. Беспорядки, пока они не прекратились, гарантировали отток финансовых и моральных ресурсов правительства Ирана, самого важного союзника Асада.

Одно казалось бесспорным: даже самые отпетые “ястребы” президента утратили аппетит к военным приключениям на Ближнем Востоке. Даже небольшие акции вроде воздушной поддержки или поставки оружия восставшим оставались трудновыполнимыми, пока Россия блокировала резолюцию ООН, необходимую, чтобы предоставить легальную поддержку. Практические препятствия были столь же труднопреодолимыми. В отличие от ливийских повстанцев, сирийской оппозиции не доставало надежного места, где она могла бы спокойно восстанавливаться и пополнять запасы. И хотя у повстанцев было стрелковое оружие, режим Асада пользовался монополией на тяжелое вооружение, необходимое, чтобы склонить чашу весов в пользу восставших. Администрация Обамы могла предложить гуманитарную помощь вроде медикаментов и какие-нибудь вещи, которыми нельзя убить, – вроде компьютеров и мобильных телефонов. Но те, кто пытался сражаться с войсками Асада, стали бы искать винтовки, бронетехнику и боеприпасы где-нибудь еще. К тому же в правительстве США не только не хотели ввязываться в еще одну войну на Ближнем Востоке; некоторые к тому же полагали, что вооружать повстанцев бессмысленно.

“Реальность показывала, что оппозиция неадекватна своей задаче, – говорил высокий чин из разведки, участвовавший в дебатах по поводу действий против Асада. – Мало кто думал в 2011 году, что умеренные смогут одержать верх, если им дать достаточно оружия. У них уже было оружие. И большинство из нас

понимало: нам следует приложить усилия, чтобы снизить накал страстей, а не раздувать их еще больше”.

Пока Роберт Форд в июне 2011 года размышлял, что посольство США может сделать с резко возросшим уровнем насилия в Хаме, небольшая группа американских конгрессменов и сотрудников собралась в цокольном этаже Капитолия, чтобы частным образом обсудить события в Сирии. Вели дискуссию три американских гражданина, с живым интересом наблюдавшие за баталиями по поводу будущего Сирии. Самым молодым был двадцатисемилетний сирийский иммигрант, давний сотрудник Капитолия, хорошо известный многим собравшимся. Муаз Мустафа как раз приступал к новой работе, которая будет приносить ему радость и горе, часто – в один и тот же день: он искал, как Америка может поддержать сражающуюся сирийскую оппозицию.

Больше часа Мустафа и его коллеги отвечали на вопросы парламентариев, которые, казалось, искренне стремились помочь. Мустафа, умеющий оценить степень заинтересованности высокопоставленных лиц в зале заседаний, чувствовал себя ободренным.

“Все еще только начиналось, и конгрессмены действительно хотели знать, что происходит, – говорил он, вспоминая ту встречу. – Они задавали хорошие вопросы. Мы надеялись, что они будут возмущены”.

Это был первый из множества подобных визитов для Мустафы. Казалось, молодой человек рожден для роли, которую сейчас играл. Сириец, живущий в арканзасском Хот-Спрингсе, он был способен общаться по-английски и по-арабски, что впечатляло и его капитолийских боссов, и влиятельных людей в небольшом вашингтонском сообществе ближневосточных политических изгнанников. Теперь, в 2011 году, Мустафа неожиданно выступил в новой роли, обращаясь непосредственно к американскому правительству, на которое многие сирийцы смотрели как

на последнюю надежду. Представляя интересы противников Асада в Сирии, уже практически ему незнакомой, Мустафа оказался среди горстки вашингтонцев, наблюдавших за приближением катастрофы с позиции обеих стран.

“Это было как авария в замедленной съемке, а ты пытаешься докричаться до людей за рулем, – вспоминал Мустафа. – Ты хочешь сказать: поверните же руль, ну немножко, совсем чуть-чуть. Не обязательно нам всем умирать”.

Мустафа пламенно верил в демократию американского образца, хотя к политике пришел не прямым путем. Сын авиамеханика, он попал в Соединенные Штаты в одиннадцать лет и своим английским был обязан в основном детскому сериалу “Могучие рейнджеры”. Его, иностранца со смуглой кожей в преимущественно белой арканзасской начальной школе, нещадно преследовали другие мальчишки, пока пубертатный скачок роста не превратил его в длинноногого атлета с исключительными способностями к футболу. Мустафа стал звездой команды в школе и в колледже, а потом, после выпуска, неожиданно оказался в Вашингтоне в качестве практиканта-представителя арканзасского демократа Вика Снайдера, члена Комиссии Палаты представителей по делам вооруженных сил. Он произвел такое впечатление на своего босса, что его летняя подработка превратилась в штатную должность, сначала у Снайдера, потом у сенатора второго срока, демократа Бланш Линкольн. После поражения Линкольн в 2010 году Мустафа какое-то время работал тележурналистом, после чего на него вышла группа представителей ливийской оппозиции, искавшая лоббиста, который хорошо говорил бы и по-арабски, и на языке официального Вашингтона. Это и была его работа в апреле 2011, когда сирийские беженцы переманили его к себе.

Вскоре Мустафа уже делал доклады Конгрессу и Белому дому в качестве руководителя Сирийских сил чрезвычайного назначения, некоммерческой организации, созданной, чтобы в режиме реального времени информировать американцев о положении дел в Сирии,

а также о планах антиасадовской оппозиции. Ознакомленные с положением дел, американские стратеги от политики могли предоставить сирийским повстанцам поддержку, которая лучше всего отвечала бы их нуждам.

Или – не предоставить.

“Надо было убеждать людей в чем-то, что и так казалось логичным”, – говорил Мустафа. Конечно, американцы сочувствовали тем, кто стремился освободить свою страну от диктатуры, здесь, по словам Мустафы, демократические принципы США “совпадали с интересами государства относительно того, что надо сделать в Сирии. Мы думали, что политика просто будет меняться в этом направлении”.

Мустафа регулярно посещал Белый дом для встреч с руководителями президентской группы по Сирии, иногда по своей инициативе, но чаще – по их. Он подолгу сидел в Западном крыле Белого дома с Самантой Пауэр, советником Обамы по правам человека (позже она стала представителем в ООН), Денисом Макдоноу, любителем резать правду-матку, заместителем советника президента по национальной безопасности, и старшими сотрудниками сирийского сектора Госдепартамента. Все с сочувствием говорили о нелегкой участи гонимой сирийской оппозиции. Но любые разговоры о путях решения проблемы подразумевали длинный список оговорок и ограничений.

“Было множество “это актуально”, “то актуально”, но по факту актуально не было ничего, – вспоминал Мустафа. – Со временем я это понял. Смысл был такой: слушайте, президент, вступая в должность, обещал, что мы больше не полезем в эти войны”.

Вернувшись в свой кабинет, Мустафа вел долгие беседы по скайпу с лидерами сирийского протеста, с некоторыми из них он потом встречался лично, когда начал курсировать между Вашингтоном и Ближним Востоком. Сирийцы не падали духом, веря, что Америка обязательно придет им на помощь. В конце концов, Обама ведь провозгласил, что Асад должен уйти. “Риторика администрации

и международного сообщества сводилась к тому, что Асад кончился – он должен сойти со сцены. Так что они думали: мы выйдем, и пусть нас будет много. И выходили. Я думал: они выдыхаются, они готовы остановиться. Но на следующей неделе они возвращались, и на следующей тоже. И продолжали выходить”.

Среди тех, кто отказывался смириться, была Нура альАмир, молодая суннитка из сирийского города Хомса, с которой Мустафа познакомился онлайн и со временем сдружился. Когда вспыхнули первые протесты, аль-Амир было двадцать три года; ей, миниатюрной брюнетке, студентке колледжа, нравились и политические дебаты, и яркие головные шарфы. В самые первые дни она с восторгом рассказывала о редкостном единении, которое наблюдала на улицах Хамы, когда сирийцы разных этнических групп и социальных классов сливались в единую демонстрацию. Одно время почти на каждом митинге некоторые протестующие несли и христианский крест, и Коран как символ согласия между верами.

“Там были бизнесмены и рабочие, врачи и инженеры, студенты и журналисты, – вспоминала впоследствии альАмир. – Все конфессии, все социальные классы”.

По ее словам, ощущение единства позволяло протестующим побеждать страх. Продавцы-сунниты и алавитские студенты-юристы сцепляли руки, даже когда полицейский спецназ вклинивался в толпу с дубинками и слезоточивым газом. Когда это случилось в первый раз, аль-Амир думала, что умрет. Но оказалось, проблема была не в этом.

“Даже если бы режим убил нас, мы умерли бы счастливыми, – говорила аль-Амир. – Полиция обходилась с нами круто, но мы отлично себя чувствовали. Мы жили как в романе. Это же потрясающе – умереть за дело, в которое мы все верили”.

Аль-Амир не умерла, но умерло другое. Понемногу символы единения исчезли, зато начали циркулировать истории об убийствах и нападениях на единоверцев. В суннитском по большей части районе, где жила аль-Амир, на дверях появились листовки,

предупреждавшие о грядущих атаках алавитских эскадронов смерти. В то же самое время алавитские друзья аль-Амир получали такие же предупреждения о суннитах. Одновременно печально известные отряды головорезов – нанятые правительством банды под названием *шабиха*, или “призраки”, – похищали на улицах женщин и детей и потом возвращали их, иногда мертвых, иногда – избитых и истерзанных пытками. Несчастные потом рассказывали, что их мучили алавитские бандиты. К концу 2011 года к обычному репертуару ежедневных протестов добавилась новая речевка: “Христиан – в Бейрут, алавитов – в гробы”.

Потом очередь дошла и до аль-Амир. Она направлялась в гости к матери, когда полицейские вытащили ее из рейсового автобуса и доставили в один из специальных разведывательных центров в Дамаске. Аль-Амир снова думала, что умрет. Вместо этого похитители заперли ее в камеру и заставили слушать, как они избивают и пытаются одного из ее друзей. Аль-Амир все равно отказалась говорить. Тогда полицейские привязали ее к стулу и подключили электроды к вискам и груди. Боль жидким огнем полилась по ее телу; похитители тем временем, посмеиваясь, ждали, будет она кричать или нет.

“Мы всех вас, суннитов, перебьем!” – сказал один полицейский. При этом он употребил эпитет, который аль-Амир и через несколько лет не могла заставить себя повторить.

Она провела в тюрьме восемьдесят пять дней; потом члены семьи выкупили ее, дав взятку одному из тюремщиков. Она бежала в Турцию, чтобы присоединиться к оппозиционерам в изгнании, но к тому времени настроения в Сирии переменились. Марши единства, на которых молодые и старые, взявшись за руки, несли цветы и оливковые ветви, ушли в прошлое, сменившись отвратительным сектантством.

“Когда я выходила протестовать, меня окружали мужчины и женщины, которые, как и я, мечтали о свободной Сирии. Если я выйду сегодня, то не найду их. Режим украл их у нас”.

Глава 20

“Музыкальный фон стал меняться”

Двадцать четвертого января 2012 года ранее неизвестная группа сирийских мятежников опубликовала короткую видеозапись, подтвердившую то, о чем западные разведки уже догадывались: первое дочернее предприятие “Аль-Каиды”^{*} в Сирии начало работу.

Официальное медийное представление продукта было достойно новой модели автомобиля или новейшего эппловского гаджета. Два дня на исламистских сайтах висела реклама, обещавшая “экстренное сообщение” на фоне циферблата и отсчитывающих минуты стрелок. Когда пришло время, публике был представлен “Фронт ан-Нусра”^{*}: шестнадцатиминутное видео коротко продемонстрировало возможности и особые характеристики группы. Старший менеджер проекта был полон энтузиазма, хотя и старательно отворачивался от камеры.

“Мы несем исламскому народу радостную весть”, – начал Абу Мухаммад аль-Джулани, человек, пять месяцев назад командированный в Сирию головным офисом Исламского государства Ирак^{*}. Мы услышали призыв о помощи, объявил Джулани, и “не смогли не откликнуться на этот призыв”.

Ко времени появления видео банда Джулани уже три месяца продвигала свой бренд. За несколько недель до появления ролика возле одного из отделов службы безопасности асадовского режима в Дамаске с безупречной синхронностью взорвались две начиненные взрывчаткой машины, убив сорок четыре человека и послужив сообщением о том, что в борьбу включились силы нового типа. Позже ответственность за взрыв взяла на себя “Ан-Нусра”^{*}; эксперты по терроризму уже сделали заключение о том, что взрывы совершили террористы “Аль-Каиды”^{*} или кто-то, обученный их методам.

Уже участвующие в конфликте стороны объявили о вступлении в борьбу террористов-смертников. “Мы с самого начала говорили: это террористы”, – сказал пресс-секретарь министерства иностранных дел Сирии Файсал Мекдад. Главные силы повстанцев отрицали использование оружия, которое убивает indiscriminately. Сирийская свободная армия* “не применяет машин с взрывчаткой – она не делала так раньше и не будет делать впредь”, заявил ее пресс-секретарь Аммар аль-Вави. И все же с этого дня шахидомобили стали постоянным пунктом в сирийском каталоге ужасов, наравне с грузовиками-бомбами, поясами смертников и самодельной взрывчаткой.

Джулани в своих нерегулярных видеообращениях утверждал потом, что “Фронт ан-Нусра”* охотится только за пособниками режима, а не за гражданскими, даже если они из алавитской секты Асада. Он говорил, что его методы будут работать даже там, где оказались бесполезными многие другие, от ненасильственного сопротивления до молниеносных партизанских ударов, до жалкой надежды на помощь Запада и расчета на мировое соглашение при посредничестве западных стран.

“Фронт ан-Нусра”* принял на себя обязательство стать оружием мусульманского народа на земле этого народа”, – говорил Джулани. Борьба будет жестокой, но это священная борьба, заверял он, она потребует от всех благочестивых мусульман “объединиться под знаменем Аллаха единого”, под черным штандартом, который несло древнее воинство пророка Мухаммеда и который присвоили теперь джихадисты.

Несирийская мусульманская аудитория – в том числе та, которую Джулани, вероятно, рисовал в воображении, записывая видео, – оказалась более восприимчивой. В начале 2012 года в населенных суннитами арабских странах Персидского залива и Северной Африки многие тысячи верующих начали мобилизацию, чтобы поддержать джихадистов – те хотя бы наносили реальные удары

по сирийскому тирану. Молодые мужчины из Саудовской Аравии, Ливии и Туниса, смотревшие на арабоязычных каналах ночные репортажи об асадовских рейдах на мусульман-единоверцев, стали стекаться в Южную Турцию, чтобы присоединиться к “Ан-Нусре”^{*} и другим исламским боевым соединениям, набиравшим добровольцев в приграничных городах. Еще больше было сочувствующих арабов, которые жертвовали деньги, золотые украшения и обеспечивали сирийских исламистов продовольствием. Арабские правительства тоже оказывали помощь, тайком поставляя что-нибудь смертоносное.

В Кувейте один из крупнейших учредителей негосударственных фондов, священнослужитель по имени Хаджай альАджми, организовал кампанию в Твиттере, чтобы сподвигнуть 250 тысяч своих подписчиков переводить пожертвования на специальный банковский счет, открытый для помощи повстанцам. “Отдайте деньги тем, кто потратит их на джихад”, – призывал аль-Аджми в видео, опубликованном на Ютьюбе в 2012 году. Другие жертвователи устраивали в Твиттере “аукционы”, продавая машины, яхты, недвижимость для отдыха – все, что можно было обратить в деньги для помощи сирийским повстанцам. Несколько состоятельных жертвователей – иногда те, кому они жертвовали, называли их “меценаты” – даже ездили в горячие точки, чтобы лично вручить “дипломат” с деньгами; иногда повстанческие бригады даже переименовывали себя в их честь.

“В эту игру играют все, – говорил в те дни один ближневосточный дипломат, признавая, что среди тех, кто жертвовал деньги боевикам-экстремистам, были и его соотечественники. – Разные силы стараются создать собственные боевые соединения. Все вышло из-под контроля”.

Некоторые страны предпринимали честные, хотя и запоздалые, попытки остановить поток частной помощи, текущий к джихадистским группам. Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты максимально ужесточили ограничения

и увеличили срок рассмотрения для банковских переводов, пытаясь сократить поток нелегальных пожертвований. Но другие не склонны были перекрывать кран. В Катаре и Кувейте – богатых королевствах Залива и союзниках Соединенных Штатов – исламистам оказывали поддержку в том числе и правительственные министры, верившие, что джихадисты – это лучший шанс разгромить правительство Асада. Официально правительства обеих стран осуждали экстремизм, хотя частным образом некоторые министры защищали группы, которые западные правительства заклеили как террористические, – в том числе “Фронт ан-Нусра”*, по словам официальных лиц США и Ближнего Востока, принимавших участие в подобных дискуссиях.

“Они считали проблемой Асада, а группы вроде “Ан-Нусры”* – решением этой проблемы, – говорил старший офицер ближневосточной разведки, тесно работавший с обеими странами по вопросам координации политики в отношении Сирии. – Вот почему они считали нормальным, что деньги и оружие идут “Ан-Нусре”*. Члены этой группы отличные бойцы и тоже сунниты, и если они победят, новое правительство будет им под стать”.

Катар, наблюдавший за конфликтом с расстояния в тысячу сто миль, мог позволить себе риск. А вот для короля Иордании Абдаллы II люди с черными флагами, винтовками и взрывчаткой, купленными на деньги Залива, были uncomfortably близко – настолько, что иорданские пограничники со своих наблюдательных вышек видели иногда бои на сирийской территории.

Летом 2012 года исламисты подобралась еще ближе. Иорданская разведка начала принимать донесения о боевиках, проникших на территорию страны с оружием; очевидно, эти люди намеревались распространить революцию и на Хашимитское Королевство. Мухабарат неделями наблюдал, как группы инфильтрантов устраивали явочные квартиры и склады. Террористы собирались

привести в исполнение дерзкий план: поразить несколько целей по всему Амману.

Когда заговорщики уже готовились начать, Мухабарат нанес удар. В ходе нескольких рейдов были арестованы одиннадцать подозреваемых, захвачены пулеметы, минометы, автомобили с взрывчаткой и бомбы, тайком доставленные в Иорданию. В ходе допросов вырисовались очертания плана: почти одновременно произвести атаки на гражданские и правительственные объекты, от посольства США до роскошного торгового комплекса в центре Аммана. Если бы план удался, погибли бы десятки, если не сотни человек.

Едва сотрудники Мухабарата разобрались с заговором, возникли проблемы на границе. Пограничный патруль накрыл разношерстную группу вооруженных исламистов, когда те пытались уйти в Сирию; нарушители открыли стрельбу. Завязалась перестрелка, в ходе которой погибли четыре боевика. Был убит и один иорданский солдат – первая потеря за год сирийской гражданской войны.

Король пришел в ярость. Он несколько месяцев предупреждал всех – американцев, европейцев, арабских союзников, даже самого Асада – о последствиях полномасштабной гражданской войны, разразившейся в Сирии. Искры межрелигиозного и межэтнического конфликта неминуемо должны были перелететь через сирийскую границу. Это уже произошло в Ираке, и теперь на очереди была Иордания. “Это не абстракция, это реальность. Это по соседству, – говорил король своим помощникам. – Если война будет продолжаться, она постучится и в нашу дверь”.

Весь конец 2011-го и весь 2012 год монарх трудился не покладая рук, чтобы возвести брандмауэры, которые не дали бы конфликту распространиться. Сирийские беженцы тысячами устремились через границы – один только лагерь Заатари вмещал в середине 2012-го 30 тысяч человек, а в следующем году раздулся до 156 тысяч, став четвертой по величине метрополией Иордании. Абдалла уделял особое внимание безопасности и устроил центры приема беженцев

в местах пересечения границы, чтобы должным образом контролировать поток, притекающий в новые палаточные городки вдоль пограничной полосы. Он созывал совещания, приглашая американских, британских и арабских военных, чтобы выработать детальный план действий в чрезвычайной обстановке на случай возможных кризисных ситуаций, от химической атаки со стороны Сирии до вторжения асадовских военных самолетов в воздушное пространство соседей. Он работал с американскими и британскими военными над формированием отрядов быстрого реагирования, которые в случае внезапного краха центральной власти смогли бы срочно обезопасить асадовские склады ядовитого газа.

Западные правительства выражали желание принять участие в составлении планов, однако выделять средства не спешили. Ручеек гуманитарной помощи тек еле-еле, Абдалла изворачивался как мог, чтобы накормить и одеть толпы беженцев на иорданской границе. Начались постоянно пробуксовывавшие переговоры об организации в Иордании секретного тренировочного лагеря для нерелигиозных повстанцев, ядра будущего “Южного фронта”, который смог бы двинуться на Дамаск, пока армия Асада барахтается на севере и востоке страны. Абдалла согласился, несмотря на страх оказаться между огней враждующих сирийских армий. Тренировки начались в 2013 году, аналогичная программа выполнялась при поддержке ЦРУ на юге Турции. Однако, дав отмашку на начало тренировок, Белый дом ввел жесткие ограничения как на масштаб учебной операции, так и на виды вооружения и боеприпасов, которыми разрешено снабжать бойцов. Бойцам, которых поддерживало ЦРУ, платили 100–150 долларов в месяц – меньше половины того, что предлагали исламисты. Снабжение боеприпасами было настолько скудное, что один командир жаловался, что на каждого солдата приходится около шестнадцати пуль в месяц. Многие новички уходили в другие части, забирая с собой оружие. “Мы думали, что быть с американцами значит быть с большими ружьями, – говорил

один из командиров, которого снабжало ЦРУ. – Мы ошиблись и проиграли”.

Но самые сложные переговоры шли с другими арабскими лидерами. Иордания, которой отчаянно не хватало нефти и газа, отягощавших казну ее соседей, обращалась к богатым государствам Залива за помощью во времена экономического кризиса. Но помощи назначили цену: некоторые шейхи Залива ожидали, что Иордания послужит перевалочным пунктом для денег и оружия, отправляемых сирийским боевикам – подопечным шейхов.

Абдалла не верил своим ушам. Ему хотелось спросить: как можно поставлять оружие джихадистам, которые вознамерились создать теократию образца седьмого века в самом сердце Ближнего Востока?

– Когда прекратятся эти революции? – спросил он как-то в приватной беседе одного из своих партнеров с Залива.

– Я надеюсь, что революции на Ближнем Востоке продолжатся, – ответил ему человек, публично разделяющий религиозные взгляды исламистов. – Я заплатил за поддержку этих групп, и они задолжали мне лояльность.

– Так нельзя! – Абдалла потерял самообладание. – Ты опустился в основание пищевой цепочки. В конце концов они придут и за тобой.

Поток денег и оружия шел в Сирию непрерывно. Беседуя частным образом со своими помощниками, Абдалла понимал, какими путями может развиваться эта история. Одна возможность – что Асад при поддержке Ирана и России одержит победу благодаря грубой силе – теперь казалась неправдоподобной. Альтернативный ход событий предусматривал, что “психи” – исламисты-радикалы – возьмут контроль над Дамаском, хотя такая перспектива тоже представлялась отдаленной. Третья вероятность, если региону очень, очень повезет, заключалась в урегулировании ситуации путем переговоров, после которых Асад передаст власть объединенному правительству Сирии – правительству, которое будет наблюдать за выборами

и не станет трогать институты, обеспечивающие порядок и безопасность сирийским гражданам.

Оставался еще, однако, четвертый возможный исход: продолжительное насилие без какой-либо понятной развязки. По этому сценарию стране, известной как Сирия, предстояло рассыпаться и превратиться в водоворот, который постепенно затянет в себя другие страны, дестабилизируя регион на десятилетия вперед. Абдалла в разговорах с помощниками представлял себе Сирию разделенной на зоны, контролируемые суннитами, алавитами и курдами, причем каждую сторону будут поддерживать и снабжать единомышленники из-за границы. В реальности контуры будущего раздела Сирии уже вырисовывались – режим цеплялся за оборонительные рубежи вокруг столицы и городов побережья, оставляя засушливые внутриматериковые территории исламистам. “Ситуация превращалась в тупиковую у нас на глазах”, – говорил один из помощников короля.

Реальность была такова: экстремисты становились сильнее, союзники Иордании все настойчивее требовали поддерживать их – пассивно, если не активно. Но Абдалла отказывался помогать террористам. Сидя в одиночестве у себя в кабинете, он просматривал очередной каталог зверств: взятых в плен солдат расстреливали в упор, священников и имамов резали как овец, бледные молодые тела выволакивали из обломков разрушенного бомбами дома. Иногда он отправлял ссылки своим старшим советникам. Нельзя, чтобы подобное началось в Иордании, твердил он.

“Я считаю, что есть границы дозволенного, – говорил Абдалла, по воспоминаниям одного из помощников. – Я не позволю поддерживать радикалов, потому что эта поддержка обернется против нас. Она обернется против моих граждан”.

В мае 2012 года Роберта Форда вызвали в Госдепартамент, на седьмой этаж, на личную встречу с женщиной, бывшей его

формальным боссом последние три года. До этого Форд уже несколько раз встречался с Хиллари Клинтон, но дипломату среднего звена непривычно было в одиночку подниматься на лифте в элегантный съют “Мэхогани-роу”, служивший госсекретарю США кабинетом.

Форд был теперь послом без посольства. Официально он оставался главным американским дипломатом в Сирии, но в октябре предыдущего года его отозвали в Вашингтон из соображений безопасности. Пережитое в июле на крыше уже было достаточно страшным, но другие инциденты, имевшие место в следующие недели, со всей ясностью показали: сирийская гарантия защиты иностранных дипломатов на Форда больше не распространяется.

Самый пугающий случай произошел в тот день, когда он нанес визит лидеру одной из официально признанных сирийских оппозиционных партий в Дамаске. Когда американский дипломат прибыл в офис этого человека, толпа из примерно семидесяти пяти сторонников Асада уже ждала его на ведущей к дому дорожке. Форд и его помощники пробежали под градом из яиц и помидоров и успели проскользнуть в ворота, на какие-то секунды опередив толпу. Американцы быстро забаррикадировали дверь столом, после чего Форд с ядовитой усмешкой повернулся к хозяевам. “Мы из американского посольства”, – объявил он. После встречи был еще один безумный рывок, к посольским машинам, которые к тому времени изуродовали так, что починить их оказалось невозможно. Форд бежал к машине в полной уверенности, что не все его кости и зубы доживут до конца дня целыми. “Я не думал, что меня убьют, – вспоминал он потом, – но был уверен, что изобьют”. Каким-то образом американцы убралась невредимыми, но следующей крупной вылазкой Форда стала дорога в аэропорт и вылет домой. Назад он не вернулся, да и само посольство закрылось три месяца спустя.

Клинтон знала все о мытарствах Форда, и во время встречи тем майским днем двое чиновников говорили о масштабной борьбе

за власть, разворачивающейся в Сирии: все более активная поддержка Асада со стороны Ирана, характер недавних боев, многочисленность оппозиционных фракций и их союзников. Форд говорил о частностях, когда Клинтон остановила его.

“Вы же понимаете, к чему все это ведет? Региону грозит катастрофа”, – сказала она. Клинтон списком перечислила возможные последствия: выплеск насилия на Ливан, Иорданию и Ирак; лавина беженцев; межрелигиозная война, которая “захлестнет территории от Ливана до самого Ирака”.

Форд едва ли мог не согласиться с этим, хотя и пытался говорить обнадеживающие вещи. Может быть, предположил он, подобного кризиса еще можно избежать, если новая мирная инициатива, недавно предложенная специальным представителем ООН в Сирии Кофи Аннаном, принесет результаты.

“Если у нас получится провести переговоры и помочь временному правительству устоять, если мы сумеем подтолкнуть оппозицию к участию в переговорах – может быть, нам еще удастся избежать катастрофы”, – сказал Форд.

Государственный секретарь о чем-то сосредоточенно думала. Они оба знали: из всех возможных сирийских сценариев наименее вероятным был тот, в котором Асад участвовал бы в переговорах об окончании своего президентства. “Она просто не считала, что с Асадом это сработает”, – вспоминал впоследствии Форд.

Форду суждено было сыграть ключевую роль в организованных тем летом ООН переговорах – и почти через два года после них. Из тысячи препятствий к принятию решения одно оставалось неизменным: категорическое несогласие Сирии на любой исход, при котором Асад терял президентский пост.

Однако перед Белым домом встала, потеснив прочие, новая проблема. Мелкие банды джихадистов, ранее замеченные разведуправлениями, срослись в небольшую армию. На собраниях Совета национальной безопасности карты показывали теперь сегменты территорий, оказавшихся под контролем джихадистов,

включая “Фронт ан-Нусра”^{*} – группу, которая явно вела свое происхождение от “Аль-Каиды”^{*}.

Разведывательные сводки теперь включали в себя новую информацию об исламистских группировках, ставших частью изменчивой повстанческой сети. Некоторые группы были местного происхождения и действовали совместно с командованием Сирийской свободной армии^{*}. Другие, подобные “Фронту ан-Нусра”^{*}, – нет. Еще больше разведчиков тревожило то, что молодые мусульмане со всего мира теперь стягивались на сирийско-турецкую границу, чтобы участвовать в боях, прямо как в минувшие десятилетия, когда боевики-добровольцы потоком шли в Афганистан и Ирак. Чтобы воодушевить их, лидеры “Ан-Нусры”^{*} завели аккаунты в Твиттере и Фейсбуке, где было все, от болтовни на богословские темы до практических советов – как одеваться, что везти с собой.

Некоторые заграничные гости были хорошо известны разведуправлениям – они или приехали из других горячих точек, или об их пребывании в пенитенциарных учреждениях США имелись обширные записи.

“На некоторых совещаниях, – вспоминал старший советник по вопросам безопасности, – мы слышали: давайте просто подождем и увидим, кто появится [в Сирии]. А на следующем собрании звучало: ага, думаете, *предыдущая* группа была плоха?..”

Однако вновь прибывшие возбуждали тревогу именно тем, что ни участия в боях, ни преступлений за ними не числилось. Из Западной Европы являлись сотни, а потом тысячи молодых мужчин, большинство – мусульмане, и у всех у них имелись паспорта, разрешавшие им свободно путешествовать по Европейскому Союзу и Северной Африке. Разговоры в Западном крыле вдруг пошли не только о рисках дестабилизирующей Ближний Восток гражданской войны. Речь шла теперь о гражданской войне, способной рассеять тысячи молодых радикалов по континентам – словно ветер, разносящий еще больше тлеющих угольев. Этого

оказалось достаточно, чтобы предельно насторожить выдавшую виды службу государственной безопасности.

“Мы не боялись, что “Ан-Нусра”* явится к нам на следующей неделе, но беспокоились, что все эти обученные джихадисты вернутся назад в Европу с паспортами, – говорил один из старших советников. – Именно в те дни музыкальный фон в оперативном штабе стал меняться”.

От ЦРУ до Пентагона в официальных докладах высказывались опасения. Группа Госдепартамента по Сирии, в которую входили Форд и другие бежавшие из впоследствии закрывшегося посольства США в Дамаске, подготовила для заместителя госсекретаря Уильяма Бернса документ, рассматривающий последние события и тенденции в общем контексте. Этот отчет, с грифом “секретно”, не стал достоянием гласности, но его главной темой было сползание Сирии в правовой беспредел, которым уже начинают пользоваться опасные группировки.

“Режим терял контроль над пограничными пунктами Восточной Сирии и некоторыми пограничными пунктами вдоль турецкой границы, – рассказывал Форд, коротко передавая суть отчета. – Экстремисты стремились взять эти обширные пространства под свой контроль, как они это сделали в Афганистане и Сомали. Очень важно было создать умеренную сирийскую оппозицию, которая сможет противостоять этим людям так же, как Асаду”.

В отчетах аналитиков государственного департамента “экстремисты” относились главным образом к “Фронту ан-Нусра”*, который к концу 2012 года начинал выглядеть все опаснее. Группировка не только безусловно имела отношение к “Аль-Каиде”*; она еще и проявила себя как одна из самых эффективных военных организаций, а также как магнит для иностранных боевиков. Даже сравнительно умеренное – по меркам “Аль-Каиды”* – поведение “Ан-Нусры”* вызывало тревогу. Хотя лидеры и настаивали на введении шариата в населенных пунктах, которые они “освобождали”,

в основном они избегали насилия над мирными мусульманами. Некоторые подразделения “Ан-Нусры”^{*} даже щеголяли сбором мусора и доставкой еды и воды в районы военных действий, завоевывая подобными акциями уважение и даже восхищение.

Аналитики задавались вопросом: что произойдет, если представители этого нового бренда “джихад-лайт” по-настоящему возьмут власть в свои руки? Что, если Сирия – соседка Израиля и истинный залог ситуации на Ближнем Востоке – вот-вот станет первой костяшкой домино “Арабская весна”, выпавшей правительству, которое от “Аль-Каиды”^{*} отличается только названием?

С самого начала беспорядков команда государственной безопасности Белого дома была единодушно против прямого вмешательства США во внутрисирийский конфликт. К концу лета 2012 года преобладающая точка зрения сводилась к одному значительному аспекту: ключевые фигуры ближнего круга Обамы считали теперь вооружение умеренных сирийских повстанцев нежелательным, но необходимым; эта идея казалась наименее сомнительной из списка скверных вариантов.

Среди членов правительства Обамы, требовавших наиболее агрессивного ответа, был популярный и всеми уважаемый министр обороны. Леон Панетта, бывший директор ЦРУ, делился во время обсуждений своим редким опытом: он активно участвовал в борьбе с предшественниками ИГИЛ^{*} в Ираке и помогал координировать помощь арабским инсургентам в Ливии. Семидесятичетырехлетнего Панетту, общительного сына итальянских иммигрантов и бывшего главу администрации в клинтоновском Белом доме, никак нельзя было назвать “ястребом”. Но в Лэнгли и Пентагоне он последовательно принимал решения о применении смертельных тактик – от незаметных дронов ЦРУ до ракетных ударов и рейдов спецназа, – чтобы убивать подозреваемых в терроризме

в их заокеанских логовах. Всего за год до этого Панетта участвовал в увенчавшейся успехом миссии по ликвидации самого известного в мире террориста, Усамы бен Ладена.

Сейчас он со все более тяжелым чувством следил, как террористы перебираются в убежища, образовавшиеся в хаосе “Арабской весны”. Его главной заботой была стабильность в регионе: межконфессиональные распри в Сирии могли распространиться за пределы страны, в Турцию, Ливан и еще дальше. А прибытие в Сирию закаленных джихадистов делало конфликт опаснее во много раз.

“Вообще, разведка была очень встревожена, – вспоминал позже Панетта. – Мы видели, как толпы вновь прибывших экстремистов организовывались и начинали действовать весьма эффективно. Меньше всего нам хотелось, чтобы они нашли точку опоры и сделали Сирию своей базой”.

В то время Белый дом продолжал мягко поддерживать оппозицию, пытаясь дипломатическим путем ускорить отставку Асада и образование нового переходного правительства. Но результаты в лучшем случае разочаровывали. Кофи Аннан, бывший генеральный секретарь ООН, возглавивший мирные переговоры, в течение лета безразлично сложил с себя эти обязанности: ему надоели постоянные помехи, включая настойчивое блокирование российским президентом любых мер, которые могли бы заставить Асада уйти. На местах бои становились все более ожесточенными, и все же ни одна из сторон не могла достичь решающего преимущества. Президент Сирии пополнял свои обессиленные войска боевиками “Хезболлы” из Ливана и использовал ВВС, чтобы бомбить и обстреливать позиции повстанцев. Турция и страны Персидского залива отправляли все новые потоки денег и оружия, чтобы поддержать мятежников, в чьих рядах начинали доминировать исламисты. Американцам, как признавалась впоследствии Хиллари Клинтон, “каждое новое решение казалось хуже предыдущего”.

Клинтон начала частным образом добиваться того, чтобы снабдить американским оружием “тщательно проверенных и обученных умеренных повстанцев, которым можно доверять”, как она выразится позже. В своей книге “Тяжелые времена” Клинтон описывает, как пригласила директора ЦРУ Дэвида Петреуса к себе домой на ланч в июле 2012 года, чтобы обсудить способы вербовки и создания такой армии. Если Америка “хотела все же вступить в игру, мы могли бы весьма эффективно изолировать экстремистов и вооружать умеренных в самой Сирии”, писала она.

К концу лета, после длительных совещаний с партнерами из НАТО и лидерами повстанцев, у Клинтон были “все основания верить”, что эффективная стратегия возможна. ЦРУ под руководством Петреуса составило план создания, обучения и вооружения армии умеренных повстанцев, которые смогли бы наконец свергнуть режим и установить власть в провинциях, контролируемых исламистами. В конце августа план был представлен президенту Обаме на встрече в Белом доме, и Панетта входил в рабочую группу старших советников, обсуждавшую его принятие.

“Мы вне игры. – Таковы были аргументы Панетты. – У нас нет кредита доверия [со стороны сирийских умеренных]. Мы не поставляем им оружия, и они гибнут”.

Панетта оценивал риски весьма трезво. Даже самая тщательно проверенная группа умеренных повстанцев могла, получив американское оружие, перейти на другую сторону или устроить резню. Винтовки, переданные умеренным сирийцам, легко могли под конец оказаться не в тех руках.

“Риск есть всегда, – твердил Панетта. И все же, вторя мнению Клинтон и Петреуса, он сказал президенту: – Думаю, мы можем пойти на это”. Альтернатива – дать кризису развиваться своим чередом – тоже несла с собой риски, открывая дверь еще большему хаосу и создавая питательную среду для экстремизма, доказывал он.

Обама внимательно выслушал, а потом, по словам присутствовавших на встрече служащих, указал на дыры в плане

ЦРУ. В истории США было много моментов, когда принятое из лучших побуждений решение вооружить партизан оказывалось чудовищно неправильным, заметил президент, согласно воспоминаниям Клинтон. Почему на этот раз должно быть по-другому?

Бенджамин Роудс объяснял нежелание президента начинать военную интервенцию опасениями, как бы вторжение не затянуло Америку в болото очередной ближневосточной войны.

“Он хотел обдумать варианты, но всегда задавал вопрос: а дальше? Завтра вы разбомбите одну за другой несколько взлетно-посадочных полос в Сирии, а послезавтра тогда что? – вспоминал Роудс. – Он не видел, куда приведет нас интервенция, кроме как в зыбучие пески конфликта, невероятно сложного и в принципе не решаемого военным путем”.

Роудс также предполагал, что разногласия между президентом и его советниками по поводу Сирии были не столь радикальными, как рисовали их новостные выпуски тех дней.

“Откровенно говоря, я думаю, что очень многие использовали эти споры, чтобы остаться в глазах потомков людьми, которые рвались сделать для Сирии хоть что-то, хотя на самом деле разница была невелика, – говорил Роудс. – План, представленный Обаме той осенью, был “как будто сыроват”, как он выразился, и президент сомневался, что вооружение восставших – если, допустим, удалось бы найти достойных доверия союзников – решило бы исход дела.

“Это очень сложная проблема, которая уходит корнями в десятилетие войны в Ираке и в десятилетия межрелигиозного напряжения в той части мира, – говорил Роудс. – Мы казались себе более влиятельными, чем были на самом деле”.

В конце концов Обама, в своей предвыборной кампании обещавший положить конец американскому участию в ближневосточных войнах, отверг план ЦРУ. Ситуация может измениться в будущем, полагал президент, в особенности если Асад

перейдет черту и применит химическое оружие (или начнет перемещать его запасы). Но в настоящее время никаких поставок американского оружия сирийским повстанцам не будет.

Снова вспыхнули дебаты, но возможность уже была упущена. Клинтон, разочарованная, снова погрузилась в поиски расплывчатого дипломатического решения, которое положило бы конец конфликту. Она добилась договоренности об увеличении гуманитарной помощи – еще больше одеял, продуктов, компьютеров и телефонов – для сирийской оппозиции.

“Но все эти шаги были полумерами, – писала она. – Конфликт разгорался”.

Панетта ушел с поста министра обороны через пять месяцев после той августовской встречи. Оглядываясь на нее через два года с лишним, он оценивал решение администрации как дорогостоящую ошибку.

“После операций в Пакистане и Афганистане мы научились противостоять “Аль-Каиде”^{*} и ее дочерним предприятиям, – говорил он. – Мы знаем, как действовать. Но нам нужно захотеть действовать”.

Глава 21

“Больше надеяться было не на что”

Черные флаги шли с востока, как и гласило пророчество хадисов; черные полотнища несли люди с длинными волосами и бородами, с именами, взятыми по названию родного города. Они передвигались не верхом на лошадях, а в небольших пикапах, иногда десятками. В туче пыли они направлялись через иракскую пустыню на запад. Через год после авантюры с созданием Исламского государства* в Сирии Абу Бакр аль-Багдади уже был готов взять под свой контроль проект, безнадежно, на его взгляд, заброшенный. Багдади наконец мог показать своим мятежным сирийским сторонникам и всему остальному миру, как он намерен управлять халифатом.

Чтобы гарантировать себе беспрепятственный доступ к сирийской границе и дальше, Багдади поставил одного из самых колоритных своих подручных присматривать за главной иракской дорогой, тянущейся от западной провинции Анбар к сирийской границе. Выбранный им командир, пламенный анбарец, заслуженный боевик Исламского государства* Шакер Вахиб ад-Дулайми уже успел прославиться как Абу Вахиб, одна из восходящих звезд террористической группы и человек, болезненно заиклившийся на своем публичном имидже. Двадцатисемилетний бывший программист старательно подражал своему герою, Абу Мусабу аз-Заркави, которому он успел недолго послужить до того, как его в 2006 году арестовали и отправили в лагерь Кэмп-Букка. Теперь он намеревался воспроизвести внешний вид своего наставника, от нечистых черных волос, шапки и бороды до страсти позировать без маски перед камерами в образе джихадиста-супергероя. Иные видеокдры случайно вышли смешными: вот Абу Вахиб неумело

изображает каратэ или пытается пролететь по воздуху, в прыжке паля из автомата. Остальные же были попросту циничны.

Весной 2013 года люди Абу Вахиба установили видеокамеру, а их командир встал с винтовкой посреди пустынного шоссе, чтобы остановить колонну тягачей с прицепом, направлявшихся из Сирии в Ирак. Когда тягачи съехали на обочину, Абу Вахиб согнал трех водителей и потребовал у каждого удостоверение личности, чтобы посмотреть, шииты ли они. Видеокамера зафиксировала весь обмен репликами.

Водители-сирийцы, от двадцати до сорока с небольшим, явно понимали, какими будут последствия неверного ответа: все трое решительно отрицали какие бы то ни было отношения с шиитской верой или сирийским режимом.

– Вы ведь шииты? – спросил Абу Вахиб.

– Мы сунниты, из Хомса, – ответил самый молодой – высокий симпатичный юноша в джинсах и рубашке с короткими рукавами.

– Ты уверен?

– Мы просто хотим жить, – сказал старший. – Водим машины, чтобы заработать.

– Как вы докажете мне, что вы сунниты? – Абу Вахиб играл с ними. – Сколько раз вы становитесь на колени во время рассветной молитвы?

Водители занервничали.

– Четыре, – сказал один.

– Три, – сказал другой.

– Пять, – сказал третий.

Абу Вахиб презрительно усмехнулся.

– Судя по твоим словам, ты многоверец-шиит, – объявил он.

Абу Вахиб поставил мужчин на колени на занесенную песком разделительную полосу шоссе. Потом короткими очередями выстрелил каждому в спину из автомата. Несчастные пытались уползти, но он в упор выстрелил каждому в голову.

– Итак, международное шоссе теперь в руках Исламского государства*! – завопил один из скрытых маской подельников Абу Вахиба.

Боевики подожгли тягачи, оставив тела водителей лежать лицом вниз, и ручейки крови уходили в оранжевую пыль. В конце видеозаписи зазвучал голос Заркави.

“О чудо, в Ираке разгорелась искра, – слышались слова мертвого лидера, – и огонь этот будет лишь усиливаться, и войска крестоносцев сгорят в Дабике”.

Таков был человек, с которым Багдади вознамерился построить свой исламский халифат. Первая партия бойцов, которую он отправил в Сирию, разочаровала его. Они оказались слишком мягкими, особенно по сравнению со своими иракскими “коллегами”. К тому же они были слишком сосредоточены на сирийских делах и, вероятно, слишком популярны, на вкус Багдади. Теперь он готовился начать сначала. В авангарде пойдут люди, подобные Абу Вахибу. Сам же Багдади будет командовать парадом.

Девятого апреля 2013 года Багдади опубликовал на исламистских сайтах аудиопослание длительностью в двадцать одну минуту; в послании содержалась информация о реорганизации компании. Группа, известная как “Фронт ан-Нусра”*, официально прекратила свое существование, объявил Багдади. Ее место займет вновь созданная организация, которую Багдади называл Исламским государством Ирака и Шама*. Последнее слово, приблизительно синонимичное английскому “Левант”, означало земли восточного Средиземноморья, от Южной Турции через современную Сирию, Ливан, Иорданию и Израиль. Западный мир узнает эту организацию под именем ИГИЛ*, или ИГИШ*.

Объясняя перемену, Багдади упомянул о предыдущих инкарнациях группы начиная с первых дней ее существования при Заркави, основателе и почитаемом “шейхе моджахедов”. Он

рассказал, как Заркави, в первый раз принеся клятву верности Усаме бен Ладену, объявил потом своим последователям, что сделал это по стратегическим соображениям, а не по необходимости и не из искренней преданности.

“Клянусь Аллахом, мне не нужны были его деньги, оружие или люди, но я видел в нем символ”, – цитировал Багдади слова Заркави. Теперь, когда они собираются продолжать в схожем духе, сирийскому ответвлению организации необходимо символически объединиться со своей материнской компанией.

“Фронт ан-Нусра”^{*} стал просто продолжением Исламского государства Ирак^{*}, его частью, – объяснял Багдади. – И вот мы, храня нашу веру в Аллаха, упраздняем названия “Исламское государство Ирак”^{*} и “Фронт ан-Нусра”^{*} и объединяем их под одним названием “Исламское государство Ирака и Шама”^{*}, а также под общим знаменем, которое есть знамя Исламского государства”.

Это сообщение повергло в глубокое отчаяние западные столицы. Аналитики давно предполагали, что “Фронт ан-Нусра”^{*} был ответвлением Исламского государства^{*}, хоть и смягчившим, по крайней мере временно, свой имидж. Теперь Багдади публично заявил, что две организации суть одна. Более того: наводящая страх иракская сторона оказалась главной.

Но наиболее эмоциональный ответ пришел из неожиданного источника – от предполагаемого партнера Багдади по слиянию. Никто не удосужился заручиться согласием “Фронта ан-Нусра”^{*}, который, как оказалось, не собирался сходить со сцены. Глава “Ан-Нусры”^{*} Абу Мухаммад аль-Джулани дал ответный залп два дня спустя, записав аудиопослание, в котором опровергал все сказанное Багдади. “Знамя “Ан-Нусры”^{*} останется прежним, и ничего у нас не изменится”, – сказал старый соратник и бывший друг Багдади.

Чтобы урегулировать спор, Джулани обратился к джихадисту с мировым именем, предводителю “Аль-Каиды”^{*} Айману аз-Завахири. Давний заместитель Усамы бен Ладена был известен размолвкой

с Заркави по поводу обезглавливания и других шокирующих тактик. Не рад был старый египтянин и преемникам Заркави. 9 июня 2013 года Завахири опубликовал открытое письмо, в котором приказывал отменить слияние и выговаривал Багдади за попытку провести его без предварительной консультации с ним, Завахири. В этом потрясающем нагоне он объявлял, что Багдади принимается на испытательный срок в один год в качестве главы Исламского государства Ирак*. Через двенадцать месяцев Завахири решит, позволит он Багдади остаться в должности или, как он выражался в письме, назначит нового эмира.

Под конец Завахири заявлял: дабы удостовериться, что группы не станут соперничать друг с другом, он посылает личного эмиссара, почтенных лет деятеля “Аль-Каиды”* по имени Абу Халид ас-Сури, в Сирию, посредником в будущих спорах. “Мусульманину запрещено проливать кровь мусульманина”, – провозгласил Завахири.

“Я призываю моих мусульманских братьев прекратить споры, унять волнения среди моджахедов, – писал он, – и искать согласия и единения, а также завоевывать сердца и способствовать сплочению мусульман”.

Это была примечательная, на удивление публичная распря между ответвлениями “Аль-Каиды*”, в которой слышались отголоски не только спора между Заркави и бен Ладеном, но и более давнего разлада между Заркави и его бывшим наставником, Абу Мухаммадом аль-Макдиси. Склока тянулась несколько месяцев, причем исламские богословы и ученые мужи по всему миру принимали ту или иную сторону на интернет-форумах или в чатах, споря, кто из лидеров окажется более достойным представителем движения.

Багдади поступил с советом “Аль-Каиды”* так же, как Заркави, – проигнорировал его. Он опубликовал еще одно заявление, утверждая, что всего лишь повинует высшей власти. “Я предпочитаю повеление Аллаха приказам тех, кто нарушает Его

закон”, – объявил он. После чего продолжил готовить к выходу на рынок Исламское государство Ирака и Шама* так, будто “Фронта ан-Нусра”* вообще не существовало.

Весь 2013 год вооруженные банды боевиков ИГИЛ* прочесывали Сирию, от восточных пустынь, где не действовали никакие законы, до узких населенных ареалов вдоль турецкой и иорданской границы и до предместий Дамаска. Но прежде чем начать штурм, Багдади надо было уладить кое-какие дела в Ираке.

Сначала он как следует перетряхнул организацию, назначив региональных представителей, шариатских советников и военных командиров, чтобы было кому наблюдать за операциями в Ираке и Сирии на местах. Правительство Исламского государства* хотело функционировать как настоящее: с подлежащими одобрению проектами, со специальными ведомствами, ответственными за СММ, снабжение, обучение, вербовку и даже за управление будущими камикадзе – их держали отдельно от боевиков “регулярных войск”, чтобы должным образом промывать им мозги.

Дальше Багдади принялся нагнетать насилие в самом Ираке, инициировав волны терактов, которые вывели бессмысленное убийство мирных граждан на новый уровень. Погибшие начали поступать в иракские морги в количествах, невиданных со времен Заркави: ИГИЛ* отправляла террористов-смертников на спортивные арены и в футбольные клубы, а также в мечети, кафе и на рынки. Даже привычные к крови иракцы были потрясены, когда в октябре 2013 года игиловский доброволец направил грузовик с взрывчаткой на игровую площадку начальной школы в провинции Ниневия, убив тринадцать детей, выбежавших поиграть на перемене.

Финальным шагом была операция, которую Багдади назвал “Разрушение Ворот”. Она началась с эксперимента, проходившего в 2012 году, когда боевики Багдади вломились в маленькую тюрьму возле иракского города Тикрит и освободили сотню заключенных, половина из которых были террористами, приговоренными

к смертной казни. А ночью 21 июля 2013 года ИГИЛ* произвела налеты на две крупнейшие тюрьмы – с участием множества террористов-смертников и с применением десятков минометных мин. Более масштабный из этих двух рейдов, на печально известную иракскую тюрьму АбуГрайб, освободил более пятисот заключенных; многие из них были ветеранами террористической организации Заркави.

Теперь у Багдади было все, чтобы вдохнуть жизнь в армию ИГИЛ*. Некоторые его боевики уже контролировали небольшие селения и города на севере и востоке Сирии. Теперь к ним должны были присоединиться закаленные в боях, идейные боевики прямо из самых страшных иракских тюрем. Некоторые города, в которые они входили, уже находились под контролем других мятежников, в том числе “Фронта ан-Нусра”*. ИГИЛ* предлагала местным выбор: присоединиться, бежать или сражаться. Если местные боевики сопротивлялись, иракцы без колебаний убивали их.

Трещина в отношениях с “Ан-Нусрой”* мало-помалу превратилась в пропасть. Личный миротворец Завахири, Абу Халид ас-Сури, оставался какое-то время в Сирии, все еще надеясь придумать, как положить конец спору. В начале 2014 года он спал в штаб-квартире исламской милиции в городе Алеппо на севере Сирии, когда пятеро мужчин ворвались в здание, паля из ружей. Один из нападавших нажал взрыватель на своем поясе шахида, убив ас-Сури и еще шестерых человек.

Никто не взял на себя ответственность за эту операцию, но “Аль-Каида”* после этого отказалась иметь что-либо общее с ИГИЛ*. Поначалу она призывала своих последователей не оставаться в стороне и активно противостоять наглицам из Исламского государства*. Но к тому времени это едва ли имело смысл. Багдади теперь распоряжался отлично вооруженными и самыми опытными боевиками сирийской оппозиции. Группировка была готова

наращивать силы и дальше.

Административный центр одной из восточных провинций Сирии, Ракка – занесенный песками приречный город, на который издавна притяжали иноземные захватчики. Первыми были греки; за ними последовали римляне, персы, монголы и, среди прочих, турки-османы. Теперь настала очередь джихадистов. С середины весны до начала лета 2013 года колонны белых пикапов ИГИЛ* проезжали по городу одна за другой, выбивая из него остатки Сирийской свободной армии* и организуя штаб-квартиры своей террористической группы. Двумстам двадцати тысячам жителей Ракки предстояло стать первыми горожанами, вкусившими опыт жизни в городе, полностью находящемся под контролем Исламского государства*.

Едва очистив город, новоприбывшие принялись устанавливать свои порядки. Огромное знамя ИГИЛ* обвило башню на площади Аль-Джалаа – бывшей площади Свободы, – и новые власти города начали официально перечислять, какого поведения они не потерпят.

Снимки декретов ИГИЛ* тайно делал отважный молодой человек, называвший себя Абу Ибрагимом ар-Раккави. Вместе с парой приятелей он в следующие полтора года честно документировал трансформацию Ракки, тайком делая фотографии и видеозаписи, которые потом публиковал в интернете, чтобы о происходящем знал весь мир.

Абу Ибрагим живо помнил триумфальный вход ИГИЛ* в город. Ему предшествовала неделя ожесточенных уличных боев, после которых на улицах остались сотни трупов, а большинство горожан сидели по домам, как в клетках, боясь попасть под выстрел снайпера. Магазины и пекарни закрылись, многие семьи остались без еды. “Иметь хлеб было как иметь миллион долларов, – вспоминал Абу Ибрагим. – Это были самые тяжелые дни”. Бои пошли на убыль, когда милиция, противостоявшая ИГИЛ*, или бежала, или перешла

на сторону захватчиков. Потом, все разом, колонны иностранных боевиков – в основном иракских, по воспоминаниям Абу Ибрагима, – появились на улицах. Люди из ИГИЛ* подняли черные флаги над главными общественными зданиями и провозгласили Ракку новой столицей Исламского государства*.

“Они расхаживали везде с оружием, обещали, что теперь все станет хорошо, – говорил Абу Ибрагим. – Они даже начали убирать трупы, валявшиеся повсюду на улицах”.

По его словам, многие в Ракке поначалу не знали, что думать о чужаках. Люди просто с облегчением видели: бои наконец закончились. Магазины открылись, в городе снова стало безопасно.

А потом начались казни.

Первым казненным, по свидетельству Абу Ибрагима, стал молодой человек, которого командование ИГИЛ* объявило преступником, хотя в чем состояла его вина, так и осталось неизвестным. Осужденного вывели на главную площадь Ракки и огласили приговор. Потом на глазах у небольшой толпы ему выстрелили в голову, после чего боевики ИГИЛ* привязали руки убитого к перекладине. Распятый труп разлагался на площади трое суток.

Следующее распятие последовало через несколько дней. Потом – целая череда наказаний: на той же площади солдаты ИГИЛ* убили семерых мужчин и подростков. Кто-то из казненных вроде бы относился к разбитым отрядам сопротивления, но были среди них и безбородые мальчишки. На этот раз боевики отрубили им головы, которые потом насадили на прутья ограды городского парка.

“Люди были напуганы, а им того и надо, – говорил Абу Ибрагим. – Они хотели, чтобы их боялись”.

Заявив таким образом о себе, новые хозяева Ракки начали уничтожать все, что входило в явное противоречие с их установлениями. Три городские христианские церкви заперли на замок, кресты и другие христианские символы сбили на землю или прикрыли. Шиитскую мечеть с чудесным бирюзовым куполом

взрывом разнесли на куски. Сигареты и алкоголь – символы западного разложения – сложили в кучи и сожгли. Потом ИГИЛ* принялась создавать собственную символику. Для начала городской полицейский участок выкрасили в черный цвет от цоколя до крыши и перепрофилировали в администрацию и шариатский суд, который отныне будет заниматься преступлениями и наказаниями. Жители Ракки вдруг оказались обязаны соблюдать множество вызывающих недоумение новых постановлений. За их исполнением следила назначенная ИГИЛ* хисба – исламская полиция, которая вольна была интерпретировать законы так, как считала нужным.

Новые правители начали с обязательных религиозных ритуалов. От лавочников потребовали закрывать магазины на время дневной молитвы, потом список расширился и стал регулировать одежду и поведение людей. ИГИЛ* запретила не только курить и пить спиртное, но также слушать западную музыку и выставлять западную одежду в витринах магазинов. Женщины могли выходить из дома, только полностью закрывшись, но даже тогда идущая по улице рисковала подвергнуться унижительной инспекции со стороны полиции, желавшей проверить, достаточно ли непроницаема и широка абайя, ведь не должно быть даже намека на женские формы.

Наказание за нарушение правил ИГИЛ* варьировалось от публичного поношения или штрафа до порки или того хуже. Одну не состоящую в браке пару избили за то, что они сидели вместе на лавочке в парке. Мужчину подвергли публичной порке за то, что он женился на разведенной женщине до того, как истекли предписанные законом три месяца после развода. По свидетельству Абу Ибрагима, любое нарушение несло с собой неявную угрозу смертной казни, которую иногда производили, казалось, просто по чьему-то капризу.

“Иногда неделя или две проходят без казней, а потом вдруг казней до пяти сразу. Простых людей штрафуют и наказывают за все:

за ведение бизнеса, за парковку машины, за то, что подбираешь мусор. У тебя отбирают деньги и из этих денег платят иностранным боевикам. Люди боятся что-то делать, потому что их могут наказать за что угодно”.

Но тяжелее всего Абу Ибрагиму было смотреть, как оккупанты обращаются с городскими детьми. Придя к власти, ИГИЛ* на время закрыла школы, а когда наконец открыла, в школах все изменилось. Старые учебники и учебные программы, объявленные ИГИЛ* “книгами неверных”, выбросили, заменив религиозным обучением. А сотни городских сирот – детей и подростков – свезли в военные лагеря, учиться стрелять из винтовки и водить начиненные взрывчаткой автомобили. Абу Ибрагим видел иногда юных новобранцев ИГИЛ* в военных конвоях, с оружием в руках и в форме, которая была велика им на несколько размеров.

“Некоторым мальчишкам нет еще и шестнадцати, – говорил он. – Когда школы закрыли, им нечем стало заняться. Они видят крутых парней с “калашниковыми”, и на них это действует. Им тоже так хочется”.

И действительно, ИГИЛ* частенько хвасталась своими лагерями для молодежи, предлагая в соцсетях виртуальные туры по местам с названиями вроде “Лагерь аз-Заркави”. На фотографиях и видео, опубликованных в Твиттере, препубертатные мальчишки в камуфляже стреляли и отрабатывали боевые приемы. Другие снимки изображали юных курсантов, которым поручили казнить заключенных выстрелом в голову.

Абу Ибрагим видел в этих лагерях попытку ИГИЛ* обеспечить себе выживание и подстраховаться на случай военных неудач в будущем. Организация вкладывала деньги в молодых фанатичных последователей, которые станут убивать других или жертвовать собой, если таков будет приказ. “Им промыли мозги, чтобы создать армию верных последователей”, – говорил Абу Ибрагим о юнцах из ИГИЛ*.

Между тем у ИГИЛ* уже имелась отличная армия. Через несколько месяцев после вторжения в Сирию ряды Исламского государства* раздулись почти до десяти тысяч бойцов, включая иностранных добровольцев, устремившихся в Сирию из пятидесяти стран мира. Противостоящие им группы повстанцев, от “Фронта ан-Нусра”* до секулярной Сирийской свободной армии*, жаловались, что ИГИЛ* выигрывает соревнование по вербовке добровольцев – и не только потому, что может предложить бóльшую плату: ИГИЛ* провозглашала, что сражается за нечто большее, чем Сирия.

На страницах группы в Твиттере и Фейсбуке ежедневно появлялись хвалебные письма от добровольцев из Европы, Северной Африки и с Ближнего Востока, которые соловьями разливались о дарах джихада, и небесных, и сиюминутных. В августе 2013 года сирийский джихадист, называвший себя Насруддин аш-Шаами, написал в Твиттере, что, записавшись в ИГИЛ*, ощутил свою принадлежность “мировому сообществу”. “Я решил сражаться под этим флагом, ибо понял, что он и арабский, и неарабский, – писал аш-Шаами. – Я нашел здесь людей Полуострова, исламского Магриба, египтян и иракцев. Я встретил людей из Леванта и Турции. Я встретил французов, британцев и пакистанцев. Список можно продолжать. Все эти люди – мои возлюбленные братья, чья задача – хранить веру в Аллаха”.

Британский доброволец ИГИЛ* говорил британскому радиожурналисту: “Это здóрово. Как называлась та [видео]игра – *Call of Duty*?^[2] Похоже на нее, только она происходит в реальности, понимаете, она трехмерная. Все разворачивается у тебя перед глазами. На самом деле. Понимаете, что я хочу сказать?”

По мере того как игиловская оккупация принимала постоянный характер, на старых рынках Ракки бородатых иностранцев с винтовками иногда оказывалось больше, чем местных жителей. Казна группы быстро наполнялась благодаря штрафам и податям, которыми игиловцы обложили бизнес, а также ежедневной продаже

более сорока тысяч баррелей сырой нефти из скважин, захваченных ИГИЛ* в марте в сирийской пустыне. Джихадисты, столь взволнованные захватом Ракки несколько месяцев назад, теперь неторопливо двигались к будущим завоеваниям, отмечал Абу Ибрагим. Люди Исламского государства* бывали агрессивными, вынося приговоры, но Абу Ибрагим видел, как между казнями и порками они расслабляются в ресторанах, шарят по западным сайтам в интернет-кафе или покупают в аптеке паленую виагру.

Для оккупантов Исламское государство* уже сложилось, по крайней мере в миниатюре. Мужчин с оружием, видимо, вполне устраивало положение дел, поскольку они правили этим городом. Остальные обитатели Ракки, писал Абу Ибрагим, все это ощущали как “питательную среду для отсталости и террора, возникшую после того, как захватчики погасили свет разума”.

В апреле 2013 года, когда Багдади готовился объявить о реструктуризации, Муаз Мустафа проскользнул в страну, как делал уже много раз – через дыру в пограничной рабице, в провинции Хатай на юге Турции. Передвигаясь беспрепятственно – север Сирии был освобожден от Асада почти за год до этого, – он пешком добрался до Хирбет аль-Джоз, деревушки, которая стала чем-то вроде базы для его Сирийских сил чрезвычайного назначения. Бывший помощник конгрессмена и его команда составили проект восстановления базовых служб поселка, все еще покрытого шрамами после нескольких месяцев боев и грабежей. Поспособствовав восстановлению полицейского управления, он стал встречаться с местными – жители хотели учредить судебскую контору, чтобы решать небольшие споры. Мустафа и представить себе не мог, кто явится на собрание.

На встрече присутствовал хорошо одетый юрист, который представился как Мухаммад. Мужчина заявил, что представляет клиента, заинтересованного в отправлении правосудия

в постасадовской Сирии. На него надавили, и он назвал нанявшую его группу. “Я представляю здесь Исламское государство*”, – объявил юрист.

Все присутствовавшие были ошеломлены, от американских гостей до христианских и мусульманских священнослужителей, которые неофициально руководили поселком, с тех пор как из него ушли правительственные войска.

“Мы испытали потрясение, – говорил Мустафа. – Он был чисто выбрит, лет пятидесяти, в костюме. Мы замерли, потому что не знали, как быть”.

Человек из ИГИЛ* мало что сказал на этой встрече – кажется, он в основном слушал и что-то записывал. Однажды вставил, что его клиент склонен предпочитать шариат светским юридическим кодексам.

“Мы не стали вступать в дискуссию, – рассказывал Мустафа. – Не хотели, чтобы он там был”.

Представитель ИГИЛ* в конце концов ушел, но его появление послужило предупреждением. Оно говорило не только о присутствии ИГИЛ* в Сирии; оно доказывало стремление этой группы пробраться в управление на уровне молекулярной решетки.

Для Мустафы, который уже два года работал на своей нынешней должности и был вовлечен в борьбу Сирии глубже, чем мог себе представить, эта встреча знаменовала очередной зловещий поворот. К началу 2013 года Мустафа почти полностью утратил надежду на масштабное американское вмешательство в конфликт. Сейчас он без устали искал возможности улучшить жизнь сирийцев в районах, вышедших из-под контроля Асада. Но за каждым шагом вперед следовал шаг назад: распри среди повстанцев, повсеместная коррупция, иногда простимулированная чемоданами денег от арабских правительств; растущая пропасть между представителями разных религиозных течений, мешающая сплоченной работе, а иногда ведущая и к убийствам с обеих сторон.

Вскоре проблема ИГИЛ* – присутствие вооруженных до зубов экстремистов на войне всех со всеми, замена существующих судов и полиции своей собственной системой юстиции – затмит все остальные, еще больше затруднив попытки умеренных повстанцев добиться поддержки Запада.

Мустафа теперь наблюдал за Сирией с близкого расстояния. Он постоянно ездил сюда, часто с риском проскакивая в нескольких милях от постоянно смещающейся линии фронта. Он регулярно встречался с командирами повстанцев, которые составляли теперь звено в сети личных связей Мустафы, включавшей в себя журналистов, сотрудников миротворческих корпусов, иностранных дипломатов и богатых жертвователей. После закрытия американского посольства в Дамаске отчеты Мустафы стали полезным окном в те части страны, куда американцы не могли больше заглядывать сами. Когда той весной появились подозрения, что асадовский режим применяет химическое оружие малого радиуса поражения, Мустафу спросили, могут ли члены его сети достать образцы крови и тканей. И они смогли достать нужные образцы.

В мае 2013 года Мустафа стоял рядом с сенатором Джоном Маккейном, когда республиканец из Аризоны неожиданно посетил Сирию, чтобы встретиться с командирами повстанцев. Маккейна провели через контролируемый повстанцами пункт пересечения границы, а потом – в небольшое здание, служившее командным центром Сирийской свободной армии*. Там он и сидел, насупившись, пока с десятков командиров по очереди жаловались на нежелание Вашингтона оказывать им поддержку оружием, особенно противоздушными ракетами, чтобы прекратить асадовские бомбардировки гражданских анклавов. Вместо необходимых им ружей и бомб бойцы получили дополнительные продуктовые пайки – вездесущие пайки в дурацких пластиковых упаковках.

“Я должен сбивать самолеты пиццей?” – спросил один из офицеров. Позже Маккейн узнал, что почти все (кроме двух)

командиры, с которыми он тогда встречался, погибли в боях.

“Мы обязаны повлиять на ситуацию, – говорил Маккейн в телеинтервью после возвращения домой. – Ни одного американского ботинка на той земле, [но надо] создать безопасную зону, защищать ее и поставлять оружие тем сирийцам, которые борются за то, во что верим и мы”.

Однако в Белом доме президент стоял на своем: закачка оружия в Сирию только ухудшит положение. “Не думаю, что кто-то в регионе... согласится, что односторонние действия Америки – это лучший выход”, – говорил Обама на пресс-конференции. Со стороны Америки военный ответ последует только в том случае, если Асад применит химическое оружие, “что-то, что запрещено в цивилизованном мире”.

Помощи от Вашингтона не будет, говорил Мустафа своим рассерженным друзьям. Конфликт, которому пошел уже второй год, продолжится – продолжатся бои, в которых нет победителя, и умножатся страдания мирного населения. Радикальная перемена состояла лишь в том, что риск мучительной гибели грозил теперь почти отовсюду. Двое сирийцев, занимавшихся раздачей гуманитарной помощи, были убиты боевиками Асада. Двое других, оба – молодые мужчины, которых Мустафа хорошо знал, пропали после того, как их остановили на игиловском КПП. Бойцы спецбригады узнали потом, что боевики нашли ноутбуки ребят, подтверждавшие, что их наняла западная благотворительная организация. Обоих казнили, тела бросили в яму.

В конце лета асатовский режим произвел химическую атаку на жителей Гуты, предместья Дамаска, и ожидание военного ответа со стороны Запада ненадолго вспыхнуло вновь. Американская разведка обнаружила доказательства того, что асатовские военные 21 августа подожгли канистры с заринем в жилых районах, и Обама ясно дал понять, что намерен наказать Асада за пересечение очевидной для Америки черты допустимого. Несмотря на безмерный гнев из-за гибели мирных жителей, Белый дом не мог заручиться

политической поддержкой для военного вмешательства. Конгресс блокировал голосование по резолюции о воздушных ударах против Асада, а парламент Британии – предположительно ключевого партнера в любой военной кампании – отклонил аналогичное предложение со стороны правительства тори под руководством премьер-министра Дэвида Кэмерона. Президент Обама сумел с помощью России уладить сделку, состоявшую в удалении всего химического оружия с территории Сирии, и перспектива военного вмешательства вновь отодвинулась.

По словам Мустафы, для лидеров сирийской оппозиции провал (с их точки зрения) решимости Запада после нападения на Гуту был более серьезным психологическим ударом, чем сама химическая атака. Некоторые повстанческие группировки, которые раньше объединялись с умеренной Сирийской свободной армией*, просто присоединились к исламистам, которые хотя бы лучше платили.

“Люди пришли в восторг, поверив, что США наконец-то вмешаются, – говорил Мустафа. – Один из тех моментов, когда каждый точно помнит, где находился. Режим был изранен. Мы слышали сообщения, что люди бегут из Дамаска. Даже мысль о бомбах уже не пугала. Ну вроде как: слава богу. Если мы погибнем под этими бомбами, то хотя бы положение дел переменится. А потом, когда ничего не произошло, наступил конец. Больше надеяться было не на что”.

Изнутри замешательство Вашингтона по поводу химических атак выглядело еще хуже. “Ужасная проблема” Сирии, как назвала ее госсекретарь Хиллари Клинтон, расколола Совет национальной безопасности; теперь потери начались среди старших советников президента.

Фредерик Хоф, старший дипломат, помогавший координировать административный ответ Сирии, в разочаровании ушел в отставку в конце 2012 года. Роберт Форд, дамаский посол в изгнании, тоже начинал подумывать об уходе.

Форд вел бесплодную борьбу внутри администрации, требуя конкретных мер для реальной поддержки умеренной оппозиции как противовеса исламистам. Умеренные контролировали около четверти сирийской территории, в том числе пограничные пункты с Ираком и Турцией. Он выступал за воздушные удары после асадовской химической атаки на Гуту в августе 2013 года, а когда это ни к чему не привело, стал добиваться прямой поддержки хорошо известных и тщательно проверенных умеренных военных подразделений.

“Помогайте активнее. Делайте больше”, – настаивал он. Несмотря на данные после химической атаки обещания Белого дома ускорить организованную ЦРУ подготовку повстанцев в Иордании и Южной Турции, усилия были слишком незначительны и медлительны, чтобы ощутить разницу. “На самом деле мы не делаем ничего”, – говорил Форд.

Все усугублялось тем, что Форда регулярно призывали с отчетами на Капитолийский холм – защищать политику администрации перед конгрессменами. Чувствительные к политическим возможностям, республиканцы оскорбляли Форда на слушаниях, транслируемых по телевидению, пытаясь выставить дипломата символом неспособности Белого дома справиться с кризисом. На одном из слушаний Маккейн поставил под вопрос взгляды Форда на ситуацию в Сирии и предположил, что дипломат желает и дальше поддерживать бойню, которую Асад устроил в собственной стране. “Такое впечатление, что происходящее вас устраивает”, – объявил Маккейн.

Форд сохранял спокойствие, но внутри у него все бушевало. “Зачем мне все это?” – думал он.

На самом же деле, насколько понимал Форд, Конгресс, как и администрация, раскололся и не знал, что делать. “Ястребы” вроде Маккейна хотели вооружить повстанцев, но другие республиканцы предпочитали оказывать военную поддержку только группам, которые сражались с ИГИЛ*. А некоторые законодатели –

республиканцы и демократы – весьма скептически относились к любому вмешательству со стороны США, выражая мнение большинства американских избирателей.

К осени 2013 года Форд был готов уйти в отставку, хотя коллеги из Госдепартамента уговорили его остаться еще на шесть месяцев. Когда в начале 2014-го он наконец подал заявление, его никто уже не отговаривал. К тому времени его усилия в администрации казались ему самому все более тщетными, а крайне пристрастные, нацеленные на него лично нападки со стороны Конгресса истощили его решимость продолжать попытки. “Я не боюсь сражаться, но когда мою честность ставят под сомнение люди, которые даже не знают, что происходит, – это смешно”, – говорил он.

Об отставке Форда было официально объявлено 28 февраля 2014 года. Через несколько дней Маккейн попросил посла заехать к нему в офис, чтобы он мог лично поблагодарить Форда за работу.

Несколько секунд Форд обдумывал просьбу, а потом вежливо ответил: “Нет”.

Глава 22

“Это революция племен”

За десять лет существования группы, основанной аз-Заркави, его последователей-джихадистов называли террористами, мятежниками и исламскими боевиками. Теперь они были полноценной армией. В конце весны 2014 года войска Исламского государства* волной прокатились через Западный Ирак – и через сознание миллионов людей по всему миру. Передвигаясь с поразительной скоростью, ИГИЛ* нанесла поражение четырем армейским дивизиям Ирака, перекатилась через полдюжины военных гарнизонов, включая самый крупный гарнизон Западного Ирака, и взяла под свой контроль почти треть территории государства.

Аналитики и эксперты описывали блицкриг ИГИЛ* как внезапный, как заставшую всех врасплох яростную бурю в пустыне, которая явилась словно из ниоткуда. Но едва ли это было так. Игиловская конкиста июня 2014 года была тщательно спланированной, хорошо продуманной акцией, в значительной степени поддержанной иракцами, которые не сражались в рядах ИГИЛ* и не собирались жить по законам шариата. В итоге величайший военный успех движения был не столько подтверждением мастерства и доблести боевиков, сколько отражением глубоких разногласий, раздиравших Ирак после американского вторжения 2003 года.

Одним из важнейших событий той весны стал конфликт между иракским шиитским правительством и одним из суннитских племен, дулаим. Клан Зейдана аль-Джабири, шейха Рамади и владельца фермы, оказался вовлечен в противостояние Заркави почти десятилетием раньше. Впервые Зейдан увидел, как соплеменники берут в руки оружие, в 2004 году, когда возмущенные иракцы сопротивлялись американской оккупации. Он был одним из главных участников вооруженного ответа Заркави, движения, известного как

“Пробуждение Анбара”, в ходе которого военные соединения племени выдворили мятежников со своей земли. Сейчас положение дел снова изменилось, и Зейдан с одобрением наблюдал, как его племя поднимается против иракского правительства, которое многие дулаймиты считали угрозой большей, чем сам Заркави.

Зейдану уже исполнилось пятьдесят, у него округлился живот, но грива черных волос осталась прежней; успешный бизнесмен, он носил западный костюм так же непринужденно, как дишдашу и куфию, которые надевал по случаям, требовавшим традиционного внешнего вида. У него были три жены и кирпичный домик, словно перенесенный сюда из какого-нибудь фешенебельного пригорода Сан-Диего. Но начиная примерно с 2010 года Зейдан начал смотреть на иракское правительство как на врага суннитов вроде него. Государственное меньшинство, сунниты правили Ираком вплоть до американского вторжения, когда власть перешла к шиитам. Теперь, когда американские войска больше не стояли на пути, сведение счетов стало явным – или так казалось дулаймитам. Было очевидно, что положение суннитов в правительстве и на военной службе стало более шатким, и существовало множество свидетельств того, как новобранцы-шииты издевались над суннитами в их собственных домах под видом борьбы с терроризмом. По мнению Зейдана, все это делалось с подачи иранцев, желавших удостовериться, что Ирак никогда больше не будет угрожать интересам Тегерана в регионе.

“В правительстве сейчас воры, бандиты и сектанты, – говорил Зейдан, имея в виду группу, находящуюся у власти с 2010 года, когда Нури аль-Малики был с небольшим перевесом голосов избран премьер-министром. – Американцы творили много непотребств в Анбаре, но они не убивали людей в мечетях и уважали нашу религию. Те, кто сейчас с иранцами, – нет. Они хотят избавиться от всего, что называется “суннит”. Я не говорю, что американцы так уж хороши, но они были лучше, чем эти”.

В конце 2012 года отношения суннитов с центральной властью резко ухудшились. 21 декабря правительственная служба безопасности устроила рейд в доме Рафи аль-Исави, популярного суннитского политика и бывшего министра финансов Ирака, который прямо критиковал правительство Малики. Тысячи дулаймитов вышли на улицы Фаллуджи, некоторые несли плакаты, гласившие: “Сопротивление все еще в нашей крови”. Демонстрация переросла во всесуннитский протест, который распространился на множество городов и продолжался несколько месяцев.

После года с лишним таких протестов Малики решил, что с него довольно. 30 декабря 2013 года он отправил в Рамади силовиков, чтобы заткнуть демонстрантов и разогнать палаточный городок, образовавшийся на одной из площадей. Конфликт запылал в полную силу, и 1 января 2014 года, в Новый год, протестующие подожгли четыре полицейских участка в Рамади. 2 января беспорядки распространились по районам Фаллуджи. 3 января в город въехала колонна вооруженных боевиков ИГИЛ*. Джихадисты поддержали дулаймитских повстанцев в уличных боях против превосходящих сил полиции и армии, которые потеряли больше сотни убитыми. 4 января остатки руководства Фаллуджи покинули город, и исламские боевики подняли черный флаг ИГИЛ* над зданием городской администрации.

Дулаймитско-игиловский союз быстро поддержали другие суннитские племена, а также подпольная организация бывших баасистов, известная как Накшбандийский орден. Несколько недель суннитский блок с переменным успехом вел бои за контроль над Рамади и пятью другими городами, но в Фаллудже заключили шаткое перемирие, причем центром города овладела ИГИЛ*. Это был первый случай, когда террористическая группировка официально объявила иракский город своим.

ИГИЛ* воспользовалась моментом, чтобы запустить пропагандистскую трансляцию в Твиттере, демонстрируя, как ее

победоносные войска гордо шествуют по центру того самого города, из которого американские десантники выдворили людей Заркави десятью годами раньше. Среди боевиков, позирующих для фотографий, был Абу Вахиб ад-Дулайми, помешанный на всеобщем внимании пламенный игиловский командир из провинции Анбар, застреливших трех сирийских дальнобойщиков на анбарском шоссе весной предыдущего года. На одной фотографии он скалился с винтовкой в руках, на другой, в черной одежде и высоких ботинках, как у западного наемника, позировал рядом с горящей полицейской машиной. Еще на одной ад-Дулайми шествовал по захваченному полицейскому участку, неся стопку папок, как какой-нибудь офисный клерк Судного дня. Иракцы, видевшие эти фотографии, замечали знакомое имя: фамилия Абу Вахиба идентифицировала его как члена племени дулаим, сородича тех, кто организовал протесты в Фаллудже. Прежние враги теперь оказались официально на одной стороне.

В Белом доме советники президента Обамы по вопросам безопасности смотрели на эти фотографии с тревогой. Служащие администрации объявили о планах ускорить доставку обещанной военной помощи правительству Малики, включая новые снаряды “хеллфайр”. Безопасность иракцев была теперь проблемой Малики – он настаивал на этом, – но с тем, что террористы захватили иракский город, мириться было нельзя.

Для Зейдана, однако, как и для множества других суннитов, волнения были исключительно внутренним делом, которое американцы и багдадское правительство снова совершенно не так поняли.

“Это революция племен”, – сказал Али Хатим ас-Сулейман, вождь дулаймитов, арабоязычной газете “Аш-Шарк альАусат” с офисом в Лондоне.

“Иракская весна”, – пояснял Тарик аль-Хашими, суннитский политик и друг американского посла в Сирии Роберта Форда. Сам

аль-Хашими оказался в изгнании в Турции, после того как Малики пытался арестовать его.

Сунниты открыто признавали, что племена вручили ИГИЛ* ключи к провинции Анбар, но лишь в качестве временной меры. По их словам, ИГИЛ* только обеспечивала дополнительный огонь, необходимый, чтобы помочь суннитам обрести давно желаемую независимость от злоупотребляющего своей властью иракского правительства. К тому же джихадисты были суннитскими патриотами, а не помешанными на убийствах уголовниками, которые заправляли в организации во времена Заркави.

“Они изменились, – говорил Зейдан об ИГИЛ*. – Их руководство стало иракским, их программа полностью поменялась. Правительство заявляет, что Багдади террорист, но он не террорист. Он защищает пятнадцать миллионов суннитов. Он возглавляет борьбу с персами”.

Заркави действительно сдал экзамен, когда после американского вторжения ворвался в провинцию Анбар с горсткой суннитских боевиков. Заркави тоже принадлежал племени, но другому племени. Багдади, по контрасту, был настоящим иракцем, он вырос в Самарре, замечал Зейдан. Его можно будет контролировать.

“Он не посмеет говорить здесь о шариате, потому что знает: племена этого не потерпят, – утверждал Зейдан. – Эти люди усвоили урок. Они не станут делать того, что делали в последнее время”.

На самом деле ИГИЛ* уже перешла к сведению счетов в районах Анбара, которые приветствовали ее прибытие. Абдальраззак ас-Сулейман, суннитский шейх и один из соседей Зейдана по Рамади, случайно оказался в отъезде по делам, когда грузовик, набитый одетыми в черное боевиками, въехал к нему на ферму. Джихадисты расстреляли нескольких телохранителей Сулеймана, уничтожили его машины, а потом сровняли с землей дом. Вина Сулеймана состояла в том, что восемь лет назад он руководил движением “Пробуждение Анбара”, которое сотрудничало с американскими войсками в деле выдворения заркавистов из провинции.

“Перед тем как взорвать мой дом, они его ограбили, – рассказывал Сулейман, перебравшийся в Иорданию из соображений безопасности. – Сражаться на стороне американцев было делом долга и чести для меня как для предводителя племени, боровшегося с терроризмом. Но теперь мне кажется, что нас бросили. Бросили посреди дороги”.

Одиннадцатого февраля 2014 года двое высоких чинов американской разведки вошли в комнату слушаний Сената, чтобы провести одну из самых жутких презентаций года – представить вниманию конгрессменов всемирный каталог бед, известный как “Ежегодная оценка угрозы безопасности”. Нынешний каталог обещал быть особенно мрачным. Директор национальной разведки, Джеймс Клеппер, и шеф Разведывательного управления министерства обороны, генерал Майкл Флинн, обрисовали самые разные опасности, включая кибертерроризм, вновь ставшую агрессивной Россию, ядерные амбиции Северной Кореи, глобальные пандемии и грозящий катастрофой коллапс центральной власти на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Потом, когда тема свернула на Сирию и ИГИЛ*, Флинн сделал напугавшее всех предсказание.

“В 2014 году ИГИШ*, возможно, попытается захватить территории в Ираке и Сирии, чтобы показать свою силу”, – заявил Флинн, употребив для обозначения террористической группировки аббревиатуру, предпочитаемую федеральным правительством. Черные флаги уже развеваются над Фаллуджей, сказал он, и судьбу этого города может разделить любой другой, продемонстрировав растущую мощь исламистов и “способность одновременно иметь в своем распоряжении множество убежищ”.

Флинн говорил очень осторожно, как положено на слушаниях в Конгрессе, но его частная оценка ситуации была более зловещей. Десять лет назад он уже сражался с этой террористической организацией и знал о возможностях ИГИЛ* больше, чем кто-либо.

Бывший шеф разведки генерала Стэнли Маккрисчала в СКСО, Флинн помогал охотиться на Заркави в Ираке. В действиях ИГИЛ* он видел уже знакомую ему идеологию и тактику. А в списках бежавших из тюрем подметил и многие знакомые имена.

“Это дети Заркави, – говорил Флинн. – За полтора года, прошедшие после смерти Заркави, мы сумели схватить многих боевиков среднего и высшего уровня. Большинство из них были иракцы, многие – бывшие военные, попавшие в тюремную систему. Все они теперь на свободе”.

Но ИГИЛ*, указывал Флинн, явно училась и приспосабливалась, приобретая новые умения под руководством Багдади. Багдади планировал более точно, он хотел быть терпеливым стратегом в создании союзов и сети поддержки. Коротко говоря, недавние приобретения ИГИЛ* в Ираке не были случайностью.

“Террористы стали сильнее, потому что видели, как им противостоят, – замечал Флинн. – Заркави пытался запалить гражданскую войну немедленно, чтобы повернуть ситуацию в Ираке в свою пользу. Но он фатально ошибся, не завоевав сначала благосклонности племен в провинции Анбар. Он украл у них власть, а потом явно злоупотребил ею, потому что он был злобный тип. Новая банда это понимает и действует по-другому”.

Понемногу Багдади восстановил отношения с суннитскими племенами, рассказывал Флинн, вторя выводам Зейдана и других дулаймитов. Лидер ИГИЛ* воспользовался восстанием в Сирии, чтобы заново создать казну и привлечь новых добровольцев, а также указать членам группы новую цель. Он ввел в структуру организации самых разных местных специалистов: экспертов по обеспечению жильем, логистике и оперативной передаче сообщений.

“Нынешняя шайка мыслит на перспективу, – говорил Флинн. – Они видят, что понадобятся усилия целого поколения”.

А еще они действовали. Разведывательные службы замечали безошибочные знаки мобилизации ИГИЛ* для нападения. Но какой

объект они изберут? Багдад или Дамаск?

Американские разведслужбы, наблюдавшие за активными приготовлениями ИГИЛ* с помощью спутников и других удаленных систем слежения, убедились, что группа планирует вторжение в Центральный Ирак и намеревается атаковать Багдад. Аналитики ЦРУ добросовестно писали отчеты, которые ложились на стол директору, а затем отправлялись в Белый дом. Любое подразделение ИГИЛ*, которое пересечет границу, предупреждали отчеты, увидит ослабленную иракскую армию, потерпевшую поражение от мятежников в Фаллудже и других местах. Насколько она ослаблена, было трудно сказать; после того как последние американские полки покинули страну, правительство Малики резко свернуло сотрудничество с разведывательными службами США.

И все же никто не представлял себе масштабов катастрофы, которая произошла в следующие несколько недель, признавал старший сотрудник разведки, на чьих глазах разворачивались события: “Хотя разведка США постоянно предупреждала, что СБИ [Силы безопасности Ирака] переживают плохие времена, никто не сумел предвидеть, насколько быстро они рухнут”.

Масштабное наступление ИГИЛ* началось в родном городе ее главаря. Сразу после полуночи 5 июня 2014 года диверсионные группы взорвали полицейский участок к югу от Самарры, города, породившего не одно поколение клана аль-Бадри, к которому относился и Багдади. Несколько часов спустя около ста пятидесяти боевиков с грохотом ворвались в город на грузовых пикапах; на открытых кузовах были установлены противовоздушные орудия. Джихадисты захватили главное муниципальное здание и городской университет, а потом вступили в перестрелку с полицией, которая заняла оборонительные позиции вокруг старинной мечети Аль-Аскари, чей знаменитый золотой купол Заркави взорвал восемью годами раньше. Иракская армия получила подкрепление из Багдада,

и незванные гости отступили, но бои уже шли в пяти-шести других городах вдоль шоссе, тянувшегося от Фаллуджи до сирийской границы.

Тем временем главная колонна ИГИЛ*, около полутора тысяч человек, дошла до окраин Мосула в провинции Ниневия. Защищали древний город и 1,8 миллиона его жителей иракские подразделения, в которых на бумаге числилось 25 тысяч человек. Реальное число было ближе к 10 тысячам, признавал позже командир мосульского боевого подразделения; остальные или дезертировали, или просто сидели на липовых должностях, на довольствии в полицейском управлении, говорил генерал Махди аль-Гарави агентству “Рейтер”, подводя итоги сражения. Оставшимся защитникам города не хватало оружия и техники: много бронетехники и тяжелого вооружения было отправлено на юг, чтобы помочь отбить Рамади и другие города провинции Анбар во время январских боев.

“На весь мой батальон остался один пулемет”, – говорил новостному агентству мосульский батальонный командир, полковник Дийяб Ахмед аль-Асси аль-Обейди. А у ИГИЛ*, свидетельствовал полковник, когда незадолго до рассвета 6 июня она начала просачиваться в его район, “в каждом грузовике было по пулемету”.

Первая колонна захватчиков ворвалась в северный пригород, Таммоз, на джипах и в открытых легких грузовиках, поливая из пулеметов линию обороны иракской армии. По условному сигналу гранатами и снайперским огнем заявили о себе ячейки ИГИЛ*, базировавшиеся в самом городе. Силы обороны отступили; через несколько часов колонны ИГИЛ* уже находились в нескольких кварталах от отеля “Мосул”, где Гарави устроил свой командный центр.

В половине пятого дня был нанесен решающий удар. Большая цистерна, набитая взрывчаткой, врезалась в здание отеля и взорвалась в языках пламени, убив и ранив многих иракских командиров.

“Грохот потряс весь Мосул”, – рассказывал Обейди, которому взрывом разорвало ногу.

Вскоре после этого остатки обороны пали. К вечеру полицейские, солдаты и офицеры избавились от формы и бежали в гражданской одежде. Схваченных выстроили шеренгами и расстреляли.

К полудню 10 июля, всего через четыре дня после начала наступления, джихадисты уже взяли под контроль аэропорт и большинство центральных районов Мосула. Они опустошили запасы наличных в центральных банках и ограбили иракскую военную базу, забрав американского оружия и боеприпасов на миллионы долларов. Затем они захватили контроль над главной тюрьмой Мосула, освободив заключенных-суннитов и казнив скопом всех остальных – около 670 шиитов, курдов и христиан. К концу этого дня Мосул, второй по величине город Ирака, был полностью под контролем ИГИЛ*.

Иракская армия наконец перегруппировалась и начала контрнаступление, которое не пустило ИГИЛ* к Багдаду, хотя террористы продолжили закрепляться в разных районах страны. К концу июня общие владения террористической группы, от Западной Сирии до Центрального Ирака, были больше, чем Израиль и Ливан вместе взятые. Человек, возглавивший эту операцию, контролировал теперь больше чем просто земельные наделы. Он владел нефтяными скважинами, нефтеперегонными заводами, больницами, университетами, военными базами, фабриками и банками. Аналитики потом подтвердят, что личные авуары Багдади в наличных и финансовых инструментах приближались к полумиллиарду долларов.

Реально действующего правительства пока еще не было. Но у них теперь было в прямом смысле слова собственное государство.

Четвертого июля 2014 года – в пятницу, священный для мусульман день – Багдади в сопровождении телохранителей появился в молельном зале соборной мечети Мосула Ан-Нури, известной

своим “горбатым” минаретом – он выгибается, отступая от перпендикуляра на несколько футов. Местная легенда гласит, что выгнутой формой башня обязана самому пророку Мухаммеду, который пролетел над ней, направляясь в небеса.

Те, кто явился на службу в тот день, вероятно, одинаково ощутили искривление времени и естественного хода событий, когда главное официальное лицо Исламского государства* неторопливо провозгласило реставрацию халифата. ИГИЛ* сделала подобное заявление несколько дней назад, но теперь Багдади говорил об этом официально, с минбара одного из самых почитаемых храмов Мосула.

Бывший ученик Заркави, несомненно, много времени посвятил обдумыванию своего первого появления на публике, поскольку каждый момент он подкреплял символическими жестами, узнаваемыми для верующих. Багдади оделся в черную рубаху и тюрбан, повторяя одежду последнего пророка Аллаха в день его последней проповеди. Он взбирался по ступеням минбара медленно, останавливаясь перед каждой новой ступенькой, подражая привычке Мухаммеда. На вершине, ожидая, когда можно будет начать проповедь, Багдади извлек из кармана мисвак, изогнутую деревянную палочку для гигиены рта, и принялся чистить зубы. Снова намеренное приглашение сравнить его с Мухаммедом, который, согласно древним текстам хадисов, призывал своих последователей “каждый день прибегать к мисваку, ибо это воистину очищение рта и, значит, радость для Всевышнего”.

Наконец он повернулся лицом к аудитории, чтобы сделать официальное сообщение о победе. Халифат, чаемый лидерами движения со времен Заркави, наконец стал реальностью.

“Что же до ваших братьев-моджахедов, то Аллах пожаловал им милость победы и завоевания, и даровал им, после многих лет джихада, терпение и одоление врагов Аллаха, и даровал им успех и силы, чтобы достичь цели, – говорил Багдади. – И вот они поспешили объявить халифат и назначить имама, и это долг перед

мусульманами – долг, которым пренебрегали века и которого не было в реальности этого мира”.

В проповеди, а также в отдельном аудиообращении, Багдади заявлял, что не слишком стремился принять то, что сам называл “этой тяжелой обязанностью”.

“Я поставлен заботиться о вас, и я не лучше вас”.

И все же Багдади объявил, что правоверные мусульмане по всему миру должны подчиняться ему во всех делах как главе Исламского государства* и гаранту нового порядка, который вскоре станет реальностью и для немусульман, хотя они того или нет.

“Знайте, что сегодня вы – защитники веры и стражи исламской земли, – говорил Багдади. – Вас ждут беды, вас ждут великие сражения. Воистину, лучше всего вам пролить кровь на пути освобождения мусульман, заключенных в тюрьму, где стены – из идолов”.

“Так приготовьте ваше оружие и запаситесь благочестием. Будьте усердны в чтении Корана, будьте особенно внимательны в его толковании и обучении ему, – напутствовал Багдади. – Это мой совет вам. Если вы послушаетесь его, то завоюете Рим и будете владеть миром”.

Проповедь была окончена; Багдади, самопровозглашенный халиф, стал спускаться по ступеням минбара тем же продуманным образом. Он быстро кончил молитву и в окружении телохранителей прошествовал к выходу из мечети, готовясь к сражению, а потом, если на то будет воля Аллаха, к правлению.

В тот июньский день, когда пал Мосул, Абу Хайсам сидел у себя в офисе и принимал звонки от заместителей, изо всех сил старавшихся оставаться в курсе событий. В углу по небольшому экрану с выключенным звуком чередой шли изображения победоносных боевиков ИГИЛ*. Иные махали руками и ухмылялись из-за пикапов, другие не торопясь шагали по главным улицам Мосула, мимо забраных ставнями витрин и горящих полицейских

автомобилей. Черные флаги развевались на антеннах машин и флагштоках.

Никто не предвидел столь быстрого падения иракской армии, даже здесь, в разведывательном агентстве, которое гордилось умением избегать неожиданностей. Абу Хайсам украдкой поглядывал на беззвучный экран; его глаза наливались кровью, крупные руки энергично перебирали четки. Все произошло ошеломляюще быстро. И все же вектор развития событий стал очевиден далеко не сейчас.

“К сожалению, такой потенциал там был с самого начала”. – Абу Хайсам явно устал.

Он теперь был бригадиром, старшим офицером в отделе по борьбе с терроризмом, где прослужил почти три десятка лет. Всегда серьезный, Абу Хайсам с возрастом стал мрачным – так проявилась тяжкая ноша, которая легла на его плечи. В его кабинетике не было никаких украшений, за исключением богато орнаментированного Корана и фотографии гораздо более молодой версии себя: сверкая нечастой для него улыбкой, Абу Хайсам пожимает руку королю. У двери висел запасной костюм – для дней, когда рабочая нагрузка не давала ему съездить домой.

Таких дней теперь было много. После начала беспорядков в Сирии Мухабарат пребывал в состоянии повышенной боевой готовности; служба безопасности играла в кошки-мышки с контрабандистами, пытавшимися протащить через границу оружие и свежезавербованных джихадистов. Теперь джихадисты сами контролировали пограничные пункты по ту сторону границы. Иордания еще оставалась по большей части спокойной, но тревожные знаки уже появлялись. В южном городе Маан, рассаднике исламистов, располагавшемся неподалеку от заброшенной тюрьмы Аль-Джафр, вандалы иногда писали краской из баллончика девизы ИГИЛ* или вывешивали на городской площади черные флаги. В Аммане таких демаршей не устраивали. Обитатели столицы следили за событиями в соседних государствах с возрастающим страхом.

Некоторые иракцы, особенно представители племен Восточного берега вроде Зейдана аль-Джабири, были готовы заключить сделку с ИГИЛ*, чтобы освободиться от репрессивного шиитского правления. Но исламисты, захватившие контроль над Фаллуджей и Мосулом, оказались не менее жестокими, чем их соратники в Ракке. Взятых в плен иракских солдат прогнали перед камерами, а потом расстреляли на краю разверстой ямы. Заподозренных в ереси убивали на улице, а бесценные памятники времен Древнего Вавилона – источник культурной гордости для стольких поколений иракцев – стерли в порошок. Подобные акции одобряло небольшое число религиозных консерваторов, чьи взгляды совпадали с взглядами исламистов. Но среди иракцев, приветствовавших винтовки исламистов, в исламистском правлении были заинтересованы очень немногие. Только теперь отменить приглашение было уже поздно.

Абу Хайсам, тоже сын своего племени, понимал негодование иракских суннитов. Его поражало, насколько эффективно ИГИЛ* эксплуатировала это негодование.

“Это эффект снежного кома, – говорил он. – Все начинается с недовольства людей, которые не имеют своих представителей в правительстве”. ДАЕШ, или ИГИЛ*, “точно знала, как воспользоваться их чувствами. И это длится уже двенадцать лет, с 2003 года – с начала иракского конфликта”.

И не только в Ираке. Самопровозглашенные игиловские вилайеты, или провинции, уже заявили о себе в странах, находящихся за пределами малой родины группы. Вскоре откроются новые главы – Саудовская Аравия, Ливия, Алжир, Нигерия, Йемен, Афганистан и Пакистан. В каждом случае исламисты обещали свободу от тиранических режимов и создание справедливого общества, управляемого по законам веры. Но вместо этого они несли вооруженную диктатуру, коррупцию, жестокость и смерть.

Сейчас Мухабарат уже не мог сделать ничего, чтобы повернуть историю вспять или отменить ошибки и просчеты, которые привели к сегодняшнему дню. Иорданцам оставалось только наращивать собственные силы обороны против вируса, пробравшегося через границы страны несколько лет назад.

“Посмотрите, как плодотворно они работают. – Абу Хайсам жестом указал на изображения на экране. – Мы из сил выбивались, чтобы остановить их. Иногда они болеют, но все никак не умрут”.

Эпилог

Огонь, воспламенивший чувства арабов, был зажжен не в Ираке, как полагал Абу Мусаб аз-Заркави, а недалеко от Ирака, в Восточной Сирии. Это произошло холодным туманным утром 3 января 2015 года в Ракке. Позади разбомбленного здания съемочная группа Исламского государства* установила видеокамеры и маленькую железную клетку.

Не меньше двух десятков статистов в одинаковых масках и форме заняли места: некоторые образовали строй, другие изображали охрану. Наконец ввели исполнителя главной роли. Муаз аль-Касасбе, двадцатishестилетний иорданец, пилот истребителя, в оранжевой рубашке и штанах, руки уже без кандалов, без сопровождения шел по окутанной туманом съемочной площадке, словно брел сквозь собственный сон.

На первой фотографии аль-Касасбе после его пленения 24 декабря лицо молодого человека покрывали отеки и синяки – доказательства избиения, которому его подвергли после захвата. Перед тем как привести его на съемочную площадку, аль-Касасбе усадили перед камерой и заставили рассказать свою историю – или те ее эпизоды, которые требовались ИГИЛ*.

“Я старший лейтенант Муаз Сафи Юсуф аль-Касасбе, иорданец, из Карака, – начал он, – офицер королевских ВВС Иордании”.

Запись рассказа аль-Касасбе о его вылете 24 декабря в основном повторяла реальные события. Пилот F-16, прослуживший уже почти три года, аль-Касасбе получил задание поразить цель ИГИЛ* в координатной сетке, включавшей город Ракку. Его самолет принадлежал к военно-воздушному флоту арабских и западных стран, который бомбил ИГИЛ* с сентября 2014 года, когда президент Барак Обама объявил о начале масштабной воздушной операции в попытке выкурить террористическую группу из ее тайных нор

в Ираке и Сирии. За несколько недель до этого Обама отправил американские военные самолеты и беспилотники в Ирак, остановить наступление ИГИЛ*, угрожавшее Мосульской ГЭС в Ираке, а также курдской столице, Эрбилю. Потом он объявил о создании широкой коалиции, включающей ВВС Иордании и пяти других арабских государств, в том числе Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов и Катара. “Эта антитеррористическая операция является собой постоянные, неумолимые усилия настигнуть [ИГИЛ*], где бы она ни находилась”, – объявил Обама в речи, транслировавшейся по телевидению.

Вылет аль-Касасбе 24 декабря был не более чем очередной рутинной бомбардировкой в рамках этой коллективной операции. Пилот уже приближался к цели и уже направил истребитель в пикирование, когда ведомый летчик заметил пламя, вырывающееся из двигателя самолета Касасбе. Почти в тот же миг на дисплее в кабине появилось предупреждение об отказе двигателя, и самолет начал отклоняться от курса. Аль-Касасбе дернул рукоятку катапультирования, его выбросило из кабины, а F-16 рухнул в Евфрат.

“Я выпрыгнул с парашютом и упал в реку”, – сказал он в видеоинтервью.

Соратники не успели спасти его. Аль-Касасбе еще пытался освободиться от катапультного кресла, когда его взял в плен здоровяк с черной бородой и в вязаной шапочке. “Я в плену у моджахедов”, – сообщал Касасбе.

ИГИЛ*, не теряя времени, воспользовалась удачным случаем. В течение девяти дней после крушения – пока велись переговоры по поводу возможного обмена пленными – медиагруппа вчерне набросала план съемок казни. Съемочная группа нашла подходящее место на окраине Ракки, несколько сотен футов от реки, и закрепила там клетку – куб из тонких металлических прутьев с открытым полом размером с большое одеяло. Члены группы установили камеры

на треногах и подогнали экскаватор с грузом песка и камней. К утру 3 января все было готово.

Это видео нужно было снять профессионально, в отличие от дерганных домодельных представлений, которые снимал несколько лет назад аз-Заркави. Финальная версия включает долгое, превосходно сделанное вступление с компьютерной графикой и серией кадров, на которых король Иордании Абдалла II произносит речи и пожимает руку Обаме. Анимированный F-16 рассыпается на куски, которые потом волшебным образом собираются в арабскую вязь названия ролика, услужливо переведенного на корявый английский: *Healing the Believer's Chest*^[3].

Ядром пропагандистского фильма является монтаж: изображения захваченного пилота сопровождаются кадрами с трупами детей и других предполагаемых жертв бомбардировок. Камера следует за аль-Касасбе, который медленно идет вдоль ряда боевиков ИГИЛ* в масках, в январском воздухе видно, как он дышит. Потом он вдруг уже в клетке, голова склонена, словно в молитве. Оранжевая рубаша, на предыдущих кадрах сухая, теперь пропитана горючим.

Солдат в маске – подпись определяет его как командира отряда ИГИЛ*, попавшего под бомбардировку во время одного из авиаударов коалиции, – зажигает длинный факел, которым касается дорожки пороха, идущей через железные прутья. Через несколько секунд аль-Касасбе уже охвачен пламенем. Он прыгает и судорожно молотит руками, но убежать невозможно. Наконец он обеими руками хватается за лицо и опускается на колени, почти весь скрытый огнем. Через несколько мгновений почерневший труп заваливается назад, после чего экскаватор с грохотом засыпает клетку с пилотом внутри глыбами бетона и грязью.

В качестве последнего штриха камера крупным планом показывает почерневшую руку, видную среди завалов. В заключительных кадрах, там, где обычно идут титры, показаны фотографии и имена других иорданских пилотов. Создатели фильма

объявляют о награде в золотых монетах любому, кто найдет и убьет одного из них.

“Итак – добрые вести каждому, кто стоек в вере и готов совершить убийство, которое спасет его от адского огня”, – произносит диктор.

Страшная работа была окончена к середине утра, не считая нескольких недель студийного редактирования, необходимого, чтобы подготовить фильм к выходу в прокат. Но и в этот день, и еще почти месяц ИГИЛ* продолжала дразнить иорданскую сторону возможностью освободить аль-Касасбе, если только иорданцы захотят заключить сделку.

Не в первый раз ИГИЛ* делала все, чтобы потрясти мир своими зверствами. За четыре месяца до пленения аль-Касасбе видеозапись с обезглавливанием похищенного фотожурналиста Джеймса Фоули вызвала возмущение западных правительств; она же стала причиной того, что американцы активно поддерживали вооруженный ответ террористам. За убийством Фоули очень скоро последовали убийства репортера журнала *Time* Стивена Сотлоффа, бывшего американского десантника Питера Кэссига и работников британской гуманитарной миссии Дэвида Хейнса и Алана Хеннинга. Десятки других разделят их судьбу, в том числе взятые в плен сирийские и ливанские солдаты, курдские женщины, иракские видеооператоры и граждане Японии. Ливийские джихадисты, объявившие о союзнчестве с ИГИЛ*, записывали на видео казни христиан группами по двадцать и более человек.

И все же именно смерть молодого летчика спровоцировала смену настроений среди простых арабов. От космополитичной иорданской столицы до консервативных ваххабитских селений Саудовской Аравии раздавались голоса протеста и гнева. Обезглавливание пленных, как бы оно ни было жестоко, в особых случаях разрешено Кораном и регулярно практикуется саудовским правительством в качестве официальной казни. Но сожжением человеческого

существа – да еще практикующего мусульманина-суннита – Исламское государство* нарушило древнее табу.

“Только Господь может карать огнем, – заявил в Твиттере Салман аль-Уда, почитаемый саудовский богослов и куратор популярного сайта “Ислам сегодня”. – Сожжение есть гнусное преступление, отвергаемое исламским законом независимо от его причин”.

Абдул Азиз аш-Шейх, верховный муфтий Саудовской Аравии, высшее духовное лицо страны и правовед, уполномоченный решать вопросы религиозного права изданием фетвы, сказал просто: ИГИЛ* – не мусульмане. “Они враги ислама”.

Но самое строгое отречение от ИГИЛ* последовало со стороны человека, чье учение долго считалось радикальным. Абу Мухаммад аль-Макдиси, джихадистский богослов, бывший личным наставником Заркави, когда они сидели в тюрьме, все ожесточеннее критиковал молодняк Заркави, когда те мародерствовали в Сирии и Западном Ираке. Макдиси, которого исламисты все еще считали одним из основателей движения и теоретиком-первопроходцем, порвал с Заркави из-за убийства невинных шиитов. Теперь он заявлял те же протесты аль-Багдади по поводу зверского убийства сотрудников гуманитарных миссий вроде британца Алана Хеннинга, который приехал в Сирию, чтобы облегчить страдания людей.

“Хеннинг работал в гуманитарной организации, руководимой мусульманами, – писал Макдиси в открытом письме, опубликованном на его сайте. – Разве справедливо, что наградой ему стало похищение и убийство?”

После тюремной амнистии 1999 года их с Заркави пути разошлись, Макдиси осел в Иордании. Он провел немало времени в пенитенциарных центрах Мухабарата, однако продолжал выражать свои взгляды на злободневные темы в открытых письмах и интернет-постах. Некоторые исламисты задавались вопросом, насколько Макдиси высказывает собственное мнение, а не пишет под диктовку Мухабарата. Но как минимум в одном пункте Макдиси был

последователен – как в своих писаниях, так и в частных беседах с журналистами и друзьями: убийство простых мусульман, религиозных ли паломников или суннитских летчиков, катапультировавшихся во время боя, противно исламу.

После пленения аль-Касасбе Макдиси предложил свои услуги в качестве посредника, ища способ осуществить обмен летчика на Саиду ар-Ришави, террористку-смертницу, которой не повезло погибнуть, и приговоренную к смертной казни заключенную. Где-то в начале 2015 года он обменивался сообщениями с неким человеком, предположительно с Абу Мухаммадом аль-Аднани, личным пресс-секретарем Багдади.

“Я сейчас сосредоточен на заключении сделки, представляющей для вас законный интерес”, – писал Макдиси Аднани в одном из писем, циркулировавших потом в соцсетях. Если ИГИЛ* отпустит летчика, говорил Макдиси, они спасут жизнь своей “сестры во джихаде”, и группа сможет избежать дальнейшего падения своей репутации в глазах арабов.

Ответом ИГИЛ* стало опубликование записи с казнью пилота, произведенной на целый месяц раньше. Макдиси был в ярости.

“Они лгали мне, они приносили торжественные клятвы, – говорил он иорданскому телеканалу “Роя ТВ”. – Потом мне стало ясно, что к тому времени они уже убили пилота”.

Наступил окончательный разрыв. В том же интервью Макдиси от души поносил движение, которое помогал создать. Упомянув своего бывшего ученика Заркави, он осудил искажение закона, с которого началась эта “традиция бойни”.

“Они не признают иных завоеваний и побед, кроме резни и убийств, – говорил он. – Они режут своих врагов, демонстрируют результаты своих деяний на телеэкранах, и люди в ужасе говорят: неужели это и есть ислам? И нам приходится защищать ислам, объяснять, что это – не ислам”.

Макдиси произносил эти слова у себя дома, в Аммане; иорданское правительство выпустило его из тюрьмы за несколько месяцев

до интервью, что явилось частью негласного перемирия между монархией и клерикалом, некогда ратовавшим за свержение режима. 4 февраля 2015 года, в день, когда в тюрьме Свака казнили Ришави, иорданский государственный прокурор официально снял с Макдиси все обвинения. В первый раз со времени своей отсидки в одной тюрьме с Заркави больше двадцати лет назад Макдиси был чист перед монархией.

Выдающиеся мусульманские духовные лица и богословы и раньше осуждали террористические акты, включая атаки на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 года. Но на этот раз критика была высказана до конца. На уровне высших политических и религиозных институтов арабского мира было объявлено, что отныне простого осуждения недостаточно.

Первого января 2015 года, через неделю после захвата иорданского летчика, египетский президент Абдель Фаттах ас-Сиси появился перед собранием высших духовных лиц – представителей суннитской ветви ислама, чтобы призвать к исламской реформации – “революции”, которая отречется от фундаменталистов и радикалов, извративших главное послание древней религии. Уровень насилия, творимого группами вроде “Аль-Каиды”* и ИГИЛ*, лишь один из симптомов масштабного кризиса, с которым мусульмане должны разобраться сами, сказал он.

“Мы должны долго и пристально изучать положение, в котором оказались, – говорил ас-Сиси собравшимся в каирском университете Аль-Азхар, более тысячи лет бывшем интеллектуальным центром суннитского ислама и институтом, где устанавливались стандарты для основной массы мусульман в вопросах богословия и религиозной практики. – Нельзя допустить, чтобы священные для нас идеи сделали весь наш народ источником тревог, опасности, убийств и разрушения по всему миру”.

Проблема, по словам ас-Сиси, заключалась не в исламском мировоззрении самом по себе, а в “идеологии – корпусе идей

и текстов, которые мы возвеличивали на протяжении веков. В конце концов нам стало трудно усомниться в них”.

Весь зал аплодировал президенту, когда тот напрямую обратился к духовному лидеру университета – великому имаму Аль-Азхара, Ахмеду эль-Тайебу, призвав его “совершить переворот в нашей религии”.

“Вы несете ответственность перед Аллахом, – напомнил ас-Сиси. – Весь мир ждет ваших слов. Исламский народ разобщен, уничтожен и направляется к своей гибели. Мы сами ведем его к гибели”.

Через несколько недель после того, как ИГИЛ* обнародовала ролик с казнью летчика, великий имам провозгласил один из самых жестких для влиятельного духовного лица приговоров. ИГИЛ* – это не просто не ислам, заявил он; они “слуги сатаны”. Позже Аль-Азхар сам сурово обошелся с экстремистски настроенными духовными лицами, удалив имамов, не осуждающих насилие.

И все же было ясно, что изгнание нескольких имамов не уменьшит привлекательности Исламского государства*. Среди тысяч добровольцев ИГИЛ* есть молодые люди, которых мотивирует не столько идеология, сколько желание сражаться против авторитарных арабских режимов вроде правительства ас-Сиси. Рами Хури, ливанский журналист и исследователь, который на протяжении четырех десятилетий ведет хронику возвышения и падения исламских движений, заметил, что острая ненависть Заркави оформилась благодаря тюрьме больше, чем благодаря любой проповеди или религиозным трактатам.

“Радикализация многих деятелей, создавших “Аль-Каиду”*, а потом ИГИЛ*, происходила в арабских тюрьмах, – говорил Хури. – Сочетание американских истребителей и арабских тюрем оказалась той критической точкой, из которой пустили ростки “Аль-Каида”* и ИГИЛ*”.

Король покинул Вашингтон, торжественно поклявшись, что “намерен сражаться”, и остался верен слову. Не успел королевский самолет приземлиться в Аммане, как волны коалиционных истребителей уже были в небе над Сирией – официально это позже будет описано как самая масштабная атака на позиции ИГИЛ* с начала кампании. Самолеты бомбили тренировочные лагеря, бараки и склады оружия. По подсчетам, произведенным после акции, были убиты более пятидесяти боевиков.

После посадки в Иордании король Абдалла направился прямо на совещание по национальной безопасности, чтобы спланировать следующую фазу. В зале разрешили установить телекамеры, чтобы снимать монарха, который в дополнение к своему обычному пиджачному костюму надел традиционную куфию. Король требовал отомстить за смерть летчика.

“Мы ведем эту войну, чтобы защитить нашу веру, ценности и гуманистические принципы”, – заявил Абдалла. Что касается ИГИЛ* – “этих уголовников”, как он их назвал, – то “им нанесут жестокое поражение в их собственных крепостях”.

Когда король вышел, его встретило невероятное зрелище: тысячи иорданцев выстроились на улицах, чтобы приветствовать королевский кортеж. Толпы молодежи разительно отличались от мужчин среднего и пожилого возраста, которые обычно являлись на проправительственные демонстрации; многие молодые люди оставались на улицах до позднего вечера, они несли зажженные свечи и написанные от руки плакаты. Мечети и христианские церкви Аммана проводили службы, молясь об убитом летчике.

Еще больше самолетов покинули в тот день свои базы, и иорданцы так же приветствовали их. Маленькая страна, к самым границам которой подошла армия террористов, Иордания раньше преуменьшала свою роль в антиигиловской коалиции, надеясь, что у террористов не будет повода напасть на королевство. Теперь же ранее закрытые военные базы пускали к себе фотографов, чтобы те засняли, как бойцы выводят послания на снарядах. “Ислам не имеет

ничего общего с ИГИЛ^{*}», – было нацарапано на бомбе, которую летчик готовился сбросить во время налета. Само министерство обороны, почти всегда хранившее молчание по поводу военных операций, открыто объявило о новых бомбардировках, причем в колюче-вызывающем тоне. Всего с несколькими самолетами и несмотря на острую зависимость от поставок со стороны во всем от боеприпасов до топлива, страна поднялась как один человек, “готовясь пожертвовать всем для защиты истинных ценностей ислама”, говорилось в заявлении вооруженных сил Иордании.

“Это только начало, – гласило заявление. – Вы узнаете, кто такие иорданцы!”

Вторая волна бомбардировок была уже в разгаре, когда Абдалла покинул Амман и отправился в южный город Карак, на родину многих поколений клана аль-Касасбе. Еще одна огромная толпа собралась приветствовать кортеж, взбиравшийся по крутой дороге к расположенной неподалеку деревне Ай, где король собирался присоединиться к скорбящим родственникам погибшего летчика.

Возле дома, где жила семья, Абдалла обнял старого отца пилота. Крепко держась за руки, они шагали во главе длинной процессии, оба в особых красно-белых куфиях, символизирующих для иорданцев и монархию, которой исполнилось девяносто три года, и племенные традиции, которые гораздо старше и страны под названием Иордания, и самого ислама.

Пока они шли, четыре иорданских бомбардировщика появились на горизонте – они возвращались с боевого вылета к северу от границы. Они строем пронеслись над домом пилота, потом широкой дугой свернули на запад, мимо города Карака с его развалинами замка крестоносцев, и пролетели над старой дорогой, по которой когда-то ихванские всадники въезжали в страну, чтобы убивать и грабить. Самолеты мелькнули над окраиной Зарки, индустриального города, где трудный подросток по имени Ахмад вырос в опасного радикала, который назвался Заркави. Потом они приземлились на загруженной с недавних пор воздушной базе

Муваффах, где самолеты из полудюжины стран, в основном мусульманских, заправляли и загружали боеприпасами для ударов по Исламскому государству*.

На следующее утро, неся новые бомбы, они направляются на север, чтобы снова атаковать террористов.

Автор выражает благодарность

Идея книги об истоках ИГИЛ* начала оформляться еще до того, как появилась террористическая организация с таким названием. Она возникла частично из давнего интереса к фигуре Абу Мусаба аз-Заркави, чья личная история становилась для меня все более интригующей по мере того, как я собирал материалы для своей предыдущей книги “Тройной агент”. Позже, делая обзор восстаний “Арабской весны” 2011 года для *Washington Post*, я с возрастающим интересом наблюдал, как террористическое движение Заркави – многие эксперты полагали, что оно скоро сойдет на нет – начинает заявлять о себе во время гражданской войны в Сирии. Никто не предвидел, что остатки старой “Аль-Каиды в Ираке”* превратятся в мощную армию с территориальными претензиями в сотни квадратных миль. В начале 2012 года очень немногие американские и ближневосточные политики видели, как формируются контуры глобальной террористической угрозы; некоторые откровенно делились своими опасениями в частных беседах. Именно с этих людей – иных я не могу назвать по именам на страницах этой книги – начинается мой долг благодарности. Эта книга не появилась бы на свет без помощи небольшой группы друзей из разведки, исполнительной и дипломатической сфер. Два года они слали мне отчеты, щедро и терпеливо делясь своими знаниями, соображениями, предположениями и экспертным мнением.

Я также в особом долгу перед бывшим членом Палаты представителей США Джейн Харман и Международным научным центром имени Вудро Вильсона за их бесценную поддержку. Мои приятели из Центра Вильсона предоставили мне свободу докладывать и писать, не отвлекаясь, в обществе одаренных писателей и выдающихся мыслителей со всего мира. Помимо представителя Хартман, я особенно благодарен Халеху Эсфандиари,

Роберту Литваку, Аарону Дэвиду Миллеру и Марине Оттавэй, бывшему научному сотруднику Робину Райту, Эндрю Сили, Арлин Чарльз и исключительно продуктивной исследовательской группе. Я также благодарен за готовность помочь практиканту Крейгу Брауну, чьи эрудицию, упорный труд и знание языков невозможно переоценить.

Среди двухсот с лишним собеседников, проинтервьюированных для этой книги, некоторые проявили удивительную щедрость, делаясь своим временем и сведениями. Я приношу особую благодарность Наде Бакос, которая в то время писала собственные мемуары, но все же уделила мне время, так же как Роберт Ричер, Майкл Хейден, Роберт Форд, Муаз Мустафа, генерал Стэнли Маккрystal, генерал-лейтенант Майкл Флинн, Леон Панетта, Джереми Бэш, Майкл Морелл, Лоуренс Уилкинсон, Брюс Райдел, Уильям Маккантс, Хуан Сарате, Брюс Хоффман, Хасан Абу Хание, Джоаз Уэйджмейкер, Марван Муашер, Кайл Уэстон, Джеймс Маклафлин, Сэм Фэддис, Фредерик Хофф, Зейдан аль-Джабири, Худхайфа Аззам, Джеймс Джеффри, Абдальраззак ас-Сулейман, Джонатан Гринхилл, Самих Баттихи, Эндрю Тэблер, Джеффри Уайт, Абу Мутаз и Абдалла Абу Роман. Среди тех, кого нельзя упомянуть в этой книге по имени, – множество нынешних и бывших представителей иорданского правительства и разведывательных служб, а также нынешние и бывшие американские должностные лица, которые предлагали помощь, понимая, что ни их имена, ни филиалы агентств не будут упомянуты. Неоценимая помощь в получении джихадистских видео- и аудиоматериалов, а также английский перевод пришли от Стивена Стлински из Института исследований ближневосточных СМИ и Риты Кац, сооснователя разведывательной группы SITE. Я в долгу перед Жан-Шарлем Бризаром за то, что он поделился архивами, собранными для его великолепной книги 2005 года “Заркави: Новое лицо “Аль-Каиды”.

Я не смог бы взяться за эту книгу без щедрой поддержки своего работодателя, *Washington Post*, и множества коллег и друзей оттуда.

Я в особом долгу перед Марти Бэроном, Кэмероном Барром, Кевином Меридой и Питером Финном за доброту, с какой они позволяли мне продолжать этот проект. Также моя особая признательность – Джейсону Акману, Джули Тейт, Суаду Мехеннету, Тейлору Лаку, Дэвиду Хоффману, Мэри Бет Шеридан, Уильяму Буту, Дагу Францу, Дэвиду Игнатиусу, Кэтрин Уэймаут, Дональду Грэхему, Грегу Миллеру, Эллен Накасима, Адаму Голдману, Энн Гиран, Карен Деянг, Крейгу Уитлоку, Грегу Джеффу, Дагу Йелу, Карин Бруллиард, Джеффу Лину, Скотту Уилсону, Кэрол Морелло, Энн Корнблат, Уолтеру Пинкасу, Радживу Чандрашекарану, Лори Макгинли, Кэтрин Толберт, Джулиет Эйлперин, Крису Муни, Дэррилу Фирсу и Стивену Мафсону.

Выражаю совершенно особого рода благодарность Рании Кадри, сокровищу иорданской журналистики и поразительно продуктивной коллеге, переводчику, мастеру на все руки, а еще иногда – повару и хозяйке гостиницы во время моих поездок по Ближнему Востоку.

Неизменная благодарность – моему литературному агенту, Гейл Росс, за ее предложения, веру в меня и полезные советы, а также всей команде литературного агентства *Ross-Yoon* за материально-техническую поддержку. Я также в долгу перед издательской группой *Knopf Doubleday*, включая Даниэля Мейера, Нору Рихард, Майкла Голдсмита, Билла Томаса и Амелию Зальцман. Я глубоко благодарен за помощь моему исключительно талантливому редактору Крис Пуополо, разглядевшей потенциал в моей туманной идее – книге о возникновении террористического движения, о котором большинство американцев едва ли слышали в начале 2013 года. Успех этих страниц – дань ее убедительным идеям, непревзойденным редакторским способностям и безграничному, кажется, терпению.

Мне невероятно помогали преодолеть трудности поддержка и поощрение моих друзей и членов семьи, особенно Пола Шиккитано, Джеймса Розена, Конни Кондрэви, Шиама Мадираджу, Джин и Дэниса Джорданов, Уилла Джордана, Эда и Джины Фишеров, Б. Х. Уоррик и моих родителей, его преподобия Юджина Уоррика

и Барбары Уоррик. И наконец, что важнее всего, я хотел бы выразить любовь и благодарность моим детям, Виктории и Эндрю, с пониманием относившихся к тому, что меня так часто не было дома, к отложенным каникулам и моей рассеянности, и моей жене Мэриэнн, полноправному партнеру в этом предприятии, с готовностью на общественных началах служившей исследователем, редактором и референтной группой, а также жизненно важным источником силы и стойкости все эти непростые два года.

Какое счастье – быть дома.

Примечания

Пролог

“Когда я поеду домой?” – интервью с Хусейном аль-Масри, государственным адвокатом Ришави.

...если она кричала, умоляла или проклинала... – интервью автора с иорданским чиновником, осведомленным о жизни Ришави в заключении и последних днях перед казнью.

...в семье пленного летчика раздался звонок с его сотового телефона... – интервью автора с высокопоставленным иорданским чиновником, детально осведомленным о ходе переговоров по обмену пленными.

Он помнил каждую деталь преступления... – интервью автора с капитаном иорданской разведки, участвовавшим в расследовании.

“Черные флаги придут с Востока”... – пророчество изложено в хадисах, в частности в книге “Китаб аль-Фитан”, или “Книге смуты”.

“Искра зажглась здесь, в Ираке...” – “Al-Zarqawi’s Message to the Fighters of Jihad in Iraq on September 11, 2004” Middle East Media Research Institute, Sept. 15, 2004, <http://www.memri.org/report/en/print1219.htm>.

...затвердело и превратилось в обиду. – интервью автора с двумя высокопоставленными чиновниками ближневосточных стран, знакомыми с мнением короля.

“Могу я что-нибудь сделать для вас?” – интервью автора с сенатором Джоном Маккейном и высокопоставленным ближневосточным чиновником, осведомленным о разговоре.

Глава 1

“Какая жуткая тоска” – цит. по: Steven Caton, *Lawrence of Arabia: A Film’s Anthropology* (Berkeley: University of California Press, 1999).

“предостережение, как выглядит ад”. – Cole Coonce, *Infinity over Zero: Meditations on Maximum Velocity* (Famoso, Calif.: KeroseneBomb Publishing, 2002).

...набору издевательства, позже задокументированных следователями ООН. – Manfred Nowak, “Report of the Special Rapporteur on Torture”, UN General Assembly Human Rights Council, 2007.

...призвали оказывать медицинские услуги пятидесяти самым опасным людям страны. – интервью автора с доктором Сабхой, рассказавшим о своем знакомстве с Заркави и другими заключенными Аль-Джафра.

“Его радикальный вывод...” – интервью автора с Хасаном Абу Хание.

“Он очень жесткий...” – интервью автора с журналистом Абдуллой Абу Романом, сидевшим в тюрьме с Заркави и Макдиси.

...мускулами, которые он все больше накачивал, поднимая тяжести... – Jean-Charles Brisard, *The New Face of Al-Qaeda* (New York: Other Press, 2005), p. 49.

“Мы пришли умирать!” – Joas Wagemakers, “A Terrorist Organization That Never Was: The Jordanian ‘Bay’at al-Imam’ Group”, *Middle East Journal*, Jan.2014.

...такфиристам – “отлучателям”... – подробнее о такфиристах <https://www.ctc.usma.edu/v2/wp-content/uploads/2010/06/Vol1Iss7-Art61.pdf>.

“Тех, кто согласится, король Хусейн простит!” – Abu Qadama Salih al-Hami, “Knights of the Unfulfilled Duty: Zarqawi and the Afghan Jihad” (n.p., 2007).

“О сестра, сколько же ты страдала...” – Will McCants, “Letter from Balqa Jail”, *Jihadica: Documenting the Global Jihad*, June 22, 2008,

<http://www.jihadica.com/letter-from-balqa-jail>.

“Он не был бойцом, ни дня не прожил среди пуль, снарядов и танков!” – Wagemakers, “Terrorist Organization That Never Was”.

...называвших себя ихванами... – подробнее о движении ихванов в книге: Robert Lacey, *The Kingdom: Arabia and the House of Sa’ud* (New York: Avon, 1983).

Глава 2

“Я хочу видеть тебя” – Abdullah, King of Jordan, *Our Last Best Chance: The Pursuit of Peace in a Time of Peril* (New York: Viking, 2011).

“У меня засосало под ложечкой...” – Ibid.

“Вскоре нам предстояло оказаться под светом прожекторов...” – Ibid.

Они часами стояли, закутавшись, чтобы спастись от сырой стужи... – Ahmad Khatib, “Jordanians Line Amman’s Streets to Bid Farewell”, Jordan Times, Feb. 9, 1999.

“Таково было решение Господа...” – Francesca Ciriaci, “Abdullah Proclaimed King”, Jordan Times, Feb. 8, 1999.

“Еще не привыкший, я оглянулся...” – Abdullah, *Our Last Best Chance*.

Хусейн за свою жизнь пережил не меньше восемнадцати покушений. – Avi Shlaim, *Lion of Jordan: The Life of King Hussein in War and Peace* (New York: Alfred A. Knopf, 2008).

“Я и не знала, что вертолеты могут летать так низко” – “King Hussein of Jordan”, ABC News Nightline, originally broadcast Feb. 7, 1999.

“Я даже не знаю, что писать в протоколе” – Abdullah, *Our Last Best Chance*.

“Я не ангел...” – Ibid.

...“стержень страны”. – “Muslim Brotherhood Meets King”, Jordan Times, March 19, 1999.

“Ваше величество, мы с вами...” – Ibid.

“Иордания готова начать новую главу своей истории...” – Tareq Ayyoub, *“The Amnesty Law: Complicated and Incomplete”*.

Через много месяцев Абдалла обнаружит... – Abdullah, *Our Last Best Chance*.

“Почему, – будет вопрошать он, – никто не проверил фамилий?” – интервью автора с должностным лицом, лично наблюдавшим этот эпизод.

“Наш приятель вернулся” – интервью автора с д-ром Сабхой.

Глава 3

“Я ничего не сделал!” – интервью автора с двумя служащими высокого ранга, свидетелями событий.

“Пистолет!” – крикнул один из агентов. – Ibid.

“Пропаганда лилась из него потоком...” – интервью автора с Самихом Баттихи.

...был проблемой с детства... – подробнее о семье и детстве Заркави см. Jean-Charles Brisard, *The New Face of Al-Qaeda* (New York: Other Press, 2005).

Но любовью всей жизни Заркави оставалась его мать. – Ibid.

“Он был не настолько умен” – Betsy Pisik, *“Mother Denies Suspect Is a Terrorist”*, Washington Times, Feb. 24, 2003.

“Мы все знали, кто он...” – интервью автора с Худхайфой Аззамом.

“...Заркави всегда плакал...” – Abu Qadama Salih al-Hami, *“Knights of the Unfulfilled Duty: Zarqawi and the Afghan Jihad”*.

“Аллах даровал моджахедам...” – цит. в: Fu’ad Husayn, *Al-Zarqawi: The Second Generation of al-Qaeda* (n.p., 2006).

Заркави читал книги о героях раннего ислама... – Ibid.

“Мы печатали и распространяли кое-какие мои работы...” – цит., ibid.

“Он хотел, чтобы все было быстро...” – цит., ibid.

“Ваши наказания только укрепляют нас в вере!” – Jean-Charles Brisard, *The New Face of Al-Qaeda* (New York: Other Press, 2005).

Третьим сотрудником агентства, проявившим особый интерес... – интервью автора с Абу Мутазом.

Глава 4

“Время обучения закончилось” – Ali H. Soufan, *The Black Banners: The Inside Story of 9/11 and the War Against Al-Qaeda* (New York: W. W. Norton, 2011).

“Роб, я хочу тебе кое-что сказать...” – интервью автора с Робертом Ричером.

“Он все-таки не забыл об Иордании” – интервью автора с высокопоставленным иорданским чиновником.

“Абу Мусаб придерживался жесткой линии...” – цит. в: Fu’ad Husayn, *Al-Zarqawi: The Second Generation of Al-Qaeda* (n.p., 2006).

“Ирак станет местом предстоящей битвы...” – Ibid.

Глава 5

“Я там, где хочу быть...” – Marcella Bombardieri and Jana Benscoter, “Slain Envoy Had Boston Ties on Aid Mission; Foley Was ‘Doing What I Want to Do’” *Boston Globe*, Oct. 29, 2002.

Фоули скорчился на тротуаре... – интервью автора с двумя иорданскими должностными лицами, принимавшими непосредственное участие в событиях.

“Я все спрашивала себя, что я могу сделать...” – интервью автора с Надой Бакос.

...“как выяснилось, основаны на слухах”... – неопубликованный доклад ЦРУ “CTC Iraqi Support for Terrorism”, CTC 2003–1000/HS, Jan. 29, 2003.

“Она один из лучших...” – интервью автора с бывшим сотрудником разведки США.

“Я задавал жесткие вопросы” – Richard B. Cheney, *In My Time: A Personal and Political Memoir* (New York: Threshold Editions, 2011).

Глава 6

...Чарльз “Сэм” Фэддис на координатной сетке изучил... – интервью автора с Чарльзом Фэддисом.

“Они принуждали женщин...” – “Under the Microscope”, Al-Jazeera TV, Doha, July 1, 2004.

“...если мы сумеем собрать информацию, которая на сто процентов докажет...” – интервью автора с Чарльзом Фэддисом и описание в книге: Mike Tucker and Charles Faddis, *Operation Hotel California: The Clandestine War Inside Iraq* (Guilford, Conn.: Lyons Press, 2009).

“С таким размахом это уже вторжение...” – Stanley A. McChrystal, *My Share of the Task: A Memoir* (New York: Portfolio/Penguin, 2013).

“Ему удалось наладить связи...” – George Tenet, *At the Center of the Storm: My Years at the CIA* (New York: HarperCollins Publishers, 2007).

...официальные лица Белого дома избегали любых действий... – Peter Baker, *Days of Fire: Bush and Cheney in the White House* (New York: Doubleday, 2013).

“Мы обсуждаем этот вопрос” – Riad Kahwaji, “Jordan and U. S. Discuss Possible Patriot Deployments”, Marine Corps Times, Feb. 10, 2003.

...“зациклились на Ираке”... – Abdullah, King of Jordan, *Our Last Best Chance: The Pursuit of Peace in a Time of Peril* (New York: Viking, 2011).

“Но я был уверен в одном: чем дольше продлится война, тем страшнее будут последствия”. – Ibid.

Глава 7

“Современный Ирак дал пристанище смертельно опасной террористической сети” – http://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/transcripts/powelltext_020503.html.

Ошеломленная, Бакос смотрела дальше. – интервью автора с Надой Бакос.

“Что за бред!” – интервью автора с Самихом Баттихи.

“Нас чуть не стошнило...” – интервью автора с Абу Мутазом.

“Своей речью Колин Пауэлл подарил ему популярность...” – интервью автора с Хасаном Абу Хание.

Глава 8

Она повторила вопрос спокойно... – интервью автора с Надой Бакос; еще одно осведомленное о событиях должностное лицо подтвердило ее рассказ.

“Мы начали военную операцию...” – интервью автора с Надой Бакос.

...передняя часть фургона, вертясь, взлетела в небо... – Rajiv Chandrasekaran, “Car Bomb Kills 11 in Baghdad”, Washington Post Foreign Service, Aug. 8, 2003.

“Дальше будет хуже...” – Michael R. Gordon, “Terror Group Seen As Back Inside Iraq”, New York Times, Aug. 10, 2003.

“Мы далеко продвинулись...” – E. A. Torriero, “Embassy Attack May Have Tie to Al Qaeda”, Chicago Tribune, Aug. 9, 2003.

“Обломки режима и прочие экстремисты атакуют прогресс” – Jim Henderson, “Democracy Is Not Easy, Condoleezza Rice Tells Journalists in Dallas”, Houston Chronicle, Aug. 8, 2003.

“Присутствие сил коалиции...” – D’Arcy Doran, “UN Employees’ Fears Grew As Security Deteriorated in Baghdad”, Associated Press, Aug. 28, 2003.

“Прогремел взрыв...” – интервью Джереми Паксмана с Гилом Лёшером, BBC News, broadcast Dec. 18, 2003; <http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/newsnight/3330885.stm>.

“Они хотят сражаться с нами...” – пресс-конференция Джорджа Буша 23 августа 2003 г. в Кроуфорде, штат Техас; отрывки доступны здесь: <http://www.usembassy-israel.org.il/publish/press/2003/august/082304.html>.

“...сегодня Аллах был милостив”. – интервью автора с американским служащим высокого ранга, осведомленным о ходе расследования.

“Мы должны объединить усилия...” – “Ayatollah Hakim’s Last Sermon”, BBC News online, Aug. 30, 2003, http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/3193341.stm.

“В Багдаде купит торговля!” – Tom Infield, “U. S. General: Hezbollah Linked to Iraq Bombings”, Philadelphia Inquirer, Sept. 6, 2003.

...продемонстрировали “блестящую стратегию”... – интервью автора с Брюсом Райделом.

Глава 9

“В нем изложены факты...” – интервью автора с Робертом Ричером.

“Непосредственно перед вторжением...” – интервью автора с отставным должностным лицом из США, свидетелем событий.

“Легкость, с какой инсургенты передвигаются и существуют...” – цит. в: James Risen, *State of War: The Secret History of the CIA and the Bush Administration* (New York: Free Press, 2006).

“Так вы, ребята, думаете, что это восстание?” – интервью автора с двумя свидетелями событий.

...позже не нашли следов пуль... – “Violent Response: The U. S. Army in Al-Falluja”, Human Rights Watch, 2003, <http://www.hrw.org/reports/2003/iraqfalluja>.

“Мы пришли к ним...” – интервью автора с Зейданом аль-Джабири.

Глава 10

“Мы далеки друг от друга...” – “Zarqawi Letter” to Osama bin Laden, U. S. Department of State, Feb. 2004, <http://2001-2009.state.gov/p/nea/rls/31694.htm>.

“Я, вероятно, стоял меньше чем в квартале от Абу Мусаба аз-Заркави” – Stanley A. McChrystal, *My Share of the Task: A Memoir* (New York: Portfolio/Penguin, 2013).

“Это была чистая, беспримесная ненависть” – интервью автора со Стэнли Маккрystalом.

...“тогда Ирак еще не погрузился в ад...” – McChrystal, *My Share of the Task*.

“Я полагал, что серьезные боевые действия завершены” – “Major Combat Operations Over in Iraq”, PBS NewsHour, April 14, 2003, http://www.pbs.org/newshour/updates/military-jan-june03-battles_04-14.

“Что это?” – интервью автора со Стэнли Маккрystalом.

“Мы ни малейшего понятия не имеем, что происходит...” – McChrystal, *My Share of the Task*.

“Четкость организации и желание нанести удар...” – цит. в: Brian Knowlton, “U. S. Blames Iraq Attacks on Jordanian-Born Sunni Militant”, New York Times, March 3, 2004.

“Почему, – вопила она, – вы, американцы, сделали это?” – Vivienne Walt, “Over 150 Killed in Iraq Blasts”, Boston Globe, March 3, 2004.

Глава 11

Для выполнения этой миссии... – интервью автора с двумя высокопоставленными иорданцами, свидетелями событий.

“Использовали подставных лиц” – интервью автора с Абу Мутазом.

“К тому времени, как мы их выследили...” – Ibid.

“Люди на ‘капризе’...” – “Al Qaeda Plans Terrorist Attack in Chemical Weapons Against Jordan”, Petra News Agency, April 27, 2004 (полный текст признания, не подписанный).

...“проблемам, которые невозможно предугадать...” – Abdullah, King of Jordan, *Our Last Best Chance: The Pursuit of Peace in a Time of Peril* (New York: Viking, 2011).

“Да, план заключался в том, чтобы уничтожить управление иорданской разведки...” – Jamie Holguinap, “Terrorist: Wish We Had That Bomb”, Associated Press, April 16, 2004.

Глава 12

“Народ ислама! Великая весть!” – расшифровка видеозаписи казни Николаса Берга из архивов Университета Джорджии, <http://islam.uga.edu/zarqawi.html>.

“По всему видно – здесь можно прибыльно поработать...” – письмо Николаса Берга; Tom’s Photography, Jan. 4, 2004; http://www.nickberg.org/berg/Email_from_Berg/Entries/2004/1/4_Berg_s_Email_from_Iraq.html.

“Он шел туда, куда не ходил никто...” – Michael Powell and Michelle Garcia, “In a Pennsylvania Town, Friends Recall the Pranks and the Promise”, Washington Post, May 14, 2004.

“Никто не мог понять...” – интервью автора с Надой Бакос.

“Их цель – поколебать нашу волю...” – “President Bush Condemns Brutal Execution of Nicholas Berg”, May 12, 2004, <http://georgewbushwhitehouse.archives.gov/news/releases/2004/05/text/20040512-2.html>.

“Если бы вы держали руку на пульсе Америки...” – David E. Sanger and Richard W. Stevenson, “Bush Supporters Are Split on How to Pursue Iraq Plan”, New York Times, May 13, 2004.

“Заркави как с цепи сорвался...” – интервью автора с Надой Бакос.

Глава 13

“Ни о чем хорошем это не говорит” – интервью автора с Робертом Фордом.

“Вся его карьера прошла в опасных местах...” – интервью автора с Рональдом Ньюманом.

“Мятежники и иностранные боевики обычно действуют...” – “USEB 154: 1st Marine Expeditionary Force Discusses Situation in Al Anbar Province”, Public Library of US Diplomacy, July 23, 2004, https://www.wikileaks.org/plusd/cables/04BAGHDAD235_a.html.

“Он окружил себя подонками...” – интервью автора с Зейданом аль-Джабири.

“Он клялся, что не обезглавил ни одного заложника сам...” – Hannah Allum, “Fallujah’s Real Boss: Omar the Electrician”, Knight Ridder Newspapers, June 25, 2004.

“Это призыв о помощи из самых глубин...” – “Al-Zarqawi’s Message to the Fighters of Jihad in Iraq on September 11, 2004”, Middle East Media Research Institute, Sept. 15, 2004, <http://www.memri.org/report/en/print1219.htm>.

“самым мощным смертельным оружием...” – Muhammad Abu Rumman and Hassan Abu Hanieh, *The “Islamic Solution” in Jordan: Islamists, the State, and the Ventures of Democracy and Security* (Amman, Jordan: Friedrich-Ebert-Stiftung Jordan & Iraq, 2013).

“Я вижу как ширится хаос...” – Abu Muhammad al-Maqdisi, “Support and Advice, Hopes and Pains”, open letter, July 2004, translation provided by MEMRI, <http://www.memri.org/report/en/print1473.htm>.

“Мы осуждаем и обвиняем экстремизм...” – полный текст Амманской декларации на сайте www.ammannmessage.com.

“Способность небольшого числа экстремистов...” – Abdullah, King of Jordan, *Our Last Best Chance: The Pursuit of Peace in a Time of Peril* (New York: Viking, 2011).

“Следует знать, что брат-моджахед...” – Bin Laden’s Dec. 15, 2004, цит. в “Bin Laden’s Tape: Key Excerpts”, BBC News, Dec. 27, 2004.

...“величайшую радость людям ислама...” – Jeffrey Pool, “Zarqawi’s Pledge of Allegiance to Al-Qaeda: From Mu’Asker Al-Battar, Issue 21”, Terrorism Monitor, vol. 2, no. 24 (Dec. 15, 2004), http://www.jamestown.org/single/?tx_ttnews=27305#.VUdYf5N0v64 [tt_news]

Глава 14

“...противно воле Аллаха” – Jeffrey Pool, “Zarqawi’s Pledge of Allegiance to Al-Qaeda: From Mu’Asker Al-Battar, Issue 21”, Terrorism Monitor, vol. 2, no. 24 (Dec. 15, 2004), http://www.jamestown.org/single/?tx_ttnews=27305#.VUdYf5N0v64 [tt_news]

“Местное правительство в состоянии кризиса” – State Department, “Governor in Trouble-Ridden Anbar Province Held Hostage”, cable, Aug. 3, 2004, retrieved from <https://cablegatesearch.wikileaks.org/search.php?q=governor+in+trouble-riden+anbar&qo=0&qc=0&qto=2010-02-28>.

“Мы не будем выдвигать кандидатов...” – интервью автора с Робертом Фордом.

“...наш курс тверд...” – “Iraqi Vice-President on Tackling ‘Security Chaos,’ Coalition Pullout, Government”, Al-Jazeera TV, April 29, 2006.

...дрон засек машину подручного... – интервью автора с двумя высокопоставленными американцами, осведомленными о событиях.

“Врежься во что-нибудь – и все!” – интервью автора с Надой Бакос.

“Презентация в PowerPoint...” – интервью автора с чиновником высокого ранга в отставке, свидетелем эпизода.

“Движение моджахедов должно избегать...” – <https://www.ctc.usma.edu/v2/wp-content/uploads/2013/10/Zawahiris-Letterto-Zarqawi-Translation.pdf>.

“Он не имеет и не должен иметь исключительного права...” – Zarqawi, “Zarqawi Clarifies Issues Raised by Sheikh Maqdisi”, open letter, July 21, 2005, <http://thesis.haverford.edu/dspace/bitstream/handle/10066/4760/ZAR20050712.pdf?sequence=3>.

“Организация “Аль-Каида в Ираке”...” – “Al-Zarqawi Declares War on Iraqi Shia”, Al-Jazeera, Sept. 14, 2005, <http://www.aljazeera.com/archive/2005/09/200849143727698709.html>.

Оно состоялось утром 29 июня 2005 года... – интервью автора с двумя чиновниками высокого ранга в отставке, свидетелями эпизода.

“Вы же его поймаете?” – Stanley A. McChrystal, *My Share of the Task: A Memoir* (New York: Portfolio/Penguin, 2013).

“Все было устроено так...” – интервью автора со Стэнли Маккристалом.

“Если бы мы смогли методично наносить...” – McChrystal, *My Share of the Task*.

“Это грубейший промах” – интервью автора с чиновником высокого ранга в отставке, свидетелем эпизода.

Глава 15

“Он надел один на меня и сам надел второй...” – “Full Text of Iraqi Woman’s Confession”, Associated Press, Nov. 13, 2005, <http://www.nbcnews.com/id/10027725/#.VUdcKZN0v64>.

...Абу Хайсам слушал молча... – интервью автора с иорданским должностным лицом.

“Каждый получил задание...” – интервью автора с офицером иорданской разведки.

“Это жестокое преступление...” – Malmoud al-Abed and Mohammad Ghazal, “Thousands Rally in Unity Against Terror”, Jordan

Times, Nov. 12, 2005.

“Мы принимаем вызов...” – Abdullah, King of Jordan, *Our Last Best Chance: The Pursuit of Peace in a Time of Peril* (New York: Viking, 2011).

“Это наше девять-одиннадцать...” – интервью автора с Робертом Ричером.

“Люди, которые прежде не сотрудничали...” – интервью автора с иорданским чиновником высокого ранга, осведомленным о ходе дела.

“Наши братья точно знали...” – “Al-Zarqawi Purportedly Says Wedding Wasn’t Targeted”, Associated Press, Nov. 18, 2005.

“Давайте быть не только людьми убийства...” – <https://www.ctc.usma.edu/v2/wp-content/uploads/2013/10/Atiyahs-Letter-toZarqawi-Translation.pdf>.

“В Ираке время сейчас работает...” – “Text of a Document Found in Zarqawi’s Safe House”, Associated Press, June 6, 2006.

“Наши контакты публично и частным образом...” – State Department, “Sectarian Nerves on Edge After Samarra Shrine Explosion”, cable, Feb. 23, 2006, цит. по: https://www.wikileaks.org/plusd/cables/06STATE29555_a.html.

...“высек искру”... – Peter Baker, *Days of Fire: Bush and Cheney in the White House* (New York: Doubleday, 2013).

...“моей драгоценной нации”... – Rusty Shackleford, Ph.D., “Zarqawi Video (with Subtitles) [Updated: Transcripts]”, e Jawa Report, April 26, 2006, <http://mypetjawa.mu.nu/archives/173861.php>.

...“были допущены некоторые ошибки”... – Edward Wong and John F. Burns, “Iraqi Rift Grows After Discovery of Prison”, New York Times, Nov. 17, 2005.

Глава 16

“Карбули будто бы чувствовал облегчение...” – интервью автора с высокопоставленным иорданцем, осведомленным о событиях.

“Мы просто пытались узнать...” – интервью автора с высокопоставленным чиновником США, присутствовавшим на месте.

“Мы не хотим отдавать тебя...” – Stanley A. McChrystal, *My Share of the Task: A Memoir* (New York: Portfolio/Penguin, 2013).

“Мы увидели, как парень, одетый в черное...” – интервью автора со Стэнли Маккрystalом.

Вскрытие не обнаружило доказательств... – Final Autopsy Report, Abu Musab al-Zarqawi, Armed Forces Institute of Pathology, June 8, 2006.

“Как мы сами не догадались?” – интервью автора со Стини Хойером; см. также Peter Baker, *Days of Fire: Bush and Cheney in the White House* (New York: Doubleday, 2013).

“Я обрадовалась...” – интервью автора с Надой Бакос.

“Я давно считал Заркави хвастуном...” – интервью автора с Абу Хайсамом.

“...твой конец близок...” – интервью автора с Зейданом аль-Джабири.

Глава 17

...небольшая армия людей в гражданском... – интервью автора с двумя должностными лицами США, осведомленными о событиях.

“Если они выломают дверь...” – Ibid.

...не выносил вида крови. – Joan Juliet Buck, “Asma al-Assad: A Rose in the Desert”, *Vogue*, Feb. 25, 2011.

“Мое мнение: Сирия будет двигаться вперед...” – “John Kerry Praises Syria in 2011 Speech”, Carnegie Endowment for International Peace speech, March 2011, https://www.youtube.com/watch?v=GHMiLIZ_iwQ.

“Последняя страна в мире...” – интервью автора с Робертом Фордом.

...донесения о двадцати семи пенитенциарных центрах... – “Torture Archipelago: Arbitrary Arrests, Torture, and Enforced Disappearances in Syria’s Underground Prisons Since March 2011”, Human Rights Watch, July 3, 2012, <http://www.hrw.org/reports/2012/07/03/torture-archipelago-0>.

“Проблемы страны усугублялись...” – интервью автора с Фредериком Хофом.

“Присутствие посла США...” – “Syria Says US ‘Interfering’ As A,b.

“Президент Асад не является незаменимым...” – “Clinton Says Syria’s Assad ‘Not Indispensable’”, Voice of America, July 10, 2011, <http://www.voanews.com/content/clinton-says-syrias-assad-not-indispensable-125382213/142106.html>.

“...Он отказался от перемен...” – Macon Philips, “President Obama: ‘The Future of Syria Must Be Determined by Its People, but President Bashar al-Assad Is Standing in Their Way,’” White House Blog, Aug. 18, 2011, <https://www.whitehouse.gov/blog/2011/08/18/president-obama-future-syria-must-be-determined-its-people-president-bashar-al-assad>.

“...испытывал глубокое отвращение к действиям...” – интервью автора с Бенджамином Роудсом.

“Подобная идеология любит прятаться в темных углах...” – “Syria Speech by Bashar al-Assad”, June 20, 2011, http://www.al-bab.com/arab/docs/syria/bashar_assad_speech_110620.htm.

Глава 18

Сейчас он обращался к Асаду напрямую. – интервью автора с двумя высокопоставленными лицами, осведомленными о событиях.

“Настоящих алькаидовцев там всего горсточка” – интервью автора с высокопоставленным лицом, осведомленным о событиях.

“Ну и где ваше Исламское государство Ирак?”* – Cole Bunzel, “From Paper State to Caliphate: The Ideology of the Islamic State”, Brookings

Institute, Brookings Project on U. S. Relations with the Islamic World, March 2015.

“...джихад доставлен прямо к вам...” – Wikimedia Foundation, Foreign Affairs Committee, *The ISIS Threat: The Rise of the Islamic State and Their Dangerous Potential* (Google eBook, Sept. 25, 2014).

...на поиски отправлялись удивительные устройства для слежки... – интервью автора с тремя американцами, участниками событий.

...“на пороге стратегического поражения”... – Joby Warrick, “U. S. Cites Big Gains Against Al-Qaeda”, Washington Post, May 30, 2008.

“Мы не стали как они...” – интервью автора с высокопоставленным американцем, одним из кураторов операции.

“долгую мрачную ночь и темные дни...” – Steven Lee Myers, “New Qaeda ‘War Minister’ Warns of ‘Days Colored in Blood,’” New York Times, May 14, 2010.

Глава 19

“Нас было не больше семи-восьми...” – “Al-Jazeera Interview with Abu Mohamed Golani, the Head of al-Nusra in Syria”, Dec. 18, 2013, <https://www.youtube.com/watch?v=X8uTGdun5Fg>.

“Ему предстояло стать лицом организации...” – интервью автора с высокопоставленным должностным лицом, ознакомленным с досье разведслужб на Багдади.

“...какая-нибудь религиозная или другая книга” – Janine di Giovanni, “Who Is ISIS Leader Abu Bakr al-Baghdadi?”, Newsweek, Dec. 8, 2014.

“...возвращать добродетель и противостоять греху”. – Pieter van Nostaeyen, “The Biography of Sheikh Abu Bakr Al-Baghdadi, Amir of the Islamic State in Iraq and Al-Sham”, World Press, July 2013, <https://pietervanostaeyen.wordpress.com/2013/07/15/abu-bakr-al-baghdadi-ashort-biography-of-the-isis-sheikh>.

“Ощущения как в микроволновке” – Lt. Commander Vasilios Tasikas, “The Battlefield Inside the Wire”, Military Review, Sept. – Oct. 2009.

“...экстремисты смешивались с умеренными...” – Ibid.

“Расправься с Америкой и ее союзниками...” – Paul Vale, “Islamic State’s Al-Baghdadi Says Group Will Fight to ‘Last Soldier,’” Associated Press, Nov. 13, 2014.

“Заркави был мне ближе брата...” – Ruth Sherlock, “How a Talented Footballer Became World’s Most Wanted Man”, Telegraph [London], Nov. 11, 2014.

...Хлифави убедил Багдади... – Matthew Barber, “New ISIS Leaks Reveal Particulars of al-Qaeda Strategy”, from “Syria Comment” blog of the University of Oklahoma’s Center for Middle East Studies, Jan. 12, 2014.

“Он обвешивался всеми своими религиозными мандатами...” – интервью автора с высокопоставленным должностным лицом в США.

“Мы преодолели границы...” – “The Islamic State in Iraq and Syria Shall Remain”, audio message posted June 6, 2013; translation provided by the Middle East Media Research Institute.

“Было ощущение, что все произойдет само собой...” – интервью автора с высокопоставленным лицом, присутствовавшим при дискуссии.

“Это было как авария в замедленной съемке...” – интервью автора с Муазом Мустафой.

“Все конфессии...” – интервью автора с Нурой аль-Амир.

Глава 20

“Мы несем исламскому народу...” – Video posting, “New Jihad Group in Syria Announces Its Establishment”, Middle East Media Research Institute, Jan. 24, 2012.

“Мы с самого начала говорили...” – цит. в: Alexandra Zavis and Katie Paul, “Syria Capital Hit by Massive Bombings”, Los Angeles Times,

Dec.24, 2011.

“Отдайте деньги тем, кто потратит их на джихад” – David D. Kirkpatrick, “Qatar’s Support of Islamists Alienates Allies Near and Far”, New York Times, Sept. 7, 2014.

“В эту игру играют все...” – интервью автора с ближневосточным дипломатом высокого ранга.

“Они считали проблемой Асада...” – интервью автора с сотрудником разведки одной из ближневосточных стран.

“Это не абстракция...” – конфиденциальное интервью автора со старшим помощником короля Абдаллы II.

“Мы думали, что быть с американцами...” – Adam Entous, “Covert CIA Mission to Arm Syrian Rebels Goes Awry”, Wall Street Journal, Jan. 26, 2015.

“Когда прекратятся эти революции?” – интервью автора с должностным лицом, слышавшим разговор.

“...есть границы дозволенного...” – Ibid.

“Я не думал, что меня убьют...” – интервью автора с Робертом Фордом.

“Режим терял контроль...” – Ibid.

“...разведка была очень встревожена...” – интервью автора с Леоном Панеттой; см. также: Leon E. Panetta, *Worthy Fights: A Memoir of Leadership in War and Peace* (New York: Penguin Press, 2014).

...“каждое новое решение казалось хуже предыдущего”. – Hillary Rodham Clinton, *Hard Choices* (New York: Simon & Schuster, 2014).

“Мы вне игры...” – интервью автора с Леоном Панеттой.

“Он хотел обдумать варианты...” – интервью автора с Бенджамином Роудсом.

“Откровенно говоря, я думаю...” – Ibid.

“Но все эти шаги были полумерами...” – Clinton, *Hard Choices*.

“...мы научились противостоять...” – интервью автора с Леоном Панеттой.

Глава 21

“Вы ведь шииты?” – “Who Is the ISIL Iraqi Terrorist Who Executed the Three Syrian Truckers in Syrian – Iraqi border in 2013?”, Liveleak.com, retrieved March 2015. More at http://www.liveleak.com/view?i=8d1_1398584978#mjwHKBE0jIWYc8Ou.99.

Он рассказал, как Заркави...: – Abu Bakr al-Baghdadi, “Give Good News to the Believers: The Declaration of the Islamic State in Iraq and Al-Sham”, audio speech, World Press, April 2013, retrieved from <https://azelin.files.wordpress.com/2013/04/shaykh-abc5ab-bakrale1b8a5ussaync4ab-al-qurayshc4ab-al-baghd481dc4ab-e2809cannouncement-of-the-islamic-state-of-iraq-and-al-shc481m22-en.pdf>.

“Знамя “Ан-Нусры” останется прежним...”* – “Jabhat Al-Nusra Leader Abu Muhammad al-Joulani Pledges Allegiance to Al-Zawahiri”, audio message, posted April 10, 2013; translation provided by the Middle East Media Research Institute.

“Мусульманину запрещено проливать кровь мусульманина” – “Al-Qaeda Chief Ayman al-Zawahiri’s Letter to the Leaders of the Two Jihadi Groups”, April 2014, https://archive.org/stream/710588-translation-of-aymanal-zawahirisletter/710588-translation-of-ayman-al-zawahiris-letter_djvu.txt.

“Я предпочитаю повеления Аллаха...” – Middle East Media Research Institute, Jihad and Terrorism Threat Monitor (blog), June 16, 2013.

...освободил более пятисот заключенных... – Mushreq Abbas, “Al-Qaeda Militants Raid Iraq’s Abu Ghraib, Taji Prisons”, Al Monitor, July 2013.

“Это были самые тяжелые дни” – интервью автора с Абу Ибрагимом ар-Раккави; его блог см.: Abu Ibrahim al-Raqqawi, “Raqqa Is Being Slaughtered Silently”, <http://www.raqqa-sl.com/en>; retrieved April 2015.

“Некоторым мальчишкам нет еще и шестнадцати...” – интервью автора с ар-Раккави.

“Как называлась та [видео] игра...” – “British Jihadi Compares Syria War to Call of Duty”, BBC News, June 13, 2014.

“Я представляю здесь Исламское государство”* – интервью автора с Муазом Мустафой.

“Я должен сбивать самолеты пиццей?” – интервью автора с конгрессменом, свидетелем разговора.

“Мы обязаны повлиять на ситуацию...” – Chris Wallace, “Sen. McCain Talks US Action in Syria”, Fox News, May 5, 2013.

...“что-то, что запрещено в цивилизованном мире”. – пресс-конференция президента Барака Обамы в Белом доме 16 мая 2013 г.; <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/05/16/joint-pressconference-president-obama-and-prime-minister-erdogan-turkey>.

“Помогайте активнее...” – интервью автора с Робертом Фордом.

“...поставил под вопрос взгляды Форда...” – Syria Hearing Before the Committee on Foreign Relations, U. S. Senate (Washington, D. C.: Government Printing Office, Oct. 31, 2013).

Глава 22

“В правительстве сейчас воры...” – интервью автора с Зейданом аль-Джабири.

“Это революция племен” – Hamza Mustafa, “There Is a ‘Tribal Revolution’ in Iraq: Anbar Tribal Chief”, Asharq Al-Awsat, June 17, 2014.

“...они его ограбили...” – интервью автора с Абдальраззаком ас-Сулейманом.

“В 2014 году ИГИШ, возможно, попытается захватить...”* – Transcript, Lt. Gen. Michael T. Flynn, director, DIA, Statement Before Senate Armed Services Committee, Feb. 11, 2014.

“Это дети Заркави...” – интервью автора с Майклом Флинном.

“На весь мой батальон...” – Ned Parker, Isabel Coles, and Raheem Salman, “Special Report: How Mosul Fell”, Reuters, Oct. 14, 2014.

“Что же до ваших братьев-моджахедов...” – “English Subtitles of Full Sermon by ISIS’s Abu Bakr Al Baghdadi, Caliph of the ‘Islamic State’”, <https://www.youtube.com/watch?v=PxJSm7XwxqA>.

“К сожалению, такой потенциал там был с самого начала” – интервью автора с высокопоставленным иорданцем.

“Это эффект снежного кома...” – Ibid.

Эпилог

“Я старший лейтенант Муаз Сафи Юсуф аль-Касасбе...” – “ISIS Burns Hostage Alive: Raw Video”, Fox News, Feb. 3, 2015.

“Эта антитеррористическая операция...” – President Barack Obama, “Statement by the President on ISIL”, <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/09/10/statement-president-isil-1>.

“Только Господь может карать огнем...” – Woodrow Wilson Center for International Scholars, “Muslims Condemn ISIS Killing of Jordanian Pilot”, The Islamists Are Coming (blog), Feb. 5, 2015.

“Хеннинг работал в гуманитарной организации...” – “Jihadi Ideologue Calls for Freeing British Hostage”, Associated Press, Sept. 20, 2014.

“Я сейчас сосредоточен на заключении сделки...” – “Daesh Releases New Audio Recording of Pilot Negotiation Attempts”, Al-Bawaba News, Feb. 18, 2015.

“Они лгали мне...” – интервью Макдиси иорданскому телеканалу Roya TV, 6 февраля 2015; translation provided by Middle East Media Research Institute at http://www.memri.org/clip_transcript/en/4767.htm.

“Радикализация многих деятелей...” – Rami Khouri, “ISIS Is About the Arab Past, Not the Future”, lecture, May 11, 2015, at Woodrow Wilson

Center for International Scholars.

“Мы ведем эту войну...” – Suleiman al-Khalidi, “Jordanian King Vows ‘Relentless’ War on Islamic State’s Own Ground”, Reuters, Feb. 4, 2015.

“Ислам не имеет ничего общего с ИГИЛ”* – Ranya Kadri and Anne Barnard, “Jordan, Unabashed, Announces Latest Bombing Raid on ISIS Targets”, New York Times, Feb. 5, 2015.

“Это только начало...” – William Booth and Taylor Luck, “Jordan Rages Against Islamic State As Military Vows to Expand Airstrikes”, Washington Post, Feb. 6, 2015.

18+

ДЖОБИ УОРРИК

ЧЕРНЫЕ ФЛАГИ

CoRpus

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

ЛАУРЕАТ ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ 2016 ГОДА

Сноски

1

Здесь и далее звездочкой отмечены названия организаций, запрещенных на территории Российской Федерации (*прим. ред.*).

[Вернуться](#)

2

“Веление долга” (*англ.*).

[Вернуться](#)

3

“Исцеляя грудь верующего” (*англ.*).

[Вернуться](#)

Your gateway to knowledge and culture. Accessible for everyone.

z-library.sk

z-lib.gs

z-lib.fm

go-to-library.sk

[Official Telegram channel](#)

[Z-Access](#)

<https://wikipedia.org/wiki/Z-Library>